

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

№ 2 (36), 2014

Общественная ассоциация
«Русь»

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2014, № 2 (36)

Кишинев

Общественная ассоциация

«Русь»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

главный редактор

кандидат исторических наук С. СУЛЯК (Молдавия)

кандидат исторических наук Н. БАБИЛУНГА (Молдавия, Приднестровье)

доктор исторических наук М. ГУБОГЛО (Россия)

кандидат исторических наук Ю. ДАНИЛЕЦ (Украина)

доктор исторических наук В. ЗИНОВЬЕВ (Россия)

кандидат филологических наук Д. КАТУНИН (Россия)

доктор исторических наук А. МАЙОРОВ (Россия)

кандидат исторических наук В. МЕРКУЛОВ (Россия)

доктор исторических наук Н. РУССЕВ (Молдавия)

кандидат исторических наук В. СОДОЛЬ (Молдавия, Приднестровье)

кандидат исторических наук Н. ТЕЛЬНОВ (Молдавия)

доктор исторических наук А. ЧЕРКАСОВ (Россия)

доктор исторических наук М. ЧУЧКО (Украина)

Р. ШАПКА (Канада)

кандидат исторических наук П. ШОРНИКОВ (Молдавия)

доктор лингвистических наук М. ФЕЙСА (Сербия)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А.
Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59, факс: (+373 22) 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Editor's address: Association «Rus'». M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A, Kishinev, MD 2001, Moldova.
Tel.: (+373 22) 28-75-59, fax (+373 22) 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2005-2014

© Association «Rus'», 2005-2014

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

**Международная научно-практическая конференция
«История Карпато-Днестровских земель с древнейших времен
до начала XXI в. (К 750-летию со дня смерти Даниила Галицкого)» /
An International Scholarly-Practical Conference "History of the
Carpatho-Dniestrovian Lands from Ancient Times to the Beginning of
the XXI C. (On the 750th Anniversary of the Death of Daniil of Galich)"**

Программа конференции 6
The conference program

Сергей ЛЫСЕНКО, Сергей РАЗУМОВ
К вопросу о контактах населения Нижнего и Среднего Поднестро-
вья в первой половине II тыс. до н.э. 8
Sergey Lysenko, Sergey Razumov
To the question about contacts of population of the Lower and Middle
Dniester littoral in the first half of the II millennium BC

Николай ТЕЛЬНОВ, Виталий СИНИКА
Скифские памятники в Степном Поднестровье: история изучения
и современное состояние источниковой базы 29
Nicolai Telnov, Vitalij Sinika
Scythian monuments in the Steppe Dniester littoral: history of the
study and the current state of the source base

Сергей СУЛЯК
«Яже суть толковины»: к проблеме хозяйственного уклада древне-
русского населения Карпато-Днестровских земель 55
Sergey Sulyak
"Who are tolvoviny": in regard to the Economic Structure of the Old
Russian Population in the Carpatho-Dniestrovian Lands

Максим ЖИХ
Славяне и готы на Волыни и в Верхнем Поднестровье. Проблема
локализации земли Oium и «племени» (gens) Spali 76
Maksim Zhikh
Slavs and Gotha on Volhyn and in the Top Dniester. Problem of
localization of the earth of Oium and "tribe" (gens) of Spali

Всеволод МЕРКУЛОВ
Русская Правда и истоки древнерусского права 104
Vsevolod Merkulov
The Russian Pravda and sources of the Old Russian right

Михаил ЮРАСОВ
«Татищевское известие» о попытке вмешательства венгров в борь-
бу за галицкое наследство после смерти Владимира Ярославича ... 117
Mikhail Iurasov
"News of Tatishchev" about the attempt of intervention of the
Hungarians in the struggle for the Galician the inheritance after the
dearth of Vladimir Yaroslavich

<i>Дариуш ДОМБРОВСКИ</i> Учредительная деятельность Даниила Романовича в свете Галицко-Волынской летописи	126
<i>Dariusz Dąbrowski</i> Danylo Romanovich's foundation activity in the light of Halych-Volhynian Chronicle	
<i>Alexander MAIOROV</i> The Imperial purple of the Galician-Volynian Princes	147
<i>Александр Майоров</i> Царский пурпур Даниила Галицкого	
<i>Сергей ЧЕБАНЕНКО</i> Казнь князей Игоревичей в Галиче: правовой и ритуальный аспекты события	162
<i>Sergey Chebanenko</i> The execution of Igorevichi princes in Galich: juridical and rite aspects of the event	
<i>Mikhaïlo FEJSA</i> The Ruthenian journey from the Carpathian mountains to the Panonian Plain	182
<i>Михайло Фейса</i> Русинское переселение с Карпат на Паннонскую равнину	
<i>Георгий КОЖОЛЯНКО</i> Славянские топонимы Буковины	192
<i>Georgii Kojolianko</i> Slavic toponyms of Bukovina	
<i>Кристина МИНКОВА</i> Международная торговля на территории Молдавии в XIV–XVI вв.: политические аспекты	201
<i>Kristina Minkova</i> International trade on the territory of Moldavia in XIVth–XVIth Centuries: political dimension	
<i>Александр КОЖОЛЯНКО</i> Календарная обрядность в Молдове и Буковине	217
<i>Alexander Kojolianko</i> The Calendar rituals in Moldova and Bukovina	
<i>Петр БОЙКО</i> Крепость Хотин – основа консолидации власти в начале правления Штефана Великого	228
<i>Petr Boiko</i> The Khotin Fortress - the basis of the consolidation of power in the beginning of the rule of Stefan the Great	

- Дмитрий ЧУЧКО*
Взаимоотношения государства и церкви в Молдавском княжестве
в период правления фанариотов 239
Dmytro Chuchko
The relationship of the state and church in the Moldavian principality
in the period of board fanariotes
- Юрий ДАНИЛЕЦ*
Антирусинский судебный процесс 1913-1914 гг. в Мараморош-Сиготе
на страницах львовских газет «Дело» и «Дело и Новое слово» ... 249
Yurij Danilets
Newspapers «Delo» and «Delo and New Slovo» as a source of history
trial in Marmarosh-Sigot years 1913-1914
- Валерий ВЛАСЕНКО*
Вторая волна межвоенной украинской политической эмиграции в
Румынии (зима-весна 1920 г.) 270
Valery Vlasenko
The second wave ukrainian interwar political emigration to Romania
(winter-spring 1920)
- Виталий ИЧЕНКО*
Роль общественных организаций в деле становления народного
образования Молдавской АССР (1924-1927 гг.) 285
Vitaliy Ichenko
Role of the social organizations in the formation of public education
of the Moldavian ASSR (1924-1927)
- Дмитрий КАТУНИН*
Русинский и словацкий языки в современном законодательстве
Хорватии 296
Dmitry Katunin
The Ruthenian and Slovak languages in the current laws of Croatia

НЕКРОЛОГ / OBITUARY

- †Александр Дмитриевич Огуй 312
†Aleksandr Oguy
- Правила оформления статей 314
Formatting rules

**Международная научно-практическая конференция
«История Карпато-Днестровских земель с древнейших времен до начала XXI в.
(К 750-летию со дня смерти Даниила Галицкого)».**

20 мая 2014 г.

**Российский центр науки и культуры в Республике Молдова,
г. Кишинев, ул. В. Александри, д. 141/1, конференц-зал, 4 эт.**

Организаторы: Российский центр науки и культуры в Республике Молдова, международный исторический журнал «Русин», кафедра отечественной истории Приднестровского государственного университета, НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета, кафедра истории и общественных дисциплин Тараклийского государственного университета, Общественная ассоциация «Русь».

К вопросу о контактах населения Нижнего и Среднего Поднестровья в первой половине II тыс. до н.э.

Лысенко Сергей Дмитриевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины;

Разумов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины.

Скифские памятники в Степном Поднестровье: история изучения и современное состояние источниковой базы.

Тельнов Николай Петрович, кандидат исторических наук, заведующий отделом античной и средневековой археологии Института культурного наследия АН Молдовы;

Синика Виталий Степанович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

«Яже суть толковины»: к проблеме хозяйственного уклада древнерусского населения Карпато-Днестровских земель.

Суляк Сергей Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент, главный редактор международного исторического журнала «Русин», председатель Общественной ассоциации «Русь».

Славяне и готы на Волыни и в Верхнем Поднестровье. Проблема локализации земли Oium и «племени» (gens) Spali.

Жих Максим Иванович, аспирант кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

«Татищевское известие» о попытках вмешательства венгров в борьбу за галицкое наследство после смерти Владимира Ярославича.

Юрасов Михаил Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества им. И. Глазунова.

Русская Правда и истоки древнерусского права.

Меркулов Всеволод Игоревич, кандидат исторических наук, Российско-немецкий исторический семинар.

Учредительная деятельность князя и короля Даниила Галицкого.

Домбровский Дариуш, доктор исторических наук, профессор Института истории Университета Казимира Великого (г. Быдгощ, Польша).

Царский пурпур Даниила Галицкого.

Майоров Александр Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

The ruthenian journey from the Carpathian mountains to the Panonian plain.

Фейса Михайло, доктор лингвистических наук, профессор отделения русинистики философского факультета университета Нового Сада (Сербия).

Убийство князей Игоревичей в Галиче: правовой и ритуальный аспекты события.

Чебаненко Сергей Борисович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Русины - составляющий компонент молдавской общности.

Стати Василий Николаевич, доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры молдавской филологии Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Славянские топонимы Буковины.

Кожолянюк Георгий Константинович, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича.

Векторы истории Карпато-Днестровских земель в свидетельствах середины XIV в.

Руссов Николай Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и общественных дисциплин Тараклийского государственного университета им. Г. Цамблака.

Русинский язык в законодательстве стран бывшей Югославии.

Катунин Дмитрий Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

Международная торговля на территории Молдавии в XIV–XVI вв.: политические аспекты.

Минкова Кристина Владимировна, кандидат исторических наук, докторант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Календарная обрядность в Молдове и на Буковине.

Кожолянюк Александр Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича.

Крепость Хотин – основа консолидации власти в начале правления Штефана Великого.

Бойко Петр Артемьевич, кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки и образования Республики Молдова.

Антирусинский судебный процесс 1913-1914 гг. в Мараморош-Сиготе на страницах львовских газет «Дело» и «Дело и Новое слово».

Данилец Юрий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины государственного высшего учебного заведения «Ужгородский национальный университет».

Взаимоотношения государства и церкви в Молдавском княжестве в период правления фанариотов.

Чучко Дмитрий Константинович, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича.

Вторая волна межвоенной украинской эмиграции в Румынии (зима-весна 1920 г.).

Власенко Валерий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории юридического факультета Сумского государственного университета.

Духовное сопротивление церковной политике Румынии в Бессарабии в 20-е гг. XX в. (по материалам периодической печати).

Содолев Вячеслав Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Роль общественных организаций в деле становления народного образования Молдавской АССР.

Иченко Виталий Владимирович, старший преподаватель кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

УДК 902(282.247.314).010"

DOI: 10.17223/18572685/36/1

К ВОПРОСУ О КОНТАКТАХ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II тыс. до н.э.

С.Д. Лысенко¹, С.Н. Разумов²

Институт археологии Национальной академии наук Украины

Україна, 04210, г. Киев, проспект Героев Сталинграда

e-mail: suraganga@yandex.ru

¹SPIN-код: 7497-3654

²SPIN-код: 9298-9994

Авторское резюме

В статье рассмотрены малоизвестные и недавно исследованные погребальные комплексы из Нижнего и Среднего Поднестровья, относимые к культурному кругу Бабино и содержащие артефакты, находящие аналогии в эпишнуровых культурах и тшинецком культурном круге. Приведённые комплексы демонстрируют контакты культурного круга Бабино с носителями эпишнуровых и комаровской культур Среднего и Верхнего Поднестровья.

Ключевые слова: культурный круг Бабино, эпишнуровые культуры, тшинецкий культурный круг, Днепро-Прутская бабинская культура, комаровская культура, керамика.

To the question about contacts of population of the Lower and Middle Dniester littoral in the first half of the II millennium BC

S.D. Lysenko, S.N. Razumov

Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine

12, av. Geroyiv Stalingrada, Kyiv, 04210, Ukraine

e-mail: suraganga@yandex.ru

Abstract

The article with the little known and recently studied funeral complexes of the Lower and Middle Dniester littoral, referred to Babino cultural circle and containing artefacts, which analogies can be found in epicorded cultures and in Tshinets cultural circle. These complexes show the contacts of Babino cultural circle with carriers of epicorded and Komarov culture of Middle and Upper Dniester littoral.

Keywords: Babino cultural circle, epicorded cultures, Tshinets cultural circle, Dnieper-Prut Babino culture, Komarov culture, ceramic.

При изучении дописьменных периодов истории человечества большое значение имеет выяснение культурных процессов, происходивших при смене климатических эпох на стыке различных ландшафтных зон.

На рубеже III-II тыс. до н.э. исследователи палеоклимата отмечают максимум суббореальной аридизации, которая в середине II тыс. до н.э. сменяется климатическим оптимумом (увлажнение, уменьшение континентальности климата)¹. Европейская степь и южная часть лесостепи от бассейнов Нижнего Дуная и Днестра на западе до Дона и Волги на востоке были заняты в начале II тыс. до н.э. культурным кругом Бабино (культура многоваликовой керамики)². Бассейн Верхнего и Среднего Днестра и Волынь в это время занимают эпিশнуровые культуры (поздние этапы подкарпатской и городокско-здолбицкой культур, стжижовская культура), на Среднем и Верхнем Днепре продолжается развитие среднеднепровской культуры (поздний этап)³.

Во второй четверти II тыс. до н.э. на бабинском субстрате в междуречье Нижнего Днестра и Днепра происходит формирование культурного круга Сабатиновка-Ноа-Кослоджень⁴. Круг культур шнуровой керамики стал общей подосновой, на которой формировались культуры тшинецкого культурного круга (ТКК) эпохи поздней бронзы⁵. В правобережной лесостепи от Карпат до Днепра происходит становление комаровской культуры ТКК⁶.

Именно территория Правобережной лесостепи стала местом взаимовлияния поздних шнуровых и эпিশнуровых культур и культурного круга Бабино, а позднее – ТКК и Сабатиновка-Ноа-Кослоджень.

Исследователи неоднократно отмечали сложности культурной атрибуции погребальных комплексов первой половины II тыс. до н.э. Правобережной степи и лесостепи, связанные с невозможностью чёткого разграничения бабинских погребений рубежа средней-поздней бронзы от собственно позднебронзовых комплексов (сабатиновских, комаровских). В связи со сходством основных черт погребального обряда (локализация в насыпи, поза и ориентация погребённых) основным дифференцирующим признаком обычно служит погребальный инвентарь⁷. Для иллюстрации контактов населения Нижнего и Среднего Поднепровья на рубеже средней-поздней и в начале поздней бронзы особое значение приобретают погребальные комплексы, традиционно относимые к культурному кругу Бабино, но содержащие инородную керамику и другие арте-

факты, связанные своим происхождением с эпишнуровыми культурами и тшинецким культурным кругом.

Сосуды комаровской культуры были отмечены в ряде бабинских (сабатиновских?) погребений северо-западного Причерноморья: Баштановка 5/14, Нерушай 9/34, Гура-Быкулуй 8/2⁸. Сосуды из ещё ряда погребений рассматриваются как импорты культуры Монтеору. Среди последних - двуручные чаши (Прутень; Борисовка 6/2⁹), чаша с небольшой ручкой-ушком (Екатериновка 2/6¹⁰), слабопрофилированный округлодонный кубок (Огородное III, 1/7¹¹). Следует отметить, что двуручные чаши широко распространены в ряде групп комаровской культуры ТКК, в частности в галицийской (комаровской) и Костиша группах (см. ниже). Чаша с ручкой-ушком из Екатериновки находит практически полную аналогию в сосуде из кургана IV (1937) комаровского могильника Буковна на Верхнем Днестре¹².

В настоящей публикации рассмотрены малоизвестные и недавно исследованные погребальные комплексы, относимые к культурному кругу Бабино и содержавшие артефакты, находящие аналогии в эпишнуровых культурах и тшинецком культурном круге.

Отдельно следует отметить погребение из **Оланешты II**, 1/22 (Штефан-Водский район Республики Молдова). Приведём далее описание погребения и сосуда из монографии Е.В. Ярового. «Погребение 22 (рис. 1:1). Обнаружено в юго-западном секторе кургана, на глубине 1,6 м от нуля и 0,75 м от поверхности кургана. Костяк взрослого человека лежал скорченно на левом боку головой на юго-восток, лицевой частью на юго-юго-запад. Обе руки резко согнуты, прижаты к грудной клетке. Кисти направлены к черепу, касаясь одна другой, лежали под прямым углом к лучевым костям. Ноги резко согнуты. Костяк равномерно окрашен красной охрой.

У грудной клетки, между бедренными костями и локтями погребённого, стоял лепной сосуд биконической формы с плавно выделенным ребром, суженным горлом и небольшим отогнутым венчиком (рис. 1:2). Дно выделено закраиной. Боковая грань и горло сосуда украшены небрежно нанесены резным орнаментом, состоящим из двух горизонтальных линий, заполненных круглыми вдавлениями. С внешних сторон линии выделены рядами наклонных и вертикальных насечек. С одной стороны на верхней части тулова имеются наклонные резные линии, как бы соединяющие две горизонтальные полосы орнамента. Внешняя и внутренняя поверхности светло-коричневого цвета с серыми и чёрными пятнами обжига. Черепок толстостенный, плотный, в тесте имеются примеси крупного шамота, дресвы и растительности. Высота сосуда – 13,5 см, диаметр венчика – 10,5 см, наибольший диаметр тулова – 12,5 см, диаметр

дна – 7,5 см»¹³. Погребение отнесено к культурному кругу Бабино (культура многоваликовой керамики). В.А. Дергачёв считает, что по форме сосуд из Оланешт типичен для культуры Монтеору, но «его орнамент выполнен явно в комаровском стиле (полоски резных линий, сочетающихся с насечками и округлыми наколами). Не считая некоторых привозных находок, он является пока что единственным свидетельством, отражающим взаимодействие носителей культуры Комарово и культуры многоваликовой керамики степного Причерноморья»¹⁴.

Следует отметить, что форма сосуда из Оланешт достаточно характерна и для ТКК. Округлобокие сосуды с небольшим отогнутым венчиком найдены, например, на сосницких поселениях Ходосовка-Диброва¹⁵, Романков-3¹⁶ на Киевщине. Сосуды практически трёхчастного профиля с плавно выделенным ребром зафиксированы на эпонимном Комаровском могильнике¹⁷. Нехарактерным для керамики тшинцево-комаровского типа является только днище с выраженными закраинами (в отличие от просто обжатых днищ тшинцевских сосудов), в чём прослеживается непосредственное влияние местной керамической традиции.

Появление, пусть и единичное, керамики ТКК в южной части степного Приднестровья представляется неслучайным, продолжающим направление взаимосвязей между Нижним и Средним Поднестровьем, возникших ранее. Свидетельством этих контактов являются погребения конца среднего - начала позднего бронзового века 2 и 13 кургана 1 курганной группы Сад, исследованные совместной приднестровско-украинской экспедицией в 2013 г. у с. Глиное Слободзейского района Приднестровской Молдавской Республики.

Погребение 2 расположено в 16 м на юг и в 6 м на запад от центра кургана. Яма неправильной подпрямоугольной формы, размерами 1,45 x 0,85 м, глубина 1 м от R₀. На дне находился костяк взрослого (женщина? (антропологические определения магистра С. Лукашик)) скор-

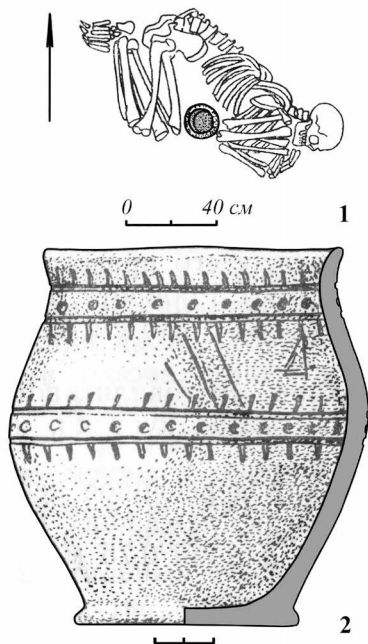

Рис. 1.

ченно на правом боку, головой на северо-запад (рис. 2: 1). Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, кисть на правом запястье. Возле правого локтя стоял лепной кубок. Следов подстилки и перекрытия не зафиксировано.

Кубок цилиндрический с петельчатой ручкой (рис. 2:2). Край венчика слегка утолщён наружу, закруглён. Днище слегка вогнутое, изнутри – выпуклое. Ручка петельчатая, ленточная; верхнее основание прикреплено на уровне среза венчика, нижнее – несколько выше днища. Тесто с примесью слюдяного песка. Цвет поверхностей пятнами чёрный, серый. В изломе – чёрный. Поверхность ангобирована (?), подлощена. Диаметр венчика – 75 (по ручке) x 72,5 мм. Диаметр под венчиком (на уровне 1-й сверху орнаментальной полосы) – 68 мм. Диаметр

корпуса (на уровне 3-й сверху орнаментальной полосы) – 65 мм. Диаметр днища – 65 мм. Ширина сосуда вместе с ручкой – 83 мм. Высота сосуда – 58 x 56,5-54 (у ручки) мм. Высота до 1-й сверху орнаментальной полосы – 46 мм. Толщина стенок – 4 мм. Толщина венчика – 5-7 мм. Толщина днища – 5 мм у стенок, 5,5 мм в центре. Высота ручки – 47 мм. Ширина ручки – 19 мм. Толщина ручки – 6,5-7,5 мм. Внутренний диаметр петли ручки – 18 x 10 мм. Сосуд орнаментирован по всей боковой поверхности семью сдвоенными горизонтальными отпечатками верёвочки. Общая ширина орнаментального фриза 42 мм. Справа от ручки верёвочка изгибается на 180°, образуя петельку. 1-й, 2-й и

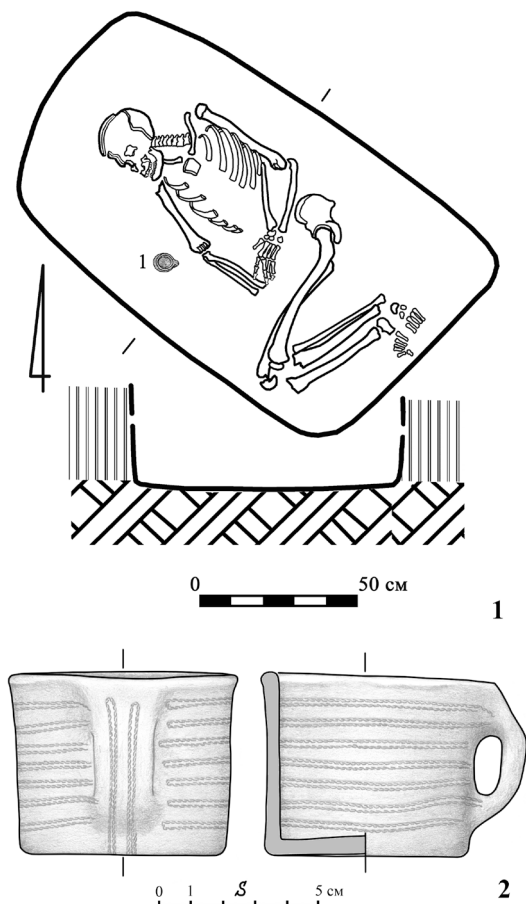

Рис. 2.

6-й сверху отпечатки шнура слева заходят на боковую поверхность оснований ручки. Ручка орнаментирована сверху вниз двумя сдвоенными отпечатками верёвочки, каждый из которых образует сверху петельку. Правый отпечаток в нижней части строенный.

Основной ареал распространения цилиндрических кубков с ручкой связан с подольской группой подкарпатской культуры шнуровой керамики (поздний этап)¹⁸. Для подольской группы также характерны цилиндрические кубки с небольшим выступом вместо ручки. Известны цилиндрические кубки с ручкой и в верхнеднестровской группе подкарпатской культуры¹⁹, а также на здолбицком этапе городокско-здолбицкой культуры²⁰. В последние годы несколько таких

кубков были обнаружены на Волини В.О. Самолюком²¹. Дальнейшее развитие цилиндрические кубки (в некоторых случаях с ручкой-выступом) получают в тшинецком культурном круге²². На Малополовецком могильнике киево-черкасской группы комаровской культуры найден цилиндрический кубок из талькового сланца с призматической ручкой²³.

Погребение 13. Расположено в 22 м на юг и в 12 м на восток от центра кургана. Контуры погребального сооружения не прослежены. На глубине 0,48 м от R_0 найден костяк взрослого (мужчи-

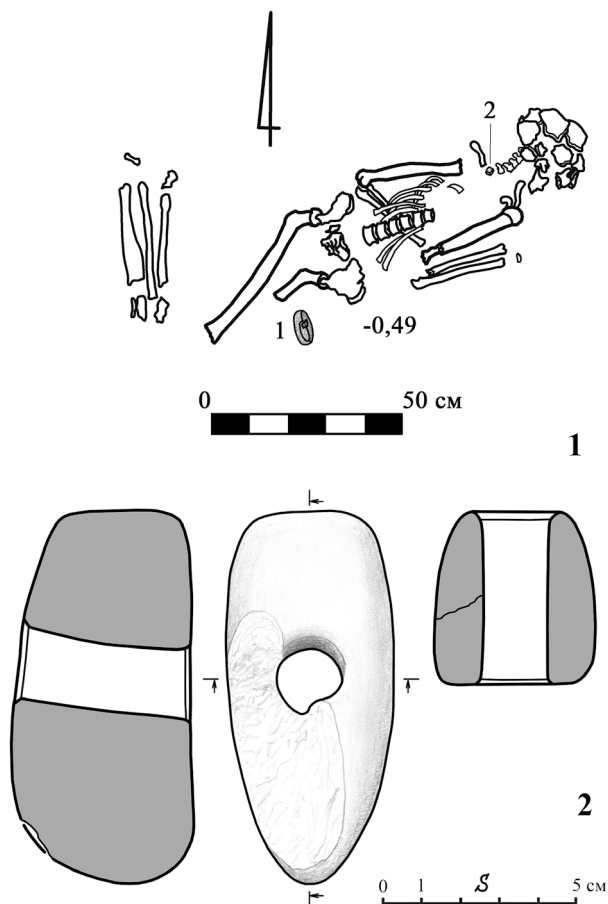

Рис. 3

на?), частично разрушенный пахотой (рис. 3:1). Скелет лежал скорченно на левом боку с разворотом на грудь, головой на ВСВ, правая рука согнута в локте, кисть перед черепом. Кисть левой руки у правого локтя. Южнее таза лежал каменный топор-молот, повреждённый в древности (1). Под костями слабые следы коричневого тлена.

1. Топор каменный сверлёный (рис. 3:2). Удлиненно-подовальный в плане. В поперечном сечении – подтрапециевидный. Отверстие просверлено встречно с двух плоскостей, в виде двух усечённых конусов, сходящихся меньшими основаниями; асимметричное. Часть лезвия сколото в древности. Изготовлен из плотного светло-серого сланца. Длина – 98 мм. Ширина – 43 мм. Толщина лезвийной части – до 47 мм. Размеры обушка – 30 x 28 мм. Ширина лезвия – около 8 мм. Диаметр отверстия снизу – 18 мм, сверху – 17,5 мм, изнутри в центре – 17 мм. Диаметр нижней фаски – 21 мм, верхней – до 23 мм.

Подобные топоры не характерны ни для ямной, ни для катакомбной культур Восточно-европейской степи²⁴. Близкие по форме топоры известны в эписнуровых культурах Восточной Европы, в частности на позднем этапе подольской группы подкарпатской культуры²⁵.

Кроме погребальных комплексов из степного Поднестровья, сохранивших инвентарь, связанный своим происхождением с лесостепными культурами, не меньший интерес представляют погребения из Среднего Поднестровья, отнесенные к культурному кругу Бабино, но содержащие керамику, находящую непосредственные аналогии в керамическом комплексе комаровской культуры.

В 2011 г. совместной украинско-польской Ямпольской археологической экспедицией ИА НАН Украины и Университета им. А. Мицкевича в Познани были проведены археологические исследования кургана 3 около **с. Пороги** Ямпольского района Винницкой области²⁶. Курган был насыпан в эпоху ранней бронзы. В южную полу кургана были впущены три погребения (объекты 5, 8, 22), обряд которых позволяет отнести их к культурному кругу Бабино эпохи поздней бронзы. Одно из этих погребений (объект 5) содержало сосуд с петельчатой ручкой, для комплексов бабинской культуры не характерный.

Погребение 5 (рис. 4: 1) обнаружено в 12,5 м на юг от центра кургана. Погребение совершено в прямоугольной яме (0,7 x 1,5 м), длинной осью яма ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. В заполнении ямы зафиксированы остатки продольных деревянных плах перекрытия (4-5 шт. шириной до 15 см). Глубина ямы – 94-102 см от 0 (центра кургана). Костяк мужчины 25-30 лет (антропологические определения к.и.н. Л.В. Литвиновой) лежал в сильно скорченном положении на левом боку, головой ориентирован на ВЮВ. Кисти рук

перед грудью. Рядом обнаружены фрагменты раздавленного лепного сосуда (1) и кости коня (2). Под костяком зафиксированы остатки подстилки в виде белесого органического тлена.

1. Лепной сосуд – выпуклобокая чаша с ручкой (рис. 4:2). Край венчика слегка отогнут, уплощён под углом около 45° . Шейка высокая, практически цилиндрическая. Днище плоское. Тесто с примесью шамота. Поверхность заглажена. Цвет пятнами чёрный, жёлтый. Высота сосуда 11 см, диаметр венчика 10,5 см, максимальный диаметр корпуса 13 см, диаметр днища 6,8 см, высота шейки с венчиком 2,5 см, высота нижней части сосуда 5 см. Ручка петлевидная, ленточная, овальная в сечении; утрачена в древности. Нижнее основание расположено чуть выше максимального расширения корпуса, верхнее – на несколько мм ниже среза венчика. Высота ручки 4,5 см, ширина в основании 2,2 см, толщина в основании 1 см.

2. Кости коня домашнего – 1 особь, *juv.* (крестец – 6 фрагментов

костей, позвонки – 2 кости) (археозоологические определения к.б.н. Е.Ю. Яниш).

Радиоуглеродная дата погребения, определенная по костям человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории Ki-17440, BP 3200 $\pm$ 90, BC 1610-1550, 1540-1380, 1340-1320, 261690-1250.

Обряд погребения 5 полностью соответствует погребальному обряду культурного круга Бабино в регионе (локализация в южной части насыпи, продольное деревянное

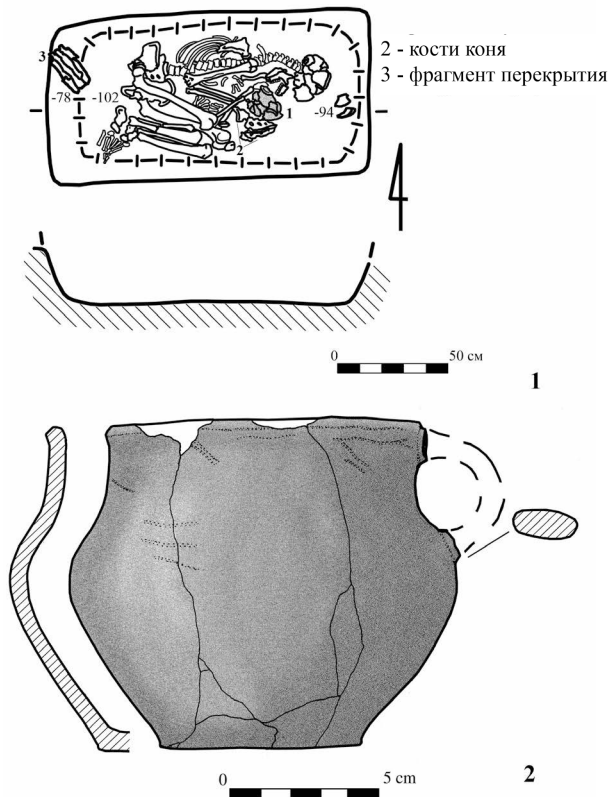

Рис. 4.

перекрытие вытянутой могильной ямы, сильно скорченная поза на левом боку, ориентация в восточном секторе, приношение в виде задней части туши животного). Согласно Р.А.Литвиненко, мясной пищей, в т.ч. в виде крестца животного, сопровождалось практически каждое десятое погребение Днепро-Бугского лесостепного варианта Днепро-Прутской бабинской культуры²⁷.

Ещё один курган, содержащий бабинское погребение с комаровской керамикой, был раскопан Ямпольской археологической экспедицией в 2012 г. у с. **Клембовка** Ямпольского района Винницкой области²⁸. Курган располагался на высоком водоразделе в 0,6 км на запад от автомобильной дороги Ямполь-Винница и входил в состав группы из 5 курганов. На момент исследований высота насыпи достигала 1,2 м, диаметр – 40 м. В кургане исследованы 13 погребений – 3 ямной КИО и 10 эпохи поздней бронзы.

Погребение (объект 11) совершено в яме прямоугольной формы размерами 1,9 x 0,95 м, глубиной – 1,98 м от R₀. В северном углу ямы на глубине 1,94 м зафиксирован фрагмент обгоревшей деревянной плахи длиной до 0,3 м и шириной до 0,1 м. Вероятно, это остатки обгоревшего перекрытия ямы. На дне ямы находился скелет взрослого, который лежал скорченно с разворотом на спину, головой на северо-восток (рис. 5: 1). Правая рука согнута в локте под прямым углом, кисть около левого локтя. Левая рука согнута в локте под острым углом, кисть у левого плеча. Ноги согнуты в коленях под прямым углом. Перед тазом ниже правой кисти обнаружена лепная чаша (1).

1. Чаша с двумя петельчатыми ручками (рис. 5:2). Венчик слегка уплощён, закруглён. Днище плоское. Верхний край ручек уплощён и возвышается над срезом венчика. Сосуд изготовлен из теста с примесью дресвы, песка. Цвет поверхности пятнами серый, бурый. Поверхности ангобированы (?), заглажены. Диаметр венчика – 95 мм, диаметр шейки – 87 x 91 мм, диаметр корпуса – 104 мм, диаметр днища – 55 мм. Высота сосуда (по срез венчика) – 90 мм, высота сосуда вместе с ручками – 100 мм, высота нижней части сосуда – 40 мм. Толщина стенок – 6,5-7 мм, толщина днища – 9 мм. Габариты сосуда с учётом ручек – 154 мм. Высота ручек – 59 мм. Отверстие в ручках – 27 x 20 мм. Толщина ручек в верхней части – 17,5 мм, в центре – 11,5 мм, в нижней части – 9 мм, в месте крепления к стенке – 13 мм; ширина ручек в верхней части – 5 мм, в центре – 14 мм, в нижней части – 22 мм, в месте крепления к стенке – 35 мм.

Остановимся отдельно на сосудах, сопровождавших погребения в Порогах и Клембовке. Как уже было неоднократно отмечено, подобная керамика для культурного круга Бабино не характерна²⁹.

Сосуды с одной и двумя ручками широко распространены в культурах эпохи ранней и средней бронзы Карпато-Дунайского региона³⁰. Характерны они и для единичной культурной группы Среднего Попрутья³¹. С влиянием культур Карпато-Подунавья на КМК (Бабино) многие исследователи связывают появление подобной керамики в Днепро-Прутском междуречье³².

Сосуды из погребений Днестро-Прутского междуречья чашевидной и кубковидной формы с одной или двумя ручками были выделены Е.Н. Саввой в тип XIII. Всего зафиксировано 16 сосудов, преимущественно с одной ручкой. Кроме того, ещё несколько сосудов с ручками по признаку наличия каннелюр были отнесены к типу XIV. Все сосуды характеризуются тщательностью изготовления, отполированностью поверхности и высоким качеством обжига. Верхний конец ручек на большинстве сосудов крепится к срезу венчика, и петля ручки поднимается выше среза³³. Е.Н. Савва оспаривает мнение исследователей, относящих погребения с одно- и двуручными чашами к КМК (Бабино), и относит их к сабастиновской культуре³⁴.

Я.П. Гершкович выделяет выпуклобокие сосуды с ручкой сабастиновской культуры в группу чашевидных черпаков (ЧВ2)³⁵. Появление одноручных и

двуручных черпаков и ваз уже на самых ранних сабастиновских памятниках он связывает с последствиями контактов КМК (Бабино) с культурами Тей и Монтеору Нижнего Подунавья³⁶. В незначительном количестве фрагменты сосудов с ручками найдены на сабастиновских поселениях Северо-Западного Причерноморья³⁷ и степного Поднепровья³⁸. Аналогичные сабастиновским одноручные чаши из

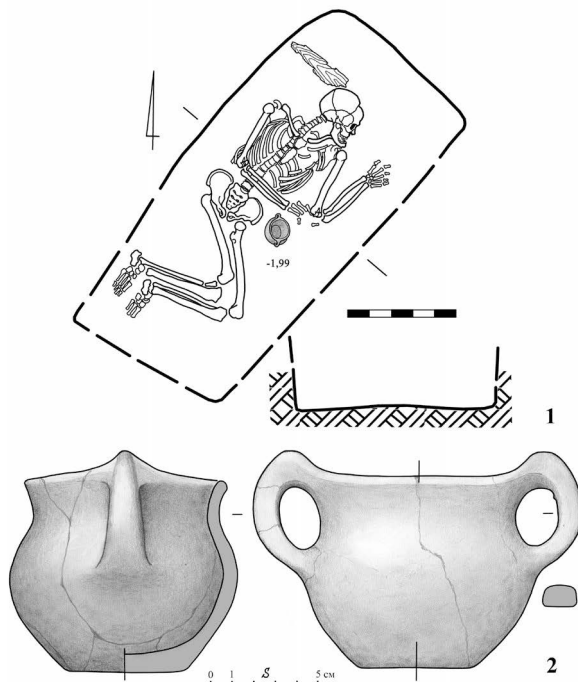

Рис. 5.

Ноуа (выделены Е.Н. Саввой в тип II с четырьмя вариантами в зависимости от формы ручек)³⁹ и Кослоджень⁴⁰.

Широкое распространение чаши-черпаки с одной ручкой получили в галицийской (комаровской) и волинской группах комаровской культуры ТКК на Прикарпатье и Волини (Буковна⁴¹, Волиця⁴², Звенигород⁴³, Комаров⁴⁴, Окняны⁴⁵, Стопчатов⁴⁶, Тенетники⁴⁷; Верхов⁴⁸, Войцеховка⁴⁹, Дитиничи⁵⁰, Дорогоща⁵¹, Иванье⁵², Кустовцы⁵³, Ровенская область⁵⁴ и др.), а также в группе Костиша на Буковине и в румынской Молдове (Браешты⁵⁵, Костиша⁵⁶, Власинешты⁵⁷, Паулены⁵⁸). Известны они и в погребениях комаровской культуры на севере Молдавии (Корпач)⁵⁹. В качестве комаровских импортов в бабинскую среду Пруто-Днестровского междуречья рассматривается упомянутая выше чаша с ручкой из Баштановки 5/14⁶⁰. Чаши-черпаки зафиксированы и на поселениях комаровской культуры (Магала)⁶¹. У большинства комаровских чаш-черпаков изгиб ручки поднимается над венчиком, но ручка некоторых сосудов, в т.ч. и из Корпача, располагалась наподобие пороховской. Для нашего исследования представляет интерес наличие чаш-черпаков в ранних комплексах комаровской культуры, относимых И.К. Свешниковым к переходному этапу от культур шнуровой керамики к комаровской. В частности, черпак с небольшой ручкой, не возвышающейся над срезом венчика, обнаружен в кургане III в Красове (Верхнее Поднестровье)⁶².

И.К. Свешников на основании орнамента разделяет черпаки комаровской культуры на два типа. К первому он относит неорнаментированные экземпляры или украшенные нарезными линиями; ко второму – черпаки, орнаментированные круглыми выпуклостями и каннелюрами. Если второй тип, согласно Свешникову, мог появиться в комаровской культуре путём заимствований с юга, то первому он находит многочисленные аналогии в культурах шнуровой керамики Прикарпатья, Подолии, Волини, Южной Польши, Словакии⁶³. В частности, они известны на поздних этапах подкарпатской культуры, в городоцко-здолбицкой и стжижовской культурах⁶⁴, в межановицкой культуре⁶⁵, на памятниках почапского типа⁶⁶ и культуры Хлопице-Веселе⁶⁷.

Чаши с двумя ручками достаточно широко распространены в культурах Карпато-Дунайского бассейна эпохи поздней бронзы. Находки их в Северо-Западном Причерноморье обычно связывают с культурным кругом Бабино и рассматривают как импорты из ареала культуры Монтеорю⁶⁸. Известны они в культуре Ноа⁶⁹. В ареале сабаатиновской культуры найдена золотая двуручная чаша (Крыжоволин)⁷⁰, изготовленная в стиле золотых сосудов из шахтовых гробниц в Микенах.

Двуручные чаши широко распространены в галицийской (комаровской), волинской, Костиша группах комаровской культуры ТКК. Сосуды этого типа найдены в Белом Потоке⁷¹, Буковне⁷², Городнице⁷³, Жежаве⁷⁴, Звенигороде⁷⁵, Комарове⁷⁶, Кордышеве⁷⁷, Окнянах⁷⁸; Войцеховке⁷⁹, Дорогощ⁸⁰, Кустовцах⁸¹, Браештах⁸², Брашове⁸³, Костиша⁸⁴, Красналеуцах⁸⁵.

Курганы у сёл Пороги и Клембовка находятся в южной части ареала комаровской культуры ТКК⁸⁶. Они почти попадают в ареал раннего этапа культуры Комарово-Костиша (по В.А. Дергачёву)⁸⁷. Таким образом, в сочетании с особенностями погребального обряда чаши с одной и двумя ручками, найденные в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы под Ямполем, на наш взгляд, отображают наложение культурных кругов Бабино (Днепро-Прутская бабинская культура) и тшинецкого (комаровская культура). В свою очередь, комплексы начала позднего бронзового века с территории Нижнего Поднестровья (Оланешты II 1/22, Глиное-Сад 1/2, 1/13) ярко демонстрируют контакты культурного круга Бабино с носителями эпишнуровых и комаровской культур Среднего и Верхнего Поднестровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Герасименко Н.П.* Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеографического изучения археологических памятников) // Археологический альманах. № 6. Донецк, 1997. С. 55-56.

2. *Березанская С.С.* Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины / Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Киев: Наукова думка, 1986. С. 5-43; *Дергачев В.А.* Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Анализ и характеристика культурных групп). Кишинев: Штиинца, 1986. С. 122-145; *Савва Е.Н.* Культура многоваликовой керамики Пруто-Днестровского междуречья. Кишинев, 1992; *Литвиненко Р.А.* Днепро-Донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 5. Луганськ. Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2006. С. 157-187; *Его же.* Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток). Автореф. доктора історичних наук. Київ, 2009.

3. *Свєшніков І.К.* Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III – на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ: Наукова думка, 1974; *Артеменко І.И.* Культуры шнуровой керамики: среднеднепровская, подкарпатская, городокско-здолбицкая, стжижовская // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 35-51.

4. *Шарафутдинова И.Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наукова думка, 1982; *Черняков И.Т.* Северо-Западное Причерноморье

рье во второй половине II тысячелетия до н.э. Киев: Наукова думка, 1985; Sava E. Die Rolle der «östlichen» und «westlichen» Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka (Nach den Materialien des Prut-Dnestr-Zwischenstromgebiets) // Das Karpatenbeken und die Osteuropäische steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000-500 v. chr.) / Herausgegeben von B.Hänsel und J.Machnik. München, 1998. S. 267-312; Sava E. Die Bestatungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestatungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten / Prähistorische archäologie in Südosteuropa. Band 19. Kiel, 2002; Gerskovic Ja. Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azovschen Meeres // Archeologie in Eurazien. Band 7. Rachden/Westf, 1999; Крушельницька Л.І. Культура Ноа на землях України. Львів, 2006.

5. Березанская С.С. Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев: Наукова думка, 1972. С.112; Бондарь Н.Н. Поселения Среднего Поднепровья эпохи ранней бронзы. Киев: Вища школа, 1974. С. 173-174. Свешников И.К. Средний период бронзового века Прикарпатья и Волыни. Тшинецко-комаровская культура // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо) / Отв. ред. А.П. Черныш. Киев: Наукова думка, 1990. С. 78.

6. Лисенко С.Д. Тшинецьке культурне коло // Енциклопедія історії України: у 10 томах / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. Том 10: Т–Я. Київ: Наукова думка, 2013. С.188-190.

7. Дергачёв В.А. Указ. соч. С. 123-125; Лисенко С.Д. Середнє Подніпров'я за доби пізньої бронзи. Автореф. канд. іст. наук. Київ, 2001. С. 9.

8. Дергачёв В.А. Указ. соч. С.136, рис. 35:1-3.

9. Там же. Рис. 35:5, 8.

10. Там же. Рис. 35:7.

11. Там же. Рис. 35:6.

12. Swiesznikow I.K. Kultura komarowska // Archeologia Polski, 1967. Tabl. VIII: 6.

13. Яровой Е.В. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднепровья. Кишинёв: Штиинца, 1990. С. 148, рис. 64: 4, 5.

14. Дергачёв В.А. Указ. соч. С.143.

15. Лисенко С.Д. Материалы тшинецкого культурного круга с поселения Ходосовка-Диброва (из исследований 1988-1989 гг.) // Археологія і давня історія України. Вип. 3. Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Матеріали та дослідження. Київ: Інститут археології НАНУ, 2010. Рис. 5:2.

16. Лисенко С.Д., Переверзев С.В. Материалы эпохи бронзы у с. Романков (по материалам исследований 2009 г.) // Археологічні дослідження на Київщині. Матеріали І обласної наукової конференції 24-25 жовтня 2011 року / Відп. ред. М.Ю. Відейко. Трипілля, 2012. Рис. 6:3.

17. Swiesznikow I.K. 1967. Op. cit. Tabl. I: 10; V: 2.

18. Свешников И.К. 1974. Вказ. праця. С.61-63. Рис. 15:4, 15; 16: 14; 17: 21.

19. Там же. С. 47.

20. Там же. С. 103, рис. 36:1, 2.
21. *Самолук В.О.* Нові поховальні пам'ятки доби середньої бронзи на Волині // Археологія і давня історія України. Вип.2. Археологія Правобережної України України. Матеріали та дослідження. Київ: Інститут археології НАНУ, 2010. С. 96-106.
22. *Swieszniow I.K.* 1967. Op. cit. Tabl. I:13-14; III: 9, 12; VII: 10; VIII: 4; XVI: 14-18; *Лысенко С.Д.* Тшинецкий культурный круг и проблемы перехода к раннему железному веку в Северной Украине // Российский археологический ежегодник, № 2, 2012 / Под ред. д-ра ист. наук Л. Вишняцкого. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2012. С. 263-275, рис.4:1, 5.
23. *Лысенко С.Д.* К вопросу о памятниках с керамикой малополовецкого типа // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК) / Отв. ред. Г.Н. Тощев. Запорожье, 1998. Рис. 2:3.
24. *Клочко В.І.* Озброєння та військова справа давнього населення України (5000-900 рр. до Р.Х). Київ: АртЕк, 2006.
25. *Свєшніков І.К.* 1974. Вказ. праця. Рис. 15: 12.
26. *Разумов С.М., Косько А., Карнаух Є.Г.* Роботи спільної україно-польської Ямпільської археологічної експедиції // Археологічні дослідження в Україні 2010. Київ-Полтава, 2011; С. 286; *Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Косько А.* Бабинское погребение с чашей у с. Пороги на Днестре // Аркасівські читання: матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції (27-28 квітня 2012 р.) / відп. за випуск Макушенко Я.С. Миколаїв: МНУ ім. В.О. Сухомлинського, 2012. С. 84-87.
27. *Литвиненко Р.А.* 2009. Вказ. праця. С. 9.
28. *Разумов С.М., Косько А., Карнаух Є.Г.* Дослідження кургану 1 біля с. Клембівка // Археологічні дослідження в Україні 2012. Київ-Луцьк, 2013. С. 125.
29. *Березанская С.С.* 1986. Указ. соч.; *Савва Е.Н.* 1992. Указ. соч.
30. *Дергачёв В.А.* 1986. Указ. соч. С. 117-120, рис. 28-29; *Свешников И.К.* Проблема происхождения комаровской культуры // Энеолит и бронзовый век Украины / Отв. ред. И.И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1976. С. 108; 18, Tabl. I:7, III; 20.
31. *Дергачёв В.А.* 1986. Указ. соч. С. 111-116, рис. 26-27.
32. *Черняков И.Т., Тощев Г.Н.* Культурно-хронологические особенности курганных могильников эпохи бронзы Нижнего Дуная // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. В.Н. Станко. Киев, 1985. С. 25, рис. 5:1-10; *Дергачёв В.А.* 1986. Указ. соч. С. 136, рис. 35; *Тощев Г.Н.* Западные связи культуры многоваликовой керамики в Северо-Западном Причерноморье // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. В.Н. Станко. Киев, 1986. С. 107-108, рис. 2.
33. *Савва Е.Н.* 1992. Указ. соч. С. 38, рис.15-17; 22, Abb. 12-13.
34. Там же. С. 53, 58, рис. 15-17.
35. *Гершкович Я.П.* Происхождение и эволюция сабатиновского керамического комплекса // Археологический альманах. Донецк, 1997. № 6. С. 133, 135, рис. 4:11-14.

36. Там же. С. 143.
37. Черняков И.Т. 1985. Указ. соч. С. 55-73.
38. Шарафутдинова И.Н. 1982. Указ. соч. С. 102.
39. Крушельницька Л.І. 2006. Указ. соч. С. 115-116, рис.47: IV, Б; 22, Abb.14; 23, Abb.5.
40. Morintz S. Contributii arheologice la istoria tracilor timpurii // Epoca bronzului in spațiul carpato-balcanic. Vol. 1. București, 1978. Fig. 76:3,4; 77:3-11; 80:5-6; 81:3-3; 83:7,11; 84:1-3.
41. Rogozińska R. Cmentarzysko kultury komarowskiej w Bukownie // Materiały Archeologiczne. t.I. 1959, tabl.III: 6; IV: 2, 5; Swiesznikow I.K. 1967. Op. cit. Tabl. VIII:10.
42. Swiesznikow I.K., 1967. Op. cit. Tabl. IX:11, 15, 16.
43. Swiesznikow I.K. 1967. Op. cit. Tabl. X:3.
44. Ibid. Tabl. 1:7; II: 10; III: 2, 8; V: 9; VI: 1.
45. Ibid. Tabl. VI:8.
46. Ibid. Tabl. IX:5, 8.
47. Ibid. Tabl. X:13.
48. Ibid. Tabl. XIII:7.
49. Лысенко С.Д., Лысенко С.С. Войцеховский могильник в свете новых исследований // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Книга 2. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 90-95, рис.1.
50. Swiesznikow I.K. 1967. Op. cit. Tabl. XII: 5.
51. Винокур Й., Гуцал А., Мезей В. Дослідження курганів доби бронзи в селі Дорогоща на Волині // ЗНТШ, том ССХХV. Львів, 1998. С. 433-465.
52. Свешников И.К. Богатые погребения комаровской культуры у с.Иванья Ровенской области // Советская археология, 1968. №2. С.159-168.
53. Березанская С.С. 1972. Указ. соч. Рис.17:2.
54. Swiesznikow I.K. 1967. Op. cit. Tabl. IX:5.
55. Cultura Costișa in contextul epocii bronzului din România / Coordonatori: V. Cavruc, G. Dumitroaia. Piatra-Neamț, 2001. Pl.58:5.
56. Ibid. Pl. 25:3.
57. Ibid. Pl. 55:4.
58. Ibid. Pl. 75:1-2; 76:14.
59. Дергачёв В.А. 1986. Указ. соч. Рис. 38:4.
60. Ibid. С. 136, рис. 35:1.
61. Смирнова Г.И. Магала-I и некоторые вопросы хронологии позднекомаровской культуры в Прикарпатье // Энеолит и бронзовый век Украины / Отв. ред. И.И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1976. С. 123, рис. 5.
62. Свешников И.К. Проблема происхождения комаровской культуры // Энеолит и бронзовый век Украины / Отв. ред. И.И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1976. С. 112, рис. 6:2.
63. Там же. С. 104, 108, рис. 4-5.
64. Свешніков І.К. 1974. Вказ. праця. Рис. 9:16; 11:1,4; 16:9; 19:14; 37:15; 38:2,9,15; 48:7.

65. *Machnik J.* Wczesny okres epoki brązu // *Prahistoria ziem polskich*. T.3: Wczesna epoka brązu. Wrocław, Warszawa, Gdańsk, 1978. Tabl. XIX:2; XX:4; XIX:B:2; XXII:B:5.
66. *Свєшніков І.К.* 1974. Вказ. праця. Рис. 22:1,9,11; 23:16.
67. *Machnik J.* 1978. Op. cit. Tabl. X.
68. *Дергачёв В.А.* 1986. Указ. соч. С. 136, рис. 35:8.
69. *Смирнова Г.И.* Отчёт Западно-Украинской экспедиции Гос. Эрмитажа за 1959 г. Раскопки поселения у с. Магала Черновицкой обл. // *НА ИА НАНУ*, № 1959/28. Табл. VI:7.
70. Археология Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1985 / Глав. ред. И.И. Артёменко. Т. 1. 5, фото 11.
71. *Kostrzewski J.* Grobi eneolityczne ze skurczonymi szkieletami w Białym Potoku w pow. Czortkowskim // *Przegląd Archeologiczny*, 1928. T. III. Tabl. IV:6.
72. *Rogozińska R.*, 1959. Op. cit. Tabl. VII: 2.
73. *Ibid.* Tabl. IX: 4-5.
74. *Ibid.* Tabl. IX: 6.
75. *Swieszniow I.K.*, 1967. Op. cit. Tabl. X: 1, 2, 6.
76. *Ibid.* Tabl. I: 18; III: 14.
77. *Ягодинська М.О., Ільчишин В.В.* Дослідження біля с. Кордишів Шумського району Тернопільської області // Археологічні дослідження в Україні 2013 р. Київ-Луцьк, 2014. В друці.
78. *Swieszniow I.K.* 1967. Op. cit. Tabl. VI: 11.
79. *Березанская С.С.* 1972. Указ. соч., Табл. 16:4; *Лагодовська О.Ф., Захарук Ю.М.* Нові дослідження Войцехівського могильника // Археологічні пам'ятки Української РСР, 1956. Т. VI. Рис. 3:5.
80. *Винокур Й., Гуцал А., Мегей В.* 1998. Указ. соч.
81. *Березанская С.С.* 1972. Op. cit. Рис. 17: 1.
82. *Cultura Costișa...* 2001. Op. cit. Pl. 58: 1.
83. *Ibid.* Pl. 74: 3.
84. *Ibid.* Pl. 23: 1-3; 24: 1-3; 25: 1-2, 4-5; 29: 1; 30: 1-5.
85. *Ibid.* Pl. 55: 1, 3.
86. *Makarowicz P.* Trzciniecki krąg kulturowy – wspólnota pogranicza Wschodu i Zachodu Europy. Poznań: wydawnictwo Poznańskie, 2010. Rys. 1.1; *Лисенко С.Д.* 2013. Указ. соч. Карта.
87. *Дергачёв В.А.* 1986. Указ. соч. Рис. 30:6.

References

1. *Gerasimenko N.P.* Prirodnyaya sreda obitaniya cheloveka na yugo-vostoke Ukrainy v pozdnelednikov'e i golotsene (po materialam paleograficheskogo izucheniya arkheologicheskikh pamyatnikov) [Human environment on the South-East of Ukraine in late Ice age and Holocene (according materials of paleogeographical study of archaeological monuments)], *Arkheologicheskii al'manakh*, Nr 6, Donetsk, 1997, pp. 55-56 [in Russian].
2. *Berezanskaya S.S.* Kul'tura mnogovalikovoy keramiki [Multi-cordoned ware culture], Kul'tury epokhi bronzы na territorii Ukrainy, *Berezanskaya S.S., Otroshchenko V.V., Cherednichenko N.N., Sharafutdinova I.N.* Kiev: Naukova

dumka, 1986, pp. 5-43 [in Russian]; *Dergachev V.A.* Moldaviya i sosednie territorii v epokhu bronzы (Analiz i kharakteristika kul'turnykh grupp) [Moldavia and neighbour territories in Bronze Age (Analyses and description of cultural groups)], Kishinev: Shtiintsa, 1986, pp. 122-145 [in Russian]; *Savva E.N.* Kul'tura mnogovalikovoy keramiki Pruto-Dnestrovskogo mezhdurech'ya [Multi-cordoned ware culture in Prut-Dniester interfluve], Kishinev, 1992 [in Russian]; *Litvinenko R.A.* Dnepro-Donskaya babinskaya kul'tura (istochniki, areal, pogrebal'nyy obryad) [Dnieper-Don Babino culture (sources, area, funeral practice)], Materiali ta doslidzhennya z arkheologii Skhidnoi Ukraïni, vip.5, Lugans'k, vid-vo SNU im. V. Dalya, 2006, pp. 157-187 [in Russian]; *Litvinenko R.A.* Kul'turne kolo Babine (za materialami pokhval'nikh pam'yatok) [Babino cultural circle], Avtoref. doktora istorichnikh nauk, Kiïv, 2009 [in Ukrainian].

3. *Svaeshnikov I.K.* Istoriya naselennya Peredkarpattya, Podillya i Volini v kintsі III – na pochatku II tisyacholittya do nashoi eri [History of population of east Carpathian area, Podolia and Volyn' in the end of III – beginning of II millennium BC], Kiïv: Naukova dumka, 1974 [in Ukrainian]; *Artemenko I.I.* Kul'tury shnurovoy keramiki: srednedneprovskaya, podkarpatskaya, gorodoksko-zdolbitskaya, stzhizhovskaya, Arkheologiya SSSR, Epokha bronzы lesnoy polosy SSSR, M.: Nauka, 1987, pp. 35-51 [in Russian].

4. *Sharafutdinova I.N.* Stepnoe Podneprov'e v epokhu pozdney bronzы [Steppe Dnieper littoral in Late Bronze Age], Kiev: Naukova dumka, 1982 [in Russian]; *Chernyakov I.T.* Severo-Zapadnoe Prichernomore vo vtoroy polovine II tisyacheletiya do n.e. [North-West Black Sea littoral in the second half of II millennium BC], Kiev: Naukova dumka, 1985 [in Russian]; *Sava E.* Die Rolle der «östlichen» und «westlichen» Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka (Nach den Materialien des Prut-Dnestr-Zwischenstromgebiets), Das Karpatenbeken und die Osteuropäische steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000-500 v. chr.), Herausgegeben von B.Hänsel und J.Machnik. München, 1998, pp. 267-312; *Sava E.* Die Bestatungen der Noua-Kultur. Ein Baitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestatungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten, Prähistorische archäologie in Südosteuropa. Band 19. Kiel, 2002; *Gerskovic Ja.* Studien zur spetbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azovschen Meeres, Archeologie in Eurazien, Band 7. Rachden/Westf, 1999; *Krushel'nits'ka L.I.* Kul'tura Noa na zemlyakh Ukraïni, L'viv, 2006 [in Russian].

5. *Berezanskaya S.S.* Sredniy period bronzovogo veka v Severnoy Ukraine [Middle period of Bronze Age in North Ukraine], Kiev: Naukova dumka, 1972, p. 112 [in Russian]; *Bondar' N.N.* Poseleniya Srednego Podneprov'ya epokhi ranney bronzы [Settlements in the Middle Dnieper littoral of early Bronze Age], Kiev: Vishcha shkola, 1974, pp. 173-174 [in Ukrainian]; *Sveshnikov I.K.* Sredniy period bronzovogo veka Prikarpat'ya i Volyny, Tshinetsko-komarovskaya kul'tura [Middle period of Bronze Age of the east Carpathian littoral and Volyn'. Tschinets-Komarovskaya culture], Arkheologiya Prikarpat'ya, Volyni i Zakarpat'ya (eneolit, bronzа i rannee zhelezo), Kiev: Naukova dumka, 1990, p. 78 [in Russian].

6. *Lisenko S.D.* Tshinets'ke kul'turne kolo [Tshinets cultural circle], Entsiklopediya Istoriï Ukraïni: u 10 tomakh, Redkol.: V.A. Smoliiy (golova) ta in.

- T. 10, T–Ya, Kiiv: Naukova dumka, 2013, pp. 188-190 [in Ukrainian].
7. *Dergachev V.A.* 1986. Op. cit., pp. 123-125; *Lisenko S.D.* Seredne Podniprovy'a za dobi pizno'i bronzi [Middle Dnieper littoral in Late Bronze Age]. Avtoref. kand. ist. Nauk, Kiiv, 2001, p. 9 [in Ukrainian].
8. *Dergachev V.A.* 1986. Op. cit., p. 136, image 35:1-3.
9. *Ibid.*, p. 136, image 35:5, 8.
10. *Dergachev V.A.* 1986. Op. cit., p. 136, image 35:7.
11. *Dergachev V.A.* 1986. Op. cit., p. 136, image 35:6.
12. *Swiesznikow I.K.* Kultura komarowska, Archeologia Polski, 1967. Tabl. VIII:6.
13. *Yarovoy E.V.* Kurgany eneolita – epokhi bronzy Nizhnego Podnestrov'ya [Barrows of Eneolithic and Bronze Age in the Lower Dniester littoral], Kishinev: Shtiintsa, 1990, p. 148, image 64:4, 5 [in Russian].
14. *Dergachev V.A.* 1986. Op. cit., p. 143.
15. *Lysenko S.D.* Materialy tshinetskogo kul'turnogo kruga s poseleniya Khodosovka-Dibrova (iz issledovaniy 1988-1989 gg.) [Materials of Tshinets cultural circle from Khodosovka-Dibrova settlement (investigations of 1988-1989)], Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini, vip. 3, Kolektsii naukovikh fondiv Institutu arkheologii NAN Ukraini, Materiali ta doslidzhennya, Kiiv: Institut arkheologii NANU, 2010, image 5:2 [in Russian].
16. *Lysenko S.D., Pereverzev S.V.* Materialy epokhi bronzy u s. Romankov (po materialam issledovaniy 2009 g.) [Materials of Bronze Age near Romankov village (based on materials from investigations of 2009)], Arkheologichni doslidzhennya na Kiivshchini, Materiali I oblasnoï naukovoï konferentsii 24-25 zhovtnya 2011 roku / vidp. red. M.Yu.Videyko. Tripillya, 2012, image 6:3 [in Russian].
17. *Swiesznikow I.K.* 1967. Op. cit., tabl. I: 10; V: 2.
18. *Sveshnikov I.K.* 1974. Op. cit., p. 61-63, image 15: 4, 15; 16: 14; 17: 21.
19. *Sveshnikov I.K.* 1974. Op. cit., p. 47.
20. *Sveshnikov I.K.* 1974. Op. cit., p. 103, image 36: 1, 2.
21. *Samolyuk V.O.* Novi pokhoval'ni pam'yatki dobi serednoï bronzi na Volini [New funeral monuments of the Middle Bronze Age on Volyn'], Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini. Vip. 2. Arkheologiya Pravoberezhnoï Ukraini Ukraini. Materiali ta doslidzhennya, Kiiv: Institut arkheologii NANU, 2010, pp. 96-106 [in Ukrainian].
22. *Swiesznikow I.K.* 1967. Op. cit., tabl. I:13-14; III:9, 12; VII:10; VIII:4; XVI:14-18; *Lysenko S.D.* Tshinetskiy kul'turnyy krug i problemy perekhoda k rannemu zheleznomu veku v Severnoy Ukraine [Tshinets cultural circle and problems of transition to the Early Iron Age in North Ukraine], Rossiyskiy arkheologicheskii ezhegodnik, Nr 2, 2012, pod red. d-ra ist. nauk L. Vishnyatskogo. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2012, pp. 263-275, image 4:1, 5 [in Russian].
23. *Lysenko S.D.* K voprosu o pamyatnikakh s keramikoy malopolovetskogo tipa [To the question about the monuments of Malopolovetskoe type], Problemy izucheniya katakombnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoy obshchnosti mnogovalikovoy keramiki (KIOMK), otv. red. G.N. Toshchev. Zaporozh'e, 1998, image 2:3 [in Russian].

24. Klochko V.I. Ozbroyennya ta viys'kova sprava davn'ogo naselennya Ukraïni (5000-900 rr. do R.Kh) [Weaponry and soldiery of ancient Ukraine], Kiïv: ArtEk, 2006 [in Ukrainian].

25. Sveshnikov I.K. 1974. Op. cit., image 15:12.

26. Razumov S.M., Kos'ko A., Karnaukh E.G. Roboti spil'noï ukraïno-pol's'koï Yampil's'koï arkheologichnoï ekspeditsii [Works of joint Ukrainian-Polish Yampol archaeological expedition], Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2010. Kiïv-Poltava, 2011, p. 286 [in Ukrainian]; Razumov S.N., Lysenko S.D., Kos'ko A. Babinskoe pogrebenie s chashey u s. Porogi na Dnestre [Babino burial with bowl near Porogi village in the Dniester littoral], Arkasivs'ki chitannya: materiali II Mizhnarodnoï naukovo-praktichnoï konferentsii (27-28 kvitnya 2012 r.), vidp. za vipusk Makushenko Ya. S. Nikolaïv: MNU im. V.O. Sukhomlins'kogo, 2012, pp. 84-87 [in Russian].

27. Litvinenko R.A. 2009. Op. cit., p. 9.

28. Razumov S.M., Kos'ko A., Karnaukh E.G. Doslidzhennya kurganu 1 bilya s. Klembivka [Investigations of barrow 1 near Klembovka village], Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2012. Kiïv-Luts'k, 2013, p. 125 [in Ukrainian].

29. Berezanskaya S.S. 1986. Op. cit.; Savva E.N. 1992. Op. cit.

30. Dergachev V.A. 1986. Op. cit., pp. 117-120, image 28, 29; Sveshnikov I.K. Problema proiskhozhdeniya komarovskoy kul'tury [Problem of the origin of Komarovskaia culture], Eneolit i bronzovyy vek Ukrainy. Kiev: Naukova dumka, 1976, p. 108; 18. Tabl. I:7, III; 20 [in Russian].

31. Dergachev V.A. 1986. Op. cit., pp. 111-116, image 26-27.

32. Chernyakov I.T., Toshchev G.N. Kul'turno-khronologicheskie osobennosti kurgannykh mogil'nikov epokhi bronzы Nizhnego Dunaya, Novye materialy po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [Cultural-chronological features of the barrow cemeteries of Bronze Age epoch in the Lower Danube littoral], Kiev, 1985, p. 25, image 5:1-10 [in Russian]; Dergachev V.A. 1986. Op. cit., p. 136, image 35; Toshchev G.N. Zapadnye svyazi kul'tury mnogovalikovoy keramiki v Severo-Zapadnom Prichernomor'e [Western connections of the Multi-cordoned ware culture in the North-West Black Sea littoral], Issledovaniya po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya, Kiev, 1986, pp. 107-108, image 2 [in Russian].

33. Savva E.N. 1992. Op. cit., p. 38, image 15-17; 22, abb. 12-13.

34. Savva E.N. 1992. Op. cit., pp. 53, 58, image 15-17.

35. Gershkovich Ya.P. Proiskhozhdenie i evolyutsiya sabatinovskogo keramicheskogo kompleksa [Origin and evolution of the Sabatinovka ceramic complex], Arkheologicheskii al'manakh. Donetsk, 1997. Nr 6, pp. 133, 135, image 4:11-14 [in Russian].

36. *Ibid.*, p. 143.

37. Chernyakov I.T. 1985. Op. cit., pp. 55-73.

38. Sharafutdinova I.N. 1982. Op. cit., p. 102.

39. Krushel'nits'ka L.I. 2006. Op. cit., pp. 115-116, image 47: IV, B; 22, abb.14; 23, abb. 5.

40. Morintz S. Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii, Epoca bronzului în spațiul carpato-balcanic, vol. 1. București, 1978, fig. 76:3,4; 77:3-11; 80:5-6; 81:3-3; 83:7,11; 84:1-3.

41. Rogozińska R. Cmentarzysko kultury komarowskiej w Bukownie,

- Materialy Archeologiczne, t. I, 1959, tabl. III: 6; IV: 2, 5; *Swiesznikow I.K.* 1967. Op. cit., tabl. VIII: 10.
42. *Swiesznikow I.K.* 1967. Op. cit., tabl. IX: 11, 15, 16.
43. *Ibid.*, tabl. X: 3.
44. *Ibid.*, tabl. 1: 7; II: 10; III: 2, 8; V: 9; VI: 1.
45. *Ibid.*, tabl. VI: 8.
46. *Ibid.*, tabl. IX: 5, 8.
47. *Ibid.*, tabl. X: 13.
48. *Ibid.*, tabl. XIII: 7.
49. *Lysenko S.D., Lysenko S.S.* Voytsekhovskiy mogil'nik v svete novykh issledovaniy [Voytsekhovka cemetery in the light of new studies], Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo arkheologa Mikhaila Petrovicha Gryaznova, kniga 2, SPb.: IIMK RAN, Periferiya, 2012, pp. 90-95, image 1 [in Russian].
50. *Swiesznikow I.K.* 1967. Op. cit., tabl. XII: 5.
51. *Vinokur Y., Gutsal A., Megey V.* Doslidzhennya kurganiv dobi bronzi v seli Dorogoshcha na Volini [Excavations of the barrows of the Late Bronze Age in the Dorogoshcha village on Volyn'], ZNTSh. T. CCXXXV. L'viv, 1998, pp. 433-465 [In Ukrainian].
52. *Sveshnikov I.K.* Bogatye pogrebeniya komarovskoy kul'tury u s. Ivan'ya Rovenskoy oblasti [Reach burials of the Komarovskaia culture near Ivan'e village, Rovno district], Sovetskaya arkheologiya, 1968. Nr 2, pp. 159-168 [in Russian].
53. *Berezanskaya S.S.* 1972. Op. cit., image 17: 2.
54. *Swiesznikow I.K.* 1957. Op. cit., tabl. IX: 5.
55. Cultura Costișa in contextul epocii bronzului din România / Coordonatori: V. Cavruc, G. Dumitroaia. Piatra-Neamț, 2001, pl. 58:5.
56. *Ibid.*, pl. 25: 3.
57. *Ibid.*, pl. 55: 4.
58. *Ibid.*, pl. 75: 1-2; 76: 14.
59. *Dergachev V.A.* 1986. Op. cit., image 38:4.
60. *Ibid.*, p. 136, image 35:1.
61. *Smirnova G.I.* Magala-I i nekotorye voprosy khronologii pozdnekomarovskoy kul'tury v Prikarpat'e [Magala-I and some questions of the chronology of Late Komarovskaia culture in Carpathian littoral], Eneolit i bronzovyy vek Ukrainy, Kiev: Naukova dumka, 1976, p. 123, image 5 [in Russian].
62. *Sveshnikov I.K.* Problema proiskhozhdeniya komarovskoy kul'tury [Problem of the origin of the Komarovskaia culture], Eneolit i bronzovyy vek Ukrainy, Kiev: Naukova dumka, 1976, p. 112, image 6: 2 [in Russian].
63. *Sveshnikov I.K.* 1976. Op. cit., p. 104, 108, image 4, 5.
64. *Sveshnikov I.K.* 1974. Op. cit., image 9: 16; 11: 1,4; 16: 9; 19: 14; 37: 15; 38: 2,9,15; 48: 7.
65. *Machnik J.* Wczesny okres epoki brązu, Prahistoria ziem polskich. T. 3: Wizesna epoka brazu. Wroclaw, Warczawa, Gdansk, 1978, tabl. XIX: 2; XX: 4; XIX: V:2; XXII: V:5.

66. Sveshnikov I.K. 1974. Op. cit., image 22: 1,9,11; 23: 16.
67. Machnik J. 1978. Op. cit., tabl. X.
68. Dergachev V.A. 1986. Op. cit., p. 136, image 35: 8.
69. Smirnova G.I. Otchet Zapadno-Ukrainskoy ekspeditsii Gos. Ermitazha za 1959 g. Raskopki poseleniya u s.Magala Chernovitskoy obl. [Report of Western-Ukrainian expedition of State Hermitage in 1959. Unvestigations of settlement Magala, district Chernovtsy], NA IA NANU, Nr 1959/28, tabl. VI: 7 [in Russian].
70. Arkheologiya Ukrainskoy SSR [Archaeology of Ukrainian SSR], Kiev: Naukova dumka, 1985, glav. red. I.I. Artemenko. T. 1.5, foto 11 [in Russian].
71. Kostrzewski J. Grobi eneolityczne ze skurczonymi szkieletami w Białym Potoku w pow. Czortkowskim, Przegląd Archeologiczni, 1928, t. III. tabl. IV: 6.
72. Rogozińska R. 1959. Op. cit., tabl.VII: 2.
73. *Ibid.*, tabl. IX: 4, 5.
74. *Ibid.*, tabl. IX: 6.
75. Swiesznikow I.K. 1967. Op. cit., tabl. X: 1, 2, 6.
76. *Ibid.*, tabl. I: 18; III: 14.
77. Yagodins'ka M.O., Il'chishin V.V. Doslidzhennya bilya s. Kordishiv Shums'kogo rayonu Ternopil's'koï oblasti [Investigation near Kordishiv, district Shumsk, region Ternopol], Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2013 r., Kiïv-Luts'k, 2014. Printing [in Ukrainian].
78. Swiesznikow I.K. 1967. Op. cit., tabl. VI: 11.
79. Berezanskaya S.S. 1972. Op. cit., tabl. 16: 4; Lagodovs'ka O.F., Zakharuk Yu.M. Novi doslidzhennya Voytsekhivs'kogo mogil'nika [New investigations of Voytsekhovka cemetery], Arkheologichni pam'yatki Ukraïns'koï RSR, 1956, t. VI, image 3: 5 [in Ukrainian].
80. Vinokur Y., Gutsal A., Megey V. 1998. Op. cit.
81. Berezanskaya S.S. 1972. Op. cit., image 17: 1.
82. Cultura Costișa., 2001. Op. cit., pl. 58: 1.
83. *Ibid.*, pl. 74: 3.
84. *Ibid.*, pl. 23: 1-3; 24: 1-3; 25: 1-2, 4-5; 29: 1; 30: 1-5.
85. *Ibid.*, pl. 55: 1, 3.
86. Makarowicz P. Trzciniecki krągu kulturowy – wspokie, 2010, image 1.1; Lisenko S.D., 2013. Op. cit. Karta.
87. Dergachev V.A. 1986. Op. cit., image 30: b.

Лысенко Сергей Дмитриевич - кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины.

Lysenko Sergey - Candidate of Historical Sciences, Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine.

e-mail: suraganga@yandex.ru

Разумов Сергей Николаевич - кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины.

Razumov Sergey - Candidate of Historical Sciences, Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine.

e-mail: razum_22@rambler.ru

УДК 904(395.1)(478.9)

DOI: 10.17223/18572685/36/2

СКИФСКИЕ ПАМЯТНИКИ В СТЕПНОМ ПОДНЕСТРОВЬЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

Н.П. Тельнов¹, В.С. Синика²

¹Институт культурного наследия Академии наук Молдовы
Республика Молдова, 2001, Кишинев, бул. Штефана чел Маре, 1

e-mail: telnovnikolai@mail.ru

Scopus Author ID: 55359420400

SPIN-код: 5627-4876

²Приднестровский государственный университет
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

e-mail: sinica80@mail.ru

SPIN-код: 6096-0748

Авторское резюме

В статье рассматривается история изучения скифских памятников Степного Поднестровья на дореволюционном, советском и постсоветском этапах. В настоящее время источниковая база включает 518 памятников, обнаруженных и исследованных в степном Поднестровье: 507 погребений, один культовый комплекс, три клада и семь отдельных находок.

Подчёркнуто, что из 507 скифских погребений 269 были совершены с конца VII в. до н.э. и до рубежа IV-III вв. до н.э., а остальные 238 захоронений – в III-II вв. до н.э. Также в III-II вв. до н.э. скифами степного Поднестровья были депонированы два клада. Значительное количество скифских памятников III-II вв. до н.э. фиксирует не только непрерывное развитие скифской культуры в степном Поднестровье с конца VII в. до н.э. и до II в. до н.э., но и возрастание плотности населения в III-II вв. до н.э., по крайней мере, на левобережье Нижнего Днестра.

Ключевые слова: скифы, погребения, клады, отдельные находки, история изучения, дореволюционный период, советский период, постсоветский период, источниковая база, скифские памятники III-II вв. до н.э.

Scythian monuments in the Steppe Dniester littoral: history of the study and the current state of the source base

N.P. Telnov¹, V.S. Sinika²

¹ The Institute of Cultural Patrimony of the Academy of Sciences of
Moldova

1 Stefan cel Mare bd., Chisinau, 2001, Republic of Moldova
e-mail: telnovnikolai@mail.ru

²Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25 Str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
e-mail: sinica80@mail.ru

Abstract

The article deals with history of the study of the scythian monuments of the Steppe Dniester littoral on the pre-revolutionary, soviet and post-soviet stages. Currently the source base includes 518 monuments discovered and studied in the Steppe Dniester littoral: 507 burials, one cult complex, three hoards and seven separate finds.

It is underlined that the 269 scythian burials from 507 were done from the end of the VII century BC and till the border of IV-III centuries BC, while the remaining 238 graves - in III-II centuries BC. Also in III-II centuries BC scythians in the Steppe Dniester littoral deposited two hoards. A significant amount of scythian monuments of III-II centuries BC is fixing not only the continuous development of the scythian culture in the Steppe Dniester littoral from the end of VII century BC till the II century BC, but also the increase of population density in III- II centuries BC, at least, on the left bank of the Lower Dniester.

Keywords: scythians, burials, hoards, separate finds, history of research, pre-revolutionary period, soviet period, post-soviet period, base of sources, scythian monuments of III-II centuries BC.

Археологические исследования в степях Поднепровья начались ещё в середине XIX в. Они были связаны с деятельностью А.С. Уварова, который в своде древностей юга России дал описание многочисленных курганов на побережье Днестровского лимана¹.

К началу 80-х гг. XIX в. относятся сведения о первых, пока ещё случайных находках предметов скифской эпохи в окрестностях села Троицкое на левобережье Нижнего Днестра. Так, в 1881 г. при раскопках провала, образовавшегося в кургане, была найдена амфора, а в 1882 г. – «пещера» с остродонной амфорой. В 1895 г. были раскопаны ещё два погребальных сооружений наподобие «крупного подбоя или катакомбы». Из материалов этих погребений сохранились две амфоры и лепной светильник, поступившие в Херсонский музей².

Примерно в это же время было обнаружено погребение в с. Ильинка, ныне Беляевского района Одесской области. В усадьбе Н. Чёрного при двух погребённых были найдены 13 бронзовых наконечников стрел³.

В 1901 г. кладоискатели разрыли курган неподалёку от села Исаево Николаевского района Одесской области. В ходе грабительских раскопок в этом кургане были найдены «типичный скифский котёл» и цилиндрический оселок⁴.

Самая яркая страница в истории изучения скифских курганных древностей дореволюционного периода связана с деятельностью супругов И.Я. и Л.С. Стемпковских. С 1896 по 1911 г. смотрителем земской больницы И.Я. Стемпковским в окрестностях г. Тирасполь и близлежащих сёл было раскопано 412 курганов. Исследования осуществлялись на левом берегу Днестра в бывшем Тираспольском уезде Херсонской губернии. До настоящего времени эти раскопки считаются наиболее масштабными из проведённых в Поднестровье.

Большую помощь супругам Стемпковским долгое время оказывал В.И. Гошкевич – основатель Херсонского археологического музея. Определённая часть материалов из раскопок 1896-1911 гг. была издана им впервые⁵, а находки из Тираспольских курганов и сейчас хранятся в Херсоне. Только в 1962 г. А.И. Мелюкова ввела в научный оборот курганы скифского времени из раскопок Стемпковских. Всего ею были опубликованы данные о 18 скифских погребениях IV – начала III в. до н.э. и 46 погребениях III-II вв. до н.э., исследованных у сел Глиное, Коротное, Парканы, Плоское⁶, Сербская земля⁷, Суклея, Терновка и Чобручи⁸. В этой работе были учтены и данные, полученные М. Шкадышеком в 1909 г. при раскопках скифского кургана у с. Суклея⁹. В кургане было обнаружено одно погребение, совершённое в катакомбе. Хотя автор раскопок датировал его первыми веками нашей эры¹⁰, нет никаких сомнений, что это захоронение (на основании погребальных конструкции и инвентаря, аналогичных исследованным И.Я. и Л.С. Стемпковскими) датируется III-II вв. до н.э. и относится к позднескифской культуре¹¹.

Помимо Стемпковских, в 1906 г. раскопками скифских курганных памятников (но на правом берегу Днестровского лимана) занимался Д.Я. Самоквасов, который у с. Шабалат Аккерманского уезда исследовал группу из девяти курганов¹². Из них на основании сохранившихся описаний и предметов погребального инвентаря к скифскому времени уверенно можно отнести только один¹³.

Май 1908 г. ознаменовался находкой большого клада бронзовых и железных изделий возле с. Броаска (ныне с. Флорены Новоаненского района Молдовы). Клад, найденный при вспашке поля, содержал бронзовый скифский котёл, бронзовый шлем, нагрудник, несколько блях и железный нож¹⁴. Принадлежность этого комплекса к скифскому времени не вызывает сомнений.

Полевые исследования в Днестровско-Дунайских степях прекратились в связи с началом Первой мировой войны. В течение по-

следующих более сорока лет археологические раскопки скифских курганов в Северо-Западном Причерноморье не проводились.

Дореволюционный этап изучения скифских древностей в степях Поднестровья характеризуется тем, что раскопки осуществлялись на достаточно хорошем для своего времени научном уровне: строго проводился учёт курганов – как в группах, так и одиночных, велась полевая научная документация – дневники, чертежи, инвентарные описи материалов¹⁵. Исследователи вели раскопки колодцами, сначала небольшими квадратами, а затем квадратами больших размеров, вписанными в насыпь кургана. При этом нередко терялась определённая часть информации о структуре насыпи, погребальных сооружениях, их взаиморасположении в курганах и др. В этой связи важно отметить, что данная методика – раскопки курганов колодцами – была характерна для всего дореволюционного периода истории изучения скифских древностей¹⁶.

Весьма примечательно, что в дореволюционное время 65 скифских погребений (из 71 известного) исследовались в научных целях.

С 1911 до 1963 г. скифские курганы в Поднестровье не исследовались. За это время на правобережье Днестра были найдены два скифских предмета и одно скифское погребение, впущенное в курган эпохи бронзы, на левобережье Днестра, а также на реке Большой Куяльник и на левом берегу реки Тилигул было обнаружено по одному разрушенному скифскому погребению.

На левобережье Днестра в 1927 г. у с. Маяки Беляевского района Одесской области, очевидно, во время строительных работ было разрушено погребение IV в. до н.э., в котором находились амфора с английским клеймом, чернолаковая чашка, блюдо, восемь бронзовых наконечников стрелы, две бусины и две раковины *Cyprea moneta*¹⁷.

В 1938 г. директор средней школы Коминтерновского района Одесской области Н.И. Подольский доставил в Одесский археологический музей «остродонную» амфору с «вздутым горлышком», которая была найдена в разрушенном кургане у села Владиславка (ныне часть с. Викторовка Берёзовского района Одесской области) на левом берегу реки Тилигул¹⁸.

В 1947 г. в ходе разведок М.С. Синицына и Е.Ф. Лаговойской на реке Большой Куяльник стало известно, что у с. Ширяево Одесской области в кургане, разрушенном при строительстве дороги, было обнаружено погребение – костяк с греческой амфорой¹⁹.

На правом берегу Днестра в 1953 г. на вершине одного из курганов у с. Новые Раскаецы было найдено бронзовое навершие в виде головы грифона. На его длинной шее был орнамент в виде стилизованных птичьих голов²⁰.

На следующий год, также в днестровском правобережье, на склоне холма между сёлами Тудорово и Паланка было обнаружено разрушенное гетское погребение, в инвентарный набор которого входил типичный скифский акинак²¹.

Единственное скифское погребение, впущенное в курган эпохи бронзы, было исследовано на правобережье Днестра в 1959 г. Скифским отрядом молдавской экспедиции под руководством А.И. Мелюковой у с. Тудорова Каушанского района МССР²².

Второй этап изучения скифских древностей Степного Поднестровья начался с середины 1960-х гг., когда строительство крупных оросительных систем в Молдавии и на юге Украины предоставило археологам возможность проводить широкомасштабные и систематические раскопки памятников, которым угрожало уничтожение.

В 1964 г. при строительных работах в с. Великопоское Великомихайловского района Одесской области был обнаружен клад III-II вв. до н.э., состоявший из предметов конского снаряжения (железные удила, псалии и трензельные кольца, два бронзовых и один серебряный налобники, бронзовые перстневидные бляхи и кольцевидные пронизи, серебряный фалар), предметов вооружения (два железных наконечника копья, один железный наконечник дротика, девять железных наконечников стрел), двух серебряных ворворок, серебряной чаши, а также латенского бронзового сосуда. Клад был найден в бронзовом котле, обнаруженном в разрушенном кургане²³.

В первой половине 1960-х гг. на вершине кургана у с. Демидово Берёзовского района Одесской области на правом берегу реки Тилигул была найдена скифская антропоморфная стела²⁴.

В 1964-1968 гг. Западно-Скифская экспедиция под руководством А.И. Мелюковой исследовала поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка Овидиопольского района Одесской области. За этот период было изучено три кургана с четырьмя погребениями²⁵ и два бескурганных могильника, содержащих 73 погребения: Николаевка I – пять погребений²⁶; Николаевка II – 68 погребений²⁷. В 1968-1969 гг. А.И. Мелюковой на поле, примыкающем к северной окраине с. Николаевка, было исследовано ещё восемь скифских курганных погребений²⁸, и только одно из них (в кургане на поле «На горбах») датируется амфорным материалом серединой III в. до н.э.

В эти же годы Дунай-Днестровской археологической экспедицией под руководством Н.М. Шмаглия были начаты работы по исследованию ещё двух курганов у с. Николаевка Овидиопольского района Одесской области. В связи с тем, что в курганах обнаружили боеприпасы времён Великой Отечественной войны, их исследование было отложено, и раскопки возобновились в 1973 г. под руко-

водством И.Л. Алексеевой. В результате в кургане 8 у с. Николаевка были обнаружены два погребения скифского времени: одно из них принадлежало воину, а второе являлось сопровождающим конским захоронением²⁹.

В 1966 г. был обнаружен скифский железный меч у г. Котовск Одесской области³⁰.

В 1968 г. на левобережье Нижнего Днестра было исследовано впускное скифское погребение у с. Ефимовка Овидиопольского района Одесской области³¹.

В том же году в Одесский археологический музей попал скифский акинак из с. Гниляково Одесской области³².

Скифские памятники исследовались и на правобережье реки Тигул. Так, в 1968 г. у с. Анастасьевка Николаевского района Одесской области был изучен небольшой скифский курган с разграбленным погребением тяжелооружённого воина³³.

Интенсивные работы по изучению скифских памятников на территории молдавского Поднепровья начались несколько позже, чем на Украине, и ограничивались, как правило, исследованиями насыпей с охранными целями.

В 1969 г. у с. Чобручи Слободзейского района МССР на левом берегу Днестра Отрядом по изучению бронзового века Молдавии под руководством В.А. Дергачёва было исследовано одно раннескифское погребение, впущенное в курган эпохи бронзы³⁴.

Также в 1969 г. у с. Буторы Григориопольского района на левобережье Днестра молдавский археолог В.И. Маркевич обнаружил скифское каменное изваяние, привлёкшее внимание к Буторскому I курганному могильнику. На следующий год исследованием двух курганов под руководством В.А. Дергачёва начинаются его раскопки, продолженные в 1972 г. раскопками ещё четырёх скифских курганов Западно-Скифской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством А.И. Мелюковой. В 1973 г. Западно-Скифская экспедиция Института археологии АН СССР совместно с Гальштатской экспедицией сектора археологии Института истории МССР исследовала ещё три скифских кургана. Через пять лет, в 1978 г., раскопками Первобытной новостроечной экспедиции сектора археологии Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР в зоне строительства Григориопольской оросительной системы под руководством Н.А. Кетрару было завершено исследование курганной группы у с. Буторы Григориопольского района МССР. В ней было изучено ещё два скифских кургана. Всего в 12 курганах были исследованы 26 скифских погребений³⁵.

В 1973 г. на левобережье Днестровского лимана исследовался могильник у пгт Каролино-Бугаз Овидиопольского района Одесской

области, где было обнаружено одно скифское погребение в катаcombe³⁶.

На правом берегу Днестровского лимана у г. Белгород-Днестровский в 1974 г. под руководством Л.В. Субботина было исследовано впускное в курган эпохи бронзы скифское погребение III-II вв. до н.э.³⁷ В 1975-1976 гг. было изучено два погребения у с. Маяки³⁸ и два – у с. Надлиманское³⁹ на левобережье Нижнего Днестра. В это же время на правом берегу Днестра, между селами Семёновка и Староказачье, Семёновской новостроечной археологической экспедицией во главе с Л.В. Субботиным исследовался Семёновский курганный могильник, где было изучено 16 скифских погребений V-IV вв. до н.э. В насыпи одного из курганов эпохи бронзы был найден скифский клад III в. до н.э., состоявший из посуды (фрагменты амфор и гончарных кувшинов, стеклянная чаша), предметов вооружения (железный кинжал, железные наконечники стрел и фрагменты железных втулок и втоков двух копий), предметов конского снаряжения (бронзовые кольцевидные пронизи, уздечные петельчатые бляхи, налобник, ворворки и фрагменты железных удил)⁴⁰.

В 1976 г. на левобережье реки Тилигул у с. Новопетровка Николаевского района Одесской области был обнаружен конский наносник/нахрапник, выполненный в скифском зверином стиле⁴¹.

В 1982 г. ещё одно разрушенное скифское погребение было исследовано у с. Маяки⁴².

В молдавском Поднестровье начало широких исследований связано с 1978 г., когда в Суворовском, Дубоссарском и Григориопольском районах развернули работы крупные новостроечные экспедиции.

В 1978 г. в связи со строительством первой очереди Суворовской оросительной системы у с. Новые Раскаецы начала работать Суворовская новостроечная экспедиция во главе с Е.В. Яровым. У с. Новые Раскаецы на правом берегу Днестра были исследованы три скифских погребения, впускных в курганы эпохи бронзы⁴³. Годом позже эта же экспедиция изучала курганный комплекс из пяти насыпей у с. Пуркары. В ходе раскопок были исследованы четыре скифских погребения: два впускных в курган эпохи бронзы, одно основное для второй насыпи и ещё одно, впускное в эту насыпь⁴⁴.

У с. Красное Григориопольского района МССР на левобережье Днестра в 1979 г. экспедицией под руководством Н.А. Кетрару было исследовано три кургана, содержащих пять погребений скифского времени⁴⁵.

В 1970-х гг. при проведении строительных работ на территории механического завода в Дубоссарах было разрушено скифское погребение, от которого сохранилась только хиосская амфора. Она

была приобретена Национальным музеем истории Молдовы в 2012 г.⁴⁶

В течение 1980-1983 и 1985-1987 гг. Дубоссарская новостроечная экспедиция Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР под руководством Н.А. Кетрару проводила масштабные исследования в зоне строительства Северо-Дубоссарской оросительной системы на левом берегу Днестра. В 18 исследованных курганах было обнаружено 26 скифских погребений⁴⁷. Попутно в 1982 г. эта экспедиция раскопала скифский курган с разграбленным погребением у с. Глиное Григориопольского района на левобережье Днестра⁴⁸, а в 1985 г. - два скифских погребения у с. Голерканы Дубоссарского района МССР на правобережье⁴⁹.

В 1980 г. параллельно с Дубоссарской, но на правом берегу Днестра, у с. Коржево Криулянского района вела работу Днестровская новостроечная экспедиция. В раскопанной ею курганный группе были исследованы четыре погребения скифского времени⁵⁰. При строительных работах в Тирасполе в 1980 г. было разрушено скифское погребение III в. до н.э. – с амфорой, бронзовым браслетом и бронзовой бляхой конской узды⁵¹.

В 1983 г. Черняховско-Сарматская экспедиция Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР, возглавлявшаяся В.И. Гросу, исследовала на юго-восточной окраине Тирасполя курганный группу из четырёх насыпей, в трёх из которых были найдены четыре скифских погребения⁵². В том же году Буджакской экспедицией под руководством Н.П. Тельнова у с. Хаджимус Каушанского района МССР на правобережье Днестра была исследована группа из трёх курганов. Два из них оказались скифскими и содержали три погребения⁵³.

Из археологических работ, осуществлённых в 1984 г., отметим спасательные раскопки кургана в устье Анжалыкского лимана у с. Старые Беяры Коминтерновского района Одесской области. В кургане были исследованы два впускных скифских погребения. Раскопки были проведены новостроечной экспедицией «Южная-1984» под руководством А.Г. Загинайло⁵⁴.

Также в 1984 г. на правобережье Днестра у с. Старые Дубоссары Криулянского района Днестровской новостроечной экспедицией Отдела этнографии и искусствоведения Академии наук МССР во главе с И.А. Борзияком было изучено скифское погребение, впускное в курган эпохи бронзы⁵⁵.

В 1985 г. Буго-Днестровской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством И.Т. Чернякова на левобережье Днестровского лимана был исследован курган с одним скифским погребением у с. Грибовка Овидиопольского района Одесской области⁵⁶.

В 1990 г. Дунай-Днестровской археологической экспедицией Института археологии НАНУ изучалась скифская курганный группа на водоразделе рек Кодыма и Южный Буг у с. Неделково Савранского района Одесской области Украины. Группа состояла из трёх курганов, сооружённых в скифское время и содержащих пять погребений⁵⁷. В то же время на могильнике Зальц, расположенном у с. Лиманское Раздельнянского района Одесской области, экспедицией Одесского охранного археологического центра Украинского общества охраны памятников истории и культуры под руководством С.В. Ивановой был исследован скифский курган с одним погребением⁵⁸. В 1991 г. этой же экспедицией было изучено два скифских комплекса на могильнике Катаржино у с. Червонознаменка Ивановского района Одесской области, на правом берегу реки Малый Куяльник: одно погребение (3/1) и одно культовое сооружение (курган № 5)⁵⁹.

Из скифских комплексов, изученных на территории МССР во второй половине 80-х гг. прошлого века, отметим прожог с амфорным материалом V в. до н.э. у Каушан на правобережье Днестра, исследованный Каушанской новостроечной экспедицией под руководством О.Г. Левицкого⁶⁰.

В 1986 г. у с. Парканы Слободзейского района МССР Парканской новостроечной экспедицией во главе с О.В. Лариной была изучена курганный группа из четырёх насыпей; в двух из них были обнаружены три скифских погребения. Одновременно возле соседнего с. Терновка был исследован один скифский курган⁶¹. Спустя три года Слободзейской новостроечной экспедицией под руководством Е.Н. Саввы у с. Терновка было раскопано ещё одно скифское погребение⁶².

В 1987 г. при проведении плантажной вспашки поля между селами Красногорка и Бычок Григориопольского района МССР на левом берегу Днестра было обнаружено каменное изваяние скифского воина⁶³. В том же году в днестровском правобережье Пугаченской экспедицией во главе с В.А. Дергачёвым в насыпи кургана эпохи бронзы у с. Мерены Новоаненского района МССР были открыты два скифских погребения⁶⁴.

На конец 80-х – начало 90-х гг. прошлого века приходится очередной пик исследований курганных памятников на территории Нижнего Поднестровья.

За два полевых сезона 1987-1988 гг. Слободзейской новостроечной экспедицией во главе с С.М. Агульниковым на водоразделе рек Днестр и Кучурган у с. Никольское было исследовано семь курганов, содержащих 16 скифских погребений⁶⁵. Одно из них (1/7) – детское, с южной ориентировкой в насыпи кургана⁶⁶, датирует-

ся фибулой второй половиной (последней четвертью) III – первой половиной II в. до н.э.⁶⁷. Этой же экспедицией, но уже во главе с Е.Н. Саввой, на следующий год в курганной группе у с. Уютное, в непосредственной близости от Никольского могильника, было изучено одно скифское впускное погребение⁶⁸.

В 1989 г. археологическая экспедиция АН Республики Молдова под руководством С.М. Агульникова начала изучение Суворовского курганного могильника у с. Талмазы и пгт Суворово⁶⁹ на правобережье Нижнего Днестра. В 1989-1990 гг. у с. Талмазы было исследовано три скифских погребения, а в 1990 г. у пгт Суворово – четыре скифских захоронения⁷⁰. На этом же курганном массиве, недалеко от с. Чобручи, был изучен ещё один скифский курган с единственным ограбленным погребением⁷¹.

Подводя итоги изучению скифских древностей степей Поднепровья с середины 60-х до конца 80-х гг. прошлого века, необходимо отметить, что оно велось исключительно научными археологическими методами согласно полевой методике, выработанной за многие годы и применявшейся в СССР: раскопки курганов на снос, фиксация стратиграфии и всех элементов курганной архитектуры и др.

Масштабы исследований скифских комплексов в указанный период не имеют себе равных за всю их историю в Поднепровье. За это время было обнаружено и исследовано 236 скифских погребальных комплексов и один ритуальный (Катаржино – курган № 5), два клада (Великопловское, Семёновка) и пять отдельных находок (акинак из Гниляково, антропоморфные изваяния из Демидово и Красногорки, меч из Котовска и наносник/нахрапник из Новопетровки). Крайне важно, что большой объём работ не помешал исследователям достаточно оперативно вводить в научный оборот полученные материалы.

Третий этап изучения скифских памятников Поднепровья, который начался в 90-х гг. прошлого столетия и продолжается до настоящего момента, характеризуется резким сокращением объёмов археологических работ и в этой связи акцентированием внимания на отдельных памятниках.

С 1995 по 2012 г. сотрудниками научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко проводились исследования на скифском могильнике конца IV – II в. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. За этот период было изучено 113 скифских курганов, содержащих 181 скифское погребение⁶⁹. Параллельно с работами на могильнике у с. Глиное в 2000 г. Днестровской археологической экспедицией был раскопан скифский курган

у с. Чобручи Слободзейского района. Конструкция погребального сооружения и датировка единственного скифского погребения кургана соответствовали аналогичным на могильнике у с. Глиное⁷⁰.

В 2002 г. при строительных работах на приусадебном участке в черте Тирасполя было исследовано частично разрушенное скифское погребение IV в. до н.э.⁷¹.

В 2003 г. в окрестностях с. Редова Ширяевского района Одесской области, на левом берегу реки Большой Куяльник, экспедицией Отдела археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии НАН Украины под руководством С.В. Ивановой был изучен курган с единственным скифским погребением⁷².

В 2005 г. в черте Тирасполя при проведении строительных работ было разрушено скифское погребение III-II вв. до н.э., из которого сохранилась лепная курильница⁷³.

В 2006 г. у с. Маяки Беяевского района Одесской области на левобережье Нижнего Днестра Днестровской археологической экспедицией Одесского археологического музея под руководством В.Г. Петренко были исследованы два скифских погребения⁷⁴. На следующий год у здесь же было изучено ещё одно скифское захоронение⁷⁵.

В 2008 г. сотрудниками Белгород-Тирской экспедиции Института археологии НАН Украины под руководством Т.Л. Самойловой были исследованы шесть скифских захоронений вблизи с. Вапнярка Коминтерновского района Одесской области на правом берегу Большого Аджалыкского лимана⁷⁶.

На правобережье Нижнего Днестра в 2011 г. сотрудниками Центра археологии Института культурного наследия Академии наук Республики Молдова под руководством С.М. Агульникова были изучены два скифских погребения у с. Пуркары Штефан-Водского района⁷⁷.

В 2013 г. в черте г. Слободзея на левобережье Нижнего Днестра во время строительных работ было разрушено скифское погребение, которое на основании сохранившейся амфоры датируется II в. до н.э.⁷⁸.

Масштабность исследований Днестровской археологической экспедиции Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, в первую очередь, на могильнике у с. Глиное, привела к тому, что в постсоветский период (после 1991 г.) в степях Поднестровья было обнаружено и изучено 197 скифских захоронений. Подавляющее большинство из них располагаются на левом берегу Днестра. Тирасполь, Слободзея, Чобручи, Глиное, Маяки содержат 188 погребений. При этом только два скифских погребения были

исследованы на правом берегу Днестра – у с. Пуркары. В Днестровско-Бугском междуречье исследовано семь погребений – у сел Ревова и Вапнярка.

Завершая обзор истории полевого изучения скифских древностей, отметим, что за всё время исследований, т. е. за последние 130 лет, в Поднестровье было обнаружено и исследовано 507 скифских захоронений. Помимо них были найдены один культовый комплекс (курган № 5 могильника Катаржино), три скифских клада (Броаска, Великопоское, Семёновка), а также семь отдельных артефактов (акинак из Гниляково, меч из Котовска, изваяния из Демидово и Красногорки, наносник/нахрапник из Новопетровки, навершие из Новых Раскаец, акинак из Тудорово-Паланки), принадлежность которых к скифской материальной культуре не вызывает сомнений.

Анализ современного состояния источниковой базы позволяет констатировать следующие факты:

1. Из 507 скифских погребений 269 (53 %) были совершены с конца VII в. до н.э. и до рубежа IV-III вв. до н.э., а остальные 238 захоронений (47%) – в III-II вв. до н.э. Таким образом, в настоящее время количество скифских погребальных памятников III-II вв. до н.э. сравнимо с количеством скифских захоронений за три предшествующих столетия (конец VII – рубеж IV-III вв. до н.э.).

2. В III-II вв. до н.э. были совершены следующие скифские захоронения: Белгород-Днестровский – 1 погребение; Глиное – 186 погребений (курганы № 275, 276, 277, 279, 378 из раскопок Стемпковских 1896-1911 гг., а также 181 погребение могильника у с. Глиное – раскопки 1995-2012 гг.); Коротное – 1 погребение (курган № 294 из раскопок Стемпковских); Николаевка – 1 погребение (курган «На горбах» – раскопки 1968-1969 гг.); Никольское – 1 погребение (1/7) из раскопок 1987 г.; Парканы – 14 погребений (курганы № 109, 114, 120, 121, 122, 131, 143, 153, 154, 156, 159, 172, 173, 174 из раскопок Стемпковских); Плоское – 3 погребения (курганы № 218, 221, 377 из раскопок Стемпковских); Сербская земля – 1 погребение (курган № 260 из раскопок Стемпковских); Слободзея – 1 погребение (обнаружено при строительных работах в 2013 г.); Сукля – 1 погребение (раскопки М. Шкадышека 1909 г.); Терновка – 3 погребения (курганы № 185, 186, 188 из раскопок Стемпковских); Тирасполь – 2 погребения (обнаружены при строительных работах в 1980 г. и 2005 г.); Троицкое – 3 погребения (по одному обнаружено в 1881 г. и в 1882 г. и два – в 1895 г.); Чобручи (Слободзея) – 19 погребений (захоронение 2/3 из раскопок 2000 г., а также курганы № 281, 282, 283, 288, 289, 290, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 411, 412 из раскопок Стемпковских).

Помимо перечисленных погребений, в III-II вв. до н.э. скифами степного Поднестровья были депонированы два клада, найденных у сел Великопоское и Семёновка.

3. Значительное количество известных науке скифских памятников III-II вв. до н.э. свидетельствует не только о непрерывном развитии скифской культуры в степном Поднестровье с конца VII в. до н.э. и вплоть до II в. до н.э., но и о возрастании плотности населения в III-II вв. до н.э., по крайней мере, на левобережье Нижнего Днестра.

Увеличение скифского населения, по нашему мнению, происходило в обстановке добрососедских отношений с гетскими племенами в лесостепном Поднестровье и носителями латенизированных культур региона, а также при стабильных экономических контактах с жителями греческих городов низовьев Днестра. Постоянство этих контактов нашло своё отражение в материальной культуре и даже некоторых элементах погребального обряда. Очевидно, такое межэтническое взаимодействие стало возможным в результате перехода к оседлому образу жизни скифов степного Поднестровья в III-II вв. до н.э.

4. Материалы, полученные при исследовании скифских погребальных памятников III-II вв. до н.э. (в первую очередь, могильника у села Глиное), позволяют провести детальный анализ погребального обряда и сопровождающего инвентаря. На основании изучения последнего устанавливаются как даты отдельных погребальных комплексов, так и хронология и периодизация памятников в целом. Также анализ имеющихся данных позволяет фиксировать различные инокультурные влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифов степного Поднестровья в III-II вв. до н.э. При этом очевидна преемственность позднескифской культуры степного Поднестровья III-II вв. до н.э. скифской степной культуре Северо-Западного Причерноморья и, шире, Северного Причерноморья предшествующего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уваров С.А. Исследования о древностях Южной России и берегов Чёрного моря. Вып. 2. СПб.: Типография Экспедиции заготовителей государственных бумаг, 1856.

2. Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. 1. Киев: Изд-во АН СССР, 1951. С. 14; Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1986. С. 12.

3. *Фабрициус И.В.* Указ. соч. С. 50; *Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С.* Указ. соч. С. 9.
4. *Гошкевич В.И.* Клады и древности Херсонской губернии. Ч. 1. Херсон: ЮГА, 1903. С. 51-52; *Фабрициус И.В.* Указ. соч. С. 54; *Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С.* Указ. соч. С. 13.
5. *Гошкевич В.И.* Клады и древности Херсонской губернии. Часть 1. Херсон: ЮГА, 1903.
6. Во время раскопок И.Я. Стемповского – хутор Плосковской, в настоящее время – с. Бычок Григориопольского района Приднестровской Молдавской Республики.
7. В настоящее время с. Славяносербка Великомихайловского района Одесской области Украины.
8. *Мелюкова А.И.* Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемповских) // Материалы и исследования по археологии СССР, № 115. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 114-166.
9. *Там же.* С. 132, табл. 7/7.
10. *Шкадышек М.* Описание раскопки кургана в окрестностях города Тирасполя, произведённой подполковником Шкадышек 18 июля 1909 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXVIII. Одесса: «Славянская» типография, 1910. С. 92–94 (протоколы).
11. *Фабрициус И.В.* Указ. соч. С. 21.
12. *Самокасов Д.Я.* Могилы русской земли. М.: Синодальная типография, 1908. С. 131-132.
13. *Мелюкова А.И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979. С. 157.
14. *Шуманский Е.А.* Сообщение о находках в кургане Броаска // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXVIII. Одесса: «Славянская» типография, 1910. С. 8 (протоколы); *Рикман Э.А.* Художественные сокровища древней Молдавии. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1969. С. 33.
15. *Кетрару Н.А.* Очерки истории и археологии Молдовы. 1715-1945. Кишинёв: Центральная типография, 2005. С. 49-50.
16. *Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев: Стилос, 2005. С. 20-28.
17. *Фабрициус И.В.* Указ. соч. С. 14.
18. *Синицын М.С.* Следы древних поселений скифо-сарматской эпохи между устьями Днестра и Буга // Наукові записки. Т. IX. Одеса: Одеське обласне видавництво, 1950. С. 52.
19. *Синицын М.С.* Карта поселень і городищ між гирлами Дністра й Південного Бугу скіфо-сарматського часу // Наукові записки. Т. X. Одеса: Одеське обласне видавництво, 1955. С. 51.
20. *Нудельман А.А., Рикман Э.А.* Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии // Известия Молдавского филиала АН СССР, № 4 (31). Кишинёв: Государственное изд-во Молдавии, 1956. С. 129, рис. 2.
21. *Сергеев Г.П.* Скифский кинжал из Олонештского района Молдавской ССР // Записки Одесского археологического общества. Т. I (34). Одесса: Одесское книжное издательство, 1960. С. 262-265.

22. Мелюкова А.И. Курган усатовского типа у с. Тудорово // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. № 88. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 82, рис. 25/2.

23. Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф. Комплекс предметов скифского времени из с. Великопоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья (отв. ред. И.Т. Черняков). Киев: Наукова думка, 1984. С. 148-158, рис. 1, 2; Зайцев Ю.П. Латенский бронзовый сосуд из Великопоского // Труды ГИМ. Вып. 191. Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной (отв. ред. Д.В. Журавлёв, К.Б. Фирсов), М.: ГИМ, 2012. С. 148-150, рис. 6.

24. Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. М.: МТО МЕТЕО, 1994. С. 16-17, кат. № 5, ил. 3.

25. Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М.: Наука, 1975. С. 103-107.

26. Дзис-Райко Г.А. Раскопки могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея за 1963 год (отв. ред. И.Б. Клейман), Одесса: Маяк, 1965. С. 59-68.

27. Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М.: Наука, 1975. С. 65-103.

28. Мелюкова А.И. Курганы скифских кочевников у с. Николаевка // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья (отв. ред. И.Т. Черняков). Киев: Наукова думка, 1984. С. 90-103.

29. Алексеева И.Л., Булатович С.А. Два кургана на левобережье Днестровского лимана // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины. Вестник Черноморской ассоциации археологов и любителей древностей. Вып. 1. (отв. ред. А.О. Добролюбский). Одесса – Запорожье: Типография Одесского облполиграфиздата, 1990. С. 35, 38-39, 47.

30. Охотников С.Б. Скифский меч из г. Котовска Одесской области // Северное Причерноморье (материалы по археологии) (отв. ред. Г.А. Дзис-Райко). Киев: Наукова думка, 1984. С. 112-113.

31. Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Курганы на левобережье Нижнего Днестра // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья (отв. ред. В.Н. Станко). Киев: Наукова думка, 1985. С. 103-104.

32. Диамант Э.И., Черненко Е.В. Скифский кинжал из Одесского музея // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Вып. 3. Киев: Наукова думка, 1969. С. 159-160.

33. Алексеева И.Л. Скифские погребения в курганах Одесской области // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Вып. 3. Киев: Наукова думка, 1969. С. 150-151.

34. Левицкий О.Г., Демченко Т.И. Памятники скифской архаики на территории Молдовы // Древности Степного Причерноморья и Крыма. V. Запорожье: Запорожский ун-т, 1995. С. 42, 44-45, рис. 2/5-7.

35. Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. Курганы у села Буторы (Археологические памятники Приднестровья, I). Тирасполь: Полиграфист, 2013. С. 16-21, 101-128.

36. Загинайло А.Г., Черняков И.Т., Петренко В.Г. Каролино-Бугазский могильник // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья (отв. ред. Т.Л. Самойлова). Киев: Наукова думка, 1987. С. 103.

37. Субботин Л.В. Раскопки курганов у с. Орловка и в г. Белгород-Днестровском // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 356.

38. Субботин Л.В., Охотников С.Б. Скифские погребения Нижнего Поднепровья // Древности Северо-Западного Причерноморья (отв. ред. Г.Г. Мезенцева). Киев: Наукова думка, 1981. С. 106; Носова Л.В. «Греческое» и «варварское» в Северо-Западном Причерноморье в «переходный период» (в связи с исследованием погребений конца VI – первой половины V в. до н.э. у с. Маяки) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 12 (отв. ред. И.В. Бруяко). Одесса: Печатный дом «Фаворит», 2011. С. 161, рис. 3/3.

39. Субботин Л.В., Охотников С.Б. Скифские погребения Нижнего Поднепровья // Древности Северо-Западного Причерноморья (отв. ред. Г.Г. Мезенцева). Киев: Наукова думка, 1981. С. 106.

40. Субботин Л.В. Отчёт о работе Семёновской новостроечной археологической экспедиции в 1975 г. Архив Института археологии НАН Украины. №1975/34. Киев, 1976; Его же. Отчёт о работе Семёновской новостроечной археологической экспедиции в 1976 г. Архив Института археологии НАН Украины. №1976/45. Киев, 1977; Зайцев Ю.П. Античная керамика в ритуальных (вотивных)кладах Северного Причерноморья // Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. (отв. ред. Н.П. Тельнов). Материалы Международной научной конференции, г. Тирасполь, 16-19 октября 2012 г. Тирасполь: РВТ, 2012. С. 58-63.

41. Острроверхов А.С., Тощев Г.М. Скифський кінський наносник // Археологія. № 49, Київ: Наукова думка, 1985. С. 75-76, рис. 1.

42. Черняков И.Т., Добролюбский А.О., Острроверхов А.С., Дзиговский А.Н., Сапожников И.В., Чернов С.И., Агбунов М.В. Отчёт об охранных раскопках в зоне строительства Дунай-Днестровской ОС и Одесской АТЭЦ за 1982 г. Архив Ин-та археологии НАН Украины. № 1982/7. Киев, 1983. С. 51-52.

43. Яровой Е.В. Курганы энеолита – эпохи бронзы нижнего Поднепровья. Кишинёв: Штиинца, 1990. С. 7, 16-19, 36-37.

44. Там же. С. 7, 41, 47-53, 116-118.

45. Серова Н.Л., Яровой Е.В. Григориопольские курганы. Кишинёв: Штиинца, 1987. С. 21-30, 40-42, 85-87.

46. Mateevici N. Amforă de Chios de la Dubăsari (o nouă achiziție a MNIM) // Tiragetia. S.n. Vol. VII [XXII], nr. 1. Chișinău: Editura Tiragetia, 2013. P. 293-295.

47. Сеника В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. Дубоссарские курганы (Археологические памятники Приднестровья, II). Тирасполь, 2014 (в печати).

48. Mateevici N. Cercetările a doi tumuli de lângă satul Hlinoia, Grigoriopol // Tiragetia. VI-VII. Chișinău: Editura Tiragetia, 1998. P. 73, 75-77.

49. Сеника В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. Указ. соч.

50. Борзяк И.А., Манзура И.В., Левицкий О.Г. Коржевские курганы // Археологические исследования в Молдавии в 1979-1980 гг. (отв. ред. И.А. Борзяк). Кишинёв: Штиинца, 1983. С. 3-5, 16, 17, 23-27.

51. Материал не опубликован, хранится частично в Тираспольском объединённом музее, частично – в Музее археологии Поднестровья Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

52. *Хахеу В.П.* Исследование скифских курганов у г. Тирасполя в 1983 г. // Археологические исследования молодых учёных Молдавии (отв. ред. В.А. Дергачёв). Кишинёв: Штиинца, 1990. С. 121, 124, 126-128, 130, 131.

53. *Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.В., Тельнов Н.П.* Курганы Буджакской степи. Кишинёв: Штиинца, 1989. С. 154-156, 169-173.

54. *Петренко В.Г.* Курган бронзового века у с. Старые Беяры // *Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г.* Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1991. С. 78, 89, рис. 24/1,4,5, 25/1.

55. *Борзияк И.А., Левицкий О.Г.* Исследования двух курганов в Криулянском районе // Археологические исследования в Молдавии в 1984 г. (отв. ред. Н.А. Кетрару). Кишинёв: Штиинца, 1989. С. 117, 125-126, рис. 6/3.

56. *Черняков И.Т., Дзиговский А.Н., Островецких А.С.* Отчёт о работе Буго-Днестровской экспедиции ИА АН УССР. Архив Ин-та археологии НАН Украины. № 1985/11. Киев, 1986. С. 6, рис. 5/2,4.

57. *Редина Е.Ф.* Скифский могильник Неделково на севере Одесской области // *Stratum plus.* № 3. СПб. - Кишинёв–Одесса–Бухарест, 1999. С. 75, 77, 80.

58. *Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е.* Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса: Одеська міська друкарня, 2005. С. 18, рис. 6/4,5.

59. *Там же.* С. 44-45, рис. 29/5-7.

60. *Левицкий О.Г., Демченко Т.И.* Отчёт о полевых исследованиях Каушанской новостроечной экспедиции в 1985 г. А р х и в Музея археологии и истории Молдовы, № 223. Кишинёв, 1986. С. 45.

61. *Манзура И.В., Ларина О.В., Савва Е.Н.* Исследования курганов у с. Паркань // Археологические исследования в Молдове в 1986 г. (отв. ред. Н.А. Кетрару). Кишинёв: Штиинца, 1992. С. 172, 174, 177-178, 180-183.

62. *Савва Е.Н., Клочко Е.О.* Раскопки курганов и поселения эпохи поздней бронзы «Кривое Озеро» у села Терновка в Поднестровье // Северное Причерноморье: от энеолита к античности (отв. ред. Н.А. Кетрару). Тирасполь: Типар, 2002. С. 153-154.

63. *Четвериков И.А.* Изваяние скифского воина из с. Красногорка // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Материалы полевого семинара (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь – Глиное. 28-30 августа 1997 г. Тирасполь: Приднестровский государственный ун-т, 1997. С. 12-14.

64. *Дергачёв В.А., Сава Е.Н.* Исследование курганов в окрестностях сёл Мерень и Кирка // *Stratum plus.* № 2. 2001-2002 гг. СПб.–Кишинёв–Одесса–Бухарест, 2003. С. 529-538.

65. *Агульников С., Сава Е.* Исследования курганов на левобережье Днестра. Кишинёв: СЕР USM, 2004. С. 11-12, 18-32, 34-36, 38-44, 48, 96-101, 124-131.

66. Там же. С. 11-12, рис. 4/4, 6, 10.

67. *Шукин М.Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе (Российская археологическая библиотека. № 2). СПб.: ФАРН, 1994. С. 98; *Бруйко И.В.* От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // *Stratum plus*. № 3. 2005-2009. СПб.–Кишинёв–Одесса–Бухарест. С. 334.

68. *Агульников С., Сава Е.* Указ. соч. С. 153-155.

69. В настоящее время г. Штефан-Водэ, районный центр Республики Молдова.

70. *Синика В.С.* Скифский курганный могильник у пгт Суворово на правом берегу Нижнего Днестра // *Российская археология*. № 4. 2007. С. 170-179.

71. *Агульников С.М., Субботин А.В.* Скифский курган V в. до н.э. в Днестровском Правобережье // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Сборник научных статей Международной археологической конференции (отв. ред. С.Б. Охотников). Одесса: Ветаком, 1997. С. 182-186.

72. *Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С.* Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э.* (отв. ред. Н.П. Тельнов). Материалы Международной научной конференции, г. Тирасполь, 16-19 октября 2012 г. Тирасполь: РВТ, 2012. С. 5-15.

73. *Четвериков И.А., Синика В.С.* Скифский курган конца III в. до н.э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*. Матеріали конференції «Проблеми скіфосарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б.М. Гракова). XV. Запоріжжя: Запорізький університет. С. 204-212.

74. Материал не опубликован, хранится в Музее археологии Поднестровья Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

75. *Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е.* Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса: Одеська міська друкарня, 2005. С. 73, рис. 46.

76. *Синика В.С., Меньшикова В.А., Тельнов Н.П.* Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV-I вв. до н.э. // *Stratum plus*. № 3. СПб.–Кишинёв–Одесса–Бухарест, 2014. Рис. 2/7.

77. *Носова Л.В.* Импорт изделий или «импорт» традиций (в связи с новыми находками «иллирийских булавок» в Северо-Западном Причерноморье) // *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Вып. 9. (отв. ред. И.В. Бруйко). Одесса: Печатный дом «Фаворит», 2009. С. 104-109, рис. 1, 2; *Ее же.* «Греческое» и «варварское» в Северо-Западном Причерноморье в «переходный период» (в связи с исследованием погребений конца VI – первой половины V вв. до н.э. у с. Маяки) // *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Вып. 12 (отв. ред. И.В. Бруйко). Одесса: Печатный дом «Фаворит», 2011. С. 162-166, рис. 4.

78. *Носова Л.В.* «Греческое» и «варварское» в Северо-Западном Причерноморье в «переходный период» (в связи с исследованием погребений конца VI – первой половины V вв. до н.э. у с. Маяки). С. 151-159, рис. 1, 2.

79. *Савельев О.К., Остапенко П.В.* Новые памятники скифской эпохи в Северо-Западном Причерноморье // *Старожитності Степового Причорномор'я*

і Криму. Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б.М. Гракова). XV. Запоріжжя: Запорізький університет. С. 164-171.

80. Агульников С.М., Попович С.С., Церна С.В., Топал Д.А. Скифский курган № 7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре // *Stratum plus*. № 3. СПб.–Кишинёв–Одесса–Бухарест, 2013. С. 257-284.

81. Матеріал не опублікован, хранится в Историческом музее г. Слободзея.

References

1. Uvarov S.A. Issledovaniya o drevnostyakh Yuzhnoy Rossii i beregov Chernogo moray [Studies about the antiquities of the southern Russia and the Black Sea coast], vyp. 2, SPb., Tipografiya Ekspeditsii zagotoviteley gosudarstvennykh bumag, 1856.

2. Fabritsius I.V. Arkheologicheskaya karta Prichernomor'ya Ukrainy SSR [Archaeological map of the Black Sea littoral of Ukrainian SSR], vyp. 1, Kiev, Izdatel'stvo AN SSSR, 1951, p. 14; Chernenko E.V., Bessonova S.S., Boltrik Yu.V., Polin S.V., Skoryy S.A., Bokiyy N.M., Grebennikov Yu.S. Skifskie pogrebal'nye pamyatniki stepy Severnogo Prichernomor'ya [Scythian funeral monuments of the Northern Black Sea steppes], Kiev, Naukova dumka, 1986, p. 12.

3. Fabritsius I.V. Op. cit., p. 50; Chernenko E.V., Bessonova S.S., Boltrik Yu.V., Polin S.V., Skoryy S.A., Bokiyy N.M., Grebennikov Yu.S. Op. cit., p. 9.

4. Goshkevich V.I. Klady i drevnosti Khersonskoy gubernii [Hoards and antiquities of the Kherson province], ch. 1, Kherson, YuGA, 1903, pp. 51-52; Fabritsius I.V. Arkheologicheskaya karta Prichernomor'ya Ukrainy SSR [Archaeological map of the Black Sea littoral of Ukrainian SSR], vyp. 1, Kiev, Izdatel'stvo AN SSSR, 1951, p. 54; Chernenko E.V., Bessonova S.S., Boltrik Yu.V., Polin S.V., Skoryy S.A., Bokiyy N.M., Grebennikov Yu.S. Skifskie pogrebal'nye pamyatniki stepy Severnogo Prichernomor'ya [Scythian funeral monuments of the Northern Black Sea steppes], Kiev, Naukova dumka, 1986, p. 13.

5. Goshkevich V.I. Klady i drevnosti Khersonskoy gubernii [Hoards and antiquities of the Kherson province]. Chast' 1. Kherson: YuGA, 1903.

6. During I.Ya. Stempkovsky' excavations – Ploskovskoy farm, nowadays – Bychok village, district Grigoriopol, Transnistria Moldavian Republic.

7. Currently Slavyanoserbka village, Velikomikhaylovskiy district, Odessa region.

8. Melyukova A.I. Skifskie kurgany Tiraspol'shchiny (po materialam I.Ya. i L.P. Stempkovskikh) [Scythian barrows of the Tiraspol littoral (based on I.Ya. and L.P. Stempkovskie' materials)], Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, Nr 115. M., Izdatel'stvo AN SSSR, 1962, pp. 114-166.

9. Melyukova A.I. *Ibid.*, p. 132, tabl. 7/7.

10. Shkadyshek M. Opisanie raskopki kurgana v okrestnostyakh goroda Tiraspolya, proizvedennoy podpolkovnikom Shkadyshek 18 iyulya 1909 g. [Description of barrow excavations near the town of Tiraspol done by lieutenant colonel Shkadyshek July 18, 1909], Zapiski Odesskogo obshchestva

- istorii i drevnostey, T. XXVIII. Odessa, «Slavyanskaya» tipografiya, 1910, pp. 92–94 (protokoly).
11. *Fabritsius I.V.* Op. cit., p. 21.
12. *Samokvasov D.Ya.* Mogily russkoy zemli [Graves of Russian land], M., Sinodal'naya tipografiya, 1908, pp. 131–132.
13. *Melyukova A.I.* Skifiya i frakiyskiy mir [Skifia and Thracian world]. M., Nauka, 1979, p. 157.
14. *Shumanskiy E.A.* Soobshchenie o nakhodkakh v kurgane Broaska [Report about findings in a barrow near the village Broaska], Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey, T. XXVIII. Odessa, «Slavyanskaya» tipografiya, 1910, p. 8 (protokoly); *Rikman E.A.* Khudozhestvennye sokrovishcha drevney Moldavii [Art treasures of ancient Moldova], Kishinev, Kartya moldovenyaska, 1969, p. 33.
15. *Ketraru N.A.* Ocherki istorii i arkheologii Moldovy. 1715–1945 [Essays on the history and archaeology of Moldova. 1715–1945], Kishinev, Tsentral'naya tipografiya, 2005, pp. 49–50.
16. *Mozolevskiy B.N., Polin S.V.* Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n.e. (Babina, Vodyana i Soboleva mogily) [Barrows of scythian Gerros of the IV century BC (Babina, Vodyana and Soboleva barrows)], Kiev, Stilos, 2005, pp. 20–28.
17. *Fabritsius I.V.* Op. cit., p. 14.
18. *Sinitsyn M.S.* Sledy drevnikh poseleniy skifo-sarmatskoy epokhi mezhd u st'yami Dnestra i Buga [Traces of ancient settlements of the scythian-sarmatian epoch between the mouths of the Dniester and the Bug], Naukovi zapiski. T. IX. Odesa: Odes'ke oblasne vidavnistvo, 1950, p. 52.
19. *Sinitsyn M.S.* Karta poselen' i gorodishch mizh girlami Dnistra y Pivdennogo Bugu skifo-sarmats'kogo chasu [Map of settlements between the mouths of the Dniester and Southern Bug in scythian-sarmatian time], Naukovi zapiski. T. X. Odesa: Odes'ke oblasne vidavnistvo, 1955, p. 51.
20. *Nudel'man A.A., Rikman E.A.* Navershie i klad serebryanykh ukrasheniy skifskogo vremeni iz Moldavii [Finial and hoard of silver adornments of the scythian time from Moldova], Izvestiya Moldavskogo filiala AN SSSR, Nr 4 (31), Kishinev: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Moldavii, 1956, p. 129, image 2.
21. *Sergeev G.P.* Skifskiy kinzh al iz Oloneshtskogo rayona Moldavskoy SSR [Scythian dagger from Oloneshty district Moldavian SSR], Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva, T. I (34). Odessa, Odesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960, pp. 262–265.
22. *Melyukova A.I.* Kurgan usatovskogo tipa u s. Tudorovo [Barrow of Usatovo type near the village Tudorovo], Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR, Nr 88, M., Izdatel'stvo AN SSSR, 1962, p. 82, image 25/2.
23. *Dzis-Rayko G.A., Sunichuk E.F.* Kompleks predmetov skifskogo vremeni iz s. Velikoploskoe [Complex of the things of scythian time from the Velikoploskoe village], Ranniy zheleznyy vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya, ed. I.T. Chernyakov, Kiev, Naukova dumka, 1984, pp. 148–158, image 1, 2; *Zaytsev Yu.P.* Latenskiy bronzovyy sosud iz Velikoploskogo [La-Ten bronze vessel from Velikoploskoe], Trudy GIM, vyp. 191, Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy, eds. D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov, M., GIM, 2012, pp. 148–150, image 6.

24. *Ol'khovskiy V.S., Evdokimov G.L.* Skifskie izvayaniya VII-III vv. do n.e. [Scythian stelae of the VII-III centuries BC], M.: MTO METEO, 1994, pp. 16-17, kat. Nr 5, il. 3.

25. *Melyukova A.I.* Poselenie i mogil'nik skifskogo vremeni u s. Nikolaevka [Settlement and cemetery of the scythian time near the Nikolaevka village], M., Nauka, 1975, pp. 103-107.

26. *Dzis-Rayko G.A.* Raskopki mogil'nika v s. Nikolaevka na Dnestrovskom limane [Excavations of the cemetery in the Nikolaevka village on the Dniester estuary], *Kratkie soobshcheniya o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya za 1963 god*, ed. I.B. Kleyman, Odessa, Mayak, 1965, pp. 59-68.

27. *Melyukova A.I.* Poselenie i mogil'nik skifskogo vremeni u s. Nikolaevka [Settlement and cemetery of the scythian time near the Nikolaevka village], M., Nauka, 1975, pp. 65-103.

28. *Melyukova A.I.* Kurgany skifskikh kochevnikov u s. Nikolaevka [barrows of scythian nomads near the Nikolaevka village], *Ranniy zheleznyy vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*, ed. I.T. Chernyakov, Kiev, Naukova dumka, 1984, pp. 90-103.

29. *Alekseeva I.L., Bulatovich S.A.* Dva kurgana na levoberezh'е Dnestrovskogo limana [Two barrows on the left bank of Dniester estuary], *Okhrannye istoriko-arkheologicheskie issledovaniya na yugo-zapade Ukrainy. Vestnik Chernomorskoy assotsiatsii arkheologov i lyubiteley drevnostey*, vyp. 1. ed. A.O. Dobrolyubskiy, Odessa–Zaporozh'е, Tipografiya Odesskogo oblpoligrafizdata, 1990, pp. 35, 38-39, 47.

30. *Okhotnikov S.B.* Skifskiy mech iz g. Kotovska Odesskoy oblasti [Scythian sword from the Kotovsk city, Odessa region], *Severnoe Prichernomor'e (materialy po arkheologii)*, ed. G.A. Dzis-Rayko, Kiev, Naukova dumka, 1984, pp. 112-113.

31. *Shmagliy N.M., Chernyakov I.T.* Kurgany na levoberezh'е Nizhnego Dnestra [Barrows on the left bank of the Lower Dniester], *Novye materialy po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*, ed. V.N. Stanko, Kiev, Naukova dumka, 1985, pp. 103-104.

32. *Diamant E.I., Chernenko E.V.* Skifskiy kinzhal iz Odesskogo muzeya [Scythian dagger in Odessa museum], *Arkheologicheskie issledovaniya na Ukraine v 1968 g.*, Vyp. 3, Kiev, Naukova dumka, 1969, pp. 159-160.

33. *Alekseeva I.L.* Skifskie pogrebeniya v kurganakh Odesskoy oblasti [Scythian burials in the barrows of Odessa region], *Arkheologicheskie issledovaniya na Ukraine v 1968 g.*, vyp. 3, Kiev, Naukova dumka, 1969, pp. 150-151.

34. *Levitskiy O.G., Demchenko T.I.* Pamyatniki skifskoy arkhaiki na territorii Moldovy [Monuments of scythian archaic on the territory of Moldova], *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ya i Kryma*, V, Zaporozh'е, Zaporozhskiy universitet, 1995, pp. 42, 44-45, image 2/5-7.

35. *Sinika V.S., Razumov S.N., Tel'nov N.P.* Kurgany u sela Butory [Barrows near Butory village] (*Arkheologicheskie pamyatniki Pridnestrov'ya*, I), Tiraspol', Poligrafist, 2013, pp. 16-21, 101-128.

36. *Zaginaylo A.G., Chernyakov I.T., Petrenko V.G.* Karolino-Bugazskiy mogil'nik [Cemetery Karolino-Bugaz], *Novye issledovaniya po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya*, ed. T.L. Samoylova, Kiev, Naukova dumka, 1987, p. 103.

37. *Subbotin L.V.* Raskopki kurganov u s. Orlovka i v g. Belgorod-Dnestrovskom [Excavations of the barrows near Orlovka village and in Belgorod-Dnestrovsky], *Arkheologicheskie otkrytiya 1974 goda*, M., Nauka, 1975, p. 356.

38. *Subbotin L.V., Okhotnikov S.B.* Skifskie pogrebeniya Nizhnego Podnestrov'ya [Scythian burials of Lower Dniester littoral], *Drevnosti Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*, ed. G.G. Mezentseva, Kiev, Naukova dumka, 1981, p. 106; *Nosova L.V.* «Grecheskoe» i «varvarskoe» v Severo-Zapadnom Prichernomor'e v «perekhodnyy period» (v svyazi s issledovaniem pogrebeniy kontsa VI – pervoy poloviny V v. do n.e. u s. Mayaki) [«Greek» and «barbarian» in the North-West Black Sea littoral in the «transitional period» (due to discovery of the burials of the end of VI – first half of V century BC near Mayaki village)], *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya*, vyp. 12, ed. I.V. Bruyako, Odessa, Pechatnyy dom «Favorit», 2011, p. 161, image 3/3.

39. *Subbotin L.V., Okhotnikov S.B.* Skifskie pogrebeniya Nizhnego Podnestrov'ya [Scythian burials of Lower Dniester littoral], *Drevnosti Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*, ed. G.G. Mezentseva, Kiev, Naukova dumka, 1981, p. 106.

40. *Subbotin L.V.* Otchet o rabote Semenovskoy novostroechnoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1975 g. [Report about the work of Semionovka salvage archaeological expedition in 1975], *Arkhir Instituta arkheologii NAN Ukrainy*. Nr 1975/34, Kiev, 1976; *Subbotin L.V.* Otchet o rabote Semenovskoy novostroechnoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1976 g. [Report about the work of Semionovka salvage archaeological expedition in 1976], *Arkhir Instituta arkheologii NAN Ukrainy*. Nr 1976/45, Kiev, 1977; *Zaytsev Yu.P.* Antichnaya keramika v ritual'nykh (votivnykh) kladakh Severnogo Prichernomor'ya [Antique ceramics in ritual (votive) hoards of the Northern Black Sea littoral], *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III-II vv. do n.e.*, ed. N.P. Tel'nov, *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, g. Tiraspol', 16-19 oktyabrya 2012 g., Tiraspol', RVT, 2012, pp. 58-63.

41. *Ostroverkhov A.S., Toshchev G.M.* Skifs'kiy kins'kiy nanosnik [Scythian horse noseband], *Arkheologiya*. Nr 49, Kiiv, Naukova dumka, 1985, pp. 75-76, image 1.

42. *Chernyakov I.T., Dobrolyubskiy A.O., Ostroverkhov A.S., Dzigovskiy A.N., Sapozhnikov I.V., Chernov S.I., Agbunov M.V.* Otchet ob okhrannykh raskopkakh v zone stroitel'stva Dunay-Dnestrovskoy OS i Odesskoy ATETs za 1982 g. [Report about the protective excavations in zone of building of Dunay-Dnestrovskaya irrigation system and Odessa nuclear central heating station], *Arkhir Instituta arkheologii NAN Ukrainy*. Nr 1982/7, Kiev, 1983, pp. 51-52.

43. *Yarovoy E.V.* Kurgany eneolita – epokhi bronzy nizhnego Podnestrov'ya [Barrows of eneolithic and bronze age in the Lower Dniester littoral], *Kishinev, Shtiintsa*, 1990, pp. 7, 16-19, 36-37.

44. *Yarovoy E.V.* Kurgany eneolita – epokhi bronzy nizhnego Podnestrov'ya [Barrows of eneolithic and bronze age in the Lower Dniester littoral], *Kishinev, Shtiintsa*, 1990, pp. 7, 41, 47-53, 116-118.

45. *Serova N.L., Yarovoy E.V.* Grigoriopol'skie kurgany [Grigoriopol barrows], Kishinev, Shtiintsa, 1987, pp. 21-30, 40-42, 85-87.
46. *Mateevici N.* Amforă de Chios de la Dubăsari (o nouă achiziție a MNIM), Tirageția, S.n., Vol. VII [XXII], Nr 1, Chișinău, Editura Tirageția, 2013, pp. 293-295.
47. *Sinika V.S., Razumov S.N., Tel'nov N.P.* Dubossarskie kurgany [Dubossary barrows] (Arkheologicheskie pamyatniki Pridnestrov'ya, II), Tiraspol', 2014 (printing).
48. *Mateevici N.* Cercetările a doi tumuli de lângă satul Hlinoia, Grigoriopol, Tirageția, VI-VII, Chișinău, Editura Tirageția, 1998, pp. 73, 75-77.
49. *Sinika V.S., Razumov S.N., Tel'nov N.P.* Dubossarskie kurgany [Dubossary barrows] (Arkheologicheskie pamyatniki Pridnestrov'ya, II). Tiraspol', 2014 (printing).
50. *Borziyak I.A., Manzura I.V., Levitskiy O.G.* Korzhevskie kurgany [Korzhevo barrows], Arkheologicheskie issledovaniya v Moldavii v 1979-1980 gg., ed. I.A. Borziyak, Kishinev, Shtiintsa, 1983, pp. 3-5, 16, 17, 23-27.
51. The material has not been published, at the present time it is stored partly in Tiraspol Integrated Museum, partly – in the Archaeological Museum of Dniester littoral of the Transnistria State University.
52. *Khakheu V.P.* Issledovanie skifskikh kurganov u g. Tiraspol'ya v 1983 g. [Investigations of the scythian barrows near Tiraspol in 1983], Arkheologicheskie issledovaniya molodykh uchenykh Moldavii, ed. V.A. Dergachev, Kishinev, Shtiintsa, 1990, pp. 121, 124, 126-128, 130, 131.
53. *Chebotarenko G.F., Yarovoy E.V., Tel'nov N.P.* Kurgany Budzhakskoy stepi [Barrows of Budzhak steppe], Kishinev, Shtiintsa, 1989, pp. 154-156, 169-173.
54. *Petrenko V.G.* Kurgan bronzovogo veka u s. Starye Belyary [Bronze age barrow near Starye Belyary village], *Vanchugov V.P., Zaginaylo A.G., Kushnir V.G., Petrenko V.G.* Voronovka II. Poselenie pozdnego bronzovogo veka v Severo-Zapadnom Prichernomor'e, Kiev, Naukova dumka, 1991, pp. 78, 89, image 24/1, 4, 5, 25/1.
55. *Borziyak I.A., Levitskiy O.G.* Issledovaniya dvukh kurganov v Kriulyanskom rayone [Investigations of two barrows in Kriulyany district], Arkheologicheskie issledovaniya v Moldavii v 1984 g., ed. N.A. Ketaru, Kishinev, Shtiintsa, 1989, pp. 117, 125-126, image 6/3.
56. *Chernyakov I.T., Dzigovskiy A.N., Ostroverkhov A.S.* Otchet o rabote Bugo-Dnestrovskoy ekspeditsii IA AN USSR [Report about the work of Bugo-Dniesterian expedition of Institute of archaeology of Academy of sciences of Ukrainian SSR], Arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy, Nr 1985/11, Kiev, 1986, p. 6, image 5/2, 4.
57. *Redina E.F.* Skifskiy mogil'nik Nedelkovo na severe Odesskoy oblasti [Scythian cemetery nedelkovo on the north of Odessa region], Stratum plus, Nr 3, SPb–Kishinev–Odessa–Bukharest, 1999, pp. 75, 77, 80.
58. *Ivanova S.V., Petrenko V.G., Vetchinnikova N.E.* Kurgany drevnikh skotovodov mezhdu rech'ya Yuzhnogo Buga i Dnestra [Barrows of the ancient nomads of the interfluvial between South Bug and Dniester], Odessa, Odes'ka mis'ka drukarnya, 2005, p. 18, image 6/4, 5.

59. *Ibid.*, pp. 44-45, image 29/5-7.

60. *Levitskiy O.G., Demchenko T.I.* Otchet o polevykh issledovaniyakh Kaushanskoy novostrochnoy ekspeditsii v 1985 g. [Report about the field investigations of Kaushany salvage expedition in 1985], Arkhiv Muzeya arkeologii i istorii Moldovy, Nr 223, Kishinev, 1986, p. 45.

61. *Manzura I.V., Larina O.V., Savva E.N.* Issledovaniya kurganov u s. Parkan' [investigations of the barrows near Parkany village], Arkheologicheskie issledovaniya v Moldove v 1986 g., ed. N.A. Ketrraru, Kishinev: Shtiintsa, 1992, pp. 172, 174, 177-178, 180-183.

62. *Savva E.N., Klochko E.O.* Raskopki kurganov i poseleniya epokhi pozdney bronzy «Krivoe Ozero» u sela Ternovka v Podnestrov'e [Excavations of the barrows and late bronze age settlement «Krivoe Ozero» near Ternovka village in Dniester littoral], Severnoe Prichernomor'e: ot eneolita k antichnosti, ed. N.A. Ketrraru, Tiras-pol', Tipar, 2002, pp. 153-154.

63. *Chetverikov I.A.* Izvayanie skifskogo voyna iz s. Krasnogorka [Scythian warrior stela from Krasnogorka], Chobruchskiy arkheologicheskiy kompleks i voprosy vzaimovliyaniya antichnoy i varvarskoy kul'tur (IV v. do n.e. – IV v. n.e.), Materialy polevogo seminara, ed. E.V. Yarovoy, Tiraspol' – Glinoe. 28-30 avgusta 1997 g., Tiraspol', Pridnestrovskiy gosudarstvennyy universitet, 1997, pp. 12-14.

64. *Dergachev V.A., Sava E.N.* Issledovanie kurganov v okrestnostyakh sel Meren'i Kirka [Investigations of the barrows around Mereny and Kirka villages], Stratum plus, Nr 2, 2001-2002 gg., SPb. – Kishinev – Odessa – Bukharest, 2003, pp. 529-538.

65. *Agul'nikov S., Sava E.* Issledovaniya kurganov na levoberezh'e Dnestra [Investigations of the barrows on the left bank of the Dniester littoral], Kishinev, CEP USM, 2004, pp. 11-12, 18-32, 34-36, 38-44, 48, 96-101, 124-131.

66. *Ibid.*, pp. 11-12, image 4/4,6,10.

67. *Shchukin M.B.* Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobyitiy III v. do n.e. – I v. n.e. v Vostochnoy i Tsentral'noy Evrope [On the turn of erae. An attempt to construct a model of political events in Eastern and Central Europe during 3-rd century BC – 1-st century AD] (Rossiyskaya arkheologicheskaya biblioteka, Nr 2), SPb., Farn. 1994, s. 98; *Bruyako I.V.* Ot Skifii k Sarmatii: desyat' let spustya, Stratum plus, Nr 3, 2005-2009, SPb. – Kishinev – Odessa – Bukharest, 2009, p. 334.

68. *Agul'nikov S., Sava E.* Issledovaniya kurganov na levoberezh'e Dnestra [Investigations of the barrows on the left bank of the Dniester littoral], Kishinev, CEP USM, 2004, pp. 153-155.

69. Currently it is town Ștefan-Vodă, district centre of Republic Moldova.

70. *Sinika V.S.* Skifskiy kurgannyi mogil'nik u pgt. Suvorovo na pravoberezh'e Nizhnego Dnestra [Scythian barrow cemetery near Suvorovo town on the right bank of the Lower Dniester littoral], Rossiyskaya arkheologiya, Nr 4, 2007, pp. 170-179.

71. *Agul'nikov S.M., Subbotin A.V.* Skifskiy kurgan V v. do n.e. v Dnestrovskom Pravoberezh'e [Scythian barrow of the V century BC on the right bank of the Dniester littoral], Nikoniy i antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Sbornik

nauchnykh statey Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii, ed. S.B. Okhotnikov, Odessa, Vetakom, 1997, pp. 182-186.

72. *Tel'nov N.P., Chetverikov I.A., Sinika V.S.* Skifskiy mogil'nik III–II vv. do n.e. u s. Glinoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra (predvaritel'nye itogi issledovaniya) [Scythian cemetery of the III-II centuries BC near Glinoe village on the left bank of the Lower Dniester littoral (preliminary results of investigations)], *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III-II vv. do n.e.* ed. N.P. Tel'nov, Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, g. Tiraspol', 16-19 oktyabrya 2012 g., Tiraspol', RVT, 2012, pp. 5-15.

73. *Chetverikov I.A., Sinika V.S.* Skifskiy kurgan kontsa III v. do n.e. u s. Chobruchi na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Scythian barrow of the end of III century BC near Chobruchi village on the left bank of the Lower Dniester littoral], *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu. Materiali konferentsii «Problemi skifo-sarmats'koï arkheologii Pivnichnogo Prichornomor'ya» (do 110-richchya z dnya narodzhennya B.M. Grakova)*, XV, Zaporizhzhya, Zaporiz'kiy universitet, pp. 204-212.

74. The material has not been published, at the present time it is stored in the Archaeological Museum of Dniester littoral of the Transnistria State University.

75. *Ivanova S.V., Petrenko V.G., Vetchinnikova N.E.* Kurgany drevnikh skotovodov mezhdurech'ya Yuzhnogo Buga i Dnestra [Barrows of the ancient nomads of the interfluvial between South Bug and Dniester], Odessa, Odes'ka mis'ka drukarnya, 2005, pp. 73, image 46.

76. *Sinika V.S., Men'shikova V.A., Tel'nov N.P.* Lepnye kuril'nitsy iz pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya IV-I vv. do n.e. [Moulded incense cups from the monuments of the North Black Sea littoral of IV-I centuries BC], *Stratum plus*, Nr 3. SPb.–Kishinev–Odessa–Bukharest, 2014, image 2/7.

77. *Nosova L.V.* Import izdeliy ili «import» traditsiy (v svyazi s novymi nakhodkami «illiriyskikh bulavok» v Severo-Zapadnom Prichernomor'e) [Imports of goods or «import» traditions (due to new discoveries of «Illyrian pins» in the North-West Black Sea littoral)], *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya*, Vyp. 9, ed. I.V. Bruyako, Odessa, Pechatnyy dom «Favorit», 2009, s. 104-109, image 1, 2; *Nosova L.V.* «Grecheskoe» i «varvarskoe» v Severo-Zapadnom Prichernomor'e v «perekhodnyy period» (v svyazi s issledovaniem pogrebeniy kontsa VI – pervoy poloviny V vv. do n.e. u s. Mayaki) [«Greek» and «barbarian» in the North-West Black Sea littoral in the «transitional period» (due to discovery of the burials of the end of VI – first half of V century BC near Mayaki village)], *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya*, vyp. 12, ed. I.V. Bruyako, Odessa, Pechatnyy dom «Favorit», 2011, pp. 162-166, image 4.

78. *Nosova L.V.* «Grecheskoe» i «varvarskoe» v Severo-Zapadnom Prichernomor'e v «perekhodnyy period» (v svyazi s issledovaniem pogrebeniy kontsa VI – pervoy poloviny V vv. do n.e. u s. Mayaki) [«Greek» and «barbarian» in the North-West Black Sea littoral in the «transitional period» (due to discovery of the burials of the end of VI – first half of V century BC near Mayaki village)], pp 151-159, image 1, 2.

79. Savel'ev O.K., Ostapenko P.V. Novye pamyatniki skifskoy epokhi v Severo-Zapadnom Prichernomor'e [New monuments of the scythian epoch in north-West Black Sea littoral], Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu. Materiali konferentsii «Problemi skifo-sarmats'koï arkheologii Pivnichnogo Prichornomor'ya» (do 110-richchya z dnya narodzhennya B.M. Grakova), XV, Zaporizhzhya, Zaporiz'kiy universitet, pp 164-171.

80. Agul'nikov S.M., Popovich S.S., Tserna S.V., Topal D.A. Skifskiy kurgan Nr 7 u s. Purkar' na Nizhnem Dnestre [svythian barrow Nr 7 near Purkary village on the Lower Dniester], Stratum plus. Nr 3. SPb.–Kishinev–Odessa–Bukharest, 2013, pp. 257-284.

81. The material has not been published, at the present time it is stored in the Slobodzeya Historical Museum.

Тельнов Николай Петрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Молдовы.

Telnov Nicolai – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher the Institute of Cultural Patrimony of the Academy of Sciences of Moldova.

E-mail: telnovnikolai@mail.ru

Синика Виталий Степанович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Sinika Vitalij – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Taras Shevchenko State University of Transnistria.

E-mail: sinica80@mail.ru

УДК 94(47)"08/12"

DOI: 10.17223/18572685/36/3

«ЯЖЕ СУТЬ ТОЛКОВИНЫ»: К ПРОБЛЕМЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДА ДРЕВНЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАРПАТО- ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ

С.Г. Суляк

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

Молдова, Приднестровье, 3300 г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Researcher ID: D-6981-2014

Scopus Author ID: 55359315000

<http://orcid.org/0000-0001-5040-9080>

SPIN-код: 6908-8277

Авторское резюме

Потомки тиверцев, уличей и хорватов основали Галицкое княжество и сыграли важную роль в создании Древнерусского государства, формировании древнерусской народности и этногенезе украинского, польского, венгерского, молдавского, румынского народов. В дальнейшем часть древнерусского населения Карпатской Руси в условиях иноконфессионального и иноязычного окружения смогла сохранить свою этнокультурную идентичность и самоназвание «русины». В связи с этим представляет интерес изучение истории формирования данной общности и ее хозяйственно-экономического уклада.

Упоминание в русских летописях тиверцев, «яже суть толковины», и «выгонцев галицких» свидетельствует о роде занятий населения данного региона (слова «толока» и «выгон» означают пастбище) – пастушестве. Впоследствии общность хозяйственного уклада, а также единство веры (православие) привели к установлению мирных контактов с волохами и совместной «волошской колонизации». Слово «волох» (влах, валах) указывало не только на этническую принадлежность, но и на род занятий (пастух). Позже скотоводство играло большую роль в созданном на землях Галицкой Руси Молдавском княжестве, где русины составляли значительную часть населения.

Ключевые слова: восточные славяне, тиверцы, уличи, хорваты, толковины, выгонцы, пастухи, Галицкое княжество, Галицкая Русь, волохи, русины, волошская колонизация, Молдавское княжество, Молдавия, Карпатская Русь.

“Who are tolvoviny”: in regard to the Economic Structure of the Old Russian Population in the Carpatho-Dniestrovian Lands

S.G. Sulyak

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107, October 25 str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The descendants of the Tivertsy, Uliches, and Khorvats founded the Galician Principality, played an important role in the creation of the Old Russian state and nation and in the ethno-genesis of the Ukrainian, Polish, Hungarian, Moldavian and Romanian peoples. A part of the Old Russian population of Carpatho-Rus', despite living in inter-confessional and multi-linguistic surroundings, henceforth was able to preserve its ethno-cultural identity and its own designation “Rusin”.

This presents an opportunity to study the history of the formation of the given community and its economic structure.

The mention in the Russian Chronicles of the Tivertsy as “Who are tolvoviny” and “Galician vygontsy” demonstrate the type of activity the population of the given region was involved in, that is herding (toloka and vygon both refer to pasturing). Eventually, because of the commonality of the economic structure and also the Orthodox faith, this led to peaceful contact with the Vlachs and a compatible “Valachian colonization”.

The word “Volokh” (Vlakh, Valakh), along with ethnic belonging, also indicated the activity of herding. Later, cattle breeding played a major role in the Moldavian Principality, where the Rusins comprised a significant part of the population, of Galician Rus'.

Keywords: Eastern Slavs, Tivertsy, Uliches, Khorvats, tolvoviny, vygontsy, shepherds, Galician Principality, Galician Rus', Volokhs, Rusins, Vallachian Colonization, Moldavian Principality, Moldavia, Carpathian Rus'.

Тиверцы и уличи, фрагментарно упомянутые на страницах «Повести временных лет», до сих пор являются наименее изученными из всех восточнославянских племен. Данный им в свое время археологами Л. Нидерле и Б. Рыбаковым эпитет **«загадочные»**¹ вполне уместен и сегодня.

Потомки тиверцев, улличей² и хорватов основали Галицкое княжество, сыграли важную роль в создании древнерусской государственности, формировании древнерусской народности и этногенезе украинского, польского, венгерского, молдавского, румынского народов.

Часть насельников Карпатской Руси в условиях иноконфессионального и иноязычного окружения сумела сохранить свою этнокультурную идентичность и самоназвание «русины» до сегодняшнего дня.

Одной из задач, стоящих перед современной историографией, является изучение эволюции и преемственности хозяйственного уклада восточнославянского (древнерусского) населения и его потомков – русинов (руснаков), проживающих в Карпато-Днестровском регионе.

Согласно «Повести временных лет» уличи и тиверцы «сидели по Днестру и соседили с Дунаем». На основании письменных источников и археологических данных многие исследователи в целом согласны с летописными сведениями о расселении этих племен³. Тиверцы жили в Пруто-Днестровском междуречье до Дуная, а часть уличей, вероятно, после взятия их племенного центра Пересечена Свенельдом в 940 г., переселилась в междуречье Буга и Днестра.

В «Повести временных лет» (по Лаврентьевской летописи) дана локализация тиверцев и уличей: «... а Оуличи Тиверьци . сѣдаху бо по Днѣстру . присѣдаху къ Дунаєви бѣ мноꙗство ихъ . сѣдаху бо по Днѣстру . или до моря . [и] суть гради ихъ . и до сего днѣ . да то са зваху ѿ Грекъ . Великаа Скуфь»⁴.

ПВЛ по Ипатьевской летописи указывает: «а Оуличи и Тиверци сѣдаху по Бугу . и по Днѣпру . и при(при)сѣдаху къ Дунаєви . и бѣ мноꙗство ихъ . сѣдаху бо по Бугу . и по Днепру . или до моря . и суть городи ихъ и до сего днѣ . да то са зоваху ѿ . Грѣкъ Великаа Скуфь»⁵. Так же - «по Бугу и Днестру» - в Радзивиловской летописи (Московско-Академическом списке). А к Лаврентьевскому варианту «по Бугу къ Дунаєви» близко изложение в Софийской первой, Никоновской (Патриаршей), Воскресенской и других летописях⁶.

Северными соседями тиверцев и уличей были хорваты, жившие в Прикарпатье⁷. Современное украинское Прикарпатье, а также район Перемышля (Польша) составляли территорию Великой Хорватии, о которой писал Константин Багрянородный в X в.⁸

В 885 г. князь Олег с ними воевал: «а с Уличи . и Тѣверци имаше рать»⁹.

В 907 г. «Иде Шлегъ на Греky». Со множеством других племен, участвовавших в походе, упоминаются тиверцы, «яже суть толковины» (в Лаврентьевской летописи: «и Тиверци . яже соу¹ толковины . си вси звахуть² ѿ Грекъ Великаа Скоуѥ»¹⁰; в Ипатьевской: «и Тиверци . яже суть толковины . си вси звахуть² Великаа Скуфь»¹¹; в Софийской первой летописи: «Тиверци ° иже суть толковины: си звахутся от Грекъ Великая Скуфия»¹²; в Воскресенской летописи: «и Тиверци, иже суть тълкованные: сиі звахуся от Грекъ Великаа Скуѡія»¹³).

Некоторые исследователи считают, что слово «толковины», помимо тиверцев, может относиться либо ко всему предложению¹⁴, либо к и хорватам, и дулебам¹⁵, либо к к уличам¹⁶.

Слово «толковины» встречается в описании сна великого князя Святослава Всеволодовича в «Слове о полку Игореве» (XII в.): «Сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великыи женчюгъ на лоно, и нѣгують мя»¹⁷.

Последний раз тиверцы появляются на страницах летописи под 944 г., когда они вместе с другими племенами участвовали в походе князя Игоря на греков¹⁸.

Несколько ранее последний раз пишется об уличах. В Воскресенской летописи говорится: «Иде Игорь на Древляны, и побѣди а, и возложи на ня дань болши Олговы. И бѣ у него воевода, именемъ Свентелдъ, и премучи Углецы, и возложи на нихъ Игорь дань и вдасть Свентелду; и не вдашется единъ градъ, именемъ Пересѣчень, и сѣде около его 3 лѣта, и едва взя и°. И бѣша сѣдяще Углицы по Днѣпру внизъ; и по семъ придоша межи вои Днѣстръ, и сѣдоша тамо»¹⁹. Это событие датируется 940 г. (в Новгородской первой летописи младшего извода: «В лето 6448. Въ се лето яшася уличи по дань Игорю, и Пресѣчень възять бысть. В се же лѣто дасть дань на нихъ Свѣнделду.»²⁰).

Но русское население Карпато-Днестровских земель летописец упоминает и позже. В 1223 г., перед битвой на Калке, к русским войскам подошло подкрепление: «а выгонци Галичкыа придоша по Днѣпроу . и воидоша в море . бѣ бо лодеи тысаща . и воидоша во Днѣпръ . и возведоша пороги и сташа оу рѣкы Хорьтицѣ . на бродоу оу Протолчи . бѣ бо с ними Домамѣричъ Юрьги и Держикрай . Володиславичъ»²¹. Воскресенская летопись уточняет, что «придоша же и выгонци Галичскіе въ лодьяхъ по Днѣстру, и выидоша въ море, бѣ бо лодій 1000, и войдоша въ рѣку Днѣпр, и возведоша пороги, и сташа у рѣки Хортици на бродѣ на протолчи; бѣ же съ ними Домарѣичъ Юрьи и Дръжикрай Володиславичъ»²² (по Днестру, а не по Днепру, как указано в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях²³). Интересно, что все остальные воины пришли «кыиждо съ своими кнзѣми», в том числе галичане и волынцы²⁴, причем «придоша коньми»²⁵.

Полемика о том, как трактовать летописных «толковинов»²⁶ и «выгонцев», не утихает до сих пор. Причем в основу ставится лингвистический подход.

Большая часть исследователей придерживается двух мнений: речь идет о **союзниках (помощниках)** или **толмачах (переводчиках)**. Точку зрения, что «толковины» - **союзники**, поддерживали В.И. Григорович, П.А. Иванов, Н.В. Молчановский, Д.А. Расовский, Б.А. Рыбаков, И.П. Русанова, Б.А. Тимошук, Г.Б. Федоров, А.Н. Сахаров, И.А. Фроянов,

Н.П. Тельнов²⁷. Вторая версия - **переводчики** (для нашего исследования не столь важно, со славяно-тюркского или славяно-греческого). Ее сторонники - А.А. Шахматов, Д.С. Лихачев (при переводе «Повести временных лет»), В.М. Истрин, Ю.В. Готье, М.Н. Тихомиров, В.В. Седов, Ф.П. Филин, А.С. Стрижак, П.П. Толочко²⁸.

А.А. Шахматов и А.А. Зимин считали, что «толковинов» «Слова о полку Игореве» нельзя отождествлять с летописными «толковинами» – тиверцами²⁹.

«Поганыхъ тлъковинъ» «Слова о полку Игореве» (с. 31) тоже переводили по-разному: «поганых иноземцев» (Д.С. Лихачев, с. 89), «в нечистых раковинах» (В.А. Жуковский, с. 132), «мерзких раковин» (М.Д. Деларю, с. 146), «из поганых половецких» (А.Н. Майков, с. 159), «вражьих» (К.Д. Бальмонт, с. 174), «чужаков-толмачей» (С.В. Шервинский, с. 193), «вражьего изделия» (Н.А. Заболоцкий, с. 218), «половчин лукавый» (Н.И. Рыленков, с. 241), «половецких» (И.И. Шкляревский, с. 263)³⁰.

Очевидно, что во многих случаях литераторы, исходя из контекста, интуитивно заменяли **«толковин»** на **«половцев»**, которые были кочевниками (скотоводами, пастухами).

Получили новую жизнь и т. н. альтернативные трактовки. Р. Рабинович подробно останавливается на двух из них: **«мореходы»** и **«толкователи»**³¹. Он полагает, что тиверцы (они же тервуняне) обитали ранее в приморской части на балканском побережье³². Не отвергает он и «сакральную» гипотезу С. Львова³³, считавшего, что толкование (от «преложити – прекладити») - не перевод, а гадание, прорицательство, заговаривание, растолкование снов, примет, природных явлений и т. д.³⁴ Сторонником этой гипотезы является и молдавский краевед Ю. Иванов³⁵.

Поскольку, на наш взгляд, две последние и иные интерпретации не имеют достаточно убедительных обоснований, остановимся на анализе первых двух наиболее популярных предположений: **союзники, помощники** (производное от древнерусского ***tolk** - «толока» - общественная помощь) и **толмачи, переводчики** (от древнерусского ***tylk** - «тълкарь» - «тълковати», «толковникъ» - переводчик).

Сторонники данных теорий подвергли тщательному разбору версии свои и оппонентов, и приведенная ими аргументация позволяет усомниться в правильности и той, и другой.

А.Н. Сахаров указывал, что в войске были вятичи и другие племена, которые в то время не входили в состав Руси и действительно являлись союзниками, помощниками киевского князя. Но, несмотря на это, он считает, что летописец назвал именно тиверцев «союзниками, помощниками, потому что еще вчера они были противниками

Олега». Недавние противники, так и не подчинившиеся, потребовали, по его мнению, дополнительной характеристики летописца³⁶. Напомним, что согласно летописи в 885 г. князь Олег воевал с тиверцами и, вероятно, их покорил.

В свою очередь Д.А. Расовский сомневается в необходимости участия в походе такого количества переводчиков. Он, как и Г.Б. Федоров, выражает сомнение, что целое племя выполняло данную функцию³⁷.

Никаких убедительных аргументов, зачем киевскому князю Олегу в 907 г. нужно было столько переводчиков в походе на греков, или почему из всех принявших участие в походе племен только это (хотя он 22 года назад воевал с ним) названо союзником, на наш взгляд, до сих пор нет.

Через 316 лет в летописи упоминаются проживавшие в Карпато-Днестровских землях **«выгонцы галицкие»**.

Большинство историков считает, что русские наемники, с которыми возвращается в Болгарию Иван Асень II в 1217 г., тоже «выгонцы»:

«20. И снова речь пойдет о делах болгар. Первый царь болгар Асень имел двух сыновей: Иоанна и Александра. Когда в Болгарии воцарился вышеупомянутый Борил, сын Асаня Иоанн, предпочтя изгнание, ушел в страну росов, прожил там довольно долго и, собрав вокруг себя некоторых беглецов росов (*переводится по-разному: «сброд, сборище росов» (В.И. Златарски); «росов, которых он случайно встретил» (В. Блюм)*), потребовал отцовского наследства, а затем сразился с Борилом, победил его и стал владеть значительной территорией...»³⁸.

Еще в 1897 г. Ю.А. Кулаковский³⁹, а затем В.Т. Пашуто⁴⁰ предположили, что здесь речь идет о галицких «выгонцах», беглецах, боярах, изгнанных из Галицкого княжества в Галицкое Понижье князем Романом Мстиславичем.

Недавно появилось еще одно предположение, выдвинутое А. Юсуповием, на наш взгляд, недостаточно аргументированное. Исследователь считает, что «выгонцы» - производное от слова «выгон», которое имеет в некоторых русских диалектах значение «отток воды в устье реки», связывая это слово с «бродниками»⁴¹.

Прижившаяся у историков версия о «галицких изгнанниках» имеет разные трактовки. В.Т. Пашуто и Н.Ф. Котляр придерживаются мнения, что это галицкие бояре и их окружение⁴². Котляр поясняет, что речь идет о сбежавших в годы правления Романа Мстиславовича (первые годы XIII в.). Хотя тут же оговаривается, что «наиболее естественным будет думать, что они нашли прибежище в Венгрии,

как всегда бывало и во второй половине XII, и в XIII в.» Предводители «выгонцев» Юрий Домамирич и Держикрай Володиславич названы по имени и отчеству, что свидетельствует об их знатности (по Н.Ф. Котляру – «великие бояре»)⁴³.

П.П. Бырня и Н.А. Мохов полагали, что речь идет обо всех галицких беглецах⁴⁴, т. е. боярах и крестьянах.

Действительно, галицкое боярство играло большую роль в княжестве, что отличает его от других русских земель. Заняв в 1199 г. галицкий престол, Роман Мстиславович, укрепляя княжескую власть, ослабил позиции земельной аристократии: часть бояр истребил, часть изгнал⁴⁵. Однако после его смерти в 1205 г. власть в городах и землях перешла к отдельным князьям и боярам⁴⁶. В ходе борьбы за галицкий престол северские князья Игоревичи истребили около пятисот великих бояр. Часть спаслась бегством, найдя приют в Венгрии. Среди спасшихся были Володислав Кормиличич, Судислав и Филипп⁴⁷.

Несмотря на это, позиции бояр оставались по-прежнему сильными. В сентябре 1211 г. они выкупили из венгерского плена князей Романа и Святослава Игоревичей и повесили их «мьсте ради»⁴⁸. Это единственный случай в истории Руси, когда бояре казнили потомков Рюриковичей. Затем бояре, пригласив Даниила на княжение, «выгнаша Даниловоу . мѣрь изъ Галича»⁴⁹. Володислав, вернувшись от венгерского короля, «воѣха в Галичь . и вокнажиса»⁵⁰. Это тоже единственный случай, когда боярин - не Рюрикович захватил княжеский престол.

Бояре со своими войсками активно участвовали в междоусобицах. Судислав позже получил от Мстислава Удалого в держание Звенигород⁵¹. Сам же Мстислав, княживший в Галиче с 1219 по 1228 г., был, по выражению М.С. Грушевского, «бездумным орудием» в руках боярских политиков⁵². В 1226 г. он разгромил у Звенигорода вторгшихся в княжество венгров, хотя ранее «Мьстислав же по совѣтъ . льстивыхъ боаръ Галичкихъ . вда дщерь свою . меншоую за королевича Андрѣа . и дасть емоу Перемышль .»⁵³. Потом «Мьстиславъ дасть Галичь королевичю Андрѣви . а самъ вза Понизье»⁵⁴, где и умер в 1228 г. Окончательно Даниил смог овладеть Галичем только в конце 1238 г.

Из приведенных отрывков видно, что изгнанные бояре (причем, кто и когда был изгнан в Понизье, неизвестно - бояре бежали в основном в Венгрию) возвратились после смерти Романа Мстиславовича, поддерживали разных претендентов на галицкий престол, имели большое влияние, в т. ч. и на Мстислава Удалого. Жители Понизья были лояльны к князю (приход «выгонцев» на битву на Калке, уход Мстислава на княжение в Понизье).

Л.В. Войтович считает, что в это время галицкий князь еще контролировал устье Днестра, в т. ч. и Белгород. Поэтому часть рати Мстислава Удалого в 1223 г. пошла на соединение с другими войсками речным путем, спустившись по Днестру. Это указывает, по мнению исследователя на то, что устье Днестра (Белгород и округа) принадлежали Галицкому княжеству. Галицкий князь собрал рать «выгонцев галицких» воевод Юрия Домамирича и Держикрая Володиславича именно в этой волости, наверное, сняв часть гарнизонов, т. к. половцы в это время были союзниками⁵⁵.

Как видим, это население, жившее в непосредственной близости от половцев, обладало значительной военной силой (которая сама могла кого угодно «выгнать») и активно участвовало в общерусских делах. В.Т. Пашуто определил численность войска «причерноморских "выгонцев"», принявших участие в битве на Калке в 1223 г., в 30-40 тыс. чел.⁵⁶ Если численность людей была летописцем и преувеличена, то все равно речь идет о довольно крупном воинском контингенте, военачальники которого пользовались авторитетом⁵⁷.

Таким образом, версия о галицких «выгонцах» как «изгнанниках» не находит своего подтверждения.

Еще в 1997 г. кишиневский журналист Е.М. Ткачук предпринял попытку связать название «толковины» с «толокой» - полем, отводимым после уборки урожая под выпас, связывая это с отгонным скотоводством, развитым в лесостепи. Причем молдавское «толоакэ» имеет тот же смысл⁵⁸. Он же указал, что слово «выгонцы», связанное с существительным «выгон», имеет то же значение, что и «толковины», заметив, что гуцулы, как и волохи, традиционно занимались пастушеством⁵⁹.

Ранее В.Д. Корольюк поднимал вопрос о существовании пастушества у славян. Он выделил особую контактную зону, куда входила и современная Молдавия (Пруто-Днестровское междуречье). Длительное взаимодействие кочевого, земледельческого и пастушеского хозяйств и культур привело здесь к этническому и социально-экономическому синтезу и наложило глубокий отпечаток на процесс формирования государственности и народностей⁶⁰. Основываясь на следах существования у славян хозяйства пастушеско-земледельческого типа в трудах античных авторов, ученый считал, что у славян с древних времен было два типа хозяйства: земледелие и пастушество. Основным, конечно, являлось земледелие⁶¹.

Действительно, слово «толока» в ряде диалектов русского языка, украинском языке, русинских говорах имеет и другое значение – «пастбище для скота», а слово «выгон» является его синонимом; соответственно, производные от них - «толковины», «выгонцы» - пастухи, скотоводы⁶².

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль указывал, что слова «толока» (Симбирская, Пензенская губернии), «толок» (Курская) - пар, на котором скот пасется, выгон, поскотина. «Толока» (юго-западное) - скотский выгон, городское, сельское общее пастбище, пар, парина, паровое поле, на которое пускают скот при трехпольном хозяйстве⁶³. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона передает одно из значений слова «толока»: «В нашей черноземной полосе и, в частности, в Новороссийском крае толокой называется вообще ближайшая к поселку земля, находящаяся под выгоном»⁶⁴. В украинском языке одно из значений слова «толока» - оставленное под пар поле, которое служит пастбищем для скота⁶⁵.

В русинских говорах древнерусское слово «толока» сохранилось в значении «пастбище».

На Буковине «толока» употребляется в одном значении – пастбище⁶⁶. В Закарпатской области - тоже⁶⁷.

В Наддестрянском региональном словаре - общая помощь соседей и пастбище⁶⁸. В говоре села Ковалёвка Коломыйского района Ивано-Франковской области - большое ровное поле, пастбище, площадь и общая бескорыстная работа многих людей⁶⁹. У гуцулов, помимо общей бесплатной помощи, - пастбище, невспаханная земля⁷⁰. В лемковском говоре - бескорыстный выход на работу целой общиной в интересах одного человека и истоптанная трава, которая не годится для скашивания и идет на выпас скоту⁷¹. В бойковском - пастбище, пастбище в лесу, необработанное поле, на котором пасут скот, и бесплатная помощь соседей⁷².

Тот же В.И. Даль писал, что «выгон» - пастбище, выпуск, толока, место паствы скота; сборное место для скота, откуда его гонят на дальнейшее пастбище по прогону⁷³. То есть в данном значении слова «толока» и «выгон» - синонимы, следовательно, таковыми являются и производные от них «толковины» и «выгонцы» (пастухи, скотоводы).

Таким образом, речь идет о сформировавшемся на территории Карпатской Руси особом типе хозяйственно-культурного уклада населения, отличном от других регионов Руси. Здесь население, помимо земледелия, активно занималось скотоводством (пастушеством), что и посчитали уместным подчеркнуть летописцы. Тот факт, что скотоводство играло значительную роль в хозяйственном укладе местного населения, отмечают и исследователи⁷⁴.

С середины XII в. на территории между Карпатами и Днестром появились волохи⁷⁵. Само славянское по происхождению слово «влах»-«волох»-«валах» в то время означало прежде всего занятие, профессию (пастухи-скотоводы) и лишь затем - этнос. Позже это слово, представленное во всех основных славянских языках, стало

применяться ко всем, кто в Карпато-Балканском регионе занимался скотоводством и пастушеством⁷⁶.

В «волошской колонизации» принимали активное участие и русины Карпато-Днестровского региона. В латиноязычных документах Венгерского королевства мигранты нередко обозначались как *Valachi et Rutheni* или *Valachi seu Rutheni*, причем под именем рутенов имелись в виду пастухи русинского происхождения из Восточных Карпат⁷⁷.

Во второй половине XIV в. в Карпато-Днестровских землях было создано волошко-русинское Молдавское княжество. В результате волошко-русинских этнокультурных контактов образовался молдавский этнос⁷⁸.

В средние века скотоводство (пастушество) было одним из основных видов сельскохозяйственной деятельности в Молдавии⁷⁹.

Г.Б. Федоров считал, что если сопоставить археологическую карту восточнославянских поселений по обоим берегам Прута и в Пруто-Днестровском междуречье в IX–XIII вв. с границами Молдавского средневекового княжества, то две эти карты в основном совпадут⁸⁰.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нидерле Л.* Славянские древности. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1956. С. 157; *Рыбаков Б. А.* Уличи (Историко-географические заметки) // Краткие сообщения института истории материальной культуры (КСИА). Т. XXXV. М.; Л., 1950. С. 3.

2. Подробнее см.: *Рабинович Р. А.* Уличи и тиверцы в оценках историографии // *Stratum plus*. Мастера Средневековья. СПб. - Кишинев - Одесса - Бухарест. 2003-2004. № 5. С. 440-485.

3. *Федоров Г. Б.* Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960-1961 гг. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 99. 1964. С. 77-88, 85-86; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. С. 129-130, 132; *Михайлина Л.* Слов'яни VIII-X ст. між Дніпром і Карпатами. Київ, 2007. С. 178; *Тельнов Н. П.* Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII-X вв. // *Stratum plus*. СПб. - Кишинев - Одесса - Бухарест. 2001-2002. № 5. С. 255; *Рыбаков Б. А.* Уличи. Вып. 35. М.; Л., 1950. С. 3.

4. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись по Суздальскому и Академическому списку. М. Изд-во Восточной литературы, 1962. Стб. 13.

5. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 9-10.

6. Подробнее см.: *Рабинович Р. А.* «Поганые толковины». О происхождении тиверцев // *Stratum plus*. Древности антов. СПб. - Кишинев - Одесса - Бухарест. 2011. № 5. С. 90.

7. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI - XIII вв. С. 125; *Михайлина Л.* Слов'яни VIII-X ст. між Дніпром і Карпатами. С. 181.

8. *Майоров А.В.* Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006. С. 79.
9. ПСРЛ. Т. I. Стб. 24; ПСРЛ. Т. II. Стб. 17.
10. ПСРЛ. Т. I. Стб. 29.
11. ПСРЛ. Т. II. Стб. 21.
12. ПСРЛ. Т. V. Софийская первая летопись. Вып. первый, Л., 1925. Л. 18.
13. ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. Л. 272.
14. *Фроянов И.А.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1980. С. 23; *Тельнов Н.П.* Восточно-славянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII-X вв. С. 256.
15. *Иванов П.А.* Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времён до конца XIV века. Одесса: Экономическая типография, 1895. С. 61.
16. *Тихомиров М.Н.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М.: ГИПЛ, 1947. С. 133.
17. Слово о полку Игореве / древнерусский текст, перевод Д. Лихачева, поэтические переложения В.А. Жуковского, Н.А. Заболоцкого, И.И. Шкляревского. М.: Просвещение, 1984. С. 46.
18. ПСРЛ. Т. I. Стб. 45; ПСРЛ. Т. II. Стб. 34.
19. ПСРЛ. Т. VII. Л. 277.
20. ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. Л. 110.
21. ПСРЛ. Т. II. Стб. 742.
22. ПСРЛ. Т. VII. Л. 130.
23. ПСРЛ. Т. I. Стб. 506; ПСРЛ. Т. II. Стб. 742.
24. ПСРЛ. Т. I. Стб. 506; ПСРЛ. Т. II. Стб. 741-742; ПСРЛ. Т. VII. Л. 130.
25. ПСРЛ. Т. II. Стб. 742; ПСРЛ. Т. I. Стб. 506.
26. *Салмина М.А.* Толковин // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5. Слово Даниила Заточника—Я. Дополнения. Карты. Указатели. С. 126-128. URL: <http://feb-web.ru/feb/slovenec/es/es5/es5-1261.htm> (дата обращения: 18 августа 2014); Толковин // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 выпусках / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1965-1984. Вып. 6. Т-Я и дополнения. 1984. С. 40-42.
27. *Григорович В.И.* Что значит слово «толковин» или «толковник» в русских летописях и в «Слове о полку Игореве» // Труды третьего археологического съезда в России. Т. I. Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1878. С. LIII; *Его же.* Что значит Россовлахия в греческих документах // Труды третьего археологического съезда в России. Т. II. Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1878. С. 49; *Иванов П.А.* Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времён до конца XIV века. С. 61; *Молчановский Н.В.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 года (Преимущественно по летописям). Киев, 1885. С. 31; *Расовский Д.А.* Тльковины // *Seminarium Kondakovianum*. Praha, 1936. Т. 8. Р. 312-313; *Рыбаков Б.А.* Уличи (Историко-географические заметки) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. XXXV. М.-Л., 1950. С. 4; *Русанова И.П., Тимошук*

Б.А. Древнерусское Поднестровье. Ужгород: Карпати, 1981. С. 48; Федоров Г.Б. Славяне Поднестровья // По следам древних культур. Древняя Русь. М.: Государственное изд-во культурно-просветительской литературы, 1953. С. 124; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX - первая половина X в. М.: Мысль, 1980. С. 100; Фроянов И.А. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1980. С. 23; Тельнов Н.П. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII-X вв. С. 257.

28. Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916. С. 98; Истрин В.М. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст. Пг.: Российская государственная академическая типография, 1922. С. 246; Повесть временных лет. Ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д.С. Лихачева / Под ред. чл.-корр. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 263; Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. Подготовка текста Д.С. Лихачева. Перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова / Под ред. чл.-корр. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 220; Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.: Гиз, 1930. С. 224; Тихомиров М.Н. Исторические связи Русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. С. 133; Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. Т. 14 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1982. С. 129; Филин Ф.П. История общества и развитие двуязычия // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXIX. Вып. 3. М., 1970. С. 196; Стрижак О.С. Тиверці // Мовознавство. № 4, Київ, 1969. С. 49-50; Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб.: Алетейя, 2005. С. 76.

29. Шахматов А.А. Дальнейшие судьбы русского племени. Издание Русского «Исторического журнала». Пг.: 2-я государственная типография, 1919. С. 32; Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 278.

30. Слово о полку Игореве. Древнерусский текст. Переводы и переложения. Поэтические вариации. М.: Художественная литература, 1986. - 360 с.

31. Рабинович Р.А. «Поганые толковины». О происхождении тиверцев. С. 102-104.

32. Там же. С. 97.

33. Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М.: Наука, 1975. С. 5.

34. Рабинович Р.А. «Поганые толковины». О происхождении тиверцев. 103.

35. Иванов Ю. Этническое самосознание русинов севера Молдавии // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2007. № 4 (10). С. 91.

36. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX - первая половина X в. С. 99-100.

37. Расовский Д.А. Тьковины // Seminarium Kondakovianum. Praha, 1936. Т. 8. Р. 311-312; Федоров Г.Б. Славяне Поднестровья // По следам древних

культур. Древняя Русь. М.: Государственное изд-во культурно-просветительской литературы, 1953. С. 124.

38. *Георгий Акрополит*. История / пер., вступ. ст., коммент. и прил. П.И. Жаворонкова; отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб.: Алетейя, 2013. (Серия «Византийская библиотека. Источники»). С. 62, 196-197.

39. *Кулаковский Ю.А.* Где находится Вичинская епархия константинопольского патриарха // Византийский временник. СПб.; Leipzig: К.Л. Риккер, 1897. Т. IV. Вып. 3 и 4. С. 333.

40. *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 169.

41. *Юсупович А.* Галицкие «выгнанцы» или «выгонци»? *Rossica Antiqua*. СПб., 2012. № 2 (6). С. 114-133.

42. Галицко-Волинський літопис / За ред. М. Котляра. К.: Наукова думка, 2002. С. 193; Галицко-Волынская летопись: текст, комментарий, исследование / составители Н.Ф. Котляр, В.Ю. Франчук, А.Г. Плахонин; под ред. Н.Ф. Котляра. СПб.: Алетейя, 2005. С. 211; *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 144.

43. Галицко-Волынская летопись. С. 211-212.

44. *Бырня П.П.* К вопросу о керамике галицкого типа на территории Молдавии // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев: Ред.-изд. отдел Академии наук Молдавской ССР, 1969. С. 100; *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма (от древнейших времен до начала XIX века). Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1964. С. 80.

45. ПСРЛ. Т. II. Стб. 718; *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 192.

46. *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 193.

47. ПСРЛ. Т. II. Стб. 723-724; *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 197.

48. ПСРЛ. Т. II. Стб. 727; *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 198.

49. ПСРЛ. Т. II. Стб. 727.

50. ПСРЛ. Т. II. Стб. 729; *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 198.

51. ПСРЛ. Т. II. Стб. 738; *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 203.

52. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. В 11 т., 12 кн. Т. III. До року 1340. Київ: Наукова думка, 1993. С. 41.

53. ПСРЛ. Т. II. 748-749.

54. ПСРЛ. Т. II. 750.

55. *Войтович Л.В.* Границы Галицко-Волынского государства // Русин. Международный исторический журнал/ Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2011. № 3 (23). С. 22.

56. *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. С. 283.

57. Галицко-Волынская летопись: текст, комментарий, исследование / составители Н.Ф. Котляр, В.Ю. Франчук, А.Г. Плахонин; под ред. Н.Ф. Котляра, СПб.: Алетейя, 2005. С. 212.

58. *Ткачук Е.М.* Каннибалы против идиотов // Кодры. Молдова литературная. Ежемесячный литературный журнал Союза писателей Молдовы. № 1-2. Кишинев, 1997. С. 139.

59. *Там же.* С. 144.

60. *Королюк В.Д.* Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян в Восточной и Центральной Европы // Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. Политическая и этническая история. М.: Наука, 1985. С. 24-25.

61. *Его же.* Пастушество у славян в I тысячелетии н.э и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Славяне и волохи // Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. Политическая и этническая история. М.: Наука, 1985. С. 162.

62. *Суляк С.Г.* Русины: этапы истории (ч. 1) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2005. № 1 (1). С. 49-60; *Его же.* Сын самодержца всея Руси // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2005. № 2 (2). С. 11-41; *Его же.* Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2007. № 4 (10). С. 29-56; *Его же.* Молдавская Русь (к 650-летию образования молдавской государственности) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2010. № 2 (20). С. 10-19.

63. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Русский язык, 1991. С. 413.

64. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. XXXIII. СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1901. С. 438.

65. *Словник української мови.* Т. 10. Київ: Наукова думка, 1979. С. 180.

66. *Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н.В. Гуйванюк.* Чернівці: Рута, 2005. С. 548.

67. *Поп Д.* Словарь русинсько-українсько-руський и русско-українсько-русинский. Ужгород: Вид. ПП «Повч Р.М.», 2007. С. 153; *Алмашій М., Поп Д., Сидор Д.* Русинсько-українсько-руський словник. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2001. С. 115.

68. *Шило Г.* Наддністрянський регіональний словник. Львів; Нью-Йорк: Інститут українознавства, 2008. С. 254.

69. *Лесюк М.* Мовний світ сучасного галицького села (Ковалівка Коломийського району). Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2008. С. 121.

70. *Гуцульські говірки.* Короткий словник. Відповід. ред. Я. Закревська. Львів: Інститут українознавства, 1997. С. 185.

71. *Пиртей П.С.* Словник Лемківської Говірки. Матеріали для словника. Легніца-Вроцлав, 2001. С. 388.

72. *Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок. Ч. 2. Київ: Наукова думка, 1984. С. 295.

73. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М.: Русский язык, 1989. С. 285.

74. *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 137; *Возний І.* Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього

Сирету та Середнього Дністра в Х-ХІV ст. Ч. 2. Матеріальна культура, господарство та історичний розвиток. Чернівці, Золоті Литаври. С. 71.

75. *Быряня П.П.* Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. Кишинев: Изд. ЦК КП Молдавии, 1969. С. 27.

76. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* К вопросу о происхождении этнонима «ва-лахи» // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века / Отв. ред. В.Д. Королюк. М.: Наука, 1979. С. 74; *Полевой Л.Л.* О хозяйственно-культурном типе волохов // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1980. С. 49; *Бромлей Ю.В., Грацианская Н.Н.* Этнографические аспекты карпатоведения (в связи с работой международной комиссии карпатской культуры) // Советское славяноведение. 1973. № 6. С. 66.

77. *Бромлей Ю.В., Грацианская Н.Н.* Этнографические аспекты карпатоведения. С. 66.

78. *Стати В.Н., Суляк С.Г.* Русины в молавской историографии. Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2014. № 1 (35). С. 71.

79. Luptele romînilor cu turcii până la Mihai Viteazul. Cultura veche romînă. Două conferințe ținute în sala Ateneului romîn din Bueurești, în zilele de 25 și 29 Ianuarie 1898. De Ioan Bogdan, professor la Universitatea din București. București: Editura librăriei Socecu & Comp, 1898. P. 42; Pământul sătenii și stăpânii în Moldova. T. 1. De la origini până la 1834. București: Ateliergele grafice Socec & Comp, Soietate Ationimă. P. 1907; *Xenopol A.D.* Istoria Românilor din Dacia Traiană. Iași, 1896. P. 186; *Giurescu G.* Studii de istorie socială. Vechimea rumâniei în Țara Românească și legătura lui Mihai Viteazul. Despre rumâni. Despre boieri București, 1943. P. 251; *Costăchel V., Panaiteescu P.P., Cazacu A.* Viața feudală în Țara Românească și Moldova: sec. XIV–XVI. București: Ed. Stiințifică, 1957. P. 16; *Драгнев Д.М.* Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII - начало XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1975. С. 25-27.

80. *Фёдоров Г.Б.* Этногенез волохов, предков молдаван, по данным археологии (историографический аспект) // Stratum plus. СПб.- Кишинев - Одесса - Бухарест. 1999. № 5. С. 15.

References

1. *Niderle L.* Slavyanskije drevnosti, M.: Izd-vo Inostrannoy literatury, 1956, p. 157 [in Russian]; *Rybakov B. A.* Ulichy (Istoriko-geograficheskie zametki), Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noy kul'tury, v. XXXV, M.; L., 1950, p. 3 [in Russian].

2. *Rabinovich R.A.* Ulichy i tivertsy v otsenkakh istoriografii, Stratum plus. Mastera Srednevekov'ya, 2003-2004, Nr 5, pp. 440-485 [in Russian].

3. *Fedorov G.B.* Raboty Prutsko-Dnestrovskoy ekspeditsii v 1960-1961 gg., Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii, vyp. 99, 1964, pp. 77-88, 85-86 [in Russian]; *Sedov V.V.* Vostochnye slavyane v VI – XIII vv., M.: Nauka, 1982, pp. 129-130, 132; [in Russian]; *Mikhaylina L.* Slov'anyi VIII-X st. mizh Dniprom i

Karpatami, Kiiv, 2007, p. 178 [in Ukrainian]; *Tel'nov N.P.* Vostochnoslavjanskije drevnosti Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurech'ya VIII-X vv., Stratum plus, 2001-2002, Nr 5, Sankt-Petersburg - Chisinau - Odessa - Bucharest, p. 255 [in Russian]; *Rybakov B.A.* Ulichy, v. 35, M.; L., 1950, p. 3 [in Russian].

4. PSRL (Complete Collection of Russian Chronicles), t. I. Lavrent'evskaya letopis' po Suzdal'skomu i Akademicheskomu spisku, M., Izd-vo Vostochnoy literatury, 1962, stb. 13 [in Russian].

5. PSRL, t. II. Ipat'evskaya letopis'. Spb., 1908, col. 10 [in Russian].

6. *Rabinovich R.A.* "Poganye tolkoviny". O proiskhozhdenii tivertsev, Stratum plus. Drevnosti antov, St. Petersburg - Chisinau - Odessa - Bucharest. 2011, Nr 5, p. 90 [in Russian].

7. *Sedov V.V.* Vostochnye slavyane v VI–XIII vv., p. 125 [in Russian]; *Mikhaylina L.* Slov'yani VIII-X st. mizh Dniprom i Karpatami, p. 181 [in Ukrainian].

8. *Mayorov A.V.* Velikaya Khorvatiya: etnogenez i rannyya istoriya slavyan Prikarpat'skogo regiona, Spb., 2006, p. 79 [in Russian].

9. PSRL, t. I, col. 24; PSRL, t. II, col. 17 [in Russian].

10. PSRL, t. I, col. 29 [in Russian].

11. PSRL, t. II, col. 21 [in Russian].

12. PSRL, t. V. Sofijskaya pervaya letopis', vyp. 1, L., 1925, l. 18 [in Russian].

13. PSRL, t. VII. Letopis' po Voskresenskemu spisku, l. 272 [in Russian].

14. *Froyanov I.A.* Kievskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoy istorii. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1980, p. 23 [in Russian]; *Tel'nov N.P.* Vostochnoslavjanskije drevnosti Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurech'ya VIII-X vv., p. 256 [in Russian].

15. *Ivanov P.A.* Istoricheskie sud'by Volynskoy zemli s drevneyshikh vremen do kontsa XIV veka, Odessa, 1895, p. 61 [in Russian].

16. *Tikhomirov M.N.* Istoricheskie svyazi Russkogo naroda s yuzhnymi slavyanami s drevneyshikh vremen do poloviny XVII v., Slavyanskiy sbornik, M.: GIPL, 1947, p. 133 [in Russian].

17. Slovo o polku Igoreve/drevnerusskiy tekst, perevod D. Likhacheva, poeticheskie perelozheniya V.A. Zhukovskogo, N.A. Zabolotskogo. I.I. Shklyarevskogo, M.: Prosveshchenie, 1984, p. 46 [in Russian].

18. PSRL, t. I, col. 45; PSRL, t. II, col. 34 [in Russian].

19. PSRL, t. VII, l. 277 [in Russian].

20. PSRL, t. III. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov. 1950. M.; L., p. 110 [in Russian].

21. PSRL, t. II, col. 742 [in Russian].

22. PSRL, t. VII, l. 130 [in Russian].

23. PSRL, t. I, col. 506; PSRL, t. II, col. 742 [in Russian].

24. PSRL, t. I, col. 506; PSRL, t. II, col. 741-742; PSRL, t. VII, l. 130 [in Russian].

25. PSRL, t. II, col. 742. PSRL, t. I, col. 506 [in Russian].

26. *Salmina M.A.* Tolkovin, Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve", v 5 t., SPb.: Dmitriy Bulanin, 1995, t. 5, Slovo Daniila Zatochnika – Ya, Dopolneniya. Karty, Ukazateli, pp. 126-128. URL: <http://feb-web.ru/feb/slovenc/es/es5/es5-1261.htm> (accessed 18 August 2014); Tolkovin, Slovar'-spravochnik "Slova o polku Igoreve", v 6 vypuskakh, sost. V. L. Vinogradova, M.; L.: Nauka, Leningr.

otdelenie, 1965-1984, vyp. 6. T-Ya i dopolneniya, 1984, pp. 40-42.

27. *Grigorovich V.I.* Chto znachit slovo "tolkovin" ili "tolkovnik" v russkikh letopisyakh i v "Slove o polku Igoreve", Trudy tret'ego arkheologicheskogo s'ezda v Rossii, t. I, Kiev, Tipografiya Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira, 1878, p. LIII; *Idem.* Chto znachit Rossovlakhia v grecheskikh dokumentakh, Trudy tret'ego arkheologicheskogo s'ezda v Rossii, t. II, Kiev: Tipografiya Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira, 1878, p. 49; *Ivanov P.A.* Istoricheskie sud'by Volynskoy zemli s drevneyshikh vremen do kontsa XIV veka, Odessa, Ekonomicheskaya tipografiya, 1895, p. 61; *Molchanovskiy N.V.* Ocherk izvestiy o Podol'skoy zemle do 1434 goda (Preimushchestvenno po letopisyam), Kiev, 1885, p. 31; *Rasovskiy D.A.* Tl'koviny, Seminarium Kondakovianum. Praha, 1936, t. 8, p. 312-313; *Rybakov B.A.* Ulichy (Istoriko-geograficheskie zametki), vyp. XXXV, 1950, p. 4; *Rusanova I.P., Timoshchuk B.A.* Drevnerusskoe Podnestrovie. Uzhgorod: Karpati, 1981, p. 48; *Fedorov G. B.* Slavyane Podnestrov'ya, Po sledam drevnikh kul'tur. Drevnyaya Rus', M.: Gosudarstvennoe izd-vo kul'turno-prosvetitel'skoy literatury, 1953, p. 124; *Froyanov I.A.* Kievskaya Rus', Ocherki sotsial'no-politicheskoy istorii, L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1980, p. 23; *Tel'nov N.P.* Vostochnoslavjanskie drevnosti Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurech'ya VIII-X vv., p. 257 [in Russian].

28. *Shakhmatov A.A.* Vvedenie v kurs istorii russkogo yazyka, ch. 1, Istoricheskiy protsess obrazovaniya russkikh plemen i narechiy, Pg., 1916, p. 98; *Istrin V.M.* Knigi vremennye i obraznye Georgiya Mnikha, Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyano-russkom perevode), tekst, Pg.: Rossiyskaya gosudarstvennaya akademicheskaya tipografiya, 1922, p. 246; Povest' vremennykh let, ch. 2, prilozheniya. Stat'i i kommentarii D.S. Likhacheva, pod red. chl.-korr. AN SSSR V.P. Adrianovoy-Peretts, M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950, p. 263; Povest' vremennykh let, ch. 1, tekst i perevod. Podgotovka teksta D.S. Likhacheva, perevod D.S. Likhacheva i B.A. Romanova/Pod red. chl.-korr. AN SSSR V.P. Adrianovoy-Peretts, M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950, p. 220; *Got'e Yu.V.* Zheleznyy vek v Vostochnoy Evrope, M.; L.: Giz, 1930, p. 224; *Tikhomirov M.N.* Istoricheskie svyazi Russkogo naroda s yuzhnymi slavyanami s drevneyshikh vremen do poloviny XVII v., p. 133; *Sedov V.V.* Vostochnye slavyane v VI-XIII vv., Arkheologiya SSSR, t. 14, otv. red. B.A. Rybakov, M.: Nauka, 1982, p. 129; *Filin F.P.* Istoriya obshchestva i razvitie dvuyazychiya, Izvestiya AN SSSR, otделение литературы i yazyka, t. XXIX, vyp. 3, M., 1970, p. 196; *Sakharov A.N.* Diplomatiya drevney Rusi: IX - pervaya polovina X v., M.: Mysl', 1980, p. 100; *Strizhak O.S.* Tiverts, Movoznavstvo, Nr 4, Kiiv, 1969, pp. 49-50; *Tolochko P.P.* Drevnerusskaya narodnost': voobrazhaemaya ili real'naya, SPb.: Aleteyya, 2005, p. 76 [in Russian].

29. *Shakhmatov A.A.* Dal'neyshie sud'by russkogo plemeni. Izdanie Russkogo "Istoricheskogo zhurnala", Pg.; 2-ya gosudarstvennaya tipografiya, 1919, p. 32; *Zimin A.A.* Slovo o polku Igoreve, SPb.: Dmitriy Bulanin, 2006, p. 278 [in Russian].

30. Slovo o polku Igoreve. Drevnerusskiy tekst, perevody i perelozheniya, poeticheskie variatsii, M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986, 360 s. [in Russian].

31. *Rabinovich R.A.* "Poganye tolkoviny". O proiskhozhdenii tivertsev, pp. 102-104 [in Russian].
32. *Ibid.*, p. 97 [in Russian].
33. *L'vov A.S.* Leksika "Povesti vremennykh let", M.: Nauka, 1975, p. 5 [in Russian].
34. *Rabinovich R.A.* "Poganye tolkoviny". O proiskhozhdenii tivertsev, p. 103 [in Russian].
35. *Ivanov Yu.* Etnicheskoe samosoznanie rusinov Severa Moldavii, Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2007, Nr 4 (10), p. 91 [in Russian].
36. *Sakharov A.N.* Diplomatiya Drevney Rusi: IX - pervaya polovina X v., pp. 99-100 [in Russian].
37. *Rasovskiy D.A.* TI'koviny, Seminarium Kondakovianum, Praha, 1936, t. 8, pp. 311-312; *Fedorov G. B.* Slavyane Podnestrov'ya, Po sledam drevnikh kul'tur. Drevnyaya Rus', M.: Gosudarstvennoe izd-vo kul'turno-prosvetitel'skoy literatury, 1953, p. 124 [in Russian].
38. *Georgiy Akropolit.* Istoriya, per., vstup.st., komment. i pril. P.I., Zhavoronkova; otv. red. G.G. Litavrin, SPb.: Aleteyya, 2013, (Seriya "Vizantiyskaya biblioteka. Istochniki"), pp. 62, 196-197 [in Russian].
39. *Kulakovskiy Yu. A.* Gde nakhoditsya Vichinskaya eparkhiya Konstantinopol'skogo patriarkha, Vizantiyskiy vremennik, SPb.; Leipzig: K.L. Rikker, 1897, t. IV, vyp. 3, 4, p. 333 [in Russian].
40. *Pashuto V.T.* Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi, M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950, p. 169.
41. *Yusupovich A.* Galitskie "vygnan'tsy" ili "vygontsi"? Rossica Antiqua, SPb., 2012, Nr 2 (6), pp. 114-133 [in Russian].
42. Galits'ko-Volins'kiy litopis, za red. M. Kotlyara, K.: Naukova dumka, 2002, p. 193 [in Ukrainian]; Galitsko-Volynskaya letopis': tekst, komentarii, issledovanie, sostaviteli N.F. Kotlyar, V.Yu. Franchuk, A.G. Plakhonin; pod red. N. F. Kotlyara, Sankt-Peterburg: Aleteyya, 2005, p. 211; *Pashuto V.T.* Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi C. 144. [in Russian].
43. Galitsko-Volynskaya letopis', pp. 211-212 [in Russian].
44. *Byrnya P. P.* K voprosu o keramike galitskogo tipa na territorii Moldavii, Dalekoe proshloe Moldavii, Kishinev: Red-izd. ot del Akademii nauk Moldavskoy SSR, 1969, p. 100; *Mokhov N.A.* Moldaviya epokhi feodalizma (ot drevneyshikh vremen do nachala XIX veka), Kishinev: Kartya moldovenyaske, 1964, p. 80 [in Russian].
45. PSRL, t. II, col. 718; *Pashuto V.T.* Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi, M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950, p. 192 [in Russian].
46. *Pashuto V.T.* Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi, p. 193 [in Russian].
47. PSRL, t. II, col. 723-724; *Pashuto V.T.* Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi, p. 197 [in Russian].
48. PSRL, t. II, col. 727; *Pashuto V.T.* Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi, p. 198 [in Russian].
49. PSRL, t. II, col. 727 [in Russian].

50. PSRL, t. II, col. 729; *Pashuto V.T.* Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi, p. 198. [in Russian].
51. PSRL, t. II, col. 738; *Pashuto V.T.* Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi, p. 203 [in Russian].
52. *Grushevs'kiy M.S.* Istoriya Ukraïni-Rusi, v 11 t., 12 kn., t. III. Do roku 1340, Kiïv: Naukova dumka, 1993, p. 41 [in Russian].
53. PSRL, t. II, col. 748-749 [in Russian].
54. PSRL, t. II, col. 750 [in Russian].
55. *Voytovich L.V.* Granitsy Galitsko-Volynskogo gosudarstva, Rusin, mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2011. Nr 3 (23), p. 22 [in Russian].
56. *Pashuto V.T.* Vneshnyaya politika Drevney Rusi, Moskva: Nauka, 1968, p. 283.
57. Galitsko-Volynskaya letopis', tekst, kommentariy, issledovanie, sostaviteli N.F. Kotlyar, V.Yu. Franchuk, A.G. Plakhonin; pod red. N. F. Kotlyara, Sankt-Peterburg: Aleteyya, 2005, p. 212 [in Russian].
58. *Tkachuk E.M.* Kannibaly protiv idiotov, Kodry, Moldova literaturnaya, ezhehmesyachnyy literaturnyy zhurnal Soyuza pisateley Moldovy, Nr 1-2, 1997, Kishinev, p. 139 [in Russian].
59. *Ibid.*, p. 144 [in Russian].
60. *Korolyuk V.D.* Osnovnye problemy formirovaniya ranne feodal'noy gosudarstvennosti i narodnostey slavyan v Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy, Slavyane i vostochnye romantsy v epokhu rannego srednevekov'ya, Politicheskaya i etnicheskaya istoriya, M.: Nauka, 1985, pp. 24-25 [in Russian].
61. *Idem.* Pastushestvo u slavyan I tysyacheletii n.e i peremeshchenie ikh v Podunav'e i na Balkany. Slavyane i volokhi, Slavyane i vostochnye romantsy v epokhu rannego srednevekov'ya, Politicheskaya i etnicheskaya istoriya, M.: Nauka, 1985, p. 162 [in Russian].
62. *Sulyak S.G.* Rusiny: etapy istorii, Rusin, mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2005, Nr 1 (1), pp. 49-60; *Idem.* Syn samoderzhtsa vseya Rusi, Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2005, Nr 2 (2), pp. 11-41; *Idem.* Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee, Rusin, mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2007. Nr 4 (10), pp. 29-56; *Idem.* Moldavskaya Rus' (k 650-letiyu obrazovaniya moldavskoy gosudarstvennosti), Rusin, mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2010, Nr 2 (20), pp. 10-19 [in Russian].
63. *Dal' V.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka, t. IV, M.: Russkiy yazyk, 1991, p. 413.
64. *Brokgauz F.A., Efron I.A.* Entsiklopedicheskiy slovar', t. XXXIII. SPb.: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona), 1901, p. 438 [in Russian].
65. Slovník ukraïns'koï movi, t. 10, Kiïv: Naukova dumka, 1979, p. 180 [in Ukrainian].
66. Slovník bukovins'kikh govirok, za zag. red. N.V. Guyvanyuk, Chernivtsi: Ruta, 2005, p. 548 [in Ukrainian].
67. *Pop D.* Slovar' rusins'ko-ukrayins'ko-rus'kiy i rusko-ukrayinsko-rusinskiy, Uzhgorod: Vid. PP "Povch R.M.", 2007, p. 153; *Almashiy M., Pop D., Sidor D.*

Rusins'ko-ukrayns'ko - rus'kyy slovník., Uzhgorod: Vidavnistvo V. Padyaka, 2001, p. 115 [in Ruthenian].

68. *Shilo G.* Naddnistrians'kiy reional'niy slovník, L'viv; N'yu-York: Institut ukrainoznavstva, 2008, p. 254 [in Ukrainian].

69. *Lesyuk M.* Movniy svit suchasnogo galitskogo sela (Kovalivka Kolomiyskogo rayonu), Ivano-Frankivs'k: Nova Zorya, 2008, p. 121 [in Ukrainian].

70. Gutsul's'ki govirki. Korotkiy slovník, vidpovid. red. Ya. Zakrevs'ka. L'viv: Institut ukrainoznavstva, 1997, p. 185 [in Ukrainian].

71. *Pirtey P.S.* Slovník Lemkivs'koí Govirki, materiali dlya slovníka, Legnitsa-Vrotslav, 2001, p. 388 [in Ukrainian].

72. *Onishkevich M.Y.* Slovník boykivs'kikh govirok, ch. 2, Kiiv: Naukova dumka, 1984, p. 295 [in Ukrainian].

73. *Dal' V.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka, t. I. M.: Russkiy yazyk, 1989, p. 285. [in Russian].

74. *Pashuto V.T.* Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi, p. 137; *Vozniy I.* Istoriko-kul'turniy rozvitok naselennya mezhirichchya Verkh'n'ogo Siretu ta Sered'n'ogo Dnistra v X-XIV st., ch. 2, Material'na kul'tura, gospodarstvo ta istorichniy rozvitok, Chernivtsi, Zoloti Litavri, p. 71 [in Russian].

75. *Byrnya P.P.* Sel'skie poseleniya Moldavii XV-XVII vv., Kishinev: Izd. TsK KP Moldavii, 1969, p. 27 [in Russian].

76. *Ivanov V.V., Toporov V.N.* K voprosu o proiskhozhdenii etnonima "valakhi". Etnicheskaya istoriya vostochnykh romantsev, Drevnost' i srednie veka, otv. red. V.D. Korolyuk, M.: Nauka, 1979, p. 74; *Polevoy L.L.* O khozyaystvenno-kul'turnom tipe volokhov, Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Yugo-Vostochnoy Evropy (do serediny XIX v.), Kishinev: Shtiintsa, 1980, p. 49; *Bromley Yu.V., Gratsianskaya N.N.* Etnograficheskie aspekty karpatovedeniya (v svyazi s rabotoy mezhdunarodnoy komissii karpatskoy kul'tury), Sovetskoe slavyanovedenie, 1973. Nr 6, p. 66 [in Russian].

77. *Bromley Yu.V., Gratsianskaya N.N.* Etnograficheskie aspekty karpatovedeniya, p. 66 [in Russian].

78. *Stati V.N., Sulyak S.G.* Rusiny v molavskoy istoriografii, Rusin, mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal, otv. red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2014, Nr 1 (35), p. 71 [in Russian].

79. Luptele romînilor cu turcii până la Mihai Viteazul. Cultura veche romînă. Două conferințe ținute în sala Ateneului romîn din Bueurești, în zilele de 25 și 29 Ianuarie 1898. De Ioan Bogdan, profesor la Universitatea din București. București: Editura librăriei Socecu & Comp, 1898, p. 42; Pământul sătenii și stăpânii în Moldova, t. 1: De la origini până la 1834. București: Ateliergele grafice Socac & Comp, n Soieitate Ationimă, p. 1907; *Xenopol A.D.* Istoria Românilor din Dacia Traiană. Iași, 1896, p. 186; *Giurescu G.* Studii de istorie social. Vechimea rumâniei în Țara Românească și legătura lui Mihai Viteazul. Despre rumâni. Despre boieri București, 1943, p. 251; *Costăchel V., Panaitescu P.P., Cazacu A.* Viața feudală în Țara Românească și Moldova: sec. XIV–XVI. București: Ed. Stiințifică, 1957, p. 16 [in Romanian]; *Dragnev D.M.* Sel'skoe

khozyaystvo feodal'noy Moldavii (konets XVII - nachalo XIX vv.), Kishinev: Shtiintsa, 1975, pp. 25-27 [in Russian].

80. *Fedorov G.B.* Etnogenez volokhov, predkov moldavan, po dannym arkheologii (istoriograficheskiy aspekt), Stratum plus, St. Petersburg - Chisinau - Odessa - Bucharest, 1999, Nr 5, p. 15 [in Russian].

Суляк Сергей Георгиевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, главный редактор международного исторического журнала «Русин», президент Общественной ассоциации «Русь» (Республика Молдова).

Sulyak Sergey - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Domestic History of the Institute of History and State Management of the Taras Shevchenko State University of Transnistria, Chief Editor of the International Historical Journal "Rusin", President of the Association "Rus" (Republic of Moldova).

e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Подписка

На международный исторический журнал

Русин

объявлена подписка в Республике Молдова

Журнал выходит четыре раза в год

**Подписаться на журнал можно в любом отделении связи
Республики Молдова**

**Отдельные номера журнала можно приобрести
в Общественной ассоциации «Русь»
(тел. для справок (+373 22) 28-75-59)**

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/18572685/36/4

СЛАВЯНЕ И ГОТЫ НА ВОЛЫНИ И В ВЕРХНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ. ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ OIUM И «ПЛЕМЕНИ» (GENS) SPALI

М.И. Жих

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

e-mail: max-mors@mail.ru

Scopus Author ID: 55358941500

ORCID ID: 0000-0003-2212-6416

ResearcherID: F-3154-2014

SPIN-код автора РИНЦ: 6149-3974

Авторское резюме

Готский историк VI в. Иордан в своём повествовании об истории готов сообщает, что на пути с Балтийских берегов к Чёрному морю они заняли некую землю Oium и победили «племя» (gens) спалов/Spali. Это название логично сопоставлять со славянским «исполинь» (праслав. *jъspolĩнь/*spolĩнь). Спалов Иордана можно отождествить с волынскими славянами, которым принадлежали памятники зубрецкой группы пшеворской культуры. Война с ними была осмыслена в готской эпической традиции как борьба с народом древних великанов.

Ключевые слова: Волынь, готы, славяне, Иордан, Ойум.

Slavs and Gotha on Volhyn and in the Top Dniester. Problem of localization of the earth of Oium and «tribe» (gens) of Spali

M.I. Zhikh

St. Petersburg State University.

University Embankment, 7/9 St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: max-mors@mail.ru

Abstract

The gothic historian of the VI century Jordan in the narration about stories is ready

reports that on the way from the Baltic coast to the Black Sea they occupied a certain earth of Oium and won against «tribe» (gens) spalov/Spali. It is logical to compare this name with Slavic «giant» (praslav. *jspolin/*spolin). Spalov of Jordan it is possible to identify with the Volynsk Slavs who possessed monuments of zubretsky group of pshevorsky culture. War with them was comprehended in gothic epic tradition as fight against the people of ancient giants.

Keywords: Volhyn, Goths, Slavs, Jordanes, spali, Oyum.

Одним из ключевых событий в истории ранних славян стала их «встреча» с готами. Есть основания полагать, что столкновение с готами стало важнейшим событием и в ранней истории первых славян Волыни. Детально остановиться на этом событии следует также потому, что в связи с ним волынские славяне, как я постараюсь показать, впервые упомянуты в письменных источниках, что позволяет уточнить время первого появления славян на Волыни.

Речь идет о рассказе, повествующем о миграции германского «народа» готов от Балтики к Черному морю, который дошел до нас в составе труда готского историка Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (в науке также используется введенное Моммсенем условное сокращенное название «Гетика»), написанном в 550-551 гг., скорее всего, в Равенне¹. Происхождение этого рассказа и время его записи порождает ряд источниковедческих проблем. Во-первых, труд Иордана в значительной мере не имел самостоятельного характера, представляя собой, как сообщает сам автор (Iord., Get. 1), сокращенное переложение не сохранившейся истории готов в двенадцати книгах, написанной на основе разнообразных устных и письменных источников италийским политиком и писателем Кассиодором Сенатором между 526/527-533 гг.

Кассиодор, сподвижник остготского короля Теодориха (470-526), в своей работе проводил идеи о древности и величии готской истории, не уступавшей античной и бывшей ее составной частью (в рамках этой концепции он отождествляет германцев-готов и фракийцев-гетов, хорошо известных античным авторам, чтобы таким образом вписать историю готов в историю античного мира), дабы таким образом римляне примирились с правлением готов в Италии. Иордан писал на 20 лет позже, и его труд имел цель как бы подменить собой сочинение Кассиодора, из которого была взята фактура, но подана в соответствии с иной концепцией: готы как часть античного мира должны подчиниться Ромейской империи, слава и мощь которой превосходят их славу и мощь².

При этом остается открытым вопрос, является ли работа Иордана механическим сокращением труда Кассиодора с простой подменой

его идеологического заряда или же Иордан дополнял Кассиодора какими-то собственными данными, почерпнутыми как у других авторов, так и в готских сказаниях, которые вполне могли быть ему известны. Он и сам, по его же признанию, был готом (lord., Get. 316) и служил нотарием у византийского полководца Гунтигиса Базы (lord., Get. 266), принадлежавшего к правящему вестготскому роду Амалов, и, соответственно, должен был знать родовые предания Амалов.

К примеру, в «Гетике» Иордана есть ссылки на труд некоего историка Аблабия (о котором нам ничего неизвестно), написавшего историю готов, видимо, ранее Кассиодора. Встает вопрос: ссылки на Аблабия Иордан просто выписал вместе со всем остальным из труда Кассиодора (который, кстати, в одном из своих сохранившихся текстов упоминает Аблабия³, как полагает, например, А.Н. Анфертьев⁴) или же он мог пользоваться работой Аблабия самостоятельно, используя ее для дополнения данных Кассиодора (как предполагала Е.Ч. Скржинская⁵)? Окончательного ответа на этот вопрос, видимо, дать при нашем состоянии источниковой базы невозможно. А между тем для нашей темы он имеет важное значение, ведь в конце рассказа о миграции готов в Причерноморье Иордан дает прямую отсылку к Аблабию, труд которого характеризуется как «достовернейший» (lord., Get. 28-29) и соответствующий готской эпической традиции. Последняя, впрочем, в любом случае была исходным источником «Повести о переселении готов» (так я условно именую рассказ о миграции готов с Балтики в Причерноморье, входящий в состав «Гетики», далее – «Повесть»). И Кассиодор, близкий ко двору короля Теодориха, и Иордан, служивший у одного из Амалов, могли быть знакомы с ней независимо от труда Аблабия.

Можно полагать, что оба историка, ознакомившись с трудом Аблабия (независимо от того, ознакомился ли с ним Иордан лично или только через Кассиодора), нашли подтверждение сообщаемым им данным в знакомой им живой готской эпической традиции. Это говорит о ее распространенности и устойчивости, но не решает вопроса о достоверности.

Применительно к последнему вопросу в историографии намечилось два направления. Одни ученые рассматривают «Повесть», в особенности сюжет о стране Ойум (Oium, готское Auþom – «страна, изобилующая водой»), как чисто фольклорно-эпическое произведение. В качестве примера приведем суждения А.Н. Анфертьева, который фактически отвергал все сообщаемые «Повестью» фактические данные: «считать готов выходцами со Скандинавского полуострова, по всей видимости, нельзя»⁶, «вставка фольклорного сюжета, сопоставимого с рассказом о происхождении гуннов, а может

быть, с представлениями о Меотийском болоте вообще. Дальнейший анализ этого сюжета (о приходе готов в землю Ойум. – М.Ж.) требует собирания фольклорных мотивов о труднодоступных местностях и обрушивающихся мостах, а не попыток географической локализации рассказанного»⁷ и т. д. Проблема, однако, в том, что **принципиально** данные «Повести» о готской миграции с севера на юг, от Балтики к Черноморью, подтверждаются всей совокупностью данных (письменных, археологических и др.), которыми располагает наука, и никак не могут быть отвергнуты, что, конечно, не исключает наслоения на достоверную фактическую основу тех или иных легендарных фольклорных мотивов.

Противоположная оценка данных «Повести» ярко выражена С.В. Воронятовым и Д.А. Мачинским, которые настаивают на ее высокой достоверности: «Несомненно, мы имеем дело с первоклассным и недооцененным в отечественной и зарубежной науке историческим источником»⁸; «Несомненно, в готском предании есть некоторые образы и сюжеты, которые напоминают «общие места» в сказаниях разных народов о переселении. Но эти сюжеты в нашем случае столь конкретны и столь хорошо подтверждены археологией, что и к ним следует отнестись с достаточным доверием»⁹.

Думается, вопрос о соотношении между теми элементами «Повести», которые сохранили для нас память о реально происходивших событиях, и фольклорно-легендарными мотивами может быть решен только одним путем: тщательным и кропотливым рассмотрением каждого звена «Повести» и его сопоставлением со всеми остальными видами доступных нам источников. При этом сразу надо отметить следующее: в устной памяти реальное событие легко могло обрести шаблонными фольклорными мотивами, что само по себе не свидетельствует о недостоверности самого события. «В легендах могут быть зерна истинной правды, – писал Б.Д. Греков, – и вычленение этих зерен и должно составлять основу любого исследования, посвященного теме «эпос и историческая действительность»».

Что касается тех ученых, которые, не отрицая наличия в «Повести» фольклорных мотивов, тем не менее пытались найти в ней историческое зерно, то их О.В. Шаров разделил условно на две большие группы: сторонников «западной» концепции (страна Ойум, куда стремились готы, находилась к западу от Днепра) и сторонников концепции «восточной» (Ойум к востоку от Днепра)¹⁰.

В свою очередь, в рамках каждого из двух означенных «генеральных» подходов также возможна значительная вариация. Рассмотрим кратко основные оригинальные гипотезы относительно локализации «желанной земли» готов – Ойума.

1. «Западная» концепция. В.В. Седов локализовал Ойум в окруженном болотами регионе Мазовии, Подлясья и Волини, куда «вельбарцы»-готы продвинулись в конце II в. и где вельбарская культура функционировала на протяжении двух столетий - до последних десятилетий IV в. Река, которую пересекли готы на пути в Скифию, – это, согласно ученому, Висла, которая и отделяла, по мнению греческих и римских историков, в т.ч. и самого Иордана (Iord., Get. 31), Скифию/Сарматия от Германии. Готы продвигались на юго-запад из левобережных районов Нижнего Повисленья¹¹.

Ф. Бирбрауэр предположил на основе археологических данных, что страна Ойум – это Волинь, а река, через которую переправлялись готы и на которой во время переправы обрушился мост – это Припять. Болотистая местность же, в которой остались не сумевшие переправиться готы, – Пинские болота. При этом речь идет об относительно небольшой группе разведчиков-первопроходцев. Основной же массив готов проследовал на Волинь позже¹². Здесь, впрочем, сразу возникает вопрос: как рассказ о небольшой группе первопроходцев мог стать рассказом о миграции всего народа?

М.Б. Щукин в одном месте своей книги «Готский путь» по поводу рассказа Иордана о приходе готов страну Ойум писал, что «этот сюжет, безусловно, сказочный, хотя, быть может, и не лишенный зерна исторической истины»¹³. В другом же месте указанной книги ученый осторожно попытался выделить это «зерно», обратив внимание на то, что в ходе второй, дытынической, волны продвижения на юг готов - носителей вельбарской культуры возобновляются захоронения на заброшенных зарубинецких могильниках в Велемичах и Отвержицах в болотистой местности Полесья к югу от Припяти, что «очень напоминает описанную Иорданом местность на пути движения готов Филимера (Iord., Get. 26)»¹⁴. Таким образом, рекой, через которую согласно «Повести» переправились готы в построения историка, оказывается Припять, и в целом позиция М.Б. Щукина напоминает взгляды Ф. Бирбрауэра, хотя он и не ссылает на последнего.

В этой связи категоричное утверждение О.В. Шарова, согласно которому «М.Б. Щукин во всех своих прижизненных работах предлагал совсем другой вариант локализации страны «Ойум», значительно восточнее»¹⁵, кажется странным. Шаров ссылается на карту в рассматриваемой книге (с. 149, рис. 52), где Ойум просто отождествлен со Скифией. Но в тексте книги это тождество нигде никак не поясняется, а говорится то, что процитировано выше. В своих более ранних работах М.Б. Щукин еще более четко связывал Ойум с Волинью. В статье 1986 г. ученый писал, что «вельбаркцы двумя волнами проникают на Волинь («стреха Е»), достигают на востоке Посеймья

(Пересыпки), а на юге – Молдовы (Козья – Яссы). Это совпадает со свидетельствами о переселении готов и гепидов в страну Oium»¹⁶. В вышедшей в 1994 г. книге М.Б. Шукина читаем: «Через 5 поколений готы Филимера двинулись в страну Ойум, чему соответствует движение носителей вельбаркской культуры в Мазовию и на Волынь»¹⁷.

Особняком в рамках «западной» концепции локализации Ойума стоит гипотеза В.Н. Топорова, согласно которой «желанная земля» находилась в устье Дуная¹⁸.

2. «Восточная» концепция. Ряд ученых, от Л. Шмидта до Г.В. Вернадского помещали Ойум в южнорусских степях, на берегах Днепра, сдвигая его то на юг, к Причерноморью, то на север, к региону будущего Киева¹⁹. Не называя Ойума, фактически то же самое пишет Х. Вольфрам: «Рекой, которая разделила готов, был, вероятно, Днепр»²⁰.

Е.Ч. Скржинская выдвинула гипотезу о тождественности готского Ойума древнегреческой Гилее, упоминаемой еще Геродотом, на левом берегу Нижнего Днепра и его лимана²¹. Рекой, которую готы пересекли на своем пути, в таком случае оказывается Днепр, который и разделил их на две части: остроготов, занявших левобережье Днепра и везеготов, оставшихся на его правобережье²².

Т. Левицкий, опираясь на некоторые известия Плиния и Менандра Протектора, помещал Ойум на Керченском полуострове²³. Близкую идею высказал О.Н. Трубочев, согласно которому готский Ойум тождественен синдскому острову Eon, упоминаемому Плинием²⁴.

В.П. Буданова, обстоятельно изложив историографию Ойума²⁵, не сформулировала четко своей позиции относительно его локализации, но сделала следующее небезынтересное замечание: «...вне внимания исследователей осталась противоречивость сообщений Иордана об "Ойум". Она упоминается дважды... Сопоставление этих двух фрагментов (в одном Ойумом называются просто "земли Скифии", в другом говорится о местности за рекой. – М.Ж.) показывает, что в первом случае "Ойум", у Иордана, довольно широкое понятие, близкое по смыслу к "земле Скифии". Во втором фрагменте топоним "Ойум" – это более конкретное географическое определение тех областей в Скифии, куда двигались готы, так как в этой "Ойум" готы перешли какую-то, вероятно, большую, реку»²⁶. Обращает внимание исследовательница и на то, что «тот конкретный географический регион в Скифии, который обозначен историком (Иорданом. – М.Ж.) как "Ойум", не стал для готов *конечным пунктом* их передвижения в Скифию, но лишь *промежуточным звеном* в переходе с севера на юг (курсив В.П. Будановой. – М.Ж.)»²⁷.

Недавно вышли две обстоятельные статьи, посвященные проблеме локализации Ойума, авторы которых подходят к ней как раз с

обозначенных противоположных сторон: статья, написанная в соавторстве С.В. Воронятовым и Д.А. Мачинским²⁸ и статья О.В. Шарова²⁹.

Обе статьи весьма интересны, но, к сожалению, впечатление от первой из них сразу портится двумя вещами. Во-первых, Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов в качестве третьего автора статьи указали М. Б. Щукина, с которым ее замысел Д.А. Мачинский обсуждал незадолго до его смерти³⁰, но в написании которой он прямого участия уже не принимал. Этот не совсем этичный факт «посмертного соавторства» уже вызвал обоснованное возмущение ряда учеников М.Б. Щукина, которые, однако, перегнули при этом палку, утверждая, что Мачинский и Воронятов исказили идеи ученого и напрасно приписали ему тезис о волынской локализации Ойума, который он будто бы никогда не озвучивал³¹. Выше уже было показано, что это не так: в ряде работ Щукин действительно локализовал страну Ойум на Волыни, хотя детально на этом и не останавливался, что не отменяет неэтичности факта «посмертного соавторства», так как неизвестно, согласился ли бы М.Б. Щукин со всеми положениями рассматриваемых авторов. К сожалению, разные группы коллег и учеников Щукина после его смерти пытаются, так сказать, «приватизировать» его имя и наследие.

Во-вторых, Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов, основной пафос статьи которых состоит в отождествлении Ойума с Волынью, проигнорировали работы своих предшественников В.В. Седова и Ф. Бирбрауэра, словно их и нет, и представили дело таким образом, что они первыми выдвигают означенную идею (ну разве что ранее ее мельком высказывал Щукин, хотя и Седов, и Бирбрауэр говорили об этом более развернуто и четко). Такое самолюбование авторов выглядит откровенно некрасиво, о чем я уже писал в работе, посвященной Седову (представить, что его работы, равно как и работы Бирбрауэра, им неизвестны, совершенно нереально)³².

Остроумной гипотезой, высказанной Воронятовым и Мачинским, является предположенная ими связь между наконечником копья, найденным в 1858 г. близ деревни Сушично к югу от Припяти (поскольку неподалеку находится г. Ковель, его называют также Ковельским копьем), с рунической надписью, интерпретируемой как «к цели ездок»/«к цели скачущий»/«стремящийся к цели»/«преследующий цель»³³, и переправой готов через реку, о которой идет речь в «Повести», коей, по мнению этих авторов, и была Припять. По мысли ученых, копье было при переправе воткнуто в землю в магических ритуальных целях, а надпись на нем надо интерпретировать таким образом, что оно как бы достигло цели готов – земли Ойум, в которую они переправились³⁴. Разумеется, это красивое построение сугубо гипотетично.

В содержательной статье О.В. Шарова большой интерес представляет источниковедческий блок. Автор сопоставляет рассказ Иордана о миграции готов от Балтики к Черному морю с другим рассказом древнего автора – о происхождении гуннов и их приходе в Европу, находит в них сходные черты и различия и выделяет некий канон, по которому они оба так или иначе построены³⁵. Тем не менее, по мнению ученого, за фольклорными наслоениями вычленяется реальное историческое ядро, поскольку многие моменты в рассказе о готской миграции находят подтверждение в других источниках³⁶. О.В. Шаров приходит к выводу, согласно которому земля Ойум находилась близ Меотида, вероятнее всего, в степном Крыму. После покорения Ойума готы, согласно О.В. Шарову, продвинулись дальше – на территорию южного берега Крыма или же в район Приазовья, вплоть до Танаиса и Таманского полуострова, что соответствует движению готов в крайнюю часть Скифии, о котором говорит Иордан³⁷.

Таким образом, мы видим, что позиция О.В. Шарова более всего соответствует взглядам Т. Левицкого и О.Н. Трубачева. К сожалению, работа последнего Шаровым вообще не упоминается, хотя там можно найти интересные лингвистические соображения в пользу приазовской локализации Ойума.

Очевидной слабостью такой локализации «желанной земли» является следующий факт: согласно повествованию Иордана, готы вступили в Ойум сразу по приходе в Скифию, т.е. искать его логично где-то в северо-западной ее части, но никак не на юго-востоке. Фактически основой для локализации Ойума, предложенной О.В. Шаровым, является только тезис о приазовско-крымском расположении «племени» *спалов* (*Spali*), с которым столкнулись готы, заняв Ойум. Этот момент мы разберем ниже.

Кроме того, сам О.В. Шаров констатирует, что «на сегодняшний день, мы не знаем ни одного памятника вельбарской культуры в данном обширном регионе (Крым и Приазовье. – М.Ж.), которые можно было бы как-то соотнести с миграцией готов Филимера³⁸. Ученый пытается решить эту проблему так: напомнив о том, что по пути готы подчинили ряд других германских племен, он приводит данные о находках в Крымско-Приазовском регионе германских артефактов интересующего нас времени (вторая половина II – начало III в.) *en masse*³⁹. Однако едва ли такой подход следует считать решением проблемы, скорее это можно было бы назвать стремлением обойти ее, причем едва ли удачным: археологическим эквивалентом миграциям готов является распространение вельбарской культуры, что общепризнано со времен работ Р. Волонгевича⁴⁰.

Поэтому находки просто германских артефактов никак не могут служить доказательством присутствия где-либо готов, ибо так

можно «доказать» их присутствие везде, где найдется что-либо германское. Если уж предполагается, что даже младшие союзники готов оставили где-то свой археологический след, то археологический след готов там тем более должен обнаруживаться. Да и число германских артефактов, указанных О.В. Шаровым, весьма скромно. Что же касается ранних комплексов могильников типа Ай-Тодор⁴¹, то едва ли они могут маркировать масштабную готскую миграцию, о которой повествует Иордан, и доказывать присутствие в регионе значительных масс готского или вообще германского населения, скорее только небольших готских дружин.

Как видим, разброс мнений относительно достоверности и географической локализации данных сохраненной Иорданом «Повести о переселении готов» значителен. Попробуем заново детально проанализировать ее, разбив на два условных смысловых блока, сопоставив сообщаемые «Повестью» факты со всеми иными доступными данными источников.

***

I. Скандинавская прародина готов, их переселение на юг Балтики

(25) С этого самого острова Скандзы (Скандинавии, которая в античной и раннесредневековой традиции считалась островом. – М.Ж.), как бы из мастерской, [изготавливающей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию вышли некогда готы с королем своим по (26) имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза (Gutisk-andja, «готский берег». – М.Ж.). Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов («островных ругов». – М.Ж.), которые сидели тогда по берегам океана; там они расположились лагерем и, сразившись [с ульмеругами], вытеснили их с их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив и их к своим победам⁴².

(94) Если же ты спросишь, каким образом геты и гепиды являются родичами, я разрешу [недоумение] в коротких словах. Ты должен помнить, что вначале я рассказал, как готы вышли из недр Скандзы (95) со своим королем Берихом, вытащив всего только три корабля на берег по эту сторону океана, т. е. в Готискандзу. Из всех этих трех кораблей один, как бывает, пристал позднее других и, говорят, дал имя всему племени, потому что на их [готов] языке «ленивый» говорится «geranta». Отсюда и получилось, понемногу и [постепенно] искажаясь, родилось из хулы имя гепидов... (96) Эти самые гепиды прониклись завистью, пока жили в области Спезис, на острове, окруженном отмелями реки Висклы, который они на родном языке называли Гепедойос⁴³.

Итак, готы и гепиды, согласно «Повести», – выходцы из Скандинавии, мигрировавшие некогда оттуда на юг Балтики, причем легенда сохранила указание на то, что миграция была не совсем одновременной и осуществлялась, видимо, волнами.

Древнейшие аутентичные сведения о готах сохранились в трудах римского политического деятеля и историка Публия Корнелия Тацита (середина I в. – ок. 120 г.). В своем труде «О происхождении германцев и местоположении Германии» (конец I в.) он говорит: «(44) За лугиями живут готоны (Gotones), которыми правят цари, и уже несколько жестче, чем у других народов Германии, однако еще не вполне самовластно. Далее, у самого Океана, – ругии и лемовии; отличительная особенность всех этих племен – круглые щиты, короткие мечи и покорность царям. За ними, среди самого Океана, обитают общины свионов»⁴⁴.

Эти данные позволяют довольно точно локализовать готов конца I в. на юге Балтики, что, с одной стороны, совпадает с соответствующим известием Иордана, а с другой – дает ему хронологическую привязку. Лугии – объединение германских «племен», проживавшее, очевидно, в пределах западной, германской части пшеворской культуры⁴⁵. Между ними и ругами (а также лемовиями), жившими «у самого океана», и размещены согласно источнику готы. Обратим внимание, что Тацит называет ругов соседями готов в полном соответствии с Иорданом. Что же касается вандалов, то они жили по соседству с лугиями, также в пределах пшеворской культуры⁴⁶. Как видим, совпадение между данными Тацита и сохраненной для нас Иорданом эпической «Повестью о переселении готов» полное.

Обратим внимание на еще один интересный момент: Иордан говорит не просто о ругах, с которыми столкнулись готы, а об ульмеругах, т. е. «островных ругах» (от holmr/holm – остров), что наводит на мысль, что жили они на каком-то острове или островах. Вероятнее всего, таким островом мог быть Рюген, получивший свое имя от живших на нем в дославянский период ругов. В этой связи нельзя не вспомнить один пассаж Иордана, весьма загадочный и не находящий в тексте «Гетики» никакого объяснения: «(38) Однако мы нигде не обнаружили записей тех их басен, в которых говорится, что они [готы] были обращены в рабство в Британии или на каком-то из островов, а затем освобождены кем-то ценою одного коня»⁴⁷. Из этих слов следует, что тот, кто их написал (Аблабий? Кассиодор? Иордан?) знал некие готские «басни» о том, что готы на некоем острове «были обращены в рабство, а затем освобождены кем-то ценою одного коня», но не находил им подтверждения в письменных источниках, да и не слишком-то эти «басни» стыковались с задачей прославления готов и рода их правителей Амалов.

Между тем имеются данные, позволяющие понять смысл этих готских «басен». В.И. Меркулов обратил внимание на то обстоятельство, что на острове Рюген Саксоном Грамматиком и Титмаром Мерзебургским зафиксирован обычай, в соответствии с которым важные решения принимались в зависимости от поведения священного коня. Приведя соответствующие показания источников, ученый констатирует: «Таким образом, важные решения у ругов принимались по поведению священного коня. Скорее всего, это гадание использовалось во всех принципиальных ситуациях. Поэтому можно предположить, что если однажды готы потерпели поражение и были обращены в рабство, то могли быть помилованы "ценою коня", то есть вследствие состоявшегося ритуала, о котором сообщают исторические источники»⁴⁸.

Вопреки победной реляции Иордана, «примерная реконструкция событий показывает, что "басни" Иордана вполне могли иметь под собой историческое основание. Готы вступили в войну с "островными ругами" и, конечно, могли потерпеть поражение, в особенности, на чужой территории»⁴⁹. Эта унижительная для готов ситуация, воспринимавшаяся ими как оскорбление, которое они пытались, с одной стороны, забыть (у Иордана - лишь глухой отзвук этих событий), а с другой - отомстить, предопределила драматические отношения готов и ругов на весь последующий период, которые могут быть охарактеризованы практически как «кровная месть»⁵⁰. Иордан, видимо, ничего не знал об острове Рюген и сопоставил несчастливый для готов остров из их легенд, связанных с Британией.

Для нас изящная гипотеза В.И. Меркулова интересна тем, что готы на своем пути, видимо, проследовали через Рюген или прилегающие к нему земли. Обратим внимание на карту готской миграции, составленную М.Б. Щукиным на основе археологических данных⁵¹: на ней путь готов также протекает мимо Рюгена, и именно близ него, согласно ученому, и высадились на побережье первые мигранты из Скандинавии, представленные так называемой густовской группой памятников, появившейся на рубеже эр⁵², более ранней, чем памятники типа Одры-Венсеры, давшие начало «классической» вельбарской культуре⁵³. Именно с появлением памятников типа Одры-Венсеры М.Б. Щукин сопоставляет переселение Берига и его людей⁵⁴, которому, таким образом, могли предшествовать и более ранние готские миграции.

В другом труде Тацита, «Анналах» (после 110 или 113 г.), под 19 г. упоминается некий гот Катуальда: «(62) Друз (сын императора Тиберия. - М.Ж.), подстрекая германцев к раздорам, чтобы довести уже разбитого Маробода (лидер германского «племени» марко-

маннов, не раз воевавший с Римом. – М.Ж.) до полного поражения, добился немалой для себя славы. Был между готонами знатный молодой человек по имени Катуальда, в свое время бежавший от чинимых Марободом насилий и, когда тот оказался в бедственных обстоятельствах, решившийся ему отомстить. С сильным отрядом он вторгается в пределы маркоманов и, соблазнив подкупом их вождей, вступает с ними в союз, после чего врывается в столицу царя и расположенное близ нее укрепление... (63) Для Маробода, всеми покинутого, не было другого прибежища, кроме милосердия Цезаря. Переправившись через Дунай там, где он протекает вдоль провинции Норик, он написал Тиберию... И Маробода поселили в Равенне... Сходной оказалась и судьба Катуальды, и убежище он искал там же, где Маробод. Изгнанный несколько позже силами гермундуров, во главе которых стоял Вибиллий, и принятый римлянами, он был отправлен в Форум Юлия, город в Нарбоннской Галлии...»⁵⁵.

Из этого рассказа Тацита нельзя внести никаких уточнений в географическое расположение готов, но можно заключить, что уже в самом начале I в. они присутствовали на континенте и были там деятельной политической силой. Соответственно, первая волна скандинавских мигрантов должна была появиться на юге Балтики не позднее рубежа эр.

Но есть ли в письменных источниках подтверждения в пользу выхода готов из Скандинавии? Этот вопрос тем более важен, что очень непросто – многие ученые сомневались в возможности скандинавской прародины готов или даже категорически отрицали вероятность таковой (ср. приведенное выше мнение А.Н. Анфертьева)⁵⁶. Сам Иордан, перечисляя народы Скандинавии (а основой его перечня скандинавских народов, многие названия в котором с трудом поддаются интерпретации⁵⁷, по всей видимости, служил некий итенирарий), упоминает остроготов (lord., Get. 26)⁵⁸.

С одной стороны, это название могло быть вставлено в исходный текст, на что указывает сама его форма, ведь разделение на остроготов и везеготов произошло уже на континенте в ходе миграции к Черному морю (lord., Get. 42, 82)⁵⁹. С другой стороны, исходные «готы» итенирария могли быть просто превращены Кассиодором/Иорданом в «остроготов». Небезынтересен и тот факт, что в Средней Швеции имеются две исторические области: Остергеталанд и Вестергеталанд, в которых в начале н.э. еще могли жить оставшиеся на территории прародины родичи континентальных готов, сохраняющие соответствующее самосознание, также подразделявшиеся по географическому принципу на «западных» и «восточных». Название последних Кассиодор/Иордан и могли передать как «остроготы».

При описании Скандинавии в «Гетике» упоминаются и некие гаутиготы/Gauthigoth (Iord., Get. 22)⁶⁰, вероятно, тождественные гаутам (Γαυτοί) Птолемея (Ptolem. II. 11, 16) и Прокопия Кесарийского (Procop. BG. II. 12, 26), которые также, очевидно, являются «родственниками» континентальных готов⁶¹.

Следующий по времени после Тацита автор, упоминающий готов, – знаменитый географ Клавдий Птолемей (ок. 100-170 гг.). Данные его «Географии» (между 150 и 170 гг.) интересны в двух отношениях. Во-первых, он, как уже сказано, упоминает в числе скандинавских народов гаутов (Γαυτοί), надежно подтверждая этим скандинавское происхождение континентальных готов. Во-вторых, Птолемей размещает континентальных готов/гутонов на правом берегу Вислы, в пределах Европейской Сарматии, что отражает, по всей видимости, начавшийся процесс их продвижения на юго-восток.

Следующее аутентичное свидетельство о готах относится только к 262 г. и фиксирует их уже вблизи римских рубежей: в том году иранский правитель Шапур I Великий (240/243 – 272/273) повелел высечь надпись, где в числе прочих разбитых римских отрядов были указаны и готы⁶². Таким образом, в промежутке между известием Птолемея и надписью Шапура I и произошла миграция готов с балтийских берегов на черноморские.

Но прежде чем обратиться к следующей теме, рассмотрим археологические данные о скандинавском происхождении готов. Как уже было сказано выше, со времен работ Р. Волонгевича общепризнано, что археологически готы представлены вельбарской культурой, которая складывается в I в. н.э. в польском Поморье. В это время в ареале местной оксывской культуры (существовала со II в. до н.э.) появляются островками курганы типа Одры-Венсеры, не имеющие местных корней и аналогов погребальные сооружения в виде каменных курганов, каменных кругов со стелами и т. д., у которых есть прямые многочисленные аналогии в Скандинавии⁶³. Пришельцы из Скандинавии принесли и ряд других новаций: обряд ингумации, отсутствие оружия в погребениях, новые формы керамики, новые типы металлических изделий и т. д. В тех местах, где не было оксывского населения, как, например, в Кашубско-Крайенском поозерье, переселенцы основывали собственные поселения и могильники, в районах, заселенных аборигенами, подселялись к ним, стимулируя трансформацию оксывской культуры⁶⁴.

Так постепенно при смешении культуры скандинавских мигрантов и местных «оксывцев» при ведущей роли первых формируется новая археологическая культура – вельбарская (любовидзская стадия, середина I – конец II в., Среднее и Восточное Поморье с приле-

гающими районами)⁶⁵. Не вдаваясь детально в споры о механизме ее формирования (а он, очевидно, был сложным и неоднозначным), решающую роль в этом процессе импульса из Скандинавии ныне можно признать очевидной⁶⁶.

Немало в Скандинавии и «готской» топонимики. Выше уже упоминались исторические области Остергеталанд и Вестергеталанд. К ним следует добавить остров Готланд, реку Гота-Альв, город Гетеборг в ее устье и т. д. Вероятно, некогда готы составляли значительный этнополитический союз на юге Скандинавии.

В последних десятилетиях II в. в ряде районов Поморья происходит значительное сокращение вельбарского населения: существенно уменьшается число поселений, перестают функционировать многие могильники, зато вельбарские памятники появляются в Мазовии, Подлясье, на Волини (цецельская стадия, конец II – IV в.). Происходит перемещение культуры на юго-восток, что отражало, очевидно, процесс готской миграции⁶⁷. Шла она двумя волнами: ранней брест-тришинской (вторая половина II – начало III в.) и более поздней и массовой дытыничской (30-60-е гг. III в.)⁶⁸. Обе эти волны миграции шли через Волинь. В эпической памяти готов они, вероятно, контаминировались.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что первая часть «Повести о переселении готов», рассказывающая об их миграции из Скандинавии, о проживании на юге Балтийского моря, о войне с ругами и т. д., в основе своей полностью подтверждается свидетельствами других источников.

Напоследок отмечу вот какой момент: название висленского острова, где проживали гепиды, - Гепедойос (Gepedoiōs) содержит в себе интересующее нас слово Ойум (Oium) и означат «Ойум гепидов»⁶⁹, т. е. соответствующий топоним отнюдь не был уникален для готов.

II. Миграция готов к Черному морю. Овладение землей Ойум (Oium) и война со спалами (Spali)

«(26) Когда там (в Готискандзе на южном берегу Балтики. – М.Ж.) выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер (если Берига связывать с появлением в Поморье памятников типа Одры-Венсеры в середине I в. н.э., то пятое поколение после него придется где-то на 150-170 гг. н.э. – М.Ж.), сын Гадарига, то он постановил, (27) чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест [для поселения] он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум. Филимер, восхитившись великим обилием тех краев, перекинул туда половину войска, после чего, как

рассказывают, мост, переброшенный через реку, непоправимо сломался, так что никому больше не осталось возможности ни прийти, ни вернуться. Говорят, что та местность замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами; таким образом, сама природа сделала ее недосыгаемой, соединив вместе и то и другое. Можно поверить свидетельству путников, что до сего дня там раздаются голоса скота и уловимы признаки человеческого [пребывания], (28) хотя слышно это издалека. Та же часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы. Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель (29) готского народа, в своей достовернейшей истории»⁷⁰.

Этот рассказ имеет выраженные черты фольклорного повествования: поломка моста при переправе через реку, из-за которой половина народа осталась в недосыгаемой местности, где издали можно увидеть следы ее жизнедеятельности, – это набор распространенных фольклорных сюжетов (ср. выше мнение А.Н. Анфертьева). Так, например, в качестве параллели можно привести известную средневековую легенду о поломке моста при форсировании монголами реки в Венгрии, из-за чего будто бы погиб Батый. Хотя сквозь флер фольклорных наслоений и можно предположить здесь некую память о разделении готов в процессе миграции: какая-то часть народа не пошла дальше определенного места. Археологические данные говорят о том, что именно так оно и было: часть готов на протяжении их «балтийско-черноморского пути» оседала и не продолжала движения.

Поиск географического прототипа реки, через которую переправлялись готы в «Повести», является делом в высшей степени непростым уже в силу того, что на своем пути от Балтики к Черному морю они перешли в разное время через несколько крупных рек (Вислу, Западный Буг, Припять, Днепр), память о которых могла контаминироваться в их сказаниях. Собственно, каждую из них разные ученые и предлагали на роль «реки со сломанным мостом» из готского сказания.

Так, например, В.В. Седов видел в этой реке Вислу⁷¹, но проблема в том, что уже исходный регион вельбарской культуры охватывал оба берега этой реки, что наглядно демонстрирует карта, составленная самим ученым⁷².

Распространенная трактовка «реки со сломанным мостом» как Днепра, которую отстаивала, например, переводчик и комментатор Иордана Е.Ч. Скржинская⁷³, по справедливым словам Седова, «невероятна»⁷⁴: у Иордана речь идет о реке где-то на северо-западной границе Скифии, в то время как «Днепр находился в глубине Скифии, за ним начиналась не Скифия, а Меотиды»⁷⁵.

В этом смысле атрибуция «реки со сломанным мостом» как Припяти, предложенная Ф. Бирбрауэром, выглядит более логичной (вспомним и копье из Сушично). Думается, что если не рассматривать «реку со сломанным мостом» как исключительно фольклорный мотив, то Припять является на данный момент наиболее обоснованным претендентом на роль ее реального гидрографического прототипа.

Следующим ориентиром для нас является «народ» (gens) спалов (Spali), с которым сразились готы по приходе в Ойум. В историографии наметились две, так сказать, «генеральные линии» атрибуции спалов. Одна из них связывает его со славянским «исполином» и, соответственно, трактует спалов как славянский народ, другая - с упоминаемыми Плинием Старшим (между 22 и 24 гг. – 79 г.) спалеями (Spalaei): «Другие [сообщают], что сюда вторглись скифы: авхеты, атернеи, асампаты; они поголовно уничтожили танаитов и напеев. Некоторые пишут, что река Охарий течет через земли кантиков и сапеев и что Танаис перешли сатархеи, гертихеи, спондолики, синхиеты, анасы, иссы, катееты, тагоры, кароны, нерипы, агандеи, меандареи, сатархеи-спалеи»⁷⁶ (Plin. VI. 22-23).

Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов, равно как и О.В. Шаров, безоговорочно принимают вторую интерпретацию, в то время как первую даже не рассматривают. Объясняется это, к сожалению, внеисточниковыми причинами. Указанные исследователи принадлежат к петербургской археологической школе, которая разрабатывает так называемую «лесную» концепцию славянского этногенеза⁷⁷, согласно которой а priori никаких славян на «готском пути» от Балтики к Черному морю быть не могло, так как их предки тогда проживали в ареале «лесных» культур: штрихованной керамики, днепро-двинской, юхновской и т. д.⁷⁸

Не вдаваясь сейчас в дискуссию о происхождении славян, отмечу, что здесь существует ряд концепций, среди которых «лесная» – лишь одна из них. Она отнюдь не является общепринятой⁷⁹. Любой объективный исследователь не должен игнорировать этот факт и ставить телегу впереди лошади: не общие концепции должны направлять чтение источников, а верное объективное прочтение источников должно показать правоту той или иной концепции.

В данном случае хорошо видно, как авторы обеих статей, приняв лишь одну возможную атрибуцию спалов Иордана, попали в своеобразную логическую ловушку, так что им пришлось домысливать за источники. Поскольку Плиний Старший знает сатархеев-спалеев где-то в Подонье, Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов в соответствии со своими взглядами на локализацию Ойума, вполне соответствующими, надо сказать, тексту Иордана, вынуждены были постулировать не имеющее никакой опоры в источниках допущение, согласно которому они переселились далеко на северо-запад, а заодно и из небольшого «племени», фигурирующего в конце длинного перечня, стали «настолько сильными, что победа над ними отпечаталась в эпической памяти готв»⁸⁰.

В свою очередь, О.В. Шаров, понимая, что никаких оснований «переносить» сатархеев-спалеев из Придонья и Приазовья источники не дают, локализовал Ойум, вопреки тексту Иордана, не на северо-западном пограничье Скифии, куда ранее всего продвинулись готы, а на ее далекой юго-восточной окраине.

Таким образом, мы видим, что удовлетворительно согласовать повествование Иордана об Ойуме с отождествлением его спалов с сатархеями-спалеями Плиния нельзя. Видимо, правы те, кто, как, например, А.Н. Анфертьев, утверждает, что перед нами лишь случайная омонимия⁸¹.

Более того, есть серьезные основания полагать, что спалеи/*Spalaei* Плиния – это не этноним вообще. По словам О. Н. Трубачева, «Плиниевская форма *Spalaei* уводит в индо-арийский Крым и относится к сатархам – *Satarcheos Spalaeos*, букв. "сатархи – жители пещер" от греч. апеллатива *Σπηλιοι* – "пещерники"»⁸², т. е. перед нами всего лишь определение, данное в источнике сатархам, и ничего больше. То, что это именно так, удостоверяет следующий пассаж из «Хорографии» Помпония Мелы (I в. н.э.), объясняющий плиниевое прозвище сатархов: «*Сатархи... из-за суровой и к тому же постоянной зимы живут в выкопанных в земле жилищах, в пещерах и подземельях*, при этом они закутывают все тело и даже лицо прикрывают так, чтобы только видеть (курсив мой. – М.Ж.)»⁸³ (II. 10).

Учитывая вышесказанное, логично обратиться к давней и прочной лингвистической и исторической традиции, связывающей спалов Иордана со славянским «исполин» (праслав. *jъspolĩnъ/*spolĩnъ)⁸⁴. Где готы могли столкнуться со славянами на своем пути от берегов Балтики к Черному морю? По мнению В.В. Седова, этими славянами были жители восточного ареала пшеворской культуры Мазовии, Подлясья и Западной Волыни⁸⁵.

Пшеворская культура, как показали в своих работах В.В. Седов и И.П. Русанова, представляла собой сложное поликомпонентное

образование, в составе которого были кельты, германцы и славяне; последние преобладали в восточной части пшеворского ареала⁸⁶. По словам Русановой, «постоянный славянский компонент в пшеворской культуре был довольно многочисленным и мало смешивался с другими этническими группами»⁸⁷.

Применительно к нашему сюжету эти выводы могут быть и конкретизированы. Наиболее точным соответствием иордановым сплам является так называемая зубрецкая группа пшеворских памятников, существовавшая в позднелатенское и раннеримское время на Волини и в Верхнем Поднестровье и сложившаяся при некотором участии позднезарубинецкого населения. То, что основу населения зубрецкой группы составляли славяне, убедительно показал ее ведущий исследователь Д.Н. Козак⁸⁸.

По археологическим материалам отчетливо видно, что при вторжении «вельбарцев»-готов на Волинь в конце II – начале III в. славяне постепенно перемещаются к югу, в Поднестровье, где количество их поселений растет, в то время как на севере, на Волини, они исчезают, и распространяется вельбарская культура готов⁸⁹. Эта археологически фиксируемая картина хорошо согласуется со сведениями Иордана о победе готов над спалами при покорении Ойума. Именно с носителями зубрецких традиций встретились готы по приходе в Скифию, именно с ними вступили в борьбу и именно их вытеснили с определенной территории. К сожалению, эти материалы полностью проигнорированы авторами рассмотренных новейших работ, посвященных локализации Ойума.

То, что именно Волинь была «желанной землей», куда в своей историко-эпической памяти стремились готы, хорошо показывают археологические материалы. М.Б. Шукин констатирует, что «наибольшая концентрация вельбарских памятников наблюдается на Волини»⁹⁰. Волинь стала важным готским центром и своеобразной базой для дальнейшей экспансии «вельбарцев»-готов в земли Скифии, одним из районов кристаллизации черняховской культуры.

Что же касается славян-«спалов», носителей зубрецких культурных традиций, отошедших под готским натиском на юг, в район Верхнего Днестра, то они на следующем этапе представлены памятниками типа Черепин-Теремцы, включаемыми обычно в качестве особого локального варианта в состав черняховской культуры (хотя, например, Шукин высказался за их исключение оттуда в силу выраженного своеобразия⁹¹), которые стали одной из основ для становления славянской пражской культуры, что рельефно показано их исследователем В.Д. Бараном⁹².

В преданиях многих народов говорится о том, что некогда землю населяли мифические великаны, на смену которым пришли обыч-

ные люди. Нередко так тот или иной народ осмысливает историю своей борьбы с какими-то древними сильными врагами. Славяне, к примеру, так осмыслили свою борьбу с аварами. В «Повести временных лет» изложено славянское эпическое сказание о войне между аварами и дулебами, в котором первые наделены чертами мифических великанов, предшествовавших заселению земли обычными людьми⁹³. Аналогично и «в старопольской традиции авары-обры наделались обликом допотопных – доисторических – исполинов»⁹⁴. Видимо, в готском эпосе в качестве древних великанов, противников готов, рассматривались славяне.

То, что дело обстояло именно так, подтверждают следующие факты, собранные А.Н. Веселовским. Еще Я. Grimm высказал гипотезу, согласно которой др.-в.-нем. *antisc, antrisc, entrisc* «autiquus, priscus», а.-сакс. *entisc* «giganteus» от *ent* «gigas» и прочие родственные лексемы производны от имени антов⁹⁵. Как пишет Веселовский, образ антов был в немецкой фольклорной традиции обобщен «в народных поверьях, как то случилось с другими отжившими, когда-то славными народами: гуннами у немцев, обрами, чудью, спалами у славян, эллинами у современных греков. Анты явились исполинами, им стали приписывать загадочные древние сооружения (*Entiskenweg, entisca geweorc*), как у нас курганы нередко носят этнические прозвища... в преданиях является какое-то «антское» пещерное племя»⁹⁶.

Ученый приводит несколько соответствующих немецких преданий об антах, в котором они предстают в качестве древнего исчезнувшего народа, подобно славянским обрам или чуди. Вот для примера одно из них: «Предание записано в Тироле. Если пойти из Преграаттена (*Pregratten*. слав. Преграда) в Виндталь (*Windthal* = долина вендов?), то на разделе вод и племен, баварского и славянского, встретишь так называемую антскую берлогу (*das antische Loch*), о которой рассказывают следующее: в старые годы жили в Виндтале, в этой берлоге, какие-то люди, редко или никогда не показывавшиеся в долине. Только однажды пришла оттуда девушка-красавица и нанялась в услужение в Преттау. Она была молчалива и никому не говорила о своем роде-племени; говорила только, что в Преттау ей быть не долго, потому что, когда появится там вооруженный всадник на белом коне, ей снова надо будет вернуться в свою берлогу. Так рассказывая, она плакала; и, действительно, как скоро появился всадник, девушка исчезла. Из берлоги и теперь еще слышится детский плач, а на камнях кругом видели нередко пеленки, сушившиеся на солнце. В песке у берлоги находили крошечные светложелтые камешки, величиной с горошину и менее; им приписывают

целебные свойства: вытягивать из глаз осколки дерева и сор, туда попавший. Говорят, что это окаменевшие слезы антских людей»⁹⁷.

Таким образом, в германской традиции славяне заняли место древнего народа великанов, сошедшего с исторической сцены. Интересно при этом, что в качестве его обозначения в обиход вошел один из древних славянских этнонимов, относящийся к рассматриваемой нами эпохе и вышедший с VII в. из оборота. Иордан сообщает о большой войне антов и готов в годы гуннского нашествия (Iord., Get. 246-247)⁹⁸.

А.Н. Анфертьев по этому поводу отметил: «Можно думать, что этноним (анты. – М.Ж.) попал на запад в составе готских фольклорно-исторических преданий об остроготско-антском конфликте. Может быть, уже в ранний период его формирования, частично отразившийся у Иордана, анты изображались великанами, победа над которыми была особенно почетна?»⁹⁹.

В рассказе «Повести о переселении готов» о борьбе готов со славянами отразилась готская традиция о древней войне или войнах со славянами на Волыни, в рамках которой противники готов уже начали осмысливаться как древний народ великанов.

Любопытно, что впоследствии, когда в VI в. уже «пражские» славяне осваивали покинутую германцами Волынь, судя по всему, имел место зеркальный процесс. Летописцы отмечают, что древнейшим известным им славянским «племенем» на Волыни были дулебы: «Дулеби живяху по Бугу, где ныне вельняне»¹⁰⁰. Это название имеет германскую этимологию. Согласно О.Н. Трубачеву, «в слав. *dudlebi скрывается герм. *daud-laiba- с этимологическим значением «наследство умершего, выморочное наследство», что хорошо вяжется с раннеисторическим процессом освоения славянами земель, покинутых одно время германскими племенами»¹⁰¹. Такой этноним указывает, что славяне - носители пражской культуры вполне могли воспринимать предшествующих им насельников Волыни, германцев-готов, как древний вымерший народ.

Здесь также нельзя не коснуться еще одного вопроса, имеющего богатую историографию, - о соотношении *спалов* (Spali) Иордана и *споров* (Σποροι) Прокопия Кесарийского, которых этот автор называл предками антов и славян: «Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами», как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища»¹⁰² (IV. 29). Этимология византийского автора, очевидно, имеет чисто кабинетный и наивный характер (ср. выше аналогичную народную этимологию происхождения этника «гепиды» у Иордана как «ленивые»). Вариантов расшифровки этого из-

вестия Прокопия было предложено немало¹⁰³, и эта тема нуждается в обстоятельном рассмотрении, которое в рамках данной статьи невозможно. Поэтому скажу только о том, что не вижу никакой связи между спалами Иордана и спорами Прокопия хотя бы потому, что в свете сказанного выше следует, что спалы – это вообще не этноним, а лишь готское осмысление славянской лексемы в качестве маркирования в своей исторической памяти славян как древнего легендарного народа – своего противника.

Несмотря на очевидные вкрапления фольклорных мотивов, которые, кстати, интересны сами по себе и являются ценным историческим источником, в основе «Повести о переселении готов» лежит память о реальных событиях ранней истории этого народа, которые вместе с тем являются и составной частью истории ранних славян.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. М., 2013 (Византийская библиотека. Источники). С. 29-31, 46-51.
2. *Там же*. С. 31-40.
3. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I. С. 100.
4. *Там же*.
5. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. С. 24. Прим. 60.
6. Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 115.
7. *Там же*. С. 117.
8. *Щукин М.Б., Мачинский Д. ., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М. Б. Щукину. СПб., 2011. С. 248.
9. *Там же*. С. 251. Прим. 6.
10. *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Вып. I. Краснодар, 2013. С. 122-127.
11. *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994. С. 227-228; *Его же*. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 147.
12. *Bierbrauer V.* Archäologie und Geschichte der Goten vom 1-7. Jahr. // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 28. Berlin; New York. 1994. S. 105; *Birbreyer Ф.* Готи в I-VII ст. Территория розселення та просування за археологічними джерелами // Археологія. 1995. № 2. С. 38-39.
13. *Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 89.
14. *Там же*. С. 108.
15. *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум». С. 123-124.

16. *Шукин М.Б.* Готы и Готыны, Готискандза и Ойум // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1986. С. 187.

17. *Его же.* На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий VI в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. С. 249.

18. *Топоров В.Н.* Древние германцы в Причерноморье. Результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 254.

19. Историографию см.: *Седов В. В.* Славяне. С. 143.

20. *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI в. Опыт исторической этнографии. СПб., 2003. С. 70.

21. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. С. 188. Комментарий. 68.

22. *Там же.* С. 189.

23. *Lewicki T.* Zagadnienie Gotyv na Krymie // Przegląd Zachodni. T. VII. No 5/8. Poznań, 1951. S. 82.

24. *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 71-72.

25. *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. 2-е изд. СПб., 2001 (Византийская библиотека. Исследования). С. 94.

26. *Там же.* С. 94-95.

27. *Там же.* С. 95.

28. *Шукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Oium... См. также: *Воронятов С. В.* О территории сражения готов со спалами в «Getica» Иордана // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Ростов-на-Дону, 2014.

29. *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум».

30. *Мачинский Д.А.* Рыцарь познания // Европейская Сарматия. С. 13-14.

31. *Казанский М.М., Шаров О.В.* Предисловие // Germania-Sarmatia II: Сборник, посвященный памяти М.Б. Шукина. Калининград, 2010. С. 12. Прим. 2; *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум». С. 123-124.

32. *Жих М.И.* Проблема славянского этногенеза в работах В. В. Седова // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2013. № 1 (30). С. 121.

33. *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001. С. 91.

34. *Шукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Oium... С. 263-270.

35. *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум». С. 127-132.

36. *Там же.* С. 132-138.

37. *Там же.* С. 142.

38. *Там же.*

39. *Там же.* С. 142-144.

40. *Wołgiewicz R.* Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk, 1981.

41. *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум». С. 144.

42. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. С. 65. См. также: Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 105.

43. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. С. 79-80.
44. *Тацит Публий Корнелий*. О происхождении германцев и местоположении Германии / Перевод А.С. Бобовича, ред. М.Е. Сергеев // *Тацит. Анналы. Малые произведения*. М., 2003. С. 481.
45. *Седов В.В.* Славяне в древности. С. 180-181; *Его же*. Славяне. С. 122-123.
46. *Там же*.
47. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. С. 68.
48. *Меркулов В.И.* У истоков Великого переселения народов. URL: <http://pereformat.ru/2011/09/u-istokov-velikogo-pereseleniya-narodov/> (дата обращения: 13.07.2014).
49. *Там же*.
50. *Там же*.
51. *Щукин М. Б.* Готский путь. С. 55. Рис. 12.
52. *Там же*. С. 45-48.
53. *Там же*. С. 38.
54. *Там же*.
55. *Тацит Публий Корнелий*. Анналы / Перевод А. С. Бобовича, ред. Я.М. Боровского // *Тацит. Анналы. Малые произведения*. М., 2003. С. 90.
56. Историографию см.: *Щукин М. Б.* Готский путь. С. 25-28.
57. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. С. 184. Комментарий. 52.
58. *Там же*. С. 65.
59. *Там же*. С. 68, 77.
60. *Там же*. С. 65.
61. Ср.: *Вольфрам Х.* Готы. С. 62-63.
62. *Вольфрам Х.* Готы. С. 36-37.
63. *Щукин М.Б.* Готский путь. С. 33. Рис. 4.
64. *Седов В.В.* Славяне в древности. С. 223-224; *Его же*. Славяне. С. 144-145.
65. *Его же*. Славяне в древности. С. 223-225; *Его же*. Славяне. С. 144-145; *Щукин М.Б.* На рубеже эр. С. 244-249; *Его же*. Готский путь. С. 28-48.
66. *Щукин М.Б.* Готский путь. С. 25-57.
67. *Седов В.В.* Славяне. С. 146-147; *Русанова И.П.* Вельбарская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М., 1993. С. 182-183.
68. *Щукин М.Б.* Готский путь. С. 103-108; *Русанова И. П.* Вельбарская культура. С. 189-190.
69. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. С. 253. Комментарий. 312.
70. *Там же*. С. 66. См. также: Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 105.
71. *Седов В.В.* Славяне. С. 147.
72. *Там же*. С. 145. Рис. 29.
73. См., напр.: *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. С. 188-189. Комментарий. 68.
74. *Седов В.В.* Славяне. С. 147.
75. *Там же*.

76. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011. С. 189.
77. Мои критические соображения о ней см.: Жих М.И. Проблема славянского этногенеза в работах В.В. Седова. С. 111-114, 118-119.
78. Шукин М.Б. Семь миров древней Европы и проблемы этногенеза славян // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1989; *Его же*. Рождение славян // Стратум. Структуры и катастрофы. СПб., 1997; *Мачинский Д.А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII - середине XI в. // Труды Государственного Эрмитажа. 2009. Т. 49. С. 472-483; *Лебедев Г.С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне: этногенез и этническая история; *Kazanski M.* Les Slaves. Les origines (I-er - VIIe siècle après J.-C.). Paris, 1999.
79. Ее критику см.: *Седов В.В.* Славяне в древности. С. 50; 218-220; *Его же*. Рец. на: *Kazanski M.* Les Slaves. Les origines // Российская археология. 2000. № 3; *Его же*. Славяне в римское время. Доклад для XIII Международного съезда славистов (Словения, 2003). М., 2003. С. 20-22; *Русанова И.П.* Заключение // Славяне и их соседи. С. 195-197; *Егорейченко А.А.* Культуры штрихованной керамики. Минск, 2006. С. 115-116.
80. Шукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В. Готский путь, плодороднейшие земли Oium... С. 256.
81. Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 118-119. Прим. 37.
82. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 8. М., 1981. С. 241.
83. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники. С. 55.
84. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. С. 189-190. Комментар. 70; Этимологический словарь славянских языков. Вып. 8. С. 240-242; Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 118-119. Комментар. 37; *Седов В.В.* Славяне. С. 148.
85. Там же.
86. *Седов В.В.* Славяне в древности. С. 180-198; *Его же*. Славяне. С. 115-122; *Русанова И.П.* Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа. М., 1976. С. 201-215; *Ее же*. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1990.
87. *Русанова И.П.* Этнический состав носителей пшеворской культуры. С. 135.
88. *Козак Д.Н.* Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї та Західному Побужжі. Київ, 1984; *Его же*. Етнокультурна історія Волині. Київ, 1991; *Его же*. Венеди. Київ, 2008.
89. *Его же*. Венеди. С. 211; *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. С. 125; Шукин М.Б. Готский путь. С. 107-108.
90. Шукин М.Б. Готский путь. С. 107.
91. Там же. С. 109-112.

92. Баран В.Д. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). Київ, 1981; *Его же*. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983; *Его же*. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков). Киев, 1988; Баран В.Д., Гопкало О.В. Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. Київ, 2005.

93. ПСРЛ. Т. I. Стб. 11-12; Т. II. Стб. 9.

94. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 178.

95. Веселовский А.Н. Заметки по литературе и народной словесности. I. СПб., 1883. С. 80.

96. Там же. С. 81.

97. Там же. С. 82.

98. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. С. 108.

99. Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 159. Комментар. 254.

100. ПСРЛ. Т. I. Стб. 12-13; Т. II. Стб. 9.

101. Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 53.

102. Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 185.

103. Историографию см.: Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 227-228. Комментар. 94.

References

Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1-7. Jahr. [Archaeological data on Ghats of the I-VII centuries], Frühmittelalterliche Studien, Bd. 28, Berlin; New York, 1994 [in German].

Kazanski M. Les Slaves. Les origines (I-er - VIIe siècle après J.-C.) [Origin of Slavs (Sh-VII of centuries)], Paris, 1999 [in French].

Lewicki T. Zagadnienie Gotów na Krymie [Goths in the Crimea], Przegląd Zachodni, T. VII, Nr 5/8, Poznań, 1951 [in Polish].

Wotągiiewicz R. Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnicznej [Problem of an ethnic origin of velbarsky culture], Problemy kultury wielbarskiej, Slupsk, 1981 [in Polish].

Baran V.D. Chernjahivska kul'tura (za materialami Verhn'ogo Dnistra ta Zahidnogo Bugu), Kiiv, 1981 [in Ukrainian].

Baran V.D. Slozhenie slavyanskoj rannesrednevekovoj kul'tury i problema rasselenija slavyan [Addition of Slavic early medieval culture and a problem of moving of Slavs], Slavyane na Dnestre i Dunae, Kiev, 1983 [in Russian].

Baran V.D. Prazhskaja kul'tura Podnestrov'ja (po materialam poselenija u s. Rashkov), Kiev, 1988 [in Russian].

Baran V.D., Gopkalo O.V. Chernjahivski poselennja bassejnu Gnuloj Lipi, Kiiv, 2005 [in Ukrainian].

Birbrauer V. Goti v I-VII st. Teritorija rozselennja ta prosuvannja za arheologichnimi dzherelami, *Arheologija*, 1995, Nr 2 [in Ukrainian].

Budanova V.P. Goty v jepohu Velikogo pereselenija narodov [Gota during an era of Great resettlement of the people], 2-e izd. SPb., 2001 (Vizantijskaja biblioteka. Issledovanija) [in Russian].

Veselovskij A.N. Zametki po literature i narodnoj slovesnosti [Notes on literature and national literature], I. SPb., 1883 [in Russian].

Vol'fram H. Goty. Ot istokov do serediny VI v. Opyt istoricheskoy jetnografii [Gotha. From sources to the middle of the VI century. Experience of historical ethnography], SPb., 2003 [in Russian].

Voronjatov S.V. O territorii srazhenija gotov so spalami v «Getica» lordana [About the territory of battle it is ready from a spalama in «Getica» of Jordan], *Vojna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire*, Rostov-na-Donu, 2014 [in Russian].

Egorejchenko A.A. Kul'tury shtrihovalnoj keramiki [Cultures of the shaded ceramics], Minsk, 2006 [in Russian].

Zhih M.I. Problema slavjanskogo jetnogeneza v rabotah V.V. Sedova [Problema of Slavic ethnogenesis in V. V. Sedov's works], *Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskij zhurnal*, red. S.G. Sulyak, 2013, Nr 1 (30) [in Russian].

Jordan. O proishozhdenii i dejaniyah getov [About an origin and acts of get], *Vstupitel'naja stat'ja*, perevod i kommentarii E.Ch. Skrzzhinskoj, 2-e izd, M., 2013 (Vizantijskaja biblioteka. Istochniki) [in Russian].

Kazanskij M.M., Sharov O.V. Predislovie [Preface], *Germania-Sarmatia II: Sbornik, posvjashhjonnyj pamjati M.B. Shhukina*, Kaliningrad, 2010 [in Russian].

Kozak D.N. Pshevors'ka kul'tura u Verhn'omu Podnistrov'i ta Zahidnomu Pobuzhzhii, Kiiv, 1984 [in Ukrainian].

Kozak D.N. Etnokul'turna istorija Volini, Kiiv, 1991 [in Ukrainian].

Kozak D.N. Venedi [Venedi], Kiiv, 2008 [in Ukrainian].

Lebedev G.S. Arheologo-lingvisticheskaja gipoteza slavjanskogo jetnogeneza, Slavjane: jetnogenez i jetnicheskaja istorija [in Russian].

Magomedov B.V. Chernjahovskaja kul'tura. Problema jetnosa [Chernyahovskaya culture. Ethnos problem, Lublin, 2001 [in Russian].

Machinskij D.A. Rycar' poznaniya [Rytsar of knowledge], *Evropejskaja Sarmatija* [in Russian].

Machinskij D.A. Nekotorye predposylki, dvizhushhie sily i istoricheskij kontekst slozhenija russkogo gosudarstva v seredine VIII – seredine XI v. [Some prerequisites, driving forces and a historical context of addition of the Russian state in the middle of VIII – the middle of the XI century], *Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha*, 2009, t. 49 [in Russian].

Mel'nikova E.A. Skandinavskie runicheskie nadpisi. Novye nahodki i interpretacii [Scandinavian runic inscriptions. New finds and interpretations], M., 2001 [in Russian].

Merkulov V.I. U istokov Velikogo pereselenija narodov [At sources of Great resettlement of the people]. URL: <http://pereformat.ru/2011/09/u-istokov-velikogo-pereseleniya-narodov> (accessed: 13.05.2014) [in Russian].

Petruhin V. Ja., Raevskij D.S. Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i ranem srednevekov'e [Sketches of history of the people of Russia in the ancient time and early Middle Ages], M., 2004 [in Russian].

Podosinov A.V., Skrzhinskaja M.V. Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponij Mela i Plinij Starshij [Roman geographical sources: Pompony Mela and Pliny Sr.], M., 2011 [in Russian].

Rusanova I.P. Slavyanskije drevnosti VI-VII vv. Kul'tura prazhskogo tipa [Slavic antiquities of the VI-VII centuries. Culture of the Prague type], M., 1976 [in Russian].

Rusanova I.P. Jetnicheskij sostav nositelej pshevorskoj kul'tury, Ranneslavjanskij mir: Materialy i issledovanija, vyp. 1, M., 1990 [in Russian].

Rusanova I.P. Vel'barskaja kul'tura [Velbarskaya culture], Slavyane i ih sosedi v konce I tys. do n.je. – pervoj polovine I tys. n.je., M., 1993 [in Russian].

Rusanova I.P. Zakljuchenie [Conclusion], Slavyane i ih sosedi [in Russian].

Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah [Arch of the most ancient written news of Slavs], M., 1994. T. I [in Russian].

Sedov V.V. Slavyane v drevnosti [Slavs in the ancient time], M., 1994 [in Russian].

Sedov V.V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], M., 2002 [in Russian].

Sedov V.V. Rec. na: Kazanski M. Les Slaves. Les origines [Rets. on: Kazanski M. Les Slaves. Les origines], Rossijskaja arheologija, 2000, Nr 3 [in Russian].

Sedov V.V. Slavyane v rimskoe vremja. Doklad dlja XIII Mezhdunarodnogo s'ezda slavistov [Slavs in the Roman time. The report for the XIII International congress of Slavists] (Slovenija, 2003), M., 2003 [in Russian].

Tacit Publij Kornelij. Annaly [Annals], perevod A.S. Bobovicha, red. Ja.M. Borovskogo, Tacit. Annaly. Malye proizvedenija, M., 2003 [in Russian].

Tacit Publij Kornelij. O proishozhdenii germancev i mestopolozhenii Germanii [About an origin of Germans and location Germany], perevod A.S. Bobovicha, red. M. E. Sergeevnko, Tacit. Annaly. Malye proizvedenija, M., 2003 [in Russian].

Toporov V.N. Drevnie germancy v Prichernomor'e. Rezul'taty i perspektivy [Ancient Germans in Black Sea Coast. Results and prospects], Balto-slavyanskije issledovanija, 1982, M., 1983 [in Russian].

Trubachev O.N. Rannie slavyanskije jetnonimy – svideteli migracii slavyan [Early Slavic ethnonyms – witnesses of migration of Slavs], Voprosy jazykoznanija, 1974, Nr 6 [in Russian].

Trubachev O.N. Indoarica v Severnom Prichernomor'e [Indoarica in Northern Black Sea Coast], M., 1999 [in Russian].

Sharov O.V. V poiskah strany «Ojum»: jepos ili real'nost'? [In search of the country «Oyum»: epos or reality?], Drevnosti Zapadnogo Kavkaza, vyp. I, Krasnodar, 2013 [in Russian].

Shhukin M.B. Goty i Gotony, Gotiskandza i Ojum [Gota and Gotona, Gotiskandz's and Oyum], X Vsesojuznaja konferencija po izucheniju istorii, jekonomiki, literatury i jazyka Skandinavskih stran i Finljandii. Tezisy dokladov, M., 1986 [in Russian].

Shhukin M.B. Sem' mirov drevnej Evropy i problemy jetnogeneza slavian [Seven worlds of ancient Europe and problem of ethnogenesis of Slavs, Slavjane: jetnogenez i jetnicheskaja istorija, L., 1989 [in Russian].

Shhukin M.B. Na rubezhe jer: Opyt istoriko-arheologicheskoj rekonstrukcii politicheskikh sobytij VI v. do n.je. – I v. n.je. v Vostochnoj i Central'noj Evrope [At a boundary Ayr: Experience of historical and archaeological reconstruction of political events of the VI century BC – I century AD in Eastern and the Central Europe], SPb., 1994 [in Russian].

Shhukin M.B. Rozhdenie slavian, Stratum. Struktury i katastrofy, SPb., 1997 [in Russian].

Shhukin M.B. Gotskij put' (goty, Rim i chernjahovskaja kul'tura) [Gotsky way (Gotha, Rome and Chernyakhovsk culture)], SPb., 2005 [in Russian].

Shhukin M.B., Machinskij D. A., Voronjatov S.V. Gotskij put', plodorodnejšie zemli Oium i vel'barksko-chernjahovskoe poselenie Lepesovka [Gotsky way, the most fertile lands Oium and velbarksko-Chernyakhovsk settlement of Lepesovka], Evropejskaja Sarmatija. Sbornik, posvjashhennyj M.B. Shhukinu, SPb., 2011 [in Russian].

Jetimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov. Praslavjanskij leksicheskij fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund], pod red. O.N. Trubacheva, vyp. 8, M., 1981 [in Russian].

Жих Максим Иванович – аспирант кафедры музеологии исторического факультета Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Zhikh Maksim – graduate student of the Department of Museology, Institute of History, St. Petersburg State University.

e-mail: max-mors@mail.ru

УДК 94(47).02

DOI: 10.17223/18572685/36/5

РУССКАЯ ПРАВДА И ИСТОКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА

В.И. Меркулов

Российско-немецкий исторический семинар

(общественно-научный проект)

e-mail: mail@pereformat.ru

Scopus Author ID: 55848349600

ORCID ID: 0000-0003-0555-0813

ResearcherID: E-5671-2014

SPIN-код автора РИНЦ: 1519-7585

Авторское резюме

В настоящей статье автор предлагает принципиально новую постановку вопроса об источниках древнерусского правового кодекса – Русской Правды, анализируя исторический фон, на котором возник этот документ, и связывая его с варягами и варяжскими законами.

Ключевые слова: Русская Правда, варяги, древнерусское право, Древняя Русь.

The Russian Pravda and sources of the Old Russian right

V.I. Merkulov

Russian-german historical seminar (public and scientific project)

e-mail: mail@pereformat.ru

Abstract

In this article the author propose the quite new research aspects of the old Russian code of laws - Russian Pravda. The author analyses the historic context of this document's emergence, also proves, that Russian Pravda directly related with the Varangians and their laws.

Keywords: Russian Pravda, Varangians, Old Russian right, Ancient Russia.

Возникновение Древнерусского государства в IX в. сопровождалось формированием и утверждением особых правовых отношений.

Заложенные правовые нормы продолжали действовать и во время раздробленности - как в северорусских княжествах, так и в галицко-волынских землях, переживавших время наивысшего подъема во время правления «первого русского короля» Даниила Романовича Галицкого.

Ключевая проблематика по этой теме связана с Русской Правдой, которую справедливо считают выдающимся историко-юридическим памятником. И действительно, особое значение Русской Правды было выражено в ее широком распространении, она дошла до сегодняшних дней в десятках списков XIII-XVIII вв. Интерес ученых не ослабевал к ней с того времени, когда она была открыта и введена в научный оборот В.Н. Татищевым¹. Казалось бы, после всех написанных и опубликованных исследований о Русской Правде добавить что-то принципиально новое крайне сложно.

В дореволюционной науке этим документом занимались такие выдающиеся исследователи, как И.Н. Болтин, В.О. Ключевский, А.Е. Пресняков, В.И. Сергеевич, Г. Эверс и др. Он был переведен на польский и немецкий языки, что сделало его доступным для иностранного читателя. Собственно говоря, тогда же была заложена научная основа для последующего исследования Русской Правды. В советское время к ее изучению обратились самые видные ученые, хотя под влиянием марксистско-ленинской методологии их внимание привлекала скорее «классовая сущность» источника в свете формирования феодальных отношений в Древней Руси.

Однако, несмотря на то, что ученая полемика велась практически по всем вопросам, касающимся Русской Правды, в историографии закрепился весьма общий взгляд на происхождение этого памятника. Притом давно считается, что со времен В.Н. Татищева были решены или, по крайней мере, поставлены основные проблемы, касающиеся истории текста и содержания документа. К сожалению, это привело к тому, что в последние годы исследовательский интерес к нему заметно остыл.

Вместе с тем, вопрос о происхождении и становлении права является одним из ключевых в изучении начала государственности. Развитие правовых норм обычно идет параллельно развитию государства, определяя специфику страны и ее внутреннего уклада. Кроме того, обращение к истокам права и правовых отношений нередко позволяет определить и истоки самой государственности. На наш взгляд, одним из таких особенных и показательных документов как раз является Русская Правда.

В настоящее время под общим названием Русская Правда понимают три разновременных, но связанных между собой памятника, которые

принято называть редакциями. Наиболее ранним документом в этом корпусе является так называемая Древнейшая Правда (или Краткая Правда), которую обычно датируют первой половиной XI в. Она представляет собой сборник положений, изданных Ярославом Мудрым.

Еще В.Н. Татищев определил, что Древнейшая Правда состояла из двух частей – Правды Ярослава и Правды Ярославичей. При этом И.А. Стратонов справедливо полагал, что в изначальном тексте летописи приводилась не вся Краткая Правда, а только ее первая часть (Правда Ярослава)². Это предположение отчасти разделил М.Н. Тихомиров, который внес серьезный вклад в изучение Русской Правды³.

По мнению М.Н. Тихомирова, Древнейшая Правда была записана в Новгороде, и ее источником академик считал новгородское обычное право⁴. Очень близок к Тихомирову по своим взглядам на происхождение Древнейшей Правды оказался Л.В. Черепнин⁵. Позднее М.Б. Свердлов справедливо рассматривал этот источник как одну из варварских Правд, сравнивая его с западноевропейскими аналогами⁶.

Новгородское обычное право представляло собой, по всей видимости, типичную систему норм и правил поведения, основывавшуюся на обычае. Вообще обычное право было традиционно для ранних средневековых государств Европы, став основой для формирования первых законов. Оно явилось результатом длительной общественной практики, сложившейся в той или иной среде, приобретая свою специфику под влиянием родовых обычаев.

Варяго-русское обычное право нашло прямое отражение в договорах Руси с Византией. В 911 г. князь Олег, желая «удостоверить дружбу» с византийским императором, отправил в Константинополь послов, чтобы заключить мирный договор. При этом одним из оснований для договора стало применение обычного права: «(...) Если случится какое злоумышление, урядимся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены (то есть при наличии свидетелей. – В.М.), пусть считаются бесспорно совершившимися; а какому злодеянию не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет наказание в меру прегрешения»⁷.

Некоторые примеры древнерусского обычного права можно встретить в арабских источниках.

«И если один из них [руссов] возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым (они) и препираются. Когда же царь произнес приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе

стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием (мечами), и чей меч острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники (обеих сторон) приходят вооруженные и становятся. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника, выигрывает дело» (Ибн-Русте)⁸.

«Если они [русы] поймают вора или грабителя, то они поведут его к длинному толстому дереву, привяжут ему на шею крепкую веревку и подвешат его на нем навсегда, пока он не распадается на куски от ветра и дождей» (Ибн-Фадлан)⁹.

Невозможно отрицать, что обычное право оказало огромное влияние на Русскую Правду, да и она сама была выражением обычного права. Несмотря на такое очевидное, казалось бы, утверждение, вопрос об источниках Русской Правды стал одним из основных в дискуссии вокруг этого документа.

Со времен В.Н. Татищева и И.Н. Болтина в историографии бытовало мнение, что правовые нормы, ставшие основой Русской Правды, сформировались в древнейший период истории Руси, то есть до X в.

Советский историк А.А. Зимин высказал предположение, что нормы Русской Правды существовали в обычном праве и были отражены в Законе Русском уже в первой половине X в. В то же время он уточнял, что «вопрос о существовании письменных законов русских в начале X в. остается спорным»¹⁰.

М.Б. Свердлов напрямую связывал Русскую Правду с Законом Русским и в соответствии с этим конкретизировал состав статей. При этом он проанализировал не только нормы Закона Русского, Краткой редакции Русской Правды, Пространной редакции Русской Правды, но и нормы других варварских Правд¹¹.

Под влиянием положений норманнской теории, отождествившей понятия «варяжский» и «скандинавский», некоторые историки стали понимать под Законом Русским скандинавское право. Но С.В. Юшков стремился показать «решительную необоснованность» исторических концепций о «влиянии иноземного права на Русскую Правду»¹². Однако вряд ли можно считать «наиболее ярким проявлением норманизма» (как он писал) взгляды некоторых историков о близости северноевропейских законов.

Струбе де Пьермонт в «Слове о начале и переменах Российских законов», например, писал о сходстве между древнерусскими законами и древними законами Дании и Швеции¹³. Другое дело, что его выводы основывались на простом сравнении статей Русской Правды со статьями датских и шведских законов, что, конечно, само по себе не позволяет считать их источниками Русской Правды. При этом необходимо учитывать, что северноевропейские законы были

созданы народами одного культурного круга, близких традиций и обычаев, чем объясняется возникновение и применение сходных законов.

Вместе с тем, некоторые авторы не избежали соблазна трактовать известные сходства без взвешенной научной аргументации. Наиболее популярными в историографии стали взгляды о влиянии на Русскую Правду законодательств Дании и Швеции. Этой точки зрения придерживались Н.М. Карамзин, А.Е. Пресняков, Е.Ф. Карский и др. Их доводы также основывались главным образом на сравнении статей Русской Правды со статьями датских и шведских законов. Хотя в науке уже отмечалось, что такие «норманисты», как С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, не поддерживали данную точку зрения.

Немецкий славист Л.К. Гётц, полагая, что нормы, отраженные в Русской Правде, существовали уже в VIII-IX вв., считал, что большое влияние на нее оказала франкская Салическая Правда. Ее влияние он стремился связать с появлением варягов на Руси¹⁴. Точку зрения Гётца справедливо критиковал С.В. Юшков, отмечая, что в то время, когда создавались нормы Русской Правды, Салическая Правда была забыта даже в тех областях, где она когда-то применялась в качестве действующего источника права¹⁵.

Но С.В. Юшков не усомнился в правомерности самой идеи связывать Салическую Правду с варягами. Впрочем, с их появлением в Новгороде и в других севернорусских городах и возникновением Русской Правды было бы логичнее усматривать влияние на древнерусское право не франкской Салической Правды, а неких собственно варяжских законов. Приведенное указание М.Н. Тихомирова на новгородское происхождение документа представляется при этом весьма существенным. Иными словами, правовым предшественником Русской Правды мог выступать свод варяжских законов - более древний документ, который условно можно назвать «Варяжской Правдой».

При этом, что очевидно, простого сравнительного анализа положений Русской Правды с положениями других средневековых варварских Правд совершенно недостаточно, это не приводит к решению поставленного вопроса об источниках. При исследовании источников Русской Правды необходимо учитывать весь исторический фон, на котором происходило зарождение древнерусского права. В этой связи большое значение приобретают сообщения о варягах как таковых, а также современные исследования, результаты которых позволяют уверенно связывать летописных варягов с южным побережьем Балтийского моря¹⁶. Не случайно академик В.Л. Янин, который более пятидесяти лет вел археологические раскопки в

Новгороде, высказался об этом довольно определенно: «Решено было отправить послов к Рюрику, к тем варягам, которые называли себя русью. Проживали они на территории Южной Балтики, Северной Польши и Северной Германии. Наши пращурьы призвали князя оттуда, откуда многие из них и сами были родом. Можно сказать, они обратились за помощью к дальним родственникам»¹⁷.

Интересное сообщение содержится в «Повести временных лет». Не вдаваясь в подробности о происхождении варягов, летописец достаточно определенно указывает их географическое местоположение: «...по томоу же морю сядят къ западоу до земля Аглянський». То есть варяги населяли побережье Балтийского моря вплоть «до земли Аглянской» на западе. Тем самым летописец представил довольно точную локализацию. Самая западная оконечность побережья Балтийского моря – это историческая область Ангельн в сегодняшнем Шлезвиг-Гольштейне, бывшая прародиной племени англов, откуда они в свое время переселились в Британию. Совсем рядом, тоже на Балтийском побережье, располагается другая историческая область – Вагрия (*Wagrien, Waierland, Wagerland*), которая на западе как раз граничит с областью Ангельн. Это максимально точное географическое совпадение с описанием «Повести временных лет». Поэтому, на наш взгляд, Вагрия в восточном Гольштейне является наиболее реальным претендентом, чтобы считаться прародиной летописных варягов. Поблизости также фиксируются «русская» топонимика – например деревня *Russow*, которая впервые упоминается в источниках в XIII в. в связи с церковной историей соседней земли Мекленбург – Передняя Померания (это было как раз время христианизации славян-вендов), а также топонимы с корнем *вар-* в Гольштейне и Мекленбурге.

Еще в начале нашей эры римский историк Тацит писал, что побережье Балтийского моря населяют *anglii*, а рядом с ними – *varini*. По всей видимости, их же мы встречаем у других античных и средневековых авторов: *varinnae* у Плиния Старшего, *varni* у Прокопия, *waari* или *wari* у Видукинда, *waari* у Саксонского анналиста, *wari* у Титмара. В немецкой письменной традиции они именовались *Wagrier*, т. е. вагры.

Впрочем, форма *waigri* впервые встречается у хрониста Адама Бременского в XI в., вслед за которым Гельмольд использует написание *wagiri* (реже – *wairi*), упоминая это племя наряду с ободритами и другими балтийскими славянами. При этом первый употребляет также форму *wairis*, которая близка к формам *varini*, *wari* в других исторических источниках.

Можно ли связывать варинов (*varini*) с варягами древнерусских летописей? Это вопрос специального лингвистического исследования.

Вероятно, что при утрате носовых гласных в языке восточных славян получилось древнерусское «варязи» через промежуточную форму *wari*. Возможно, преобразование произошло через суффикс *-ing*, как в случае *jatving* – ятвяг, или у других балтийских славян: *polabingi* (также *polabi*) или *smeldingi*. Это могло быть связано с некоторыми языковыми особенностями. Например, у кашубов, одного из западнославянских народов, сохранилась балтская форма *kuling* вместо славянской *кулик*. Однако точное летописное указание на местоположение варягов в области Вагрия в восточном Гольштейне свидетельствует в пользу тождества *varini* = *wari* = *варягу*. И этот исторический факт непременно должны учитывать лингвисты.

Традиция связывать варягов с гольштейнской Вагрией была хорошо известна у средневековых немецких авторов. Сигизмунд Герберштейн в своём труде «*Rerum Moscoviticarum Commentarii*» (1549) писал: «Если принять во внимание, что они (т.е. русские. – В.М.) сами именуют Варяжским море Балтийское и то, которое отделяет от Швеции Пруссию и Ливонию, а затем и часть их собственных владений, то я лично полагал, что князья их были, по соседству, или шведы, или датчане, или пруссы. Далее, по-видимому, славнейший некогда город и область вандалов, Вагрия, была погранична с Любеком и Голштинским герцогством, и то море, которое называется Балтийским, получило, по мнению некоторых, название от этой Вагрии, и при том само оно и тот залив, который отделяет Германию от Дании, равно как Пруссию, Ливонию и, наконец, приморскую часть Московского государства от Швеции, и доселе еще удерживает у русских свое название, именуясь Варецкое море, т.е. Варяжское море. Сверх того, вандалы в то же время были могущественны, употребляли, наконец, русский язык и имели русские обычаи и религию. На основании этого мне представляется, что русские вызвали своих князей скорее от вагрийцев, или варягов, чем вручили власть иностранцам, разнящимся с ними верою, обычаями и языком»¹⁸.

Позднее аналогичной точки зрения придерживался выдающийся немецкий ученый, основатель и первый президент Берлинской Академии наук Готфрид Вильгельм Лейбниц. В одном позднем письме Лейбниц высказал свое мнение о происхождении варягов. Он полагал, что Рюрик имел датские корни, потому что это имя часто встречается в Скандинавии, тогда как у славян не употребляется. Но Рюрик пришел в Россию не из Дании, а из Вагрии, области около Любека, населенной славянами. Эта Вагрия многократно завоевывалась данами и норманнами. А у русских от Вагрии произошли варяги¹⁹. Таким образом, идея связывать древнерусских варягов с гольштейнской Вагрией имеет давние традиции.

В целом, общий исторический фон, на котором появилась Русская Правда, представляется следующим образом. Во-первых, есть основания связывать происхождение этого законодательного памятника с Новгородом и варягами. Во-вторых, наиболее вероятная трактовка летописного сообщения относит варягов в южнобалтийский регион, а именно в область Вагрия, граничащую с областью Ангельн. И эти обстоятельства открывают принципиально новые перспективы для изучения источников Русской Правды уже в контексте истории и становления права на Южной Балтике. Как ни странно, до сих пор в историографии таким образом вопрос не ставился, несмотря на огромное количество трудов и широкие дискуссии вокруг Русской Правды (причем историографическая традиция связывать самих варягов с Южной Балтикой хорошо известна).

Новгородская IV летопись дает пусть и позднее, но весьма важное уточнение к легенде о призвании варягов-руси: «Избрашася от Немець три браты с роды своими, и пояша съ собою дружинну многу. И пришедь старейшиною Рюрикъ седе в Новегороди, а Синеоусъ, брат Рюриковъ, на Белиозере, а Труворъ вы Изборьске; и начаша воевати всюды. Отъ техъ Варягъ находницехъ прозвашася Роусь, и отъ техъ словеть Роуская земля; и суть Новгородстии людие и до дняшнего дни отъ рода Варяжеска»²⁰.

По всей видимости, переселение с южного и юго-восточного берегов Балтийского моря в Приильменье и Приладожье происходило на протяжении нескольких столетий, как минимум, со времени Рюрика. Оно стало завершаться лишь к тому моменту, когда крестоносцы полностью захватили Померанию и Пруссию. Изначально в новгородском делопроизводстве применяется термин «варяги». Позднее выходцы с южной Балтики получали прозвище «из немец», указывавшее на выселение из земель, колонизированных «немцами», или «из прус» (по названию области), которое сохранилось даже после немецкого завоевания.

Наконец, летописные свидетельства хорошо сочетаются со сведениями, которые были известны немецкой историографии. Это особенно ценно тем, что данные немецких средневековых авторов были почерпнуты из неких источников, не связанных с древнерусским летописанием, которое стало известно на Западе только в XVIII в. благодаря переводам Г.Ф. Миллера²¹. В некоторых генеалогиях князь Рюрик указывается выходцем из династии вендо-ободритских правителей, сыном князя Годлава (Годлиба или Годелайба), убитого данами в 808 г. в Рерике, и внуком короля Витислава²². Впоследствии серьезный мекленбургский историк Матиус Иоанн фон Бэр обобщал сведения, по которым у короля Витислава был сын Годелайв, у

которого в свою очередь был сын Рюрик, основавший Новгород и ставший русским великим князем²³. Сам Витислав известен по франкским хроникам. Он был союзником франкского императора Карла Великого: «795... (Карлу) было неожиданно сообщено, что король ободритов Витцин при переходе через Эльбу попал в расставленные саксами ловушки и был ими убит. Это деяние словно придало некий стимул намерению короля быстрее одолеть саксов и сильнее возбудило в ненависти к [этому] нечестивому народу»²⁴.

Непосредственно подходим к нашей теме. В начале IX в. Карл Великий утвердил единый закон, получивший название Правды англов и варингов (*Lex Angliorum et Verinorum*). Кажется, данный документ максимально подходит на роль собственно варяжского правового кодекса, нормы которого варяги могли позднее перенести на Русь. Некоторые историки догадывались и ранее об этом: «Содержание сих законов одинаково; и если сравнивать *Leges Anglorum et Verinorum*, о коих упоминает Виарда в своей Истории Восточной Фрисландии, тогда бы открылось в оных еще больше сходства с древними российскими законами, кои собраны Ярославом Владимировичем»²⁵.

В первой половине XIX в. историк и филолог Степан Васильевич Руссов (1768-1842) перевел и опубликовал сами тексты «Варяжских законов», о которых «ученые уже давно упоминая..., кажется, сомневались в возможности отыскать их»²⁶. С.В. Руссов не слишком хорошо известен в историографии, и его труды, безусловно, еще нуждаются в изучении. Но его основная заслуга, на наш взгляд, состоит именно в первой публикации «Варяжских законов», которые он привел с краткими комментариями.

Данный документ известен также под названием «*Lex Thuringorum*» (*Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum*). Соотношение Правды с туринагами и Тюрингией – это отдельный вопрос, оставим пока его за рамками настоящей статьи. Ограничимся лишь кратким замечанием о том, что Тюрингенская марка входила в состав государства Карла Великого и на её территории известен загадочный «русский» след²⁷. В Советской исторической энциклопедии указывалось, что «*Lex Thuringorum*... представляет собой запись обычного права англов и варнов – предшественников тюрингов (первоначально наз. "*Lex Angliorum et Werinorum*")»²⁸.

Источник существует в двух списках: первый – в составе рукописи Корвейского монастыря середины X в. под названием «*Lex Thuringorum*», второй – в издании гуманиста Герольда 1557 г. под названием «*Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum*». Критический анализ показывает, что текст из публикации Герольда

восходит к некоему иному первоисточнику, нежели корвейская рукопись²⁹. Первую часть документа иногда называют *Judicia Vulemarus* по фразе из текста «haec iudicia Vulemarus dictauit», т. е. «сии права издал Вулимар» (в переводе Руссова). Сам С.В. Руссов в комментарии указывал, что «Вулимер есть король вандалский, см. выписку Гроция»³⁰, имея в виду, вероятно, его «Историю готов, вандалов и лангобардов»³¹.

Благодаря удачным войнам Карл Великий расширил границы Франкского королевства, включив в его состав многие племена. Соответственно, перед ним встали задачи укрепления военной организации, административной централизации и подчинения обширных и разноплеменных территорий единым законам либо законам, адаптированным к франкскому праву. В частности, Карл повелел привести в соответствие и утвердить многие правовые нормы. В конце VIII – начале IX в. появилась не только Правда англов и варингов, но и Саксонская и Фризская правды. Считается, что Правда англов и варингов относится к 802-803 гг., то есть ко времени, предшествовавшему варяжской колонизации в восточнославянские земли. Естественно, эта Варяжская Правда могла быть правовым регулятором не только в собственно варяжской среде, но и оказать влияние на всё древнерусское право, выразившееся со временем в Русской Правде.

Кажется, именно на этот источник должно быть обращено самое пристальное внимание ученых в связи с определением источников Русской Правды и с изучением древнерусского права в целом. Но это уже предмет дальнейших исследований. Настоящая статья только указывает направление, в котором их следует продолжить. Таким образом, известные наработки и выводы предшествующих историков по источникам Русской Правды могут существенно корректироваться и дополняться новыми обстоятельствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.Н. Татищев подготовил текст Русской Правды к печати в 1738 г., однако издание увидело свет значительно позже: Законы древние русские, для пользы всех любомудрых, собранные и несколько истолкованные тайным советником Васильем Татищевым 1738 г. / Продолжение Древней Российской Вифлиофики. Ч. 1. СПб., 1786.

2. *Стратонов И.А.* К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1920. Т. XXX. Вып. 4. С. 385-494.

3. *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 40.

4. *Ibid.* С. 56.
5. Черепнин Л.В. [Рецензия на кн.: Правда Русская. Учебное пособие. М.; Л., 1940] // Исторический журнал. 1941. № 3. С. 131-137.
6. Свердлов М.Б. К истории текста Краткой редакции Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. X. Л., 1978. С. 138.
7. Откуда есть пошла русская земля. Кн. 2. М., 1986. С. 488. См. также: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.
8. *Ibid.* С. 567.
9. *Ibid.* С. 571.
10. Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 70.
11. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.
12. Юшков С.В. Русская Правда. М., 2002. С. 352.
13. Strube de Pyrmont. Discours sur l'origine et les changements des lois Russiennes. St.P., 1756.
14. Götz L.K. Das Russische Recht. Bd. I. Stuttgart, 1910. S. 126, 150, 174-175.
15. Юшков С.В. *Op. cit.* С. 356.
16. Меркулов В.И. Начало Руси по германским источникам (К уточнению научной проблематики) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2013. № 1. С. 42-52.
17. Бабиченко Д. Фундамент империи // Итоги. 2007. № 38. С. 24.
18. Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 4.
19. Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen. St.Petersburg-Leipzig, 1873. S. 95-96.
20. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. М., 2000. С. 11.
21. Меркулов В.И. Эволюция взглядов Г.Ф. Миллера по варяжскому вопросу // Герард Фридрих Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 77-83.
22. Chemnitz J.Fr. Genealogia regum, dominorum et ducum Megapolensium...; notae adjectae... Joh. Christ. Beselinii / Westphalen E.J. Monumenta inedita rerum Germanicarum praecipue Cimbricarum et Megapolensium... II. Lipsiae, 1740.
23. Beehr M.J. Rerum Meclenburgicarum. Leipzig, 1741. S. 30-31.
24. Annales regni Francorum inde ab a. 741 usque ad a. 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi. MGH, SS. rer. Germ. Bd. 6. Hannover. 1895.
25. Рустрингия. Первоначальное отечество первого Российского великого князя Рюрика и братьев его. Исторический опыт Германа Фридриха Голлмана. М., 1819. С. 26.
26. Руссов С. Варяжские законы с российским переводом и краткими замечаниями. СПб., 1824. Автор благодарит директора Государственной публичной исторической библиотеки М.Д. Афанасьева за содействие в получении копии оригинального издания этой книги.
27. Меркулов В.И. Ройсс, или «Русская земля» // Родина. 2013. № 1. С. 106-108.
28. Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973. С. 625.
29. Leges Saxonum und Lex Thuringorum, hrsg. von Claudius Freiherrn von Schwerin. Hannover-Leipzig, 1918. S. 10; Grahn-Hoek H. Das Recht der Thüringer

und die Frage ihrer ethnischen Identität. Mit einer Bemerkung zur Entstehung von Begriff und Institution «Adel» // Die Frühzeit der Thüringen. RGA-E. Band 63. S. 415-416.

30. Руссов С. Варяжские законы... С. 14.

31. Historia Gotthorum, Vandalorum et Langobardorum, ab Hugone Grotio partim versa, partim in ordinem digesta. Amstelodami, 1655.

References

Beehr M.J. Rerum Meclenburgicarum [Antiquity of Mecklenburg], Lipsiae, 1741 [in Latin].

Götz L.K. Das Russische Recht [The Russian right], Bd. I, Stuttgart, 1910 [in German].

Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen [Leibniz and his relation to Russia and to Peter the Great], St.Petersburg-Leipzig, 1873 [in German].

Strube de Pyrmont. Discours sur l'origine et les changements des lois Russiennes [Discourse on the origin and changes of Russian Pravda], St.Petersburg, 1756 [in French].

Babichenko D. Fundament imperii [Empire base], Itogi, 2007, Nr 38 [in Russian].

Zimin A.A. Pravda Russkaya [Russian Pravda], M., 1999 [in Russian].

Merkulov V.I. Nachalo Rusi po germanskim istochnikam (K utochneniyu nauchnoy problematiki) [The Beginning of Rus' according to Germanic Sources (for scholarly problematic clarification)], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal, red. S.G. Sulyak, 2013. Nr 1, pp. 42-52 [in Russian].

Merkulov V.I. Reuss ili «Russkaya zemlya» [Reuss or «Russian land»], Rodina, 2013, Nr 1, pp. 106-108 [in Russian].

Merkulov V.I. Evolyutsiya vzglyadov G.F. Müllera po varyazhskomu voprosu [Evolution of views of G.F. Müller on a Varangian question], Gerhard Friedrich Müller i russkaya kultura [Gerhard Friedrich Müller and Russian culture], SPb., 2007, pp. 77-83 [in Russian].

Saharov A.N. Diplomatiya Drevney Rusi [Diplomacy of Ancient Russia], M., 1980 [in Russian].

Sverdlov M.B. K istorii teksta Kratkoy redaktsii Russkoy Pravdy [To history of the text of Short edition of the Russian Pravda], Vspomogatelnyie istoricheskie distsipliny, X, Leningrad, 1978 [in Russian].

Sverdlov M.B. Ot Zakona Russkogo k Russkoy Pravde [From the Law of Russian to the Russian Pravda], M., 1988 [in Russian].

Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet historical encyclopedia], vol. 14, M., 1973 [in Russian].

Stratonov I.A. K voprosu o sostave i proishozhdenii kratkoy redaktsii Russkoy Pravdy [To a question of structure and an origin of Short edition of the Russian Pravda], Izvestiya Obschestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete, Kazan, 1920, vol. XXX, 4 [in Russian].

Tihomirov M.N. Issledovanie o Russkoy Pravde [Research about the Russian Pravda], M.; L., 1941 [in Russian].

Cherepnin L.V. Retsenziya na kn.: Pravda Russkaya. Uchebnoe posobie. M.; L., 1940 [Review: Russian Pravda. Educational edition, M.-L., 1940], Istoricheskiy zhurnal, 1941, No 3, pp. 131-137 [in Russian].

Yushkov S.V. Russkaya Pravda [Russian Pravda], M., 2002 [in Russian].

Меркулов Всеволод Игоревич – кандидат исторических наук, координатор общественно-научного проекта «Российско-немецкий исторический семинар».

Merkulov Vsevolod – Candidate of Historical Sciences, coordinator of the public and scientific project «Russian-German Historical Seminar»

e-mail: mail@pereformat.ru

Подписка

На международный исторический журнал

Русини

объявлена подписка в Республике Молдова

Журнал выходит четыре раза в год

**Подписаться на журнал можно в любом отделении связи
Республики Молдова**

**Отдельные номера журнала можно приобрести
в Общественной ассоциации «Русь»
(тел. для справок (+373 22) 28-75-59)**

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/18572685/36/6

«ТАТИЩЕВСКОЕ ИЗВЕСТИЕ» О ПОПЫТКЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВЕНГРОВ В БОРЬБУ ЗА ГАЛИЦКОЕ НАСЛЕДСТВО ПОСЛЕ СМЕРТИ ВЛАДИМИРА ЯРОСЛАВИЧА

М.К. Юрасов

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт российской истории Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
e-mail: mihail_yurasov@mail.ru
Scopus Author ID: 56031767700

Авторское резюме

В «Истории Российской» В.Н. Татищева под 6705 (1197) г. содержится уникальное известие о попытке венгерского короля вмешаться в борьбу за Галич, развернувшуюся после смерти Владимира Ярославича. Это известие вряд ли является домыслом историка, поскольку логически не связано с другими эпизодами и «сюжетными линиями» многотомного труда Татищева. В то же время рассматриваемое свидетельство вполне укладывается в общий контекст внешнеполитической линии Арпадов относительно Юго-Западной Руси, бывшей в 1188–1190 гг. плацдармом для распространения власти венгерских королей на русские земли. Кроме того, как раз в это время обострились отношения между венгерским королём Имре и его братом Андрашем, потерявшим в 1190 г. Галицкое княжество. Имре мог использовать безвластие в Галиче для удаления брата из страны и восстановления венгерской власти в Юго-Западной Руси, однако Андраш, не хотевший возвращения в город, жители которого его ненавидели, прекратил поход, узнав об утверждении в Галиче Романа Мстиславича.

Ключевые слова: русско-венгерские отношения домонгольского времени, русская историография XVIII в.

**"News of Tatishchev" about the attempt
of intervention of the Hungarians
in the struggle for the Galician the inheritance
after the dearth of Vladimir Yaroslavich**

M.K. Iurasov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
19, Dmitriy Ul'yanov Str., Moscow, 117036, Russia
e-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Abstract

In The "History of Russia" by V.N. Tatishchev under 6705 (1197) yeah contains unique information about the attempt of the Hungarian king to intervene in the struggle for Galich that unfolded after the death of Vladimir Yaroslavich. This news is unlikely to be a speculation historian, because logically associated with other episodes and «storylines» a multi-volume work Tatishchev. At the same time, considering the evidence keeps within the General context of foreign policy Arpad regarding South-West of Russia, in the former 1188-1190, a springboard for distribution of authority of the Hungarian kings on Russian lands. Besides, at this time, exacerbated relations between the Hungarian king Imre and his brother Andrew, who lost in 1190, Galician Principality. Imre could use interregnum in Galicia to remove the brother of the country and restoration of the Hungarian authorities in South-Western Russia, however, Andrew, not desiring to return to the city whose citizens hated him, stop trip, having learned about the approval in Galich Roman Mstislavich.

Keywords: Russian-Hungary relations before the Mongol invasion, Russian historiography in the XVIII century.

Вот уже более двух веков (начиная с выхода в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина) идёт дискуссия по поводу достоверности уникальных сведений, содержащихся в «Истории Российской» В.Н. Татищева. К сожалению, среди исследователей преобладают крайние отношения к «татищевским известиям». Историки, серьёзно занимающиеся в том числе и проблемами летописоведения, как правило, считают подобные свидетельства заведомо недостоверными и крайне редко удостоивают их своим вниманием. Другие же специалисты по истории Древней Руси воспринимают Татищева как одного из «последних летописцев», относясь к его сочинению как к своду, в котором собраны сведения как дошедших, так и не дошедших до нас нарративных источников, полностью доверяя уникальным сведениям, содержащимся в труде историка XVIII в.

Для того чтобы развеять последнее утверждение, А.П. Толочко написал специальную работу, в которой попытался доказать, что при внимательном прочтении «Истории Российской», с учётом материалов всех её списков, оказывается, что «в распоряжении Татищева не было никаких источников, неизвестных современной науке. Вся информация, превышающая объём известных летописей, должна

быть отнесена на счёт авторской активности самого Татищева»¹. К сожалению, исчерпывающих доказательств данного тезиса Толочко не привёл. Да и не мог привести, поскольку многотомный труд Татищева основывается на таком огромном количестве источников, что решить проблему достоверности «татищевских известий» методом, напоминающим «репрезентативную выборку», на основании которой делаются далеко идущие выводы, практически невозможно.

По моему мнению, каждое уникальное свидетельство «Истории Российской» В.Н. Татищева, если оно не является распространением предыдущих известий, элементом «вставной речи» или явной амплификацией предшествовавшего рассказа, сделанной для большей полноты картины описываемых событий, следует наделять «презумпцией достоверности», не отмечая её сходу как нечто, стоящее «вне науки». Наиболее оправдан такой подход для кратких сообщений и рассказов, не имеющих никаких связей с предыдущим или последующим изложением. Вероятность достоверности «татищевского известия» повышается, если оно приведено языком, бытовавшим ранее XVIII ст. Ещё одним признаком, повышающим вероятность достоверности рассматриваемого типа информации «Истории Российской», является её появление уже в первой редакции, где Татищев старался, насколько ему позволяли его познания в древнерусской палеографии, дословно передавать текст своих источников. Впрочем, все эти признаки никоим образом нельзя абсолютизировать: возможность применения историком XVIII в. метода стилизации при домысливании фактов, о которых свидетельствуют находившиеся в его распоряжении источники, отнюдь не исключена.

В раннем и позднем летописании, а также в других нарративных источниках не содержится никакой информации о русско-венгерских контактах в 90-е гг. XII в. Что же касается самых последних лет названного столетия, то они вообще обделены информацией в раннем летописании, поскольку Киевский свод доводит изложение событий до 1198 г., а первое известие о реальных исторических фактах в следующей части Ипатьевской летописи, которую принято называть Галицко-Волынской летописью, относится к 1205 г.² В такой ситуации исследователи вынуждены датировать смерть Владимира Ярославича, опираясь на данные довольно позднего источника – созданной в XVII в. Густынской летописи (1199)³, которая не содержит никаких подробностей о реакции тогдашнего венгерского короля Имре (1196–1204) на смену власти в Галиче, где, как известно, утвердился в то время волынский князь Роман Мстиславич (1199–1205).

Этот «недочёт» пытается «исправить» В.Н. Татищев. Уже в первой редакции своей «Истории Российской» он пишет под 6705

(1197) г., после описания действий Романа Мстиславича, направленных на утверждение на галицком столе (обращение к Рюрику Ростиславичу, поездка в Польшу и возвращение с польскими полками): «Галичане же, ожидая вести от Рюрика, послаша бо послы своя, прося сына его Ростислава, а долго ответа не взявши и слышаши, их король угорски готовится на Галич и уже в горах полки его, прияша Романа. Он же, одарив Лешка детска и ляхов, отпусти я. А угре уведавше, възпятишася»⁴.

В примечании 423, которым Татищев сопровождал цитированный текст, приведены переведённые на русский язык тексты рассматриваемого сюжета в сочинениях польских историков эпохи Возрождения Мартина Бельского (1495–1575) и Мартина Кромера (1512–1589), не содержащие никаких сведений об участии венгров в решении «галицкого вопроса» в 1198 или 1199 г. При этом Татищев упрекает Бельского в том, что тот, «из Кромера, а паче из Длугоша взяв, самохвальством оное пополнил»⁵. Таким образом, труды названных польских историков, в том числе Яна Длугоша (1415–1480), служившего основным «кладезем информации» для всех польских историков XVI–XVII вв., не являются источниками сведений Татищева о попытке венгерского короля Имре вмешаться в события, связанные с вторичным утверждением Романа Мстиславича на галицком столе.

Главной целью авторов польских исторических сочинений, созданных в Средние века и раннее Новое время, было возвеличение деяний своих предков, прежде всего, князей и королей из рода Пястов, одним из элементов которого был тезис о том, что Юго-Западная Русь являлась исконно польской территорией, которая временно попадала под власть Рюриковичей, причём нередко с санкции польских правителей. В рассматриваемом рассказе это выражено в очень красочной форме, причём уже в хронике магистра Винцентия Кадлубка⁶. Он и его последователи всячески подчёркивали политическую зависимость умудрённого жизненным опытом и борьбой за объединение Галича и Волыни Романа Мстиславича от 12-летнего краковского князя Лешка Белого, якобы даровавшего Роману власть над Галичем.

Главным источником В.Н. Татищева по венгерской истории был труд Вильгельма Дилиха (Шеффера, ок.1575-1580 – 1655) «Гессенская хроника»⁷. Дилих использовал при его написании среди прочих венгерские средневековые исторические сочинения, в которых отсутствуют какие-либо сведения об отправке королём Имре венгерского войска в сторону Галича в связи с возникшим там вакуумом власти⁸. Таким образом, Татищев не мог почерпнуть сведения

о походе венгерских полков к русской границе после смерти Владимира Ярославича в трудах польских историков и тем более – в сочинениях европейских авторов, проживавших западнее Польши.

Рассматриваемый рассказ, скорее всего, взят из не дошедшего до нас исторического сочинения, созданного в Юго-Западной Руси, в непосредственной близости от русско-венгерской границы. Если Татищев привёл в данном случае точную цитату из своего источника, то здесь проявляется язык XVI–XVII вв. Автор «Истории Российской» выделяет в отдельный абзац рассказ о событиях, приведших к объединению Волынской и Галицкой земель в единое княжество Романом Мстиславичем. Этот рассказ не совпадает с версией, представленной в Густынской летописи. Исходя из внутренней хронологии этой части труда Татищева, смерть Владимира Ярославича и приход на княжение в Галич Романа Мстиславича датируются началом 1198 г.: текст помещён в конце статьи под 6705 (1197)⁹ г., после рассказа о событиях, происходивших в Новгороде в январе того же года (т. е. в переводе на современное летосчисление - в самом начале 1198 г.). Относить рассматриваемые события к 1197 г. представляется неверным - прежде всего, потому, что в таком случае о нём сохранилось бы известие в Киевском своде. Впрочем, размещение этого рассказа в конце летописной статьи могло быть обычным приёмом летописца, который, приведя в ней сначала текст, встречающийся во многих предшествовавших сводах, добавил к нему оригинальные известия «маргинальных» исторических сочинений (в случае, когда они не датированы и их нельзя вставить в хронологическую канву летописной статьи). Если же утверждать, что В.Н. Татищев сочинил этот рассказ от начала и до конца, то непонятны мотивы, побудившие его к такому творчеству.

Как указывалось выше, сведения о смерти Владимира Ярославича и утверждении в Галиче Романа Мстиславича можно найти в польских источниках, начиная с хроники Винcentия Кадлубка (умер в 1223), где (как в Великопольской хронике XIV в. и в написанной в XV в. «Польской истории» Яна Длугоша) содержится пространный рассказ, в котором Роман выставлен как проситель, уговоривший при помощи различных уловок захватившего Галич юного краковского князя Лешка Белого отдать ему во владение Галицкое княжество¹⁰. Правда, при этом ни магистр Винcentий, ни те, кто в последующем пользовался его трудом для написания собственных исторических сочинений, не приводят год смены власти в Галиче. Лишь в «Польской истории» Яна Длугоша рассказ об этих событиях помещен под 1198 г.¹¹. Никаких параллелей с рассказом В. Н. Татищева (который на порядок меньше по объёму) здесь нет, венгры в сочинениях

польских хронистов не упоминаются, и даже датировка рассматриваемых событий указывает на то, что в данном случае историк XVIII в. использовал явно не труд Длugoша, иначе он поместил бы свой рассказ под 6706 (1198) г., а не под 6705 (1197) г., как это сделано в «Истории Российской».

Эти размышления укрепляют меня во мнении, что в данном случае в распоряжении В.Н. Татищева был не дошедший до нас источник, явно поздний, не ранее XVI в.¹², в котором содержалась оригинальная версия событий, приведших к утверждению на галицком столе Романа Мстиславича, помещённая, в отличие от Густынской летописи, не под 6707 (1199/1200), а под 6705 (1197/1198) г. Скорее всего, краткая, но весьма информативная версия неизвестного письменного памятника показалась Татищеву отражающей реальный ход событий на фоне пространных рассказов польских хронистов, изобилующих баснословными подробностями о великих деяниях польских князей и заискивании перед ними Романа Мстиславича.

Так или иначе, но сведения о попытке венгерского короля Имре вмешаться в борьбу за галицкий стол после смерти Владимира Ярославича представляются с большой степенью вероятности отражающими реальные исторические факты. Если отправка королевского войска на Русь действительно имела место, то становится понятным, почему неизвестный источник В.Н. Татищева не сообщает о том, кого поддерживали Арпады и их окружение в качестве претендента на власть в Галицком княжестве. Поскольку у нас нет сведений о связях венгерских правителей с Романом Мстиславичем и княжившим в Киеве его тестем Рюриком Ростиславичем, скорее всего, Имре намеревался вновь посадить на галицкий стол своего младшего брата Андраша (Эндре).

Ситуация в Венгрии в 1197–1199 гг. была настолько напряжённой, что папа Иннокентий III (1198–1216) вынужден был даже освободить принца Андраша от выполнения завета его отца Белы III отправиться в поход в Святую землю, пока в стране не установится спокойствие¹³. Главной причиной внутренней нестабильности в Венгрии была борьба Андраша со старшим братом – королём Имре. Конфликт между монархом и его младшим братом разразился поздней осенью 1197 г., причем Андрашу в союзе со штирийским герцогом Леопольдом VI удалось одержать в декабре победу над королевским войском в Славонии¹⁴.

Венгерские источники не описывают подробно первые годы правления Имре. У нас нет никаких сведений о том, что Андраш получил от брата дукат (*ducatus*, герцогское держание), каковым было принято наделять представителей рода Арпадов, являвшихся наследни-

ками престола или братьями короля. Дукат представлял собой часть территории на окраинах Венгерского королевства, а его правитель носил титул герцога (*dux*). Наделением мятежных принцев дукатами короли, как правило, снимали напряжённость в отношениях между представителями рода Арпадов и в то же время удаляли мятежных родственников из центра страны. Поскольку Андраш в 1197–1198 гг. дуката не получил, есть основания полагать, что вместо герцогского держания Имре мог предложить брату помощь в возвращении галицкого стола, отобранного у него в 1190 г. Владимиром Ярославичем. В таком случае именно Андраш должен был возглавить «угорские полки», о которых пишет В.Н. Татищев.

Однако ситуация в борьбе за «галицкое наследство» складывалась явно не в пользу Арпадов. Имре и его окружение были не готовы к новому конфликту с польскими князьями. Быстрое возвращение венгерских воинов из похода после получения известий об утверждении в Галиче Романа Мстиславича также может свидетельствовать о том, что Андраш, возбудивший в своё время ненависть галичан, не горел желанием вновь занять галицкий стол и потому сразу же воспользовался благоприятным поводом, чтобы не ввязываться в чуждую ему борьбу за Галич. Таким образом, попытка короля направить политическую активность брата в «правильном направлении» – на возвращение утерянного «плацдарма» по другую сторону Карпат – оказалась неудачной. Она была осуществлена уже в годы нахождения Андраша на королевском престоле (1205–1235), когда его сыновья Калман и Андраш занимали галицкий стол: первый - в 1214–1219 гг., второй - в 1227–1229 и 1231–1234 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 21.
2. Галицко-Волынская летопись начинается с помещенного под 6709 г. рассказа о княжении Романа Мстиславича, представляющего собой общую характеристику правления этого князя, где он сравнивается с Владимиром Мономахом. См.: Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). Т. II. Ипатьевская летопись. 2-е изд. [Репр.]. М., 1998. Стб. 715–717.
3. ПСРЛ. Т. XL. Густынская летопись. СПб., 2003. С. 107.
4. Татищев В.Н. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 4. История Российская. Часть вторая. М.; Л., 1964. С. 325.
5. Там же. С. 457.
6. См.: Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, пер., комм. Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1990. С. 95–97 (текст), 110–112 (пер.).

7. *Dilich Wilhelm*. Hessische Chronik. Kassel, 1605. О значении труда Дилиха для Татищева см.: *Пекарский П.П.* Новые известия о В.Н. Татищеве. СПб., 1864. С. 63; *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 459; *Юрасов М.К.* Изучение истории средневековой Венгрии и русско-венгерских отношений в России XVIII–XIX вв. // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005. С. 337.

8. В сочинении Дилиха Имре не упоминаются и не рассматриваются события, происходившие в Венгрии в годы правления этого короля. См.: *Dilich W.* Op. cit. S. 147–148.

9. В данном случае имеется в виду обозначение дат самим Татищевым, хотя правильнее было бы написать «6705 (1197/8)».

10. *Magistri Vincentii dicti Kadłubek*. Chronica Polonorum / Wyd. M. Plezia // Monumenta Poloniae Historica. Nova series. T. XI. Kraków, 1994. P. 183–189; *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 95–97 (текст), 110–112 (пер.).

11. *Ioannis Dlugossii*. Annales seu Chronici... T. III. Libb. V–VI / Textum rec. D. Turkowska, adiutr. M. Kowalczyk; moder. M. Plezia; comment. confec. C. Pieradzka. Warszawa, 1973. P. 168–171; *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (I–VI). Текст, пер., комм. Под ред. и с доп. А.В. Назаренко. М., 2004. С. 187–189 (текст), 340–342 (пер.).

12. В рассматриваемом рассказе В.Н. Татищев встречается слово «братанична», под которым, судя по всему, имеется в виду жена одного из двоюродных братьев Романа Мстиславича – сыновей Казимира II Справедливого Лешка Белого или Конрада Мазовецкого. В данном случае важно не то, кто именно послал военные отряды на помощь Роману, а то, что слово «братанична» не встречается в письменных памятниках XI–XV вв. См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1958. Стб. 166; Словарь древнерусского языка (XI–XV вв.). Гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. I. М., 1988. С. 306.

13. Magyarország történeti kronológiája. Főszerk. Benda K. I. k. A kezdetektől 1526-ig. 3. kiad. Budapest, 1986. 124 l.

14. *Ibid.*

References

P. P. Pekarskii. Noviye izvestiya o V. N. Tatishcheve, Sankt-Petersburg, 1864 [in Russian].

Iurasov M. K. Izucheniye istorii srednevekovoy Vengrii i russko-vengerskikh otnosheniy v Rossii XVIII – XIX vv., Neischerpaemost' istochnika. K 70-letiyu V. A. Kuchkina, Moscow, 2005, pp. 335–350 [in Russian].

Polnoye sobraniye russkikh letopisey (PSRL), t. II, Ipat'yevskaya letopis', 2.ed. [Repr.], Moscow, 1998 [in Russian].

PSRL. T. XL. Gustinskaya letopis', Sankt Petersburg, 2003 [in Russian].

Shchhaveleva N. I. Polskiye latinoyazychniye srednevekovkiye istochniki, texti, per., komm., otv. red. V. L. Yanin, Moscow, 1990.

Shchaveleva N. I. Drevn'aya Rus' v «Pol'skoy istorii» Yana Dlugosha (Kn. I–VI). Text, per., komm., pod red. i s dop. A.V. Nazarenko, Moscow, 2004 [in Russian].

Slovar' drevn'erusskogo yazika (XI–XV vv.), gl. red. R.I. Avanesov, t. I, Moscow, 1988 [in Russian].

Sreznevskiy I.I. Materiali dlya slovar'a drevn'erusskogo yazika, t. I, Moscow, 1958 [in Russian].

Tatishchev V. N. Sbranie sochinenii v 8-mi tomakh. T. IV. Istoriya Rossiyskaya. Chast' vtoraya, Moscow; Leningrad, 1964 [in Russian].

Tolochko A. P. «Istoriya Rossiyskaya» Vasiliya Tatishcheva: istochniki i izvestiya, Moscow; Kiev, 2005 [in Russian].

Юрасов Михаил Константинович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества.

Iurasov Mikhail - Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Professor of the Russian Academy of Art and Architecture.

e-mail: mihail_yurasov@mail.ru

УДК 271.2(477.85)
DOI: 10.17223/18572685/36/7

УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДАНИИЛА РОМАНОВИЧА В СВЕТЕ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Д. Домбровски

Университет Казимира Великого в Быдгощи
Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy (UKW)
ul. Jana Karola Chodkiewicza 30, 85-064 Bydgoszcz, Polska
e-mail: tatar1965@gmail.com

Авторское резюме

По сравнению с подробно описанной политической деятельностью короля Руси Даниила Романовича (около 1201-1264 гг.) его учредительная активность представлена весьма скудно. Анализ летописей указывает на то, что для древнерусской практики такая ситуация не была ничем исключительным.

В Галицко-Волынской летописи упоминается о пяти церквах, сооруженных Даниилом, об их утвари, о строительстве правителем городов, а также отдельных светских, в том военного характера, объектов. Основная масса этих сообщений сосредоточена в обширном абзаце, который условно можно назвать «Повесть об основании Холма, его пожаре и восстановлении».

Ключевые слова: Даниил Романович, Галицко-Волынская летопись, Холм, учредительная деятельность.

Danylo Romanovich's foundation activity in the light of Halych-Volhynian Chronicle

D. Dąbrowski

Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz
Chodkiewicza 30, Bydgoszcz, 85-064, Poland
e-mail: tatar1965@gmail.com

Abstract

In contrast with very well described political activity of King of Rus' Danylo Romanovich (circa 1201 – 1264), his patronage of the arts was mentioned in the primary sources rather seldom. The analyses of the information of Russian chronicles, state, that

this situation was absolutely normal for the local (mediaeval Russian) practice.

Halych-Volhynian Chronicle has mentioned 5 orthodox churches founded by Danylo and furnishing of this temples. Besides, source has reported about building by Russian ruler a lot of fortifications and also different secular objects, among other things military one. So-called «Story about foundation of Kholm, its big fire and renewal» includes the main part of this information.

Keywords: Danylo Romanovych, Halych-Volhynian Chronicle, Kholm, patronage.

По сравнению с подробно описанной политической деятельностью Даниила Романовича (ок. 1201-1264 гг.) его учредительная активность представлена весьма скромно. Анализ летописей указывает на то, что для древнерусской практики такая ситуация не была ничем исключительным - градообразовательная деятельность Рюриковичей не привлекала к себе особого внимания русских летописцев, хотя, вполне понятно, ее отдельные проявления нашли свое отражение в их трудах¹. Разумеется, мы имеем в виду представитель династии, живших до Даниила, или его современников (более поздний период нами не рассматривается).

Что касается письменных свидетельств учредительной деятельности старшего Романовича, то они сосредоточены в Галицко-Волынской летописи. Естественно, нельзя забывать о том, что данный источник содержит не все известные нам стороны деятельности этого правителя на интересующем нас поле. Важные дополнения к сообщениям о ней привносят археологические, а также (хотя и в значительно меньшей степени) архитектурные и стилистические исследования. Мы будем рассматривать их здесь лишь по мере необходимости.

Надо отметить еще один факт: нам не известен ни один письменный источник, не связанный с Галицко-Волынской летописью и не зависящий от нее, в котором сохранились какие-либо упоминания о градообразованиях Даниила. К числу таких источников нельзя причислить и Краковские анналы XV в. со следующим упоминанием: «Anno Domini millesimo CCXL quarto Rutheni per diversos insultus Lublin et totum territorium devastant et succedunt et castrum per se edificare ceperunt et turrim muratam fecerunt»². Однако отдельные исследователи (хотя и несправедливо) связывали сооружение Люблинской башни именно с фактом захвата Даниилом и Васильком упомянутого города³.

Рассматривая анализируемую проблему, следует упомянуть полное отсутствие каких-либо сообщений о градообразовательной деятельности старшего Романовича в труде XVII в. униатского епископа Холмского Якова Суши, описавшего, в частности, основание

Холма и сооружение там кафедрального собора⁴. Однако этот занимательный вопрос не входит в круг наших интересов.

Обратимся для начала к характеру упоминаний Галицко-Волынской летописи о градообразованиях Даниила. Таким образом, можно будет пролить свет на причины и способы их фиксирования. Этот вопрос интересен с учетом немногочисленных научных исследований средневековых русских историографических источников как носителей информации из области искусствоведения⁵, выбора повествовательной манеры для описания реальных интересовавших летописца событий, отвечающей ожиданиям того круга, которому было адресовано данное произведение. Основная масса этих сообщений сосредоточена в обширном абзаце, который условно можно назвать «Повесть об основании Холма, его пожаре и восстановлении»⁶. Здесь можно найти множество данных, впечатляющих своим разнообразием и подробностями. Кстати, другие аналогичные летописные свидетельства нам неизвестны (за исключением схожей по информационной ценности части «Повести об убиении Андрея Боголюбского»⁷). Подробное описание структуры и содержания этого важнейшего, на наш взгляд, фрагмента Галицко-Волынской летописи будет представлено ниже.

Общеизвестно, что первой частью анализируемого источника является так называемый «Свод Даниила Романовича», завершающийся сообщениями зимы 1258 г.⁸ Его продолжением являются своды, возникновение которых связано с окружением Василька Романовича, Владимира Васильковича и Мстислава (II) Данииловича. В упомянутых частях Галицко-Волынской летописи мы находим лишь одно сообщение о учредительной деятельности Даниила. В абзаце о смерти Михаила, сына Юрия Львовича, упоминается, что он был похоронен в церкви Святой Богородицы в Холме «юже бѣ создалъ прадѣдъ его великий князь. Данило снѣ Романовъ»⁹.

По своду Даниила разбросаны немногочисленные отдельные упоминания о различного рода градообразованиях – в общей сложности их можно насчитать пять. Следует признать, что это сравнительно немного, учитывая объем текста, содержащего местами очень тщательный обзор деятельности правителя на протяжении более полувека. Тем не менее такого рода сведения приводятся здесь мимоходом, при описаниях совершенно иного рода событий. Представим их перечень и рассмотрим их характер:

1) Между списком владимирских епископов и абзацем, посвященным обстоятельствам назначения на должность архиеерея Холмского Ивана, помещено следующее предложение: «Боу же изволившю. Даниилъ созда градъ именемъ Холмъ создание же его иногда скажемъ»¹⁰. Как видно, здесь мы имеем дело с маловажным для нас

с фактографической точки зрения упоминанием. Мы узнаем лишь, что Даниил основал Холм. Это, прежде всего, предвосхищение рассказа, который будет посвящен этому событию и который действительно последует. Мало того, это первое из двух упоминаний такого рода, отмеченных в Галицко-Волынской летописи.

Наиболее интересно, однако, анализируемое упоминание с точки зрения исследования структуры источника и писательских методов его автора/авторов. Крайне важен тот факт, что, по всей видимости, мы имеем дело со свидетельством активного редактирования текста и решением относительно композиции произведения. Летописец, как мы увидим чуть позже, по прошествии достаточно долгого времени искал наиболее подходящее место для описания крайне важного, с его точки зрения, события. При этом, на наш взгляд, мы имеем дело не с выражением определенных планов составителя свода, а скорее с ситуацией, в которой последний располагал подготовленным (им самим или кем-то другим?) отдельным текстом, созданным, очевидно, вскоре после или практически в момент этих событий, который нужно было вставить в подготавливаемый текст. Однако сложно однозначно сказать, что это был за текст. По словам автора, он касался «создания» города. Подчеркнем, «создания», а не основания или восстановления. Несомненно (а это крайне важно для наших размышлений), он не мог содержать описания пожара Холма.

Перейдем теперь к попытке определить период возникновения анализируемой вставки¹¹. Она должна была быть составлена спустя достаточно продолжительный период времени с момента событий, зафиксированных рядом с ней, разумеется, тогда, когда Холм уже существовал. На протяжении этого периода, начиная с хронологического начала упоминания, поменялось несколько владимирских епископов (четыре), столица епархии была перенесена из Угруска в Холм, а во главе ее встал упомянутый Иван. Поскольку, как уже отмечалось, нет ни малейшего упоминания о пожаре Холма, *terminus ad quem* возникновения записи следует считать период до декабря 1256 г., когда, по всей видимости, и имела место эта катастрофа¹². Намного сложнее выглядит попытка определить дату *post quem* составления сообщения. Прежде всего, нам неизвестна хронология изменений на должности владимирского архиерея, а также никакие другие связанные с конкретным периодом детали из жизни других персонажей сообщения (Асаф Угруский, Иван Холмский), кроме факта исполнения своих обязанностей последним во время восстановления Холма после пожара и его участия в посольстве к Бурундаю в конце 1259 г.¹³ Уже само число сменившихся во Владимире

епископов демонстрирует продолжительность периода¹⁴, рамки которого, однако, до конца не ясны.

2) В описании, посвященном возвращению Даниила и его семьи из Мазовии после набега хана Батыея, а конкретнее – отказу градоуладельца Дрогичина впустить князя в город, находится абзац: «и въдасть и [*то есть неверного градоуладельца или сам Дрогичин – это не ясно*] в роуцѣ Данилоу и въбновивы и созда црѣвь прекрасную стое Бѣи»¹⁵. Как видно, мы снова имеем дело с текстом, созданным спустя определенный, разумеется, непродолжительный промежуток времени. С точки зрения фактографии он привносит два сообщения: о восстановлении захваченного города и о сооружении в нем церкви Богородицы. Такое упоминание довольно типично для общерусской практики фиксирования факта основания церкви. Летописец отмечает факт учреждения храма, не указывая никаких подробностей о строительном материале, из которого она была сооружена, ее формах и пр. Собственно говоря, он ограничивается лишь упоминанием, в честь кого она была сооружена. Добавим, что дрогичинская церковь Богородицы не сохранилась до наших дней.

3) В конце рассказа о принесшей победу Даниилу битве под Ярославом видим слова: «иде же [*Даниил*] в Холмъ с колодники многими иже бѣ создалъ самъ»¹⁶. Это еще одно упоминание об основании правителем Холма. Этот факт должен был иметь для летописца и его покровителей огромное значение. Обращает на себя внимание неудачная конструкция фразы, которая, на первый взгляд, извращает смысл предложения.

4) Рассказ о набеге на государство Романовичей монгольского вождя Куремсы содержит следующий абзац: «прилоучи же са сиче за грѣхы загорѣтиѣ Холмови ѿ вканыныа бабы си же потомъ спшмемъ ѿ созданиини градѣ и оукрашение црѣви и вного погибели мнозѣ ѿко всимъ сжалитиси»¹⁷. Как видим, уже во второй раз в источнике появляется предвосхищение описания возникновения Холма и украшения находящихся там объектов. Этот оборот полностью подтверждает наше предположение относительно исключительного значения, придаваемого автором этой части источника основанию старшим Романовичем новой резиденции со всеми находившимися там объектами. Можно также доискиваться наличия близких, личных связей летописца с Холмом. Но это еще не значит (как этого хотелось бы отдельным исследователям), что его можно безошибочно отождествлять с холмским епископом Иваном или лицом из его окружения либо из королевской канцелярии¹⁸ – для этого нет убедительных аргументов. Особый интерес к приведенному выше выражению должен вызывать оборот: «си же потомъ спшмемъ ѿ созданиини

градъ». На наш взгляд, здесь проявляются две временные плоскости составления текста. Первая – собственно текущее описание набега Куремсы, а вторая – обещание «списать» рассказ о Холме. Ключевым здесь является слово «спишемъ», четко указывающее на то, что это будет совершено в будущем. Возникает вопрос: имеется ли здесь в виду «списание = запись, создание» такого рассказа, или же это «списание = переписывание»? При наличии уже приведенных ранее аргументов (см. п. 1), а также учитывая те, которые будут представлены далее, мы склоняемся ко второй из вышепредставленных версий.

5) В полном драматизма повествовании об ужасающих для Галицко-Волынской Руси последствиях набега на Литву монголов под командованием Бурундая, а точнее, в рассказе о предпринятых на тот момент действиях Даниила, читаем следующее: «и помолився [*вероятно, Даниил*] Бѣу стѣмоу Спѣсоу избавникоу ꙗже есть икона ꙗже есть в городѣ мѣлницѣ во цркви стоѣ . Бѣѣ инынѣ стоитъ в велицѣ чѣсти ѡбѣща емоу [*т. е. изображению Спаса*] Данило король оукрашениемъ оукрасити и»¹⁹. Это самое содержательное из пяти приведенных отдельных упоминаний. Как видим, оно содержит информацию о существовании еще до набега Бурундая (то есть до зимы 1258/1259 г.) в Мельнике церкви Богородицы (к сожалению, неизвестно, из чего она была построена), в которой уже находилась икона Христа Спасителя. Ее-то Даниил и обещал украсить. Мы узнаём также, что позднее эта икона была почитаема. Наконец, обратим внимание и на то, что здесь мы имеем дело с явной интерполяцией, вышедшей уже, несомненно, из-под пера автора свода Василька Романовича. На это указывают аналогии с добавлением в часть Даниила Галицко-Волынской летописи характеристики Василька и вставленной туда информацией о позднейших судьбах Скоманда²⁰.

Храм (очевидно, деревянный) не сохранился до наших дней. Быть может, на его месте сегодня находится каменная церковь Рождества Пресвятой Богородицы 1825 г. Пучина веков поглотила также мельницкую икону Спаса.

К представленному перечню упоминаний о градообразовательной деятельности Даниила можно добавить еще одно сообщение - о принуждении им ятвягов после победного зимнего похода 1255/1256 г. сооружать на их территории города²¹. В действительности же неизвестно, как закончилась вся эта операция, тем не менее, как это хорошо видно, король Руси был инициатором конкретной спланированной строительной кампании.

Кроме того, сообщение достаточно общего характера об этой сфере деятельности правителя можно найти и в его некрологе. Этот

абзац звучит так: «и положиша [Даниила] во цркви стѣ Бѣи в Холмѣ юже бѣ самъ создалъ се же король Данило князь добрый хоробрый и моудрый иже созда города многи и цркви постави и оукраси ѣ разнообразными красотами»²². Как это хорошо видно, здесь в крайне синтетической форме указаны данные об создании трех различных видов объектов, а именно крепостей, церквей и неопределенных декоративных элементов храмов. Это своего рода краткое обобщение деятельности умершего правителя на интересующем нас поле.

Нами не проводились всесторонние сопоставительные исследования, однако уже поверхностное ознакомление с ними показывает, что в посмертных летописных описаниях Рюриковичей достаточно редко появляются упоминания об их градообразовательной деятельности. Разумеется, такое положение вещей можно в какой-то мере объяснить отсутствием активной деятельности отдельных умерших князей в интересующей нас сфере.

Перейдем к более подробному рассмотрению содержания самого обширного, полного детальной, разнообразной информации фрагмента Галицко-Волынской летописи, посвященного градообразовательной деятельности Даниила. Для начала стоит обратить внимание на то, что, как это достаточно четко видно при внимательном прочтении этого сообщения, оно неоднородно и расслаивается на два пласта. Об этом свидетельствуют следующие аргументы: во-первых, в ранних частях свода упоминается рассказ об основании Холма – с явным намеком на то, что речь идет о тексте, не содержащем описания пожара в этом городе. Во-вторых, структура абзаца неоднородна: обращают на себя внимание обрывающиеся фразы, логические скачки и неудачные вставки²³.

Несомненно, окончательная версия описания возникла спустя какое-то время после пожара в холмском комплексе, то есть после декабря 1256 г.²⁴, а точнее – в тот момент, когда он уже был частично восстановлен, но еще при жизни короля Руси, поскольку нет ни малейших намеков на то, что на момент создания текста его не было в живых. Кроме того, бросается в глаза предложение о сооружении правителем городов против «безбожных татар». Таким образом, можно принять во внимание продолжительный период его возникновения – между 1257 г. и весной 1264 г. На наш взгляд, однако, можно переместить *terminus ad quem* возникновения интерполированного рассказа назад, до того момента, на котором прерывается повествование свода Даниила (набег Бурундая на Литву 1258-1259 гг.). Это предположение подтверждает уже приводившаяся фраза о сооружении антимонгольских укреплений, грамматически записанная в настоящем времени. Таким образом, срок составления

дополненной версии «Повести об основании Холма, его сожжении и восстановлении» следует датировать, на наш взгляд, периодом 1257-1259 гг.

Завершив эту часть размышлений выводом, что, по всей вероятности, автор этого текста был близко связан с Даниилом и Холмом. На это указывают проглядывающая в тексте эмоциональность автора и известные ему подробности о внешнем виде и обстоятельствах сооружения и разрушения комплекса.

Обратимся теперь к фактографической структуре этого сообщения. Оно состоит из четко выделяющихся блоков:

- ссылки, предвосхищающей рассказ об основании Холма, приведенной в рассказе о набеге Куремсы;
- краткого вступления;
- фразы об основании Даниилом Угруска и установления там епископства;
- рассказа о найденном князем во время охоты месте, подходящем для поселения;
- рассказа об основании небольшого города и данном Богу и Иоанну Златоусту обещании построить там церковь этого святого;
- рассказа об основании другого города, которого не смогли взять монголы во время набег Батыя, а также о сожжении и восстановлении построенной там церкви Св. Троицы;
- рассказа о прибытии в Холм приглашенных Даниилом поселенцев из разных стран;
- подробного описания церкви Св. Иоанна Златоуста и подаренной Даниилом храмовой утвари (этот фрагмент заканчивается информацией о пожаре храма и уничтожении основного имущества, находившегося в ней);
- описания башни, сооруженной в центре города, и находившегося рядом с ней глубокого колодца;
- упоминания о стекании растопившейся от пожара меди;
- информации о размещении в Холме сада;
- описания церкви Св. Космы и Дамиана и храмовой утвари;
- сообщения о сооружении перед городом на расстоянии поприща каменной колонны с высеченным изображением орла;
- упоминания о посещении правителем сожженной церкви [по всей видимости, речь идет о соборе Богородицы], его скорби, решении восстановить разрушенный храм и освящении его епископом Иваном;
- сообщения о том, что Даниил не восстановил находившейся в Холме башни, поскольку он был занят строительством других поселений для защиты от «безбожных татар»;

— описания кафедрального собора Богородицы и храмовой утвари²⁵.

Итак, мы имеем дело с перечнем, впечатляющим своим многообразием и разнородностью, прекрасным источником для исследований истории древнерусской культуры и искусства, хотя к указанным в анализируемом сообщении данным следует относиться с большой осторожностью.

Подведем итоги первой части текста. За исключением внушительных размеров повествования об объектах, сооруженных в Холме, ее автор не придавал особого значения фиксированию информации о градообразованиях своего покровителя. Разумеется, вероятность такого заключения ослаблена важным фактором: свод Даниила сохранился в форме, переделанной его продолжателями, а склонность сокращать сообщения, считавшиеся не слишком интересными, заметна по отношению к градообразовательной деятельности старшего Рюриковича на примере Густынской летописи, в которой осталось лишь упоминание в общих чертах о возведении им прекраснейшей церкви Богородицы в Холме²⁶. С другой стороны, придворную летопись Даниила продолжали авторы, находившиеся под влиянием младшего брата короля Руси Василька Романовича и его племянника Владимира Васильковича (второй особенно был вовлечен в меценатство). Таким образом, градообразования выдающегося родственника могли привлекать к себе естественное внимание летописца и его покровителя и считаться ими примером для подражания.

* * *

Перейдем ко второй части текста. Речь идет о представлении как можно более полного перечня зафиксированных в Галицко-Волынской летописи объектов, заказанных Даниилом и сооруженных по его приказу. Для порядка воспользуемся при этом типологическим ключом. Целью здесь не является дискуссия с уже сложившимися взглядами относительно толкования описания отдельных объектов и их стилистический анализ. Эти задачи будут выполнены в другом месте.

1) **Города.** Обратим внимание на уже известное нам сообщение, содержащееся в некрологе правителя. Из него мы узнаем, что Даниил «созда городаы многи»²⁷. Упоминание о строительстве многочисленных городов определенно не является лишь риторической фигурой. Подтверждением тому становится следующее упоминание летописца: «бѣ бо [Даниил] грады иныѣ жижаи противоу безбожнымъ Татаромъ»²⁸. Перед нами открывается один из основных мотивов начала старшим Романовичем (а также его ближайшими родственниками) операции по сооружению укреплений. Нельзя забывать

и об известном нам упоминании о принуждении ятвягов строить города, которое в свою очередь демонстрирует способы укрепления власти на подчиненной территории.

Тем временем (что противоречит приведенным выше общим сведениям о строительстве правителем многочисленных городов) в Галицко-Волынской летописи мы находим конкретное упоминание об основании Даниилом лишь двух городов: Угруска²⁹ и Холма; при этом мы узнаем даже об этапах расширения находившихся там укреплений. Первоначально, очевидно, после 1217-1218 гг., возник «градецъ маль»³⁰. Затем, еще до набега хана Батыея, но уже после лета 1236 г., были сооружены новые укрепления, которые не смогли взять монголы³¹. По всей видимости, уже после монгольского нападения холмские фортификационные сооружения были дополнительно укреплены, а затем, после пожара конца 1256 г., они были по крайней мере частично обновлены, если не расширены.

Как мы видим, сообщения Галицко-Волынской летописи о конкретных городах, сооруженных по поручению Даниила, весьма неполны и внутренне нестройны. Несомненно, причины такого явления не следует усматривать лишь в применении в источнике определения «созда» (не только в значении «построить», но и «восстановить»³². Безусловно, частично разрушенные во время набега Батыея объекты были действительно обновлены, быть может, даже основательно, однако, с другой стороны, имеются косвенные данные о возникновении в период правления Даниила совершенно новых городов, таких, как Львов.

2) Прочие объекты военного характера. В Галицко-Волынской летописи упоминается лишь один объект такого типа, возведенный Даниилом. Речь идет о башне, сооруженной в центре Холма. Это была весьма интересная конструкция. Ее нижняя, каменная часть насчитывала 15 локтей (около 7-7,6 м), тогда как верхняя была из тесаного и беленого дерева. Увы, неизвестна ни полная высота этого объекта, ни длина его сторон, не говоря уже о форме фасада. При этом обращает на себя внимание использование источниками термина «вежа» (а не «столп»)³³, а также подчеркивание серого цвета ее верхней части³⁴. Четко говорится о функциях сооружения: с него можно обстреливать территорию вокруг города³⁵. Известно также, что правитель не смог восстановить его после крупного пожара в Холме.

В определенном смысле, если не к самостоятельно военным, то в любом случае к имевшим такое значение объектам можно отнести колодец, вырытый неподалеку от описанной выше башни. Его глубина составляла, как указано в нашем источнике, 35 сажений, то есть около 50 м³⁶.

3) **Прочие светские объекты.** Здесь мы имеем в виду объект так называемой «малой архитектуры». Речь идет о каменной колонне с орлом, сооруженной попроще (то есть примерно между 1,14-1,47 км) от Холма. В источнике сказано, что ее высота вместе с основанием и капителью составляла около 5,6-6,1 м (12 локтей), а сам ствол колонны - около 4,7-5,1 м (10 локтей). Пожалуй, этот объект вызывает чуть ли не самые большие споры из всех учреждений Даниила, упомянутых в Галицко-Волынской летописи. Серьезные разногласия вызывает уже само его предназначение, поскольку отдельные исследователи склонны считать его не отдельно стоящей колонной, а башней³⁷. Это совершенно ошибочное мнение, вытекающее из пренебрежительного отношения к соответствующему сообщению Галицко-Волынской летописи или его неточного прочтения. Неоднозначно интерпретировались также форма и украшения колонны, равно как и ее символическое значение³⁸. Однако мы не будем останавливаться на этом, хотя мы считаем данный объект отдельно стоящей колонной с изображением орла на ней. По нашему мнению, это был установленный согласно римской традиции (пришедшей из Византии) символ власти.

Следует упомянуть также о двух природных объектах, появившихся в Холме по инициативе Даниила. Речь идет о посаженном князем саде³⁹, а также о тисе (сосне или кедре)⁴⁰, росшем перед боковой дверью церкви Св. Космы и Дамиана⁴¹.

4) **Церкви и храмовая утварь.** Отправной точкой для размышлений об учреждениях Даниилом храмов может стать общее упоминание, содержащееся в его некрологе («цркви постави и оукраси ѿ разноличными красотами»). О сакральных сооружениях, возникших по инициативе старшего Романовича, можно сказать больше, чем о светских объектах, хотя нет уверенности в том, что представленный в анализируемом источнике перечень является хотя бы приблизительно полным. Напротив, есть основания считать, что это лишь какой-то процент от всех учреждений религиозного характера, возведенных этим правителем. Однако прежде всего в источнике приведена определенная (иногда достаточно подробная), хотя и, безусловно, неполная информация об архитектурных формах, украшениях и храмовой утвари. Так или иначе, в Галицко-Волынской летописи упоминается о пяти церквях, сооруженных Даниилом.

Разумеется, основная часть информации на данную тему содержится в «Рассказе об основании Холма, его пожаре и восстановлении». Здесь указаны четыре храма, возведенные правителем:

– Церковь Св. Троицы, сооруженная, по всей видимости, из дерева, на втором этапе строительства Холма. Она горела во время набега хана Батия, однако позднее была восстановлена, хотя и неизвестно,

из какого материала⁴². Любопытно, что она не вошла в список потерь; таким образом не исключено, что она не пострадала во время пожара 1256 г. В источнике ничего не сказано и о ее утвари.

– Каменная⁴³ церковь Св. Иоанна Златоустого, построенная после 1241 г. но до лета 1253 г.⁴⁴ При ее сооружении использовался белый галицкий и зеленый холмский камень. В источнике указаны следующие архитектурные элементы храма и его интерьера: своды в каждом углу, опиравшиеся на капители с изображением человеческих голов; три окна с украшениями из римского стекла, которые можно отнести к витражам; две каменные колонны между корпусом нефа и пресвитерией, внутреннее пространство купола лазурного цвета, украшенное золотыми звездами, пол под куполом, литый из меди и свинца, два портала, выполненных мастером Авдеем из белого галицкого и зеленого холмского камня, позолоченные и расписанные, на западном изображен Спаситель, а на северном – св. Иоанн; многочисленные иконы, в том числе с изображениями Спасителя, Богородицы, Сретения Господня и св. Михаила (только последняя уцелела после пожара); колокола, отлитые в Киеве и на месте⁴⁵.

– Каменная церковь Космы и Дамиана, сооруженная, несомненно, после 1241 г. но до конца 1256 г. (причем нельзя исключить, что до лета 1253 г.) Видимо, четыре столпа (колонны) из литого камня поддерживали купол храма, а два аналогичных элемента вертикальной конструкции находились между корпусом нефа и пресвитерией, хотя в источнике однозначно об этом не сказано. Известно также, что в храме находился алтарь, посвященный св. Дмитрию⁴⁶.

– Собор Богородицы, возникший между 1242 и 1253 гг.⁴⁷ В источнике не указано, из какого материала он был построен. Ничего не сказано и о его архитектуре, кроме общей информации о крупных размерах и красоте.

Как известно, пятым из указанных выше сакральных объектов, построенных по заказу Даниила, была церковь Богородицы в Дрогичине, возникшая не ранее 1242 г., но до 1258 г.⁴⁸ Нельзя забывать и об украшении иконы Спаса из Мельника, что должно было иметь место уже после набега Бурундая на Литву, то есть в последние годы жизни правителя (где-то между 1259 и 1264 гг.).

Выводы

Как мы видим, в Галицко-Волынской летописи, прежде всего в возникшей в окружении Даниила Романовича ее части, сравнительно мало информации об учредительной деятельности этого правителя. Это типичное явление для древнерусской практики. Сообщения о княжеских учреждениях не входили в основной круг внимания летописцев.

По существу, если бы не единственный в своем роде текст, который представляет собой «Повесть об основании Холма, его сожжении и восстановлении»⁴⁹, в нашем распоряжении были бы лишь появляющиеся мимоходом отдельные сообщения и скромная информация общего характера, содержащаяся в некрологе короля Руси.

Стоит обратить внимание и на косвенное упоминание о сакральном объекте, учрежденном если не самим Даниилом, то в эпоху его правления. Речь идет о монастыре Св. Даниила Столпника в Угруске. Как известно, этот город был основан старшим Романовичем, а существование монастыря подтверждено в Галицко-Волынской летописи на период сразу же после 1264 г.⁵⁰, тогда как в другом источнике – на 1247 г.⁵¹ Таким образом, мы имеем дело с одним из механизмов фиксации сообщений на интересующую нас тему и методов их поисков.

Напрашивается следующий вывод: благодаря анализируемым сообщениям Галицко-Волынской летописи мы узнаём сравнительно много об учредительной деятельности Даниила по сравнению с другими Рюриковичами. Тем не менее, эти знания, безусловно, нельзя назвать полными. Свидетельством тому являются сохранившиеся до наших дней объекты, возникновение которых можно отнести к активной деятельности на этом поприще старшего Романовича. В качестве примера можно привести два интересных комплексно исследованных примера - ансамбль в Столпье или церковь в Спасе /Подгуже.

Судьба не пощадила объекты, учрежденные Даниилом и упомянутые на страницах Галицко-Волынской летописи. В первоизданном виде не сохранился ни один из них: так, существующий сегодня *in situ* бывший холмский собор на протяжении веков многократно перестраивался. Остается надеяться лишь на археологические работы, которые уже дали нам определенные, хотя, увы, недостаточные знания об учреждениях Даниила⁵².

* Текст написан в рамках исследовательского гранта NCN «Edycja krytyczna "Kroniki halicko – wołyńskiej" wraz z komentarzami oraz tłumaczeniem».

ЛИТЕРАТУРА

1. Перечень таких сообщений начинается с любопытного описания в «Повести временных лет» основания Владимиром Святым Десятиной церкви Успения Пресвятой Богородицы в Киеве (Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей [далее - ПСРЛ]. Т. II. М., 2001. Кол.

106, 108-109), за которым следует абзац о сооружении Белгорода (там же, кол. 106). Любопытен также достаточно обширный фрагмент, посвященный различным проявлениям градообразовательной деятельности Ярослава Мудрого (там же, кол. 139-141). Позднее аналогичные упоминания можно найти в различных летописях.

2. Annales S. Crucis [Rocznik świętokrzyski], wyd. Rutkowska-Płachcińska A. // Monumenta Poloniae Historica nova series. T. XII. Kraków, 1996. С. 39. Аналогичная, хотя более подробная (с упоминанием о строительстве внутри люблинского города конкретно по поручению Даниила круглой кирпичной башни) информация, появившаяся у Длугоша (см.: Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Lib. VII. Varsaviae, 1975. С. 47), была почерпнута не из какого-либо древнерусского источника, а из старых краковских анналов и личных наблюдений (см. по данному вопросу: *Dąbrowski D.* Czy Jan Długosz pisał siódmą księgę «Annalium» korzystał z Kroniki halicko-wołyńskiej lub źródła jej pokrewnego? // *Ruthenica*. T. 3. 2004. С. 153-154. URL: <http://www.history.org.ua/ruthenica/index.htm> (дата обращения: 12.03.2014).

3. Обсуждение проблемы см.: Annales S. Crucis. Прим. 158. С. 39-40; *Myśliński K.* Problemy terytorialne w stosunkach między Polską i księstwem halicko-włodzimierskim w XIII wieku // *Nihil superfluum esse*. Prace z dziejów średniowiecza ofiarowane Profesor Jadwidze Krzyżaniakowej. Poznań, 2000. С. 231-233; *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201-1264). Biografia polityczna. Kraków, 2013. С. 247-248. В указанных работах см. также ссылки на источники и список литературы по данной теме.

4. Интересующее нас произведение еп. Якова Суши (1610-1687 гг.) было опубликовано на польском и латинском языках под несколько видоизмененными названиями несколько раз, а именно в 1646, 1653, 1684 и 1780 гг. Здесь и других статьях используется доступное в Интернете издание 1684 г. (*Susza J.* Phoenix Tertiatio Redivivus [...], Zamość, 1684. URL: http://muzeum-zamojskie.pl/stdruk/album/23_1 (дата обращения 12.03.2014)).

5. По вопросу информации о церковном строительстве на страницах летописей см.: *Квирквелия О.Р.* Методика анализа системы умолчания Новгородской I летописи // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М., 1986. С. 83-97; *Булкин В.А.* Древнерусское зодчество в оценке летописи // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 210-214; *Стерлингова И.А.* Древнерусское церковное убранство по данным «Летописца Владимира Васильевича Волынского» // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы XIII век. СПб., 1997. С. 269-273; *Гимон Т.В.* Закономерности в освещении новгородскими летописцами XII-XIII вв. фактов церковного строительства // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г.: Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 326-345; *Idem.* Опыт формулярного анализа летописных известий о церковном строительстве (Новгород, XII – начало XIII века) // *Ad fontem*. У источника. Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 187-204. Здесь не приводятся ни перечень специализированной литературы, посвященной холмскому ансамблю, ни труды по искусствоведению, дабы избежать превращения данного текста в библиографическую работу.

6. Ипатьевская летопись. Кол. 842-846. Эта повесть как исходное единое целое в литературе по данному вопросу не выделяется. Приведенная в настоящем тексте информация указывает на то, что именно так и было.

7. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 2001. Кол. 367-368; Ипатьевская летопись. Кол. 580-583.

8. Совершенно справедливо исследователи выделяют в Галицко-Волынской летописи часть, довольно условно называемую «Свод Даниила Романовича», возникновение которой связано с окружением этого правителя. В вопросе существования упомянутого свода исследователи единодушны, хотя имеются разногласия относительно периода его создания, структуры, авторства и пр. (см., напр.: *Грушевський М.* Історія української літератури. Т. III. Київ, 1993. С. 132-196; *Черепнин Л.В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. № 12. 1941. С. 228-253; *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 17-133; *Генсьорский А.И.* Галицко-Волынский літопис (процес складання, редакції і редактори). Київ, 1958; *Котляр М.Ф.* Галицко-Волынский літопис XIII ст. Київ, 1993; *Ужанков А.Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI-XIII веков. М., 2009. С. 285-419).

9. Ипатьевская летопись. Кол. 895.

10. *Там же.* Кол. 740. О возможных причинах отсутствия рассказа о возникновении Холма в этом месте высказывался, в частности, Антон Генсьорский, объяснявший его желанием автора связать свой рассказ с катастрофой, уничтожившей этот город (*Генсьорский А.И.* Галицко-Волынский літопис. С. 97).

11. Интересующее нас сообщение, охватывающее, по всей вероятности, период продолжительностью около 30 лет (но не менее 10-20 лет), помещено между рассказом о разорении Романовичами Бельского княжества, который можно датировать 1221 или 1222 г. и «Сказанием о битве на Калке», состоявшейся в 1223 г.

12. О датировании пожара Холма см.: *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi. С. 401; там же – ссылки на более ранние взгляды исследователей.

13. Ипатьевская летопись. Кол. 845-846, 849-850.

14. Бытует мнение, что попытка захвата Асафом митрополии имела место после 1240 г. – после набега Батыя на Киев (см., напр.: *Голубинский Е.* История русской церкви. Т. II. 1. М., 1900. С. 52; *Senyk S.* A History of the Church in Ukraine. Vol. I: To the End of the Thirteenth Century. Roma, 1993 (= *Orientalia Christiana Analecta*, 243). С. 143). Совершенно иного мнения по данному вопросу придерживается Анджей Поппе, считающий, что это произошло между 1220 и 1224 гг. (Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальський Г.* Християнство і богословська література в Київській Русі (988-1237 гг.). СПб., 1996. С. 464-465, сноска 12). Мы не согласны с концепцией варшавского исследователя.

15. Ипатьевская летопись. Кол. 788.

16. *Там же.* Кол. 805.

17. *Там же.* Кол. 841.

18. Что касается идентификации автора «Свода Даниила», по данному вопросу высказывались некоторые исследователи, напр.: *Черепнин Л.В.*

Летописец Даниила Галицкого. С. 233, 251; *Пашуто В.Т.* Очерки. С. 90-92, 97-101; *Генсьорский А.И.* Галицко-Волинський літопис. С. 66-99; *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X-XIII вв. СПб., 2003. С. 242-261; *Ужанков А.Н.* Проблемы историографии. С. 325-371.

19. Ипатьевская летопись. Кол. 846-847.

20. *Генсьорский А.И.* Галицко-Волинський літопис. С. 11-12.

21. Ипатьевская летопись. Кол. 835. О датировании события см.: *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi. Прим. 1039. С. 389.

22. Ипатьевская летопись. Кол. 862.

23. Подробный анализ содержания этого абзаца будет сделан в другом месте, а точнее — в готовящейся к печати статье об учредительской деятельности Даниила в Холме.

24. На наш взгляд, так следует датировать это событие.

25. Ипатьевская летопись. Кол. 842-846.

26. Густынская летопись // ПСРЛ. Т. XL. СПб., 2003. С. 121.

27. Ипатьевская летопись. Кол. 862. Здесь необходимо упомянуть о том, что в этот период также по поручению Василька сооружались многочисленные города (там же, кол. 876).

28. Там же. Кол. 845.

29. Там же. Кол. 842.

30. Там же. Кол. 842-843. Проблема датировки отдельных этапов строительства Холма затрагивается нами в отдельной статье, готовящейся в данный момент к печати.

31. Там же. Кол. 843: «и созда град инъи . егоже Татарове не возмогоша приѣти егда Батый всю землю Роускою пойма».

32. О терминологии слова «создать» и близкородственных ему см.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб, 1903 [Переиздание. М., 2003]. Кол. 710-711.

33. Об использовании понятия «вежа» на Руси (собственно, с обращением к холмскому примеру) см.: *Сенников А.А.* О значениях термина «вежа» // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К. Каргера. Л., 1974. С. 73-74.

34. См. замечания М. Пастуро о проблемах с получением белого цвета в средневековье (*M. Pastoureau.* Średniowieczna gra symboli. Przekład H. Igalson-Tygielska. Warszawa, 2006. С. 202-204).

35. Основательный анализ используемого в описании глагола «бити» был сделан Александром Бараном (Спадщина княжого Холма: пам'ятки і літописна традиція // Пам'ятки України: Історія та культура. Науковий часопис. Р. XXXVIII. 2006. № 1-2. С. 37-38. Мы согласны с его выводами.

36. Ипатьевская летопись. Кол. 844.

37. См., напр.: Літопис руський за Іпатським списком. Переклав Леонід Махновець. Київ, 1989. С. 419; *Пишк В.* Про перебування візантійського імператора Олексія III Ангела на галицько-волинських землях // Республіканець, 1994. № 3-4. С. 53; *Петрик В.* Містобудівельна діяльність Данила Галицького // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Матеріали Міжнародної наукової конференції (Львів, 29-30 листопада

2001 р. Львів, 2003. С. 121-122; Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. Ред. Котляр Н. Ф. СПб., 2005. С. 312.

38. По данному вопросу высказывались недавно, напр.: Пауткин А.А. «Созда град именем Холм». Об архитектурных описаниях в Галицкой летописи // Русская речь, 1989 (январь – февраль). С. 99-100; *Idem*. Галицкая летопись как памятник литературы Древней Руси. Учебно-методологическое пособие для студентов филологического факультета государственных университетов. М., 1990. С. 60-61; Артамонов Ю.А. Княжеская символика в архитектуре древнего Холма // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). Тезисы докладов научной конференции. М., 1996. С. 22-23; Гречило А. Територіальні символи галицько-волинської держави другої половини XIII – початку XIV століть // ЗНТШ. Т. ССXL. 2000. С. 260-261; Данилевский И.Н. Сколько голов у двуглавого орла? // Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001. С. 102-103; Ричка В. Холмський проект Данила Галицького // Confraternitas. Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаевича. Львів, 2006-2007; Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Т. 15. С. 107-108; Александрович В. Літописний монумент з орлом поблизу Холма // Фортеця. Збірник заповідника «Тустань». Т. I: на пошану Михайла Рожка. Львів, 2009. С. 97; *Idem*. Містецькі сюжети холмського літопису князя Данила Романовича: Нотатки до відчитання, сприйняття та інтерпретації джерела // Український археографічний щорічник. Нова серія. 2009. В. 13/14. Т. 16-17. С. 60-68; Майоров А.В. Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011. С. 513-527.

39. Ипатьевская летопись. Кол. 845.

40. О значении слова «тись/тиса» см.: Срезневский И.И. Материалы. Т. III. Кол. 960.

41. Ипатьевская летопись. Кол. 845. Здесь стоит особо подчеркнуть, что данный фрагмент иногда толкуется иначе. К примеру, отдельные исследователи считают, что алтарь св. Дмитрия, поставленный перед боковой дверью церкви, был привезен издалека, а никакого дерева не было (Літопис руський. С. 419; Галицко-Волынская летопись. Подготовка текста, перевод и комментарии О.П. Лихачевой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб., 2005. С. 287. См. также: Пауткин А.А. Галицкая летопись как памятник литературы. С. 60).

42. Разумеется, сам факт сожжения каменной церкви не исключен, ведь позднее в пожаре, несомненно, пострадали каменные храмы Св. Иоанна Златоустого, Св. Космы и Дамиана, а также Богородицы. Для оценки, из какого именно материала была сооружена церковь Св. Троицы, важен контекст сообщения. Данное событие имело место во время безуспешной осады Холма монголами. Масштаб пожара не мог быть, таким образом, слишком большим. Это наводит на мысль, что объект был деревянным, ведь это более легковоспламеняемый материал, чем кирпич или камень. Однако это не более чем гипотеза.

43. Несомненно, в Галицко-Волынской летописи термин «каменный» использовался одновременно для определения как каменных, так и кир-

пичных строений. Об этом ярко свидетельствует пример с башнями в Чарторыске и Каменце, названными в источнике каменными (Ипатьевская летопись. Кол. 925, 938), которые в действительности являются кирпичными. См. также словарные статьи слов «камень» и близкородственных ему (Срезневский И.И. Материалы. Т. I. СПб., 1893 [Переиздание. М., 2003]. Кол. 1184-1189; *Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X – XV w.* Opr. Andrzej Poppe. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1962 С. 26-27; Словарь русского языка XI–XVII вв. Ч. 7. М., 1980. С. 41, 43-47; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. IV. М., 1991. С. 196-199).

44. Как справедливо заметил Владимир Александрович, церковь Св. Иоанна, а также собор Богородицы должны были существовать уже в тот момент, когда Даниил вернулся в Холм из опавского похода, то есть летом 1253 г., так как они были упомянуты в соответствующем рассказе Галицко-Волынской летописи (Ипатьевская летопись, Кол. 826; Александрович В. Мистецтво Холма доби Данила Романовича // Княжа доба. Історія і культура. Т. 1. 2007. С. 141).

45. Ипатьевская летопись. Кол. 844.

46. Там же. Кол. 845.

47. См. сноску № 44.

48. Эту датировку мы определяем на основании знаний, с одной стороны, о возможном сроке очередного овладения Даниилом Дрогичином, с другой же – о моменте завершения составления свода, в который вошло данное сообщение. Вероятно, в действительности *terminus ad quem* возникновения объекта опередил на несколько лет окончательный.

49. Определенной аналогией к упомянутому рассказу является абзац, посвященный пожару Владимира-на-Клязьме (Лаврентьевская летопись. Кол. 392). Однако он не настолько подробен, как рассказ о разрушении и восстановлении Холма.

50. Ипатьевская летопись. Кол. 867.

51. Здесь идет речь об упоминании в булле Иннокентия IV игумена монастыря "de Monte Sancti Danielis" (*Historica Russiae Monimenta [...]*. Т. I. Ed. Turgenev A. I. Petropoli, 1841. № LXXV. См. также: *Monumenta Poloniae Vaticana*. Т. III. Ed. Ptaśnik J. Cracoviae, 1914. № 60). Вряд ли он возглавлял какое-то другое, а не угруское аббатство.

52. Следует также обратиться к результатам археологических исследований по этому вопросу, однако это не входит в рамки данной темы.

References

1. Ipat'evskaja letopis', Polnoe sobranie russkikh letopisej [PSRL], t. II, M., 2001, col. 106, 108-109 [in Old Russian].

2. *Annales S. Crucis* [Rocznik świętokrzyski], wyd. Rutkowska-Płachcińska A., *Monumenta Poloniae Historica nova series*, t. XII, Kraków, 1996, p. 39 [in Latin]; Ioannis Długossii *Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*, lib. VII, Varsaviae, 1975, p. 47 [in Latin]; Dąbrowski D. Czy Jan Długosz pisał siódmą księgę "Annalium" korzystał z Kroniki halicko-wołyńskiej lub źródła jej

pokrewnego? Ruthenica, t. 3, 2004, pp. 153-154. URL: <http://www.history.org.ua/ruthenica/index.htm> (accessed: 12.03.2014) [in Polish].

3. Annales S. Crucis, prim. 158, pp. 39-40; *Myśliński K.* Problemy terytorialne w stosunkach między Polską i księstwem halicko-włodzimierskim w XIII wieku, Nihil superfluum esse. Prace z dziejów średniowiecza ofiarowane Profesorowi Jadwidze Krzyżaniakowej, Poznań, 2000, pp. 231-233 [in Polish]; *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201-1264). Biografia polityczna, Kraków, 2013, pp. 247-248 [in Polish].

4. *Susza J.* Phoenix Tertio Redivivus [...], Zamość, 1684. URL: http://muzeum-zamojskie.pl/stdruk/album/23_1 (accessed: 12.03.2014) [in Polish].

5. *Kvirkelija O.R.* Metodika analiza sistemy umolchanija Novgorodskoj I letopisi, Matematika v izuchenii srednevekovykh povestvovatel'nykh istochnikov, M., 1986, pp. 83-97 [in Russian]; *Bulkin V.A.* Drevnerusskoe zodchestvo v ocenie letopisi, TODRL, L., 1985, t. 38, pp. 210-214 [in Russian]; *Sterlingova I.A.* Drevnerusskoe cerkovnoe ubranstvo po dannym «Letopisca Vladimira Vasil'kovicha Volynskogo», Drevnerusskoe isskustvo, Rus'. Vizantija, Balkany XIII vek, SPb., 1997, pp. 269-273 [in Russian]; *Gimon T.V.* Zakonomernosti v osveshchenii novgorodskimi letopiscami XII-XIII vv., faktov cerkovnogo stroitel'stva, Drevnejšie gosudarstva Vostočnoj Evropy, 2000 g.: Problemy istochnikovedenija, M., 2003, pp. 326-345 [in Russian]; Idem. Opyt formuljarnogo analiza letopisnykh izvestij o cerkovnom stroitel'stve (Novgorod, XII – nachalno XIII veka), Ad fontem. U istochnika. Sbornik statej v chest' Sergeja Michajlovicha Kashtanova, M., 2005, pp. 187-204 [in Russian].

6. Ipat'evskaja letopis', col. 842-846.

7. Lavrent'evskaja letopis', PSRL, t. I, M., 2001, col. 367-368 [in Old Russian]; Ipat'evskaja letopis', col. 580-583.

8. *Hrushevs'kyj M.* Istorija ukrajins'koji literatury, t. III, Kyjiv, 1993 [in Ukrainian], pp. 132-196; *Cherepnin L.V.* Letopisec Daniila Galickogo // Istoricheskie zapiski, 12, 1941, pp. 228-253 [in Russian]; *Pashuto V.T.* Ocherki po istorii Galicko-Volynskoj Rusi, M., 1950, pp. 17-133 [in Russian]; *Hens'ors'kyj A.I.* Halyc'ko-Volyn's'kyj litopys (process skladannja, redakciji i redaktory, Kyjiv, 1958 [in Ukrainian]; *Kotljars' M.F.* Halyc'ko-Volyn's'kyj litopys XIII st. Kyjiv, 1993 [in Ukrainian]; *Uzhankov A.N.* Problemy istoriografii i tekstologii drevnerusskikh pamjatnikov XI-XIII vekov, M., 2009, pp. 285-419 [in Russian].

9. Ipat'evskaja letopis', col. 895.

10. *Ibid.*, col. 740; *Hens'ors'kyj A.I.* Halyc'ko-Volyn's'kyj litopys, p. 97.

11. Advanced comment. 12. *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi, p. 401.

13. Ipat'evskaja letopis', col. 845-846, 849-850.

14. *Golubinskij E.* Istorija russkoj cerkvi, t. II.1, M., 1900, p. 52 [in Russian]; *Senyk S.* A History of the Church in Ukraine, vol. I: To the End of the Thirteenth Century, Roma, 1993 (= Orientalia Christiana Analecta, 243), p. 143 [in English]; Mitropolity i knjaz'a Kievskoj Rusi, Podskal'skij G. Khristianstvo i bogoslovskaja literature v Kievskoj Rusi (988-1237 gg.), SPb., 1996, pp. 464-465, snoska 12 [in Russian].

15. Ipat'evskaja letopis', col. 788.

16. *Ibid.*, col. 805.

17. *Ibid.*, col. 841.
18. *Cherepnin L.V.* Letopisec Daniila Galickogo, pp. 233, 251; *Pashuto V.T.* Ocherki, pp. 90-92, 97-101; *Hens'ors'kyj A.I.* Halyc'ko-Volyns'kyj litopys, pp. 66-99; *Tolochko P.P.* Russkie letopisi i letopiscy X-XIII vv., SPb., 2003, pp. 242-261 [in Russian]; *Uzhankov A.N.* Problemy istoriografii, pp. 325-371.
19. Ipat'evskaja letopis', col. 846-847.
20. *Hens'ors'kyj A.I.* Halyc'ko-Volyns'kyj litopys, pp. 11-12.
21. Ipat'evskaja letopis', col. 835. O datirovanii sobytija sm.: *Dqubrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi, p. 389. Prim. 1039.
22. Ipat'evskaja letopis', col. 862.
23. Advanced comment.
24. Advanced comment.
25. Ipat'evskaja letopis', col. 842-846.
26. Gustynskaja letopis', PSRL, t. XL, SPb., 2003, t. 121 [in Old Russian].
27. Ipat'evskaja letopis', col. 862.
28. *Ibid.*, col. 845.
29. *Ibid.*, col. 842.
30. *Ibid.*, col. 842-843.
31. *Ibid.*, col. 843.
32. *Sreznevskij I.I.* Materialy dlja slovarja drevnerusskago jazyka, t. III, SPb., 2003 [Pereizdanie. M., 2003], col. 710-711 [in Russian].
33. *Sennikov A.A.* O znachenijakh termina «vezha», Kul'tura srednevekovoj Rusi. Posvjashchaetsja 70-letiju M. K. Kargera, L., 1974, pp. 73-74 [in Russian].
34. *Pastoureau M.* Sredniowieczna gra symboli, przekład H. Igalson-Tygielska, Warszawa, 2006, pp. 202-204 [in Polish].
35. *Baran O.* Spadshchyna knjazhoho Kholma: pam'jaky i litopysna tradycja, Pam'jatky Ukrainy: Istorijska ta kul'tura. Naukovyj chasopys, r. XXXVIII, 2006, Nr 1-2, pp. 37-38 [in Ukrainian].
36. Ipat'evskaja letopis', col. 844.
37. Litopys rus'kyj za Ipats'kym spyskom. Pereklav Leonid Makhnovec', Kyiv, 1989, p. 419; *Pshyk V.* Pro perebuvannja vizantijs'koho imperatora Oleksija III Anheła na halyc'ko-volyns'kykh zelmjakh, Respublikanec, 1994, Nr 3-4, p. 53 [in Ukrainian]; *Petryk V.* Mistobudivel'na dijal'nist' Danyla Halyc'koho, [w:] Korol' Danylo i joho misce v ukraïns'kij istoriji. Materialy Mizhnarodnoji naukovoji konferenciji (L'viv, 29-30 lystopada 2001 r.), L'viv, 2003, pp. 121-122 [in Ukrainian]; Galicko - Volynskaja letopis'. Tekst. Kommentarij. Issledovanie, pod red. N. F. Kotljara, SPb., 2005, p. 312 [in Old Russian and Russian].
38. *Pautkin A.A.* "Sozda grad imenem Cholm". Ob architekturnych opisanijach v Galickoj letopisi, Russkaja rech, 1989 (janvar' - fevral'), p. 99 - 100 [in Russian]; *Idem.* Galickaja letopis' kak pamjatnik literatury Drevnej Rusi. Uchebno - metodologicheskoe posobie dlja studentov filologicheskogo fakul'teta gosudarstvennych universitetov, M., 1990, pp. 60-61 [in Russian]; *Artamonov Ju.A.* Knjazheskaja symbolika v architekture drevnego Kholma, Stolichnye i periferijnye goroda Rusi i Rossii v srednie veka i rannee novoe vremja (XI-XVIII vv.). Tezisy dokladov naučnoj konferenciji (M., 3-5 dekabnja 1996 g.), M., 1996, pp. 22-23 [in Russian]; *Hrechyllo A.* Terytorial'ni symboly halyc'ko - volyns'koji derzhavy druhoji polovyny XIII - pochatku XIV stolit',

ZNTSh, t. CCXL, 2000, pp. 260-261 [in Ukrainian]; *Danilevskij I.N.* Skol'ko golov u dvuglavogo orla? Norna u istochnika Sud'by, Sbornik statej v chest' Eleny Aleksandrovny Mel'nikovoj, M., 2001, pp. 102-103 [in Russian]; *Rychka V.* Kholms'kyj projekt Danyla Halyc'koho, Confraternitas. Juvilejnyj zbirnyk na poshanu Jaroslava Isaevycha, L'viv, 2006–2007 (Ukrajina: kul'turna spadshchyna, nacional'na svidomist', derzhavnist', t. 15, pp. 107-108 [in Ukrainian]; *Aleksandrovych V.* Litopysnyj monument z orlom poblizu Kholma, Fortecja. Zbirnyk zapovidnyka «Tustan», I: na poshanu Mychajla Rozhka, L'viv, 2009, p. 97 [in Ukrainian]; *Idem.* Mistec'ki sjuzhety kholms'koho litopysu knjazja Danyla Romanovycha, notatky do vidchytannja, spryjnattja ta interpretaciji dzherela, Ukraïns'kyj archeohrafichnyj shchorichnyk, Nova seria, 2009, v. 13-14, t. 16-17, pp. 60-68 [in Ukrainian]; *Majorov A.V.* Rus', Vizantija i Zapadnaja Evropa. Iz istorii vneshnepolitieskikh i kul'turnykh svjazej XII–XIII vv., SPb., 2011, pp. 513-527 [in Russian].

39. Ipat'evskaja letopis', col. 845.

40. *Sreznevskij I.I.* Materialy, t. III, col. 960.

41. Ipat'evskaja letopis', col. 845; Litopys rus'kyj, p. 419; Galicko-Volynskij letopis'. Podgotovka teksta, perevod i kommentarii O.P. Likhachevoj, Biblioteka literatury Drevnej Rusi, t. 5: XIII vek, SPb., 2005, p. 287 [in Russian and Old Russian]; *Pautkin A.A.* Galickaja letopis' kak pamjatnik literatury, p. 60.

42. Advanced comment.

43. *Sreznevskij I.I.* Materialy, t. I, SPb., 1893 [Ppereizdanie. M. 2003], col. 1184-1189; Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X – XV w. opr. Andrzej Poppe, Wrocław – Warszawa – Kraków, 1962, pp. 26-27 [in Polish]; Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv., ch. 7, M., 1980, pp. 41, 43-47 [in Russian]; Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI-XIV vv.), t. IV, M., 1991, pp. 196-199 [in Russian].

44. Ipat'evskaja letopis', col. 826; *Aleksandrovych V.* Mystectvo Kholma doby Danyla Romanovycha, Knjazha doba. Istorija i kul'tura, t. 1, 2007, p. 141 [in Ukrainian].

45. Ipat'evskaja letopis', col. 844.

46. *Ibid.*, col. 845.

47. *Ibid.*, see footnote Nr 44.

48. Advanced comment.

49. Lavrent'evskaja letopis', col. 392.

50. Ipat'evskaja letopis', col. 867.

51. *Historica Russiae Monumenta [...]*, t. I, ed. Turgenev A. I. Petropoli, 1841. Nr LXXV [in Latin]; Monumenta Poloniae Vaticana, t. III, ed. Ptaśnik J. Cracoviae 1914, Nr 60 [in Latin].

52. Advanced comment.

Домбровски Дариуш – доктор исторических наук, профессор Институт истории и международных отношений, Университет Казимира Великого, г. Быдгощ (Польша).

Dąbrowski Dariusz - PhD, extraordinary Professor of Institute of History and International Relations of Kazimir the Great University, Bydgoszcz (Poland).

e-mail: tatar1965@gmail.com

UDC 94(47).03

DOI: 10.17223/18572685/36/8

THE IMPERIAL PURPLE OF THE GALICIAN-VOLYNIAN PRINCES

A.V. Maiorov

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: a.v.maiorov@gmail.com
ResearcherID A-5985-2013
Scopus Author ID 55092108400
SPIN-код: 4584-2571

Abstract

Together with the untypical for the Rurikides "Byzantine" names of the Galich princes the political and cultural inheritance of Roman Mstislavich displayed in some attributes and symbols of the imperial power. First of all it is the double-headed eagle known from the descriptions of the monumental sculptures and the information about the territorial symbols of Galich and Volynian Rus'. Depicting the appearance of Daniel the chronicler witnesses the unusual case of bearing "Greek olovir". This special term meant "real" or "imperial" purple.

Keywords: Prince Daniil Galitsky, Greek olovir, imperial purple, regalia of the imperial power.

Царский пурпур Даниила Галицкого

А.В. Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
e-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Авторское резюме

Наряду с нетипичными для Рюриковичей "византийскими" именами галицко-волинских князей с политическим и культурным наследием Евфросинии Галицкой, византийской царевны, ставшей женой князя Романа Мстиславича, связано появление некоторых атрибутов и символов императорской власти. Прежде всего, изображений двуглавого орла, известных по описаниям монументальных скульптур и сведениям о территориальных символах Галицко-Волинской Руси. В летописи также

зафиксирован необычный случай ношения князем Даниилом Галицким церемониальных одежд из "греческого оловира". Этим специальным термином обозначается понятие "чистый" или "императорский" пурпур.

Ключевые слова: князь Даниил Галицкий, греческий оловир, императорский пурпур, регалии императорской власти.

Under the year 6760 (1252), the Ipatiev (Galician-Volynian) Chronicle describes the appearance of the Galician-Volynian prince when he met the German envoys, who had arrived to hold talks with the Hungarian King Bela IV, whose ally Daniel was at that time. "Daniel himself rode beside the king according to the Russian tradition. His horse was worthy of admiration, his saddle was of burnt gold, and his arrows and sword were decorated with gold. Other remarkable items included his fur coat (*kozhuikh*) made of Greek olovir and trimmed with broad leather gold lace, and his green leather boots that were embroidered with gold"¹.

The significance of this account remains largely underestimated by researchers despite frequent References to it. The commentary to the latest edition of the Galician-Volynian Chronicle only emphasizes the fact that the chronicler provides a highly detailed description of the prince's attire: "[It] seems to be the most detailed description of a prince's official apparel in Old Rus' literature"².

Indeed, in imitation of N.M. Karamzin and S.M. Solov'ev, historians have interpreted the cited chronicle passage to be solely an illustration of the traditional ceremonial dress of Old Rus' princes. Solov'ev, for example, interpreted the chronicler's information as follows. "Daniel was attired according to the Russian tradition: the saddle on his horse was made of burnt gold, his arrows and sword were decorated with gold and different sophisticated details, the *kozhuikh* was made of Greek olovir and trimmed with flat gold lace, his boots were made of green morocco (*hza*) and decorated with gold"³. N.I. Kostomarov understood the meaning of the chronicler's words in a similar manner. "Danilo himself rode beside the king, dressed in the Russian manner: his saddle was trimmed with pure gold..."⁴ and so on. The authors of numerous works on the history of Old Rus' reached the same conclusion, namely, that the description of Daniel's splendid attire was intended to glorify the image of the prince of Rus' created by the chronicler⁴.

Nevertheless, the References in the above account to the "Russian tradition" that Daniel followed does not seem to refer to the prince's dress. These words, in our opinion, most likely refer to how the prince of Rus' behaved towards the king of Hungary, more precisely, what place he occupied in relation to the king when the latter met the German envoys. The chronicler makes it clear that, following the Russian tradition, Daniel

rode near the king of Hungary ("rode near the king according to the Russian tradition"), while the soldiers who accompanied the Galician-Volynian prince, among whom there were horsemen dressed in bright Tatar armor, rode separately⁵.

As for Daniel's attire and the harness of his horse, according to the chronicle they appeared to be very unusual. Judging from the chronicler's description, the only traditional item of Daniel's attire was perhaps his outer garment – *kozhuikh* – which was, apparently, a fur-lined coat. Such garments were found in the wardrobes of Moscow grand dukes and tsars in the XIV–XVII centuries. For example, *kozhuikhs* decorated with stripes, lace and necklaces (alams) with pearls, are mentioned in the will of Ivan Kalita and in the "Book of royal ceremonies" (*Kniga tsarskikh vykhodov*) of Alexei Mikhailovich in References to the year 7156 (from September 1, 1647 to August 30, 1648)⁶. Other details of the prince's attire, and above all the Greek "olovir" from which the prince's *kozhuikh* was made, have no parallel in the sources.

It is the unusual appearance of Daniel's attire that confused the German envoys who arrived for talks with the Hungarian king ("the Germans, seeing [it] were greatly surprised"). Obviously the prince's extravagant clothing was a serious breach of diplomatic etiquette at the official talks. This, presumably, explains the confusion of the Hungarian king concerning Daniel's apparel and his request that Daniel change it to attire more suitable for the occasion and consistent with the "Russian tradition".

The second References to the "Russian tradition" in the relatively short chronicle report is in fact to Daniel's clothes. Bela delicately hinted to him that for receiving envoys he should have come dressed according to the "Russian tradition of his fathers". The Galician-Volynian prince accepted the reproach of the Hungarian king and agreed immediately to fulfill his wish. He changed his clothes apparently even before the end of the reception with the envoys. As the chronicler puts it, "The king told him (Daniel. - A.M.): I would give thousands of silver [coins], if you came [according] to the Russian manner of your fathers. [Daniel] asked him (King Bela. - A.M.) to let him come to his camp because it was extremely hot that day. He (Bela. - A. M.) took his (Daniel's. – A.M.) hand and led him to his tent, undressed him and gave Daniel his own clothes. Thus he did him honor"⁷.

Historians have had difficulty in explaining the above account of the Galician-Volynian Chronicle and greatly obscured its meaning by their incorrect interpretations. S.M. Solov'ev believed that during the negotiations Bela for some reason wished to change his own clothes and asked Daniel to help him: "When the king asked him if he could

go to the camp, Daniel invited him to his tent"⁸. Equally inadequately, historians interpret the words that the Hungarian king addressed to the prince of Rus'. According to N.I. Kostomarov, Bela was astonished when the glorious Daniel appeared before him and exclaimed: "Your arrival according to the tradition of the Russian princes is dearer to me than thousands of silver [coins]"⁹. I.P. Kripyakevich interpreted what the king said to Daniel in the same manner: "A thousand silver [coins] are less important to me than the fact that you have come according to the manner of your ancestors"¹⁰. The same interpretation is shared by certain present day authors who assume that Bela "praised" Daniel for his commitment to the Russian custom, and then went to change into other clothes¹¹.

In fact, Bela's words addressed to Daniel expressed his disapproval of the prince's appearance, which the king saw as a breach of not only diplomatic etiquette but also of the "the Russian custom". True, Bela expressed his disapproval in a very polite manner: "I would yield up thousands of silver [coins], the king said, as long as you come [according] to the Russian tradition of your fathers". Hearing this Daniel immediately, under the pretext of strong heat, asked permission to go to the royal camp to change his clothes.

True Purple (ὀλόβηρον, holoverus) in Byzantium and Rus'

What disturbed the Hungarian king and the German envoys in the appearance of the Galician-Volynian prince? What in his clothes, in contemporary parlance, did not correspond to diplomatic protocol and to the "Russian tradition"? No doubt, it was the royal attributes with which Daniel adorned himself, and the most important among them apparently was the luxurious "*kozuhukh*" made of "Greek olovir".

The word "olovir" was used very rarely. It is mentioned only in the Galician-Volynian Chronicle and as far as we know, is not found in other Old Rus' texts. In keeping with I.I. Sreznevskiy's definition, it is usually translated as "silk fabric, embroidered with gold"¹². This translation, however, can not be considered sufficiently accurate. In our view, it does not reflect the most important component of "olovir" as a kind of Greek purple.

The Old Rus' term "olovir" is apparently derived from the Middle Greek ὀλόβηρον¹³. The form ὀλόβηρον (ὀλό-βηρος) found in Byzantine literary texts has the meaning of 'true purple', in the form of *holoverus* 'true purple'. This expression is also known in medieval Latin texts¹⁴. The Greco-Latin term *olovir* (ὀλόβηρον) or *golover* (*holoverus*) is formed by combining two roots derived from the Greek ὅλος 'whole' and the Latin *verus* 'true'. Therefore, the definition for Old Rus' "olovir" proposed in the

Dictionary of the Russian language of the 11–17th centuries should be considered more correct: "Olovir is a precious fabric (compare Greek *όλόβηρον* "made of pure purple")"¹⁵.

Byzantine sources clearly demonstrate that the term "olovir" (*golover*) referred to a special "royal" color of silk, which greatly increased its value. The fabric colored in this manner can not be equated with ordinary silk. According to Procopius of Caesarea (*Secret History*. XXV. 21), Peter Varsima who, in the middle of the 6th century was Count of the Sacred Largesses, established open trade in various kinds of silks in violation of all the rules. He sold "one ounce of silk of any color for at least six solids and royal color silk, which is usually referred to as *golover*, for more than twenty-four solids"¹⁶.

Daniel Romanovich's "*kozhuikh*" made of "true" or "pure" purple, was a remarkable garment and one might say even exceptional. For centuries purple garments of top quality in Byzantium had been the exclusive privilege of emperors. Their production required a very complex and expensive technology that had been developed in ancient times and employed at least up to the 13th century. Purple was produced from marine shell-fish (*murex*), which were found in the Tyre region, as well as in the coastal waters of the Peloponnesus and the adjacent islands. For coloring one item of clothes it was necessary to process up to twelve thousand shells¹⁷.

The Edict on Prices lists twelve kinds of purple fabrics whose prices ranged from ten (for red fur) to one hundred and fifty thousand denarii (for purple silk). From the time of Justinian purple of the highest quality could not be sold and was used only for the emperor. In markets only different types of imitations and low-quality types of purple were available. After the 7th century the production of purple was centralized in Constantinople and the provincial centers of purple production were closed¹⁸.

Wearing purple clothes was also severely restricted by the laws of the Empire. From the reign of the Emperor Tiberius subjects were allowed to wear clothes with a purple rim of no more than two fingers in width. Leo VI authorized the sale of odd scraps of purple, but this leniency did not last for long¹⁹. As a special favor, emperors would grant their relatives the right to wear purple. For example, Isaac II allowed his uncle on his mother's side, Theodor Kastamonita, to use purple bridle decorations and a purple saddlecloth and to sign documents in purple ink²⁰.

Consequently, it is difficult to believe that "the *kozhuikh* of Greek *olovir*" could have been bought by Daniel Romanovich from a visiting trader who arrived with his merchandise in Galich or Vladimir-Volynsky. And yet, this explanation of the appearance of clothing made of "olovir" in the

Galician-Volynian prince's wardrobe prevails in contemporary literature. Present day authors are certain that the princes of Rus' bought such precious fabrics in Byzantium²¹. Their view is supported by documents which state that "ships laden with Greek olovir" came to trade at the docks of Galich and Vladimir²².

From the 10th century onward it was prohibited to sell to foreigners and to export clothes of royal purple, "olovir", as well as any other fabric dyed in purple. According to the Book of the Eparch (the official set of statutes of Constantinople craft and commercial corporations codified in the 10th century of which the Eparch, that is the mayor, was in charge), the production of purple fabric was under the strictest control of the state. Any attempts at its unauthorized production and distribution were punishable by the most stringent measures including the death penalty²³.

According to the treatise written by Constantine Porphyrogenitus, royal purple clothing had a sacred meaning. Consequently, allowing someone to wear such apparel meant sharing a part of one's sovereignty with him. The Emperor strongly warned his successor against awarding the royal purple to rulers and peoples of other countries, including the Khazars, Hungarians and Ros, who sought to be granted this favor from the basileus. Their requests had to be rejected under any, even the most improbable circumstances²⁴.

Thus, large-scale trade in "olovir" between Byzantium and Galicia-Volyn was altogether unlikely if we acknowledge (as commentators of the Galician-Volynian Chronicle usually do), that the word "olovir" referred to silk embedded with gold and dyed in purple.

It is known that the Byzantine Empire began producing its own silk during the middle of the 6th century but most of this silk was banned from being sold overseas. Only a very small quantity was exported to Muslim countries. Venetian and some other privileged Italian merchants were allowed to sell low-quality Byzantine silk at the market in Pavia. High quality silk fabrics were used by the emperors (in addition to personal use) as official diplomatic gifts, as payment for ransom, or as payoffs to avoid war. These were probably the most likely ways that silk reached lands outside the Empire²⁵.

Nevertheless, one can not deny the obvious fact that foreign-made silk fabrics were very common in Old Rus'. This is confirmed by numerous archeological finds and by written sources. There is even reason to believe that silk imported from the East was at times re-exported from Rus' to Western Europe – Poland, the Czechs, Southern Germany, and Scandinavia²⁶.

However, the majority of silk fabric fragments dating back to the Old Rus' period found by archaeologists can not be identified with the "Greek

olovir" mentioned in the Galician-Volynian Chronicle. M.V. Fechner rightly points out that expensive varieties of Byzantine fabrics like fofudya, Greek "olovir", and aksamit, depicted on the frescoes of the Kievan Cathedral of St Sofia and the Church of St. Savior on the Nereditsa, as well as in the miniature of the *Izbornik* of 1073 with a group portrait of Svyatoslav Yaroslavich's family, can not be associated with the mass of silk products that entered the foreign market. Byzantine fabrics of the highest quality came to Western and Eastern Europe mainly as official gifts brought by envoys, as spoils of war, or in the form of trade tariffs²⁷.

We have even less reason to identify fragments of silk fabrics preserved from the Old Rus' period as "Greek olovir" based on the traces of their initial color. The original color of most of these fabrics, recovered during restoration, is a different shade of red. The color red in general was a favorite color for clothes worn by the citizens of Old Rus'. According to A. V. Artsikhovsky, more than three-quarters of the fragments of clothing worn by the inhabitants of Novgorod which were found by archaeologists were red in color – vermilion and carmine²⁸.

Such, for example, were the fabrics from the famous Michael's treasure found in 1903 in Kiev. In the Monastery of St. Michael the archeologists found a buried vessel filled with gold and silver objects of female clothing. These included fragments of silk fabrics which were the remnants of a ceremonial dress²⁹. A special study has shown that the original color of the fabrics was red of different shades ranging from bright pink to cherry-brown. Madder and safflower, the dyes used for these fabrics, were ordinary vegetable dyestuffs widely used in the Mediterranean, Iran and Central Asia. They did not give fabrics deep and intense color and, most importantly, were not durable³⁰.

Among the fabrics of Michael's treasure the most important findings were several fragments of double-loop smooth silk with complex binding technique, which can be classified as top quality Byzantine silk. It is possible to identify traces of more expensive dyes only on these small fragments (mostly in the form of strips of fabric) used to decorate the costume. According to A. K. Elkina, to paint these pieces of silk chervets (or kermes) – one of the precious ancient dyes extracted from insects such as the "Armenian cochineal" (*Porphyrophora hameli*) along with moraine could be applied; chervets on aluminum mordant dyed silk in crimson or dark cherry color³¹.

Chervets (also called carmine), a cheaper counterpart of purple, was known in Western Europe from antiquity. It was produced in the Mediterranean countries (mainly in Italy, Spain, and southern France). In the 14–15th centuries, as purple production decreased and its price rose, carmine production expanded and the technology of its application improved. However, the difference between true purple

and its substitutes was obvious. Noblemen and prelates of the Roman Catholic Church still preferred to wear true purple. It was only after the capture of Constantinople by the Turks, when the production of purple stopped completely, that Pope Paul II ordered carmine to be used for making "Cardinal purple" (1464)³².

***The Attributes and Symbols of Royal Power
of the Galician-Volynian Princes: Byzantine Borrowings and Parallels***

It is difficult to say with certainty whether the apparel in which Daniel Romanovich presented himself before the German envoys at the reception held by the Hungarian king was made of "true" or "pure" purple, "olovir", in the true sense of the word. Be that as it may, it is clear that it is this impression that his clothes made on the participants who attended the royal reception. This is proved by the reaction of the German envoys who, presumably, represented the Emperor of the Holy Roman Empire, Frederick II (1220–1250), or "King" as the chronicler calls him. "The Germans, seeing [it] (Daniel's clothes. – A.M.) were greatly surprised"³³. The German envoys evidently saw an encroachment on the prerogatives of their own sovereign in the Galician-Volynian prince's imperial attire.

Regardless, as the chronicler portrays him, Daniel Romanovich indeed did look like a king. In his magnificent clothes he looked if not like a Byzantine Emperor, then at least like the Persian king Darius or Chafiya, whose depictions were well-known in Rus' from translated literature³⁴. A comparison of Daniel's clothes with the attire of the Laz-Persian king Chafiya, granted to him by the Byzantine Emperor Justinian and described in detail in the seventeenth chapter of John Malala's chronicles in accordance with the Greek chronicle (Ellinskyi Letopisets), was cited by A.S. Orlov³⁵. This comparison, however, was not favorable to Chafiya, whose attire lacked purple or "bagr", as it is called in the Russian translation. There we are told that the Persian king wore "a wide gold stripe instead of purple" ("in place of bagr a gold stripe was sewn on")³⁶.

It is important to note that Daniel Romanovich took on a royal demeanor even before 1253 when he accepted the royal crown from Pope Innocent IV. The Hungarian king's reception described in the chronicle referring to 6760 (1252), must have taken place a few years earlier, either at the end of 1248 or early 1249³⁸. Consequently, the privilege of wearing purple was obtained by Daniel without the pope's dispensation and probably long before 1253. Moreover, receiving the royal crown would hardly have given the Galician-Volynian prince the right to use royal regalia that would equal those of the Byzantine basileus and his family.

The Greek "olovir" which Daniel Romanovich paraded, could not have been granted to him by any of the European monarchs or Roman

prelates of that time. In medieval Europe precious Byzantine fabrics were extremely rare and were treated with special care – they were seen as objects of exceptional value, comparable to Christian relics. According to Western sources, in the 10–12th centuries deeply revered Christian relics which were stored in shrines were wrapped in Byzantine silk³⁹.

We can see an equally reverent attitude displayed to precious Byzantine fabrics in Galician-Volynian Rus'. The eulogy to the Volynian prince Vladimir Vasytkovich (Roman Mstislavich's grandson and Daniel Romanovich's nephew) in the Galician-Volynian Chronicle (in its part referring to 1288) specifically mentions his role in the construction and decoration of churches. Among other things it states that the prince granted a "Gospel Aprakos, framed with olovir" to the Church of St. George in the city of Lyuboml⁴⁰.

Using "olovir" as a frame for the Gospel suggests that this fabric is consistent with the precious varieties of Byzantine silk well-known in Europe. Consequently, we may assume that Daniel Galitsky's "*kozhuikh*" mentioned above was, indeed, real royal attire, made of "true" ("pure") purple.

The Galician-Volynian prince could have obtained his apparel only by inheriting it from his parents. Precious Byzantine fabrics undoubtedly were part of the dowry given to the Byzantine Princess Euphrosiniya, the second wife of Roman Mstislavich⁴¹. After her death the dowry was handed down to her children and grandchildren. This, apparently, was the source of the unusual generosity, even for the most devout of the princes of Rus', Euphrosiniya's grandson Vladimir Vasytkovich, who repeatedly donated gold embroidered canvases and aksamit for decorating Volyn shrines⁴².

Galician-Volynian princes, the direct descendants of Roman Mstislavich and Princess Euphrosiniya, used the attributes of their royal lineage not only while living, but also after their deaths. The Galician-Volynian Chronicle reports that Vladimir Vasytkovich who died on December 10, 1288 was prepared for his burial "dressed in aksamit with lace, as was appropriate for a tsar"⁴³.

Along with the royal attributes of clothing, the chronicle associates the Galician-Volynian princes with other symbols of royal status. In describing the actions of the princes Daniel and Roman, especially their military deeds, the chronicler repeatedly compares his personages with eagles or links the image of the royal bird with them in some other way.

In praising Roman Mstislavich's deeds the chronicler compares the glorious prince-warrior with a fierce lion and an eagle, who wages war against all the Polovtsian land ("и прехожае землю ихъ, яко и орель")⁴⁴. At the entrance to Kholm, the new capital city of Daniel

Romanovich, a stone monument topped with a statue of an eagle was erected⁴⁵.

An even more remarkable scene is described by the Galician-Volynian Chronicle when it reports the battle at Yaroslavl that took place in 1245. It determined in favor of Daniel Romanovich the outcome of the struggle for the Galician throne that had lasted for decades. Before the battle the soldiers witnessed an astonishing sign. A flock of eagles suddenly appeared above Daniel's regiment soaring in the sky screaming and covering the prince and his host with their outstretched wings ("орлом же клекъщоущимъ и плавающимъ криломъ своими и воспрометаящимъ на воздоуе"). The eagles dispersed the cloud of crows that had gathered over the battlefield anticipating abundant prey⁴⁶.

An eagle soaring in the sky with its outspread wings that casts its shadow over a king is a vivid prophetic image described in Byzantine literature. For example, John Skylitzes in his "History of the Byzantine Emperors" mentions the prediction associated with Emperor Basil I (867–886), which forecast his great future. The infant Basil while lying in his cradle was covered by the shadow of a wing of an eagle soaring in the sky. This scene is depicted in the illustrated Madrid manuscript of the "History" written by Skylitzes (12–13th centuries)⁴⁷.

An eagle is one of the most important attributes and symbols of sovereignty. This idea became firmly entrenched in the traditional cultures and mythologies of many peoples from ancient times. In the social mind of medieval Europe and ancient Rus' the idea of the eagle as the symbol of a king's or a tsar's authority was extremely widespread⁴⁸. Not surprisingly, it was also reflected and developed in the works of Old Rus' literature⁴⁹.

In mythology the eagle appears as an instrument of God's will pointing out to an earthly ruler the location for his new capital. According to an ancient legend (which is well-known from the account of Nestor Iskander, the Russian author of the second half of the 15th century, who was captured by the Turks and converted to Islam), when Emperor Constantine the Great was searching for a place to found his new capital, his choice was confirmed by the appearance of an eagle, which descended from heaven and attacked a snake. In this way Constantinople was founded and became the second Rome⁵⁰.

This legend is also reflected in the monuments of early Byzantine art. The colorful mosaic depicting an eagle with a snake on the floor of the emperor's Grand Palace in Constantinople dates back to the second half of the 6th century⁵¹.

Perhaps the monument with a statue of an eagle erected by Daniel Romanovich at the entrance to his new capital - the city of Kholm - was

a continuation of the Byzantine *mythologema* of an eagle announcing God's will to a king what place to choose for his new capital⁵².

COMMENT

1. «Самъ же еха подле короля по обычаю Роускоу. Бе бо конь под нимъ дивлению подобень, и седло от злата жъжена, и стрелы и сабля златомъ оукрашена иными хитростями, якоже дивитися, кожихъ же оловира Грецького и кроуживы златыми плоскими ошить, и сапозы зеленого хъза, шити золотомъ». (Polnoe sobranie russkikh letopisej, Moscow, 1998, vol. II, col. 814).

2. *Kotljar*. Kommentarij, p. 282.

3. *Solov'ev*. Istorija, vol. 4, pp. 501-502. See also: *Karamzin*. Istorija., vol. II–III, p. 204.

4. *Kostomarov*. Russkaja istorija. Book I. P. 218.

5. *Gudzij*. Istorija, p. 213; *Vodovozov*. Istorija, p. 133; *Lihachev*. Chelovek v literature, p. 36.

6. Polnoe sobranie russkikh letopisej, t. II, col. 814.

7. See: *Stroev*. Vyhody gosudarej, p. 178; *Savvaitov*. Opisanie, p. 59.

8. «Рече емоу король: "Не взялъ быхъ тысяще серебра за то, оже еси пришель обычаемъ Роускимъ отцовъ своихъ". И просися оу него въ станъ, зане знои бе великъ дне того. Онъ же я и за роукоу, и веде его в полатоу свою, и самъ соволочашеть его, и облачашеть и во порты свое. И такоу честь творяшеть емоу» (Polnoe sobranie russkikh letopisej, t. II, col. 814-815).

9. *Solov'ev*. Istorija, vol. 4, p. 502.

10. *Kostomarov*. Russkaja istorija, book I, p. 218.

11. «Менше варта мені й тисяча срібла, ніж те, що ти приїхав руським звичаєм своїх батьків» (*Krip'jakevich*. Galic'ko-Volins'ke knjazivstvo, p. 180.)

12. *Richka*. Kiiv – drugij Erusalim, p. 236.

13. *Sreznevskij*. Materialy, vol. II, col. 661. See also: *Pashuto*. Oчерки, p. 172; *Kotljar*. Kommentarij, p. 282.

14. *Preobrazhenskij*. Jetimologicheskij slovar'. Vol. II, p. 647; *Fasmer*. Jetimologicheskij slovar', vol. III, p. 135.

15. *Sophocles*. Greek Lexicon, p. 801. See also: *Du Cange*. Ch. Glossarium, col. 204.

16. Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv., vol. 12, p. 359.

17. *Procopii Caesariensis*. Historia arcana, p. 196.

18. *Carile*. Immagine, p. 100.

19. See: *Reinhold*. History of Purple; *Jacoby*. Byzantium., pp. 8-11, 141 sqq.; *Oikonomides*. The Role of the Byzantine State., pp. 984-986.

20. *Gipper*. Purpur, pp. 39-69; *Hunger*. Reich der neuen Mitte. Pp. 84-89.

21. *Nicetae Choniatae* Historia, p. 438.

22. *Pashuto*. Oчерки, p. 172; *Tolochko*. Drevnerusskij feodal'nyj gorod, p. 125; *Sidorenko*. Ukrains'ki zemli, p. 75; *Kopitko*. Galic'ka ta Volins'ka zemli, p. 99.

23. *Pashuto*. Galicko-Volynskoe knjazhestvo, p. 363.

24. To eparchikon biblion, ch. VIII, Nr. 1.

25. Constantine Porphyrogenitus, pp. 66-69.
26. *Lopez*. Silk Industry, pp. 1-42; *Oikonomides*. Silk Trade, pp. 33-53; *Harvey*. Economic Expansion, pp. 147-149, 182-186; *Laiou Morrison*. The Byzantine economy, pp. 125 sqq.
27. See: *Fehner*. Izdelija, pp. 130-142; *Fehner*. Shelkovye tkani. Pp. 57-70.
28. *Fehner*. Shelkovye tkani, p. 58.
29. *Arcihovskij*. Odezhda..., p. 282.
30. See details: *Beljashevskij*. Cennyj klad, pp. 302-303.
31. *Fehner*. Nekotorye dannye, pp. 66-70.
32. *Elkina*. Issledovanie krasitelej, pp. 70.
33. *Frick*. Dressing Renaissance Florence, p. 102.
34. "Немцем же зрящимъ, много дивящимся". PSRL, t. II., col. 814.
35. See: *Orlov*. K voprosu, pp. 105-106.
36. *Ibid*, p. 105.
37. *Ibid*.
38. *Grushevs'kij*. Hronol'ogija podij, pp. 34-35.
39. See, e. g.: *Bonner*; *Rollason*, *Stancliffe*. St. Cuthbert, pp. 346. See also: ODB, vol. III, p. 1897.
40. PSRL, t. II, col. 926.
41. See: *Maierov*. Doch' vizantijskogo imperatora, pp. 76-106.
42. PSRL, t. II, col. 926.
43. "...оувиша и оксамитомъ со кроужевомъ, якоже достоить царямъ" (*Ibid*, col. 918).
44. *Ibid*, col. 716.
45. *Ibid*, col. 845.
46. *Ibid*, col. 802.
47. *Grabar*, *Manoussacas*. L'illustration, Nr. 202.
48. *Horoshkevich*. Simvolj..., pp. 21, 30-31.
49. *Adrianova-Peretc*. Oчерки, pp. 83-86, 171.
50. Povest' o vzjatii Car'grada turkami, pp. 28-29.
51. *Lazarev*. Istorija, vol. II, pp. 30-31. Tabl. 7; *Jobst Erdal Gurtner*. Istanbul. Fig. 9, 12.
52. PSRL, t. II, col. 845.

References

- Adrianova-Peretc V.P.* Oчерки pojeticheskogo stilja drevnej Rusi [Essays poetic style of ancient Russia], Moscow; Leningrad, 1947.
- Arcihovskij A. V.* Odezhda [Clothing], In: Oчерки russkoj kul'tury. XIII-XV vv. [Sketches of Russian culture. 13-15 centuries], vol. I, Moscow, 1970, pp. 277-297.
- Beljashevskij N.* Cennyj klad velikoknjazheskoj jepohi [Valuable treasure of era of grand dukes], In: Arheologicheskaja letopis' Juzhnoj Rossii [Archaeological annals of South Russia], 1903, nr. 5 (Kiev, 1904), pp. 301-312.
- Bonner G., Rollason D., Stancliffe Cl.* St. Cuthbert, his cult and his community to AD 1200, Woodbridge, 1995.

Carile A. Immagine e realtà nel mondo bizantino, Bologna, 2000.

Constantine Porphyrogenitus *De administrando imperio*, eds. Gy. Moravcsik, R. J. H. Jenkins, Dumbarton Oaks, 1967.

Du Cange Ch. Glossarium ad scriptores mediae a infimae Graecitatis, auctore Carolo Du Fresne, Domino du Cange Effigies recens cum vetere editione anni 1688 prorsus congruens, Vratislaviae, 1891.

Elkina A. K. Issledovanie krasitelej tkanej iz Mihajlovskogo klada [Study dye fabrics from Michael's treasure], In: *Kul'tura srednevekovoj Rusi*, p. 70.

Fasmer M. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of Russian language], vol. I–IV, St. Petersburg, 1996.

Fehner M. V. Izdelija shelkotkackih masterskih Vizantii v Drevnej Rusi [Products silk weaving masters of Byzantium in ancient Russia], SA, 1977, nr. 3, pp. 130–142.

Fehner M. V. Nekotorye dannye o vneshnih svyazjah Kieva v XII v. [Some data on the external relations of Kiev in the 12th century], In: *Kul'tura srednevekovoj Rusi*, pp. 66–70.

Fehner M. V. Shelkovye tkani v srednevekovoj Vostochnoj Evrope [Silk fabrics in medieval Eastern Europe], SA, 1982, nr. 2, pp. 57–70.

Frick C. C. Dressing Renaissance Florence: families, fortunes, and fine clothing, Baltimore [u. a.], 2002.

Gipper H. Purpur: Weg und Leistung eines umstrittenen Farbworts, Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische sprache. Göttingen, 1964, vol. 42, pp. 39–69.

Grabar A., Manoussacas M. L'illustration du manuscrit de Skylitzès de la Bibliothèque Nationale de Madrid, Venice, 1979.

Grushevs'kij M. Hronol'ogija podij Galic'ko-Volins'koj litopisi [Chronology of events Galicia-Volhynian chronicle], in: *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka* [Notes of the Scientific Society of Shevchenko], vol. 41, Lviv, 1901, pp. 1–72.

Gudzij N. K. *Istorija drevnej russkoj literatury* [History of Old Russian literature], Moscow, 1966.

Harvey A. Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200, Cambridge; New York; Port Chester [etc.], 1989.

Horoshkevich A. L. Simvoly russkoj gosudarstvennosti [Symbols of Russian statehood], Moscow, 1993.

Hunger H. Reich der neuen Mitte: Der christliche Geist der byzantinischen Kultur, Graz [u. a.], 1965.

Jacoby D. Byzantium, Latin Romania and the Mediterranean, Aldershot, 2001.

Jobst W., Erdal B., Gurtner C. Istanbul. Das grosse byzantinische Palastmosaik: seine Erforschung, Konservierung und Präsentation. 1983–1997. Istanbul, 1997.

Karamzin N. M. *Istorija Gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian State]: in 12 vols, Moscow, 1991, vol. II–III.

Kopitko A. Galic'ka ta Volins'ka zemli i Vizantija v sistemi mizhnarodnih ekonomichnih zv'jazkiv (XIII – persha polovina XIV st.) [Galician and Volhynian

lands and Byzantium in the system of international economic relations (XIII – the first half XIV centuries)], in: Korol' Danilo Romanovich i jogo misce v ukrains'kij istorii [King Daniel Romanovich and his place in Ukrainian history], Materials of international conference. Lviv, 29–30, november, 2001, Lviv, 2003, pp. 97–103.

Kostomarov N.I. Russkaja istorija v zhizneopisanijah ee glavnejshih de-jatelej [Russian history in biographies its most important figures]: in 3 books, Moscow, 2004, book I.

Kotljars N.F. Kommentarij, Galicko-Volynskaja letopis'. Tekst. Kommentarij. Issledovanie [Galicia-Volhynian Chronicle. Text. Comment. Study], ed. N. F. Kotljars. St. Petersburg, 2005.

Krip'jakevich I.P. Galic'ko-Volins'ke knjazivstvo [Galicia-Volhynian principedom], Lviv, 1999.

Laiou A.E., Morrison C. The Byzantine economy, Cambridge; New York, 2007.

Lazarev V.N. Istoriya vizantijskoj zhivopisi [History of the Byzantine painting], vol. I–II. Moscow, 1986.

Lihachev D.S. Chelovek v literature Drevnej Rusi [Man in the literature of ancient Rus], Moscow, 1970.

Lopez R.S. Silk Industry in the Byzantine Empire, Speculum. Mediaeval Academy of America, 1945, vol. 20, pp. 1–42.

Maierov A.V. Doch' vizantijskogo imperatora Isaaka II v Galicko-Volynskoj Rusi: knjaginja i monahinja [Daughter of the Byzantine emperor Isaac II in the Galicia-Volhynian Rus: Princess and Nun], *Drevnjaja Rus': voprosy medievistiki* [Ancient Russia: issues of medievalism], 2010, nr. 1, pp. 76–106.

Nicetae Choniatae Historia, ed. I. A. van Dieten, Berlin; New York, 1975.

Oikonomidēs N. Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: The Seals of Kommerkiarioi, *Dumbarton Oaks Papers*, 1986, vol. 40, pp. 33–53.

Oikonomidēs N. The Role of the Byzantine State in the Economy, In: *The Economic History of Byzantium: from the seventh through the fifteenth century*, ed. by A. E. Laiou, Washington, 2007, vol. 3, pp. 973–1058.

Orlov A.S. K voprosu ob Ipat'evskoj letopisi [On the question of Hypatian Chronicle], *Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Akademii nauk* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences], Leningrad, 1926, vol. 31.

Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991, vol. I–III.

Pashuto V.T. Galicko-Volynskoe knjazhestvo [Galicia-Volhynian principedom], In: *Očerki istorii SSSR. Period feodalizma. IX–XV vv.* [Essays on the history of the USSR. During the feudal period. 3th – 15th centuries], ed. B. D. Grekov, Moscow, 1953, vol. I, pp. 361–364.

Pashuto V.T. Očerki po istorii Galicko-Volynskoj Rusi [Essays on the history of Galicia-Volyn Rus]. Moscow, 1950.

Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. II: *Ipat'evskaja letopis'* [Hypatian Chronicle], Moscow, 1998.

Povest' o vzjatii Car'grada turkami v 1453 godu [Tale of the Taking of Constantinople by the Turks in 1453], ed. O.V. Tvorogov, In: *Biblioteka literatury*

Drevnej Rusi [Library literature of ancient Russia], vol. 7, St. Petersburg, 2005, pp. 26-71.

Preobrazhenskij A.G. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of Russian language], vol. I–II, Moscow, 1959.

Procopii Caesariensis. Historia arcana, In: Procopii Caesariensis, Opera Omnia, eds. J. Haury, G. Wirth, vol. 3, Leipzig, 1963.

Reinhold M. History of Purple as a Status Symbol in Antiquity, Brussels, 1970.

Richka V.M. Kiïv – drugij Erusalim (z istorii politichnoï dumki seredn'ovichnoï Rusi) [Kiev – the second Jerusalem (from the history of political thought of medieval Russia)], Kiev, 2005.

Savvaitov P.I. Opisanie starinnyh russkih utvarej, odezhd, oruzhija, ratnyh dospehov i konskogo pribora [Description of ancient Russian utensils, clothing, weapons, armor], St. Petersburg, 1896.

Sidorenko O.F. Ukraïns'ki zemli u mizhnarodnij torgivli (IX – seredina XVII st.) [Ukrainian lands in international trade (9th – mid 17th century)], Kiev, 1992.

Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv., Moscow, 1987, vol. 12.

Solov'ev S.M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia since ancient times], vol. 4, In: Solov'ev S. M. Sochinenija [Works]: in 18 books, Moscow, 1988, book II.

Sophocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods: from B. C. 146 to A. D. 1100, New York, 2004.

Sreznevskij I.I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka [Materials for a dictionary of Old Russian language], vol. I–III, Moscow, 2003.

Stroev P.M. Vyhody gosudarej, carej i velikih knjazej, Mihaila Feodorovicha, Aleksija Mihailovicha, Feodora Aleksievicha: vseja Rusi samodержcev s 1632 po 1682 god [Outputs of princes, kings and great princes, Mikhail Fyodorovich, Alexey Mikhailovich, Theodor Aleksievich: All Russia monarchs from 1632 to 1682], Moscow, 1844.

To eparchikon biblion [The book of the eparch], eds. E.H. Freshfield, J. Nicol, London, 1970.

Tolochko P.P. Drevnerusskij feodal'nyj gorod [Old Russian feudal city], Kiev, 1989.

Vodovozov N.V. Istorija drevnej russkoj literatury [History of Old Russian literature], Moscow, 1966.

Майоров Александр Вячеславович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Maïorov Alexander - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Museology, Institute of History, St. Petersburg State University.

e-mail: a.v.maïorov@gmail.com

УДК 94(47).027"12"343.1(019)343.253

DOI: 10.17223/18572685/36/9

КАЗНЬ КНЯЗЕЙ ИГОРЕВИЧЕЙ В ГАЛИЧЕ: ПРАВОВОЙ И РИТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ СОБЫТИЯ

С.Б. Чебаненко

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
e-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Авторское резюме

В начале XIII в. (1210 или 1211 гг.) в Галиче были убиты черниговские (северские) князья Игоревичи, некоторое время правившие в Верхнем и Среднем Поднестровье. Помимо различных внешне- и внутривнутриполитических причин свержения и последующей казни Игоревичей, необходимо отдельно осветить жестокие репрессии в отношении местного боярства. Акт казни Игоревичей имел сложную структуру. Она была осуществлена в форме вечевой казни, в которой так или иначе принимало участие все население Галича. Начальный этап казни осуществлялся в традиционной для этого явления форме – волочении виновных через город, их побоях и поругании. Однако второй этап – собственно умерщвление – был реализован родственниками казненных Игоревичами бояр в присутствии жителей Галича. Князья были убиты действительно из мести. Сам способ умерщвления князей – их повешение на дереве – был основной формой расправы с убийцами со стороны мстителей (родственников убитых) и являлся правовым обычаем. Эта процедура имела ритуальное значение и восходила к языческой эпохе. Она рассматривалась как форма жертвоприношения, а дерево, на котором вешались тела убийц, являлось праобразом Мирового древа. Особое значение имело и удушение жертвы при повешении как способ, препятствующий нормальному выходу души из тела. Насколько эти языческие представления осознавались и претворялись в жизнь в начале XIII в. при использовании такого традиционного способа умерщвления убийц, сказать сложно.

Ключевые слова: Галич, Игоревичи, казнь, вече, кровная месть, повешение, правовой обычай, жертвоприношение.

**The execution of Igorevichi Princes in Galich:
juridical and rite aspects of the event**

S.B. Chebanenko

St. Petersburg State University
University Embankment, 7/9 St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Abstract

In the beginning of the 13th century (1210 or 1211) Chernigov (Seversk) princes Igorevichi, who were ruling for some time in the Upper and Middle Podnestrov'e, were murdered in Galich. Facts concerning the concluding stage of this dreadful event are of a special interest. Among different foreign and inner policy causes of the deposition and punishment of princes, one should mention savage repressions against native boyars, which became one of the main reasons of princes' death. The author strikes on the fact that the act of punishment had difficult structure. Firstly it was accomplished in the form of Veche's punishment where all Galich population took part. In the beginning princes were dragged through the whole town, beaten and abused – which was traditional form of Veche's punishments. But the second part of their execution – murdering – was realized by relatives of the boyars, who were killed by Igorevichi. Princes were really killed out of revenge, as it is mentioned in chronicle. The author mentions that even method of murdering – hanging on tree – is also important, because it was the main form of execution of murders from their vengers (relatives of those who were killed) and it was legal practice. The execution had its rite meaning and traced back to the pagan times. Hanging in pagan times concerned as a form of offering, and tree on which murders were hanged was a prototype of the world tree. Choking, which abstracted normal exit of soul from body, was also of a special meaning. And it is hard to say how these pagan ideas were recognized and reproduced in the 13th century, while using such a traditional form of murders' execution.

Keywords: Galich, Igorevichi, execution, veche, blood feud, hanging, legal practice, offerings.

После повторного вокняжения в землях Верхнего и Среднего Поднестровья северские князья Игоревици (Владимир правил в Галиче, Святослав – в Перемышле, Роман – в Звенигороде) взяли курс на репрессивную политику по отношению к местному населению, прежде всего, к боярству. Многие бояре были казнены – «оубьено же бысть ихъ числом 500», другие «разбегашася», спасая свои жизни. Некоторые из спасшихся отправились в Венгрию ко двору короля Андрея (Эндре) II¹.

Беглецы, среди которых были и весьма влиятельные фигуры, находясь в Венгрии, склонили венгерского короля к военному вмешательству с целью поставления на галицкий стол Даниила Романовича, тогда ещё «детска соуца»². Военный поход, в котором, кроме венгерских отрядов, принимали участие силы краковско-сан-

домирского правителя Лешко Белого и некоторых русских князей, привел к смещению Игоревичей и пленению некоторых из них³. Галичане упросили венгров выдать им князей за выкуп и «повесили мести ради»⁴. Повешению предшествовали побои и поругание Игоревичей галичанами⁵.

В истории с расправой над князьями остается немало спорных и невыясненных моментов. До сих пор нет единства в датировке интересующих нас событий, помещенных в Ипатьевской летописи под 1208 г. Наиболее вероятными датами представляются 1210⁶ или 1211⁷ гг. Оценки исследователями самого факта казни князей Игоревичей и её обстоятельств также различны. Традиционно сторонники мнения об особой силе галицкого боярства рассматривают эти события как кульминационный момент в борьбе боярства с княжеской властью, как расправу бояр с попавшими в их руки князьями⁸. Имеются попытки взглянуть на этот сюжет с другой стороны. По словам Н.И. Костомарова, Игоревичи, «взятые в плен уграми, были выпрошены галичанами на свой суд и повешены (...) род княжеский не считался уже выше обыкновенных родов и жизнь их подлежала общему суду народному»⁹. Согласно П.Н. Мрочек-Дроздовскому, это пример того, что «целая община, народ могли мстить за своих членов»¹⁰. Т.В. Беликова пишет о «публичной казни» над князьями, доказывает ее общинный характер¹¹. Подробному анализу обстоятельств казни были подвергнуты в работе А.В. Майорова. В этих событиях он видит пример мести, приобретшей важное общественное значение, в силу чего она выражалась в форме казни через повешение. Это месть галицкой общины князьям. Казнь рассматривалась как жертвоприношение. Ей предшествовали битье и поругание, олицетворявшие ритуальное разоблачение, лишение княжеского достоинства. Все действия в целом осуществлялись в рамках народного суда и расправы над правителями¹². Мнение А.В. Майорова об осуществлении в Галиче акта кровной мести и о ритуальной сущности битья и поругания оспорил М.А. Несин¹³. В новейшей литературе убийство Игоревичей приводится в качестве примера реализации права кровной мести¹⁴.

Причиной враждебности к князьям, настолько сильной, что дело закончилось их казнью, было то, что Игоревичи пытались укрепить свою власть путем репрессий. К тому же и правили они плохо - «о уряде земнем не прилежаху»¹⁵. Больше всех досталось галицким боярам и рядовым галичанам, но пострадали и жители пригородов, как это следует из слов к перемышльцам боярина Владислава, вернувшегося с венгерским войском на Русь и убедившего жителей сдать город противникам Игоревичей¹⁶. Свою речь он адресовал не

только уцелевшим боярам, но и всем горожанам¹⁷. Злодеяния северских князей заключались в жестоких расправах над неугодными, конфискации их имущества, насилии по отношению к женщинам¹⁸. Недовольство было направлено и «против сосредоточения управления волостью в руках ставших непопулярными северских князей с их дружинами»¹⁹. Всё это вызывало крайне сильное раздражение у значительной части местных жителей - как рядовых, так и представителей знати.

Хозяиничанье чужаков, сопровождаемое грабежами и насилием, было достаточной причиной для избавления от Игоревичей, но конкретной причиной жестокой расправы с ними были масштабные репрессии в отношении галицких лидераов, выражавшиеся в их физическом уничтожении.

Относительно того, какие же именно князья попали в руки галичан, источники дают различные сведения. Эта проблема специально была рассмотрена М.М. Волощуком, приведшим дополнительные аргументы в пользу того, что казнены были перемышльский и звенигородский князья²⁰. Мы присоединяемся к мнению исследователей, полагающих, что в руки галичан попали два князя – Роман и Святослав²¹. Владимир сумел спастись, а Ростислава, один раз неожиданно упомянутого в летописи, не существовало²². Итак, главный виновник князь Владимир бежал; спасся и его сын, но остались его братья, Роман и Святослав, виновные немногим меньше его. В отношении их на первое место выступает воздаяние за злодеяния в отношении галичан всех трех Игоревичей, в том числе и спасшегося Владимира.

Перейдем к обстоятельствам самой казни. Необходимо выяснить, как при этом соотносились роль бояр и роль всей галицкой общины, что поможет уточнить важные детали этого события. Распространенная точка зрения, что в расправе участвовали одни только бояре²³, не находит подтверждения. Основания для недовольства Игоревичами имели все галичане, о чем писалось выше. Так, в Ипатьевской и Воскресенской летописях говорится, что князей выкупали и вешали «галичане»²⁴. Более того, Галицко-Волынская летопись, известная своим пристрастным отношением к боярам, когда идет о них речь, специально их выделяет – «бояре Володимерьсти и Галичкыи», а инициаторами казни названы именно «галичане»²⁵. Таким образом, деятельность бояр затмевается активностью всей общины²⁶. Активность всех галичан подтверждается и имеющимися у нас описаниями казни. При этом, как мы постараемся показать ниже, на заключительном этапе этого драматического события бояре выходят на первый план²⁷.

Нельзя не согласиться с теми исследователями, которые полагают, что князья были приговорены к казни вечевым судом²⁸. Провинности Игоревичей были всем хорошо известны, и по общему согласию они были приговорены к вечевой казни. Эта была именно казнь, а не убийство, поскольку одним из важнейших признаков казни²⁹ является её санкционирование органами власти, к каковым в Древней Руси относилось и вече.

Вечевая казнь довольно четко делится на два этапа: общественное наказание, в котором так или иначе принимало участие все население Галича, и собственно мщение, которое было осуществлено родственниками казненных Игоревичами бояр, но в присутствии остальных галичан. Согласно Воскресенской летописи, галичане «бывше их [князей. – С. Ч.], повешаша их»³⁰. В.Н. Татищев описывает эти события так: «Биша и ругаху их со женами и детьми, напоследи повесиша пред градом»³¹. Убиению Игоревичей предшествовало проведение их через город (ведь князья, надо думать, содержались в нем), сопровождаемое битьем и руганью, – так можно понять слова В.Н. Татищева. Примеры проведения виновных через город при общинной казни довольно многочисленны³².

Это обычная картина вечевых казней в Древней Руси. Значение различных манипуляций с жертвами общинных казней было подробно раскрыто в предшествующей литературе, и нам остается лишь согласиться с выводами исследователей, что все эти действия имели то или иное ритуальное значение³³. Битье и ругань находят аналогию в других примерах общественного наказания (казни)³⁴, и означают они то же самое – непосредственное участие всей общины (в том числе женщин и детей – Игоревичей «биша и ругаху их со женами и детьми»³⁵) в казни. Обычным элементом вечевой казни, родственной «потоку и разграблению» Русской Правды, было коллективное разграбление и последующее распределение имущества виновных. Так галичане поступили и с имуществом свергнутых князей и их сторонников³⁶.

Вывод наказуемых (или вынос их тел) за пределы города (поселения) или центральной его части, сопровождаемый побоями и руганью, символизирует выведение за пределы данного мира, общины крайне опасных и вредных для всего общества людей³⁷. За пределами города, «пред градом»³⁸ Игоревичи и встретили свою смерть.

Князей ждала специальная казнь, и только поэтому они не были забиты толпой насмерть. Последнее, насколько можно судить, было нередкой участью виновных при вечевых казнях. Именно так окончили свою жизнь многие сторонники самих Игоревичей, оказавшиеся в руках галичан: «дружину и лестцев, (...) избиша»³⁹. В некоторых

случаях осужденных вечевым судом ожидали особые «квалифицированные» способы казни⁴⁰. С похожей ситуацией мы сталкиваемся и в Галиче.

После вывода Игоревичей за пределы «града» начинается второй этап вечевой казни, где на первый план выходят уже бояре, чьи родственники пострадали от действий северских князей. Но, насколько можно судить, при умерщвлении Игоревичей находились всё те же галичане, которые присутствовали при предыдущих экзекуциях. Князей «повесили мести ради»⁴¹. Слова о мести вовсе не случайны. Игоревичи были убиты, кроме прочего, ещё и из мести, которую имеет в виду Русская Правда⁴². Вместе с князьями, по-видимому, были казнены и их жены⁴³. Вряд ли они были замешаны в расправах с боярством, скорее они стали жертвами и чувства мести, и обычаев мести, допускавших несение коллективной ответственности за проступки родственников⁴⁴.

Несмотря на прямые указания источников на то, что князья были убиты из мести, этой детали исследователи уделяют мало внимания. Казнь Игоревичей в большинстве случаев не считают осуществлением юридического обычая, реализацией нормы права. Мщение князю представляется чем-то необычным (с чем, в общем-то, можно согласиться). Возможно, это происходит также в силу убежденности многих исследователей в том, что кровная месть к началу XIII в., после её «отмены» во второй половине XI в., прекращает свое действие⁴⁵. Однако, во-первых, законодательная отмена какого-либо явления не означает фактического прекращения его действия. В той же Юго-Западной Руси в последующие столетия отмечается вполне благополучное существование этого обычая, мстители могли воспользоваться правом на убийство и пользовались им⁴⁶. Во-вторых, есть достаточные основания полагать, что «отмена» мести Ярославичами не увенчалась успехом, а право на месть признавалось и после неудачной реформы на законодательном уровне⁴⁷. Обычай мести к XIII в. всё ещё был широко распространен и признавался официальным законодательством⁴⁸.

Роль галицкого боярства в расправе над Игоревичами проявляется в выборе способа их убийства. Для их умерщвления был выбран тот способ, какой обычно применялся родственниками жертв при расправе с их убийцами. О том, что князья были казнены как преступники, прямо говорил Всеволод Чермный: «Брата моя есте 2 князя повесили вы в Галиче, яко злодея»⁴⁹, и под «злодеем» здесь следует понимать именно преступника-убийцу.

Повешение убийц было одним из наиболее распространенных, если не основных, способов приведения в исполнение кровной ме-

сти в Древней Руси⁵⁰. Способ расправы с убийцей при мести иногда становился предметом специального рассмотрения. Можно назвать П.Н. Мрочек-Дроздовского, указавшего на сходство мщения волхвам в 1071 г. и князьям Игоревичам в 1211 г.⁵¹, Н.Н. Воронина, исследовавшего события 1071 г. и уделившего пристальное внимание манипуляциям с телами волхвов, которые он связывает с обычаем кровной мести, не делая, впрочем, обобщающих выводов⁵². И.А. Малиновский, уделяя этому вопросу особое внимание, писал о разнообразии в применении способов казни⁵³. К этой точке зрения присоединяются и некоторые современные исследователи⁵⁴. А.В. Майоров полагает, что в случаях, когда месть приобретала общественно важное значение, повешение становилось одним из её элементов⁵⁵.

В тех случаях, когда источники упоминают случаи мщения за убийство родственников (или сопоставимые злодеяния), нередко упоминается повешение (подвешивание тел) виновных. Под 1071 г. в «Повести временных лет» сообщается, что ростовцы, родственники убитых волхвами «лучших жен», «поимше» волхвов, «убиша я и повесиша я на дубе»⁵⁶. Под 1097 г. там же рассказано о мщении князей Василька и Володаря Ростиславичей за ослепление Василька: братья «повесиша Василя и Лазаря и растреляша стрелами»⁵⁷. В поздних источниках говорится о мести за убийство Андрея Боголюбского: согласно одному из известий, виновных вешают и расстреливают стрелами⁵⁸. Все эти случаи названы мстью. Киево-Печерский патерик рассказывает о человеке, которому грозит смерть через повешение на дереве в случае его несостоятельности⁵⁹; подробности истории позволяют думать, что речь идет об убийце, не имевшем денег, чтобы откупиться от мести⁶⁰.

Казнь через повешение подразумевается в галицких событиях и в сообщении Киево-Печерского патерика. В известии под 1097 г. и рассказе о мщении за убийство Андрея Боголюбского говорится о повешении и расстреле виновных стрелами. Как нам представляется, эти два эпизода можно понимать так, что расстрелу подлежали уже подвешенные за шею тела, а подобная «избыточность» воздействия на виновных имела ритуальное значение⁶¹.

Мы не можем согласиться с А.В. Майоровым, что повешение применялась лишь при мести, имевшей общественно важное значение, и что такой вид казни не относится к случаям мести, предусматривавшимся в Русской Правде (частной мести)⁶². С одной стороны, действительно, примеры реализации мести, которые представлены в нарративных источниках, выходят за рамки мести частной, осложняясь иными мотивами, что наглядно показал А.В. Майоров, но с дру-

гой – случаи «обычной» мести практически не находят отражения в источниках. Так что сравнить месть, «приобретшую общественно важное значение», с «обычной» и выявить отличия в их реализации затруднительно. Далее, рассмотренные случаи позволяют усматривать наличие какой-то связи между мщением и повешением/подвешиванием преступника, и не обязательно эта связь возникает лишь в силу придания акции публичного, общественно важного значения, возможны и иные пересечения. К тому же мщение вообще в той или иной степени публично. Оно затрагивает интересы родственников и соседей обидчика и жертвы, привлекая внимание властей, а реализация мести совершается таким образом, чтобы было возможно оповестить о её свершении (об этом см. далее). Наконец, история, приведенная в Киево-Печерском патерике, показывает, что и при рядовых случаях отмщения преступников вешали. При этом весь, так сказать, пафос казни князей Игоревичей и заключается в том, что их повесили как заурядных убийц – «яко злодея», что и взволновало так Всеволода Чермного.

Ученые, говоря о связи древнего права с религиозными представлениями, в первую очередь обычно упоминают кровную месть как священное право и обязанность перед убитым, предками или боже-ствами. Как нам представляется, во многом эта связь раскрывается именно при рассмотрении самого способа убийства преступника.

Смерть посредством повешения воспринималась как смерть от удушения⁶³. У восточных славян известны и ритуальное удушение, и ритуальное повешение⁶⁴. Везде, где этому уделяется внимание, говорится именно об удушении: «Сама кончина представляется как отделение души от тела... Эти представления нашли свое выражение в таких обозначениях акта смерти, как пар (душа) вон, испустить дух, из-дох-нуть, с-дох-нуть»⁶⁵. В нашем случае мы имеем дело с неестественным способом смерти, когда «испускание духа» делается невозможным. Перетягивание веревкой шеи препятствует «испусканию духа» через органы дыхания и «нормальному» отпавлению души во вне, в загробный мир; дух, душа оказываются запертыми в мертвом теле и не могут его покинуть.

В тесной связи с удушением стоит и повешение (подвешивание) жертвы, и то, куда ее вешали. В двух из рассмотренных случаев однозначно говорится о повешении преступников или их тел на дереве (события под 1071 г. и сообщение Киево-Печерского патерика). При описаниях казни Василия и Лазаря поздние источники упоминают о дереве⁶⁶ и о виселице⁶⁷. В рассказе о мести за Андрея Боголюбского (в одном из его вариантов) упоминается о повешении на воротах⁶⁸.

Если верить этой подробности у В.Н. Татищева, то Игоревичи были повешены «пред градом», т. е., очевидно, не на воротах. Польские

источники указывают, что они были подвешены/повешены на специальном сооружении - дыбе⁶⁹ («in eculeo miserabiliter suspendit»⁷⁰, «in eculeo interimit»⁷¹). Имеется в виду не казнь через повешение (удушение) на дыбе, а использование дыбы как пыточного инструмента (в «Каталоге краковских епископов»: «in eculeo miserabiliter suspendit» - «на дыбе мучительно подвесили»). Вряд ли можно доверять этим сведениям. Эта деталь не подтверждается русскими источниками. Нет сведений об использовании в это время на Руси такой дыбы. Кроме того, польские источники доносят довольно искаженную информацию о галицких делах⁷².

Полагаем, что повешение Игоревичей происходило не на каких-то специальных сооружениях, виселице, а на дереве (или деревьях). Во-первых, об использовании виселиц в древнерусский период нам ничего не известно⁷³. Во-вторых, предполагать, что князья были повешены именно на дереве (деревьях), позволяют нам схожие примеры, которые были приведены выше. В-третьих, особая роль деревьев в обрядовой и культовой жизни славян заставляет рассматривать их в качестве наиболее вероятного «инструмента» для повешения⁷⁴.

Жертву надо было как-то переправить в «иной мир»: «На уровне обрядовых действий это выглядит как отправление жертвы вверх или (реже) вниз. Для достижения первого случая характерны такие действия, как подвешивание жертвы к дереву»⁷⁵. У восточных славян долгое время был широко распространен обычай подвешивать на деревья различные предметы в качестве жертвы⁷⁶. Но нас интересуют человеческие жертвы, а идея Мирового дерева отчетливо проявляется в представлениях о перевоплощении душ, в связи с иными мирами, с культом предков⁷⁷.

Повешение/подвешивание при осуществлении мщения являлось формой жертвоприношения⁷⁸. Долгое время существовал взгляд, согласно которому любое преступление является нарушением вселенской гармонии или равновесия, нарушающим не только социальный порядок, но и затрагивающим сферу природы⁷⁹. Восстановить нарушенное равновесие можно было посредством принесения виновных в жертву. Уже в древнейших мифопоэтических традициях жертва приурочивается к Мировому дереву (ср. висение на дереве Одина в скандинавской мифологии). Есть все основания считать, что в древнейшем индоевропейском праве наказываемого убийцу вешали также на дереве, последующим образом которого и является виселица. Подобное прослеживается на языковом материале древней Англии, у германцев, саксов и исландцев⁸⁰. То же самое прослеживается и у восточных славян.

Тело повешенного было подобно запертому сосуду, заключавшему в себе душу. Она, не имея возможности направиться в загробный мир и будучи «привязана» к телу на жертвенном дереве, должна была отправиться именно к тому, кому и предназначалась.

Игореви́чи попали в руки народа в городе, но зачем их убивать за его пределами? Не исключено, что князей вывели за пределы города не только с целью символического избавления от враждебных сущностей, как полагает А.В. Майоров, но и с целью доставить во вполне определенное место. Возможно, что место, где повесили Игореви́чей, было традиционным, таким, где подобные действия и необходимо осуществлять. Вспомним, что волхвов ростовцы убили не где попало, Ян Вышати́ч целенаправленно приводит волхвов и родственников убитых к священному дубу⁸¹.

Учитывая, что речь идет о жертвоприношении, можно предполагать, что жертву приносили в специально предназначенном для этого месте – святилище, одним из видов которых является священное дерево. Славяне-язычники приносили жертвы и молились священным рощам. В XII–XIII вв. отправление языческих культов на Руси происходило у источников, колодцев, болот, рек, озер, в рощах, полях и т. п., т. е. вне специально организованного пространства⁸², а это говорит об исключительной роли природных святилищ, к числу которых относятся деревья и рощи. Языческие святилища почти всегда располагались за пределами поселений⁸³. Возможно, казнь Игореви́чей состоялась на месте бывшего языческого святилища⁸⁴.

О том, что в святилищах, помимо исключительно религиозных актов, могли совершаться и правовые, указывает свидетельство Гельмольда о западных славянах: «Здесь [в святилище] был и жрец, и свои празднества, и разные обряды жертвоприношения. Сюда каждый второй день имел обыкновение собираться весь народ с князьями и жрецом на суд»⁸⁵. Как видим, святилища весьма многофункциональны⁸⁶. Это их качество указывает еще на одну сторону отщепенности: играя немалую общественную роль, такое место часто посещалось; в то же время подвешивание или вывешивание есть «символическое оповещение о каком-либо событии, передача или демонстрация жертвы, оберега представителям "иного мира"»⁸⁷, а также представителям мира этого, т. е. повешение преступника в подобном месте оповещает как потусторонних жителей, так и земных о совершении мести.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 723-724.
2. Там же. Стб. 724.
3. Там же. Стб. 724-727.
4. Там же. Стб. 727.
5. ПСРЛ. Т. VII. Воскресенская летопись. М., 2001. С.117; *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 (вторая редакция). Главы 19-37 // Собрание сочинений: в 8 т. М., 1995. Т. 2-3. С. 186; *Его же.* История Российская Ч. 2 (первая редакция) // Собрание сочинений: в 8 т. М., 1995. Т. 4. С. 342.
6. *Włodarski B.* Polityka ruska Leszka Białego. Lwów, 1925. S. 44-45; *Волощук М.М.* Обстоятельства казни в 1210 г. Игоревичей Черниговских: актуальные вопросы реконструкции русско-венгерских отношений начала XIII в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2007. № 1-2. С. 105-112.
7. *Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки наукового товариства ім. Шевченка (далее - ЗНТШ). Львів, 1901. Т. 41. С. 11, 62; *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 198; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 391 и след.; *Котляр Н.Ф.* Князь, бояре и вече в Галицко-Волынской Руси // Древнейшие государства Восточной Европы: 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 244-267. С. 260; *Его же.* Даниил, князь Галицкий. СПб., 2008. С. 103-105; *Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov, 1146-1246. Cambridge, 2003. P. 270; *Головко О.* Корона Даниила Галицкого: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. К., 2006. С. 271-273; *Его же.* Галич і Галицькая земля у політиці князів при дніпровській та Північній Русі (кінець XII - кінець 30-х років XIII століття) // Княжа доба: історія і культура. 2011. № 5. С. 117-130. С. 124; *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201 - 1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012. S. 72-73.
8. См., напр.: *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С.198; *Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov, 1146-1246. Cambridge, 2003. P. 275; *Котляр Н.Ф.* Князь, бояре и вече в Галицко-Волынской Руси // Древнейшие государства Восточной Европы: 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 260-261.
9. *Костомаров Н.И.* Черты народной южнорусской истории // Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 97.
10. *Мрочек-Дроздовский П.Н.* Исследования о Русской правде. Приложения ко 2 выпуску // Чтения Общества истории и древностей российских (далее - ЧОИДР). М., 1886. Кн. 1. С. 13.
11. *Беликова Т.В.* Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI - начале XII в. Канд. дисс. Л., 1990. С. 72, 74-75.
12. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 391-407.

13. Несин М.А. Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1205-1229 гг. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2011. № 2. С. 14-15.

14. Чебаненко С.Б. Некоторые замечания о ритуальном значении кровной мести в Древней Руси // Вестник Удмуртского университета. Серия: История. Ижевск, 2004. № 3; Хачатрян А.В. Проблема мести в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 158.

15. Татищев В.Н. История Российская Ч. 2 (первая редакция). С. 342.

16. ПСРЛ. Т. II. Стб. 724.

17. Несин М.А. Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1205-1229 гг. С. 12.

18. ПСРЛ. Т. II. Стб. 724.

19. Беликова Т.В. Княжеская власть... С.75.

20. Волощук М.М. Обстоятельства казни... С. 108-111. В этой же работе см. и обзор исследований, посвященных этой проблеме.

21. См. исследование О.Б. Гущина, который проанализировал многочисленные известия, касающиеся обстоятельств казни Игоревичей, и пришел к такому выводу. (Гушин О.Б. Вступ чернігівських Ольговичів у боротьбу за галицько-волинську спадщину: трагедія Игоревичів // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Тези доповідей і повідомлень. Галич, 19-21 серпня 1993 р. Львів, 1993).

22. М. Димник считает Ростислава действительно существовавшим князем: он был сыном Романа Игоревича, не игравшим на фоне трех старших Игоревичей заметной политической роли и заслужившим отдельного внимания только в кризисной ситуации, когда он попал в руки галичан (Dimnik M. The Dynasty of Chernigov, 1146-1246. P. 274-275). Ср. мнение М.А. Несина, который также отказывал этому Ростиславу в политической самостоятельности, но считал его самым младшим из братьев Игоревичей (Несин М.А. Галицкое вече... С. 14-15).

23. Так полагал еще С.М. Соловьев (Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. М., 1988. С. 568).

24. ПСРЛ Т. II. 727; ПСРЛ. Т.VII. С.117.

25. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 395.

26. ПСРЛ. Т. II. С. 726-727. По мнению Т.В. Беликовой, выкуп князей был под силу лишь всей общине (Беликова Т.В. Княжеская власть... С.75), с ней согласен А.В. Майоров (Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 395-396). М.М. Волощук, подсчитал, что эта сумма – 1000 гривен, о которой пишет В.Н. Татищев, была относительно небольшой для «финансовых возможностей боярства». Она была добыта из имущества Игоревичей, награбленного ими у репрессированных бояр (Волощук М.М. Обстоятельства казни... С. 109-111).

27. Мы не исключаем, что, помимо галичан и их бояр, к такому развитию событий могли приложить руку русские князья, «внуки Ростиславле», которых прямо обвиняют Всеволод Чермный (ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С.53; 251) или мать Даниила Романовича (см.: Головки О. Галич і Галицька земля ... С. 124-125);

- Несин М.А. Галицкое вече... С. 14-15; *Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi* (ок. 1201–1264). S. 74.
28. *Костомаров Н.И.* Черты народной южнорусской истории. С. 97; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 395-396, 401. См. также: *Беликова Т.В.* Княжеская власть и боярство. С. 72, 74-75;
29. *Жильцов С.В.* Смертная казнь в истории России. М., 2002. С. 24-27.
30. ПСРЛ. Т. VII. С. 117.
31. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 (первая редакция). С. 342.
32. ПСРЛ. Т. II. Стб. 352-353; НПЛ. С. 23, 207-208; 26, 212; 38, 228-229; 67, 272; 69, 276; *Розанов С.П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912. С. 10.
33. *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород: очерки государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 341-244, 246, 249, 253-256, 266-270, 277; *Его же.* Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. СПб.; М., 1995. С. 290-295; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 396-400. См. также: *Лисюченко И.В.* Сакральность княжеской власти у восточных славян и ритуальные убийства правителей // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 122. С. 53-54.
34. ПСРЛ. Т. II. Стб. 352-353; ПСРЛ. Т. II. С. 26, 212; 67, 272-273; *Розанов С.П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского... С. 10.
35. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 (первая редакция). С. 342.
36. *Там же.* См. об этом подробнее: *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 400-401.
37. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. С. 290-294; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 396-400.
38. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 (первая редакция). С. 342.
39. *Там же.* См. также: ПСРЛ. Т. II. Стб. 352-353; ПСРЛ. Т. III. С. 23, 207-208; 26, 212; 32, 220; 35, 224; 38, 228-229; 41, 234; 54, 253; 67, 272-273; 69, 276; 70, 277-278; *Розанов С.П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. С. 10; *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 (вторая редакция). Главы 19-37. С. 203-204; *Его же.* История Российская. Ч. 2 (первая редакция). С. 354.
40. *Розанов С.П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. С. 10.
41. ПСРЛ. Т. II. Стб. 727.
42. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 397.
43. *Волощук М.М.* Обстоятельства... С. 108-110.
44. Ср. ст. 7 Пространной Правды о выдаче на «поток и разграбление» всей семьи убийцы, независимо от степени их вовлеченности в преступление (Правда Русская. Т. I. Тексты. М.; Л., 1941. С. 104-105).
45. См.: *Несин М.А.* Галицкое вече... С. 14-15.
46. См., напр.: *Инкин В.Ф.* Статьи Русской правды о мести в свете обычной практики галицких общинных судов (по актам XVI-XVIII вв.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1990. №1.
47. См. подробнее: *Чебаненко С.Б.* О связи остракизма и кровной мести в Древней Руси: «поток и разграбление» и «убиение за голову» //

Университетский историк. Альманах. СПб., 2005. Вып. 3. С. 5-14; *Его же*. Сказание о Григории-чудотворце и правовые реалии Древней Руси последней трети XI века (по данным Киево-Печерского патерика) // *Словянские обряды*. Вып. 1. Київ, 2006. С. 402-412.

48. Ст. 1 Пространной Правды / Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. I. С. 104.

49. ПСРЛ. Т. 3. С. 53, 251.

50. Чебаненко С. Б. Некоторые замечания...

51. Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. Приложения ко 2 выпуску // ЧОИДР. М., 1886. Кн. 1. С. 13.

52. Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль, 1960. С. 42-43.

53. Ученый приводит самые разнообразные способы расправы, которые он находит в фольклорных источниках позднего происхождения. (Малиновский И. А. Кровавая месть и смертные казни. С. 35-42). Ср. также мнение старшего современника ученого, правоведа А. Ф. Кистяковского, который ранее также обмолвился о различных способах отмщения (Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Тула, 2001. С. 78).

54. Георгиевский Э. В. Кровавая месть и смертная казнь у восточных славян // Сибирский юридический вестник. 2005. № 1. С. 44-45.

55. Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 397-399. С. 40

56. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 175-178.

57. Там же. Стб. 268.

58. Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2 (вторая редакция). Главы 19-37. С. 113; *Его же*. История Российская. Ч. 2 (первая редакция). С. 449.

59. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 97-98, 119.

60. Чебаненко С. Б. Сказание о Григории Чудотворце...

61. Мы планируем подробно проанализировать эти эпизоды в рамках отдельных статей. См. мнение А. В. Майорова, основанное на данных В. Н. Татищева, что в 1097 г. виновных подвесили за ноги (Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 143-158).

62. Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 397-398.

63. Причинами смерти при повешении в зависимости от разных условий могут стать асфиксия, нарушение кровообращения в мозге, остановка сердца, реже – разрыв спинного мозга (Судебная медицина / Под ред. Ю. И. Пиголкина. М., 2012. С. 264-265). Однако до проведения специальных исследований причин смерти при повешении таковой считалось прекращение возможности дыхания.

64. Дьякон Лев. История. М., 1988. С. 78; Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Ч. 2. С. 113-115; Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 398; Ковалевский А. П. Книга Ахмеда-Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 143, 145.

65. Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С. 105.

66. Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992. С. 80.

67. Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2 (вторая редакция) // Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1995. Т. 2-3. С. 117. Упоминание

о виселице можно понимать как переосмысление человеком XVIII в. летописного сообщения о повешении в привычных ему категориях; в первой редакции «Истории» его нет.

68. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 (первая редакция). С. 449.

69. *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в Польской истории Яна Длугоша (книги I-VI): текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 351.

70. *Katalogi biskupow krakowskich* // *Monumenta Poloniae Historica*. Т. 3. Lwow, 1878. S. 353.

71. *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в Польской истории Яна Длугоша. С. 191.

72. Там же. С. 445; *Волощук М.М.* Обстоятельства казни... С. 108-109.

73. Хотя упоминание об этом встречается в арабских источниках, относящихся к IX-X вв., не ясно, относится оно к скандинавам или славянам. (*Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Ч. 2. С. 113-115).

74. *Зеленин Д.К.* Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов // Известия АН. VII серия. Отделение общественных наук. Л., 1933. № 8; *Его же.* Тотемы – деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937; *Агапкина Т.А.* Дерево культовое, роща культовая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999; *Усачева В.В.* Судьба благословенных и проклятых деревьев в традиционной культуре славян // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2010. Т. VI. № 1.

75. *Байбурун А.К.* Ритуал в традиционной культуре. С. 188-188.

76. *Агапкина Т.А.* Дерево культовое, роща культовая.

77. *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 37-39.

78. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 398-399.

79. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 22.

80. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О языке древнего славянского права // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978. С. 238–239.

81. Это было «не случайное место», а «традиционное» (*Воронин Н.Н.* Медвежий культ... С. 43.)

82. *Седых В.Н.* Святилища, кумиры, храмы... // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики материалы тематической научной конференции. СПб., 14-17 ноября 2000 г. С. 16.

83. *Русанова Н.П., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. С. 8, 62-63.

84. Косвенным свидетельством осознания галичанами ритуального содержания казни может быть следующее: в святилище Богит, расположенном относительно недалеко от Галича, в это время наблюдалось оживление культовой деятельности, приносились человеческие жертвы, возникали новые культовые объекты (*Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993. С. 93). Впрочем, вывод о том, что найденные человеческие кости являются жертвоприношением, был оспорен, а останки определены как христианские погребения. (*Петров Н.И.* Где стоял

Збручский идол?// Святителища: археология ритуала и вопросы семантики материалы тематической научной конференции. СПб., 14-17 ноября 2000 г. С. 99).

85. Гельмольд. Славянская хроника. М., 1965. С. 185.

86. Агапкина Т.А., Топорков А.Л. Материалы по славянскому язычеству (древнерусские свидетельства о почитании деревьев) // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 229.

87. Афанасьева Н.Е. Вывешивать, вывешивание // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 461.

References

Afanas'eva N.E. Vyveshivat', vyveshivanie [Hang out], in: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary], Moscow, 1995, vol. 1 [In Russian].

Agapkina T.A., Levkiva E.E. Vtykat' [Thrust in], in: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary], Moscow, 1995, vol. 1 [In Russian].

Agapkina T.A. Derevo kul'tovoe, roshcha kul'tovaya [Rite tree, rite grove], in: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary], vol. 2, Moscow, 1999 [In Russian].

Agapkina T.A., Toporkov A.L. Materialy po slavyanskomu yazychestvu (drevnerusskie svдетельства о почитании деревьев) [Materials on Slavic paganism (Old Russian evidences on trees' veneration)], in: *Literatura Drevney Rusi. Istochnikovedenie* [Literature of Old Russia. Source studies], Leningrad, 1988 [In Russian].

Bayburin A.K. Ritual v traditsionnoy kul'ture [The rite in the traditional culture], St. Petersburg, 1993 [In Russian].

Belikova T.V. Knyazheskaya vlast' i boyarstvo Yugo-Zapadnoy Rusi v XI - nachale XII v. Kand. diss [Prince's power and boyars in the South-Eastern Russia in the 11th – the beginning of the 12th centuries. PhD dissertation (History)], Leningrad, 1990 [In Russian].

Chebanenko S.B. Nekotorye zamechaniya o ritual'nom znachenii krovnoy mesti v Drevney Rusi [Some commentaries on the rite meaning of blood feud in Old Russia], *Vestnik Udmurtskogo Universiteta, seriya: Istoriya*, 2004, Nr 3 [In Russian].

Chebanenko S.B. O svyazi ostrakizma i krovnoy mesti v Drevney Rusi: «potok i razgrablenie» i «ubienie za golovu» [Towards the connection of ostracism and blood feud in the Old Russia: «potok i razgrablenie» and «ubienie za golovu»], *Universitetskiy istorik, Al'manakh*, 2005, Nr 3 [In Russian].

Chebanenko S.B. Skazanie o Grigorii-chudotvortse i pravovye realii Drevney Rusi posledney trety XI veka (po dannym Kievo-Pecherskogo paterika) [The tale about the Gregory the Wonderworker and judiciary realities of the Old Russia of the last third of the 11th century (By the materials of the Kiev-Pecherskiy pathericon)], *Slov'yans'kiye obryi*, 2006, Nr 1 [In Russian].

Dimnik M. The Dynasty of Chernigov, 1146-1246, Cambridge, 2003.

D'yakon Lev. Istoriya [History], Moscow, 1988 [In Russian].

Gel'mol'd. Slavyanskaya khronika [Slavic chronicle], Moscow, 1965 [In Russian].

Georgievskiy E.V. Krovnaya mest' i smertnaya kazn' u vostochnykh slavyan [Eastern Slavs' blood feud and death penalty], Sibirskiy yuridicheskiy vestnik, 2005, Nr 1 [In Russian].

Holovko O. Halych i Halyts'kaya zemlya u politytsi knyaziv Prydniprovs'koy ta Pyvnychnoyi Rusi (kinets' XII - kinets' 30-kh rokiv XIII stolittya) [Galich and Galicia lands in politics of princes of Pridneprovskaya and Severskaya Rus' (the end of the 12th – end of the 1230-s)], Knyazha doba: istoriya i kul'tura, 2011, Nr 5 [In Russian].

Hrushev'skyi M.S. Khronolohiya podiy Halyts'ko-Volyn'skoyi litopysy [Galicia-Volhynian chronicle chronology], in Zapysky Naukovoho Tovarystva im. Shevchenka [Proceedings of the Shevchenko's learned society], Lwow, 1901, vol. 41 [In Ukrainian].

Hushchyn O. Vstup chernihiv's'kykh Ol'hovychiv u borot'bu za halyt'ko-volyn'sku spadshchynu: trahediya lhorevychiv [Enlistment of Chernigov's princes in scramble for the Galicia-Volhynian estate: Igorevichi's tragedy], Halyts'ko-Volyn'ska derzhava: peredumovy vynyknennya, istoriya, kul'tura, tradytsii. Tezy dopovidey y povidomlen', Halych, 19-21 serpnya 1993 r. [Galicia-Volhynian state: terms of origin, history and culture, abstracts. Galich, 19-21 of August, 1993], Proceedings of the Conference. Lwow, 1993 [In Ukrainian].

Inkin V.F. Stat'i Russkoy Pravdy o mesti v svete obychnoy praktiki galitskikh obshchinnyykh sudov (po aktam XVI-XVIII vv.) [Articles of the Russkaya Pravda concerning vengeance in the light of common practice of the Galicia community justice (by the acts of the 17th – 18th centuries)], Vestnik Moskovskogo Universiteta, seriya 8, Istoriya, 1990, Nr 1 [In Russian].

Ivanov V.V., Toporov V.N. Drevnee slavyanskoe pravo: arkhaiskiye mifopoeticheskiye osnovy i istochniki v svete yazyka [Old Slavic justice: archaic mythopoetical origins and sources in the light of language], in: Formirovanie rannefeodal'nykh slavyanskikh narodnostey [Forming of the early feudal nationalities], Moscow, 1981 [In Russian].

Ivanov V.V., Toporov V.N. O yazyke drevnego slavyanskogo prava (k analizu neskol'kikh klyuchevykh terminov) [Towards the language of the Old Slavic justice (Towards the analyses of a few key terms)], in: Slavyanskoe yazykoznanie. VIII mezhdunarodnyy s'ezd slavistov [Slavic philology. VIII international Slavicist's conference], Proceedings of the Conference, Moscow, 1978 [In Russian].

Katalogi biskupow krakowskich [Catalogues of Bishops of Prague], in: Monumenta Poloniae Historica, t. 3, Lwow, 1878 [In Polish].

Khachatryan A.V. Problema mesti v drevnerusskom prave [Problems of vengeance in the Old Russian justice], Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010, Nr 1 [In Russian].

Kistyakovskiy A. Issledovanie o smertnoy kazni [Study on a death penalty], Tula, 2001 [In Russian].

Kostomarov N.I. Istoricheskiye proizvedeniya. Avtobiografiya [Studies on History. Autobiography], Kiev, 1989 [In Russian].

Kotlyar N. F. Daniil, knyaz' Galitskiy [Daniel Prince of Galich], St.Petersburg, 2008 [In Russian].

Kotlyar N. F. Knyaz', boyare i veche v Galitsko-Volynskoy Rusi [Prince, boyars and veche in Galicia-Volhinian Russia], in: Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: 2004 god: Politicheskie instituty Drevney Rusi [Earliest states of the Eastern Europe. Political institutions of Old Russia], Moscow, 2006 [In Russian].

Kovalevskiy A.P. Kniga Akhmeda-Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. [The book of Ahmad Ibn Fadlan about his journey to Volga in 921-922], Khar'kov, 1956 [In Russian].

Lisyuchenko I.V. Sakral'nost' knyazheskoy vlasti u vostochnykh slavyan i ritual'nye ubiystva praviteley [Sacredness of princely power in the eastern Slavs and ritual murders rulers], Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy, 2009, Nr 122 [In Russian].

Malinovskiy A. Krovavaya mest' i smertnyya kazni [Blood feud and death penalty], Tomsk, 1908, vol. I [In Russian].

Mayorov A.V. Galitsko-Volynskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskikh otnosheniy v domongol'skiy period. Knyaz', boyare i gorodskaya obshchina [Galicia-Volhinian Russia. Sketches on the social-political relations in the Premongolian period. Prince, boyars and town community], St.Petersburg, 2001 [In Russian].

Mrochek-Drozдовskiy P.N. Issledovaniya o Russkoy Pravde. Prilozheniya ko 2 – mu vypusku [Studies on the Russkaya Pravda. Appendices to the 2nd issue], Chteniya Obshchestva Istorii i Drevnostey Rossiyskikh, Moscow, 1886, Book 1 [In Russian].

Nesin M.A. Galitskoe veche i Daniil Galitskiy v 1205-1229 gg. [The Galician Assembly and Daniel the Galician in 1205-1229], Rusin, International historical magazine, red. S.G. Sulyak, 2011, Nr 2 (24) [In Russian].

Novosel'tsev A.P. Vostochnye istochniki o vostochnykh slavyanakh i Rusi VI-IX vv. [Eastern sources on the Eastern Slavs and Rus' of the 6th – 9th centuries], in: Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [Old Russian state and its international importance], Moscow, 1965 [In Russian].

Pashuto V.T. Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi [Sketches on the Galicia-Volhinian Russia's history], Moscow, 1950 [In Russian].

Paterik Kievskogo Pecherskogo monastyrja [Patericon of the Kiev Pecherskiy monastery], St. Petersburg, 1911 [In Russian].

Petrov N.I. Gde stoyal Zbruchskiy idol? [Where the Zbruchinsk idol was setted?], in: Svyatilishcha: arkheologiya rituala i voprosy semantiki materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii, St. vPetersburg, 14-17 noyabrya 2000 g [Sanctuaries: archeology studies of rite and questions of the semantics. 14-17.11.2000], Proceedings of the Conference, St.Petersburg, 2000 [In Russian].

Polnoe sobranie russkikh letopisey. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Complete Collection of Russian Chronicles, vol. II., First chronicle of the Elder and Younger versions], Moscow, 2000 [In Russian].

Polnoe sobranie russkikh letopisey., t. I., Lavrent'evskaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles, vol. I, Lavrent'ev chronicle], Moscow, 1998 [In Russian].

Polnoe sobranie russkikh letopisey, t. II, Ipat'evskaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles, vol. II, Ipat'ev chronicle], Moscow, 1998 [In Russian].

Polnoe sobranie russkikh letopisey. Voskresenskaya letopis', t. VII [Complete Collection of Russian Chronicles, vol. VII, Voskresensk chronicle], Moscow, 2001 [In Russian].

Pravda Russkaya [True Russian], Moscow; Leningrad, vol. I [In Russian].

Rozanov S.P. Zhitiya prepodobnogo Avraamiya Smolenskogo i sluzhby emu [Life of venerable Abraham of Smolensk and his prayers], St. Petersburg, 1912 [In Russian].

Rusanova I.P., Timoshchuk B.A. Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan [Pagan temples of the Old Slavs], Moscow, 1993 [In Russian].

Sedykh V.N. Svyatilishcha, kumiry, khramy. [Sanctuaries, idols, temples...], in: Svyatilishcha: arkheologiya rituala i voprosy semantiki materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii. SPb., 14-17 noyabrya 2000 g. [Sanctuaries: archeology studies of rite and questions of the semantics. Abstracts of thematic conference. St. Petersburg, 14-17.11.2000], St. Petersburg, 2000 [In Russian].

Shchaveleva N.Y. Drevnyaya Pus' v Pol'skoy ystoriy Yana Dluhosh (knyhy I-VI): Tekst, perevod, kommentaryy [Old Russia in the Polish history of Jan Dugosh (books I - VI)], Moscow, 2004 [In Russian].

Sofonovych F. Khronika z litopystsiv starodavnikh [Extracts from old chronicles], Kiev, 1992 [In Ukrainian].

Solov'ev S.M. Sochineniya [Essays], book 1, Moscow, 1988 [In Russian].

Sudebnaya meditsina [Medical jurisprudence], ed. by Yu.I. Pigolkin, Moscow, 2012 [In Russian].

Tatyshchev V.N. Sobranye sochynenyy: v 8-my t. [Collected Works: in 8 volumes], Moscow, 1995, vol. 2-3; Moscow, 1995, vol. 4 [In Russian].

Usacheva V.V. Sud'ba blagoslovennykh i proklyatykh derev'ev v traditsionnoy kul'ture slavyan [Fate of blessed and damned trees in the traditional Slavic culture], Acta Linguistica Petropolitana, 2010, vol. VI., Nr 1 [In Russian].

Veletskaya N.N. Yazycheskaya simvolika slavyanskikh arkhaiskikh ritualov [Pagan symbolism of Slavic archaic rites], Moscow, 1978 [In Russian].

Voloshchuk M.M. Obstoitel'stva kazni v 1210 g. Igorevichey Chernigovskikh: aktual'nye voprosy rekonstruktsii russko-vengerskikh otnosheniy nachala XIII v. [Instance of the Igorevichis' of Chernigov execution in 1210: actual questions of Russian-Hungarian relations of the beginning of the 12th century reconstruction], Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2007, Nr 1-2 [In Russian].

Voronin N.N. Medvezhiy kul't v Verkhnem Povolzh'e v XI veke [Bear's cult in the Upper Povolzh'e in the 11th century], in: Kraevedcheskie zapiski [Local studies commentaries], vol. 4, Yaroslavl', 1960 [In Russian].

Włodarski B. Polityka ruska Leszka Białego [Russian policy Lesko White], Lwow, 1925 [In Polish].

Zakhoder B.N. Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope [Caspian corpus concerning the Eastern Europe], Moscow, 1967 [In Russian].

Zelenin D.K. Totemicheskiy kul't derev'ev u russkikh i u belorussov [Totemic cult of trees of Russians and Belarusians], Izvestiya AN, VII seriya, Otdelenie obshchestvennykh nauk, 1933, Nr 8 [In Russian].

Zelenin D.K. Totemy – derev'ya v skazaniyakh i obryadakh evropeyskikh narodov [Totems – trees in stories and rites of European peoples], Moscow; Leningrad, 1937 [In Russian].

Чебаненко Сергей Борисович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Chebanenko Sergey – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Museology, Institute of History, St. Petersburg State University.

e-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

ЕДИНЬЙ КНИЖНЬЙ интернет-магазин

Первый тематический книжный магазин по истории Юго-Западной Руси. Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

В наличии:

- Ульянов Н. Происхождение украинского сепаратизма
- Русская Галиция и «мазепинцы»
- Сидоренко С. Украина - тоже Россия
- Чуев С. Украинский Легион
- Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси
- Аристов Ф. Литературное развитие Подкарпатской Руси
- Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси
- Международный исторический журнал «Русин»

Совместный проект сайтов «Единая Русь» (www.edrus.org), «Украинские страницы» (www.ukrstor.com) и «Малорусской народной исторической библиотеки» (mnib.malorus.org).

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>
e_mail: magazin@malorus.org Тел.: +7 903 53 44 218

UDC 94(497.1)

DOI: 10.17223/18572685/36/10

THE RUTHENIAN JOURNEY FROM THE CARPATHIAN MOUNTAINS TO THE PANONIAN PLAIN*

M. Fejsa

Faculty of Philosophy, Department of Ruthenian Studies

University of Novi Sad (Serbia)

e-mail: fejsam@gmail.com

Scopus Author ID: 56031169500

Abstract

Although the Ruthenians / Rusyns in Serbia (less than 15 000 members of the Ruthenian (Rusyn national community today) were cut off from their brethren in the Carpathian area they have managed to survive on the Panonian Plain. Comparing to the Ruthenians in all other countries the Ruthenians in Serbia have the highest level of minority rights. The Serbian / Vojvodinian authorities do their best to implement international conventions and there is a hope for the Ruthenians in Serbia / Vojvodina to preserve their culture, language and national identity in the future.

Keywords: Ruthenians in Serbia / Vojvodina, Carpathian homeland, ethnocultural development, Ruthenian language, national minorities

For centuries Ruthenians / Rusyns lived within the borders of Hungarian Kingdom. They lived in the northeast Hungarian counties, namely, in Zemplen, Saros, Abauj-Torna, Borsod, Szabolcs, Ung, Ugocsa, Maramaros and Gemer. Some 260 years ago, groups of Ruthenians began migrating south from their homeland in the Carpathian mountains to the Srem and Bačka regions of what is now Vojvodina in Serbia and Eastern Slavonia in Croatia (Fejca, 2010: 112-113).

After the defeat and retreat of the Ottoman Empire from Bačka, Srem and Banat in 1699, the Austro-Hungarian authorities needed more population in the south of their state and supported colonization of Germans, Hungarians, Slovaks and others, among them Ruthenians as well (Gavrilović, 1977: 153). That is why the ancestors of Vojvodina Ruthenians, citizens of free status under Habsburg Monarchy ("Ruthenus Libertinus", as they were called) and of Greek-Catholic (Uniate) faith, in total number of around 2 000 were allowed to settle under the contract with the state authorities in the "dessolata possessio Keresztur" and

nearby locality of Kucura in the central Bačka region in the mid of the 18th century (Хорњак, 2006: 25).

The first Ruthenians in Bačka who settled down with their families in Kula were Petro Homa, Janko Homa and Janko Makovski. It happened somewhere between 1743 and 1746. 1745 – is the year that has been taken as the year of Ruthenian settlement in Bačka. The 17th of January 1751 is a special date. On that day Franz Joseph de Redl, councillor of empress Maria Theresa and administrator of the Bačka Royal-State District in Sombor signed the first official document – the contract concerning settlement of 200 Ruthenian Greek-Catholic families on the heath named Big Krstur. The contract concerning settlement of Ruthenians in Kucura was signed in 17634. It is obvious that Ruthenians were settled to these parts on the same or similar conditions as the other nations (except Germans who had the best settling conditions). It is important to point out that Ruthenians were Greek-Catholics, and that was one of the reasons they were allowed to settle in the Southern parts of the Austro-Hungarian Monarchy (Лабош, 1979: 77).

In the new world, the newcomers built houses, economic establishments, churches, schools and other public institutions (for example the first Ruthenian library was founded in Ruski Krstur in 1876). The Ruthenian population increased in the course of time. They even migrated from the central villages – Krstur and Kucura – to Novi Sad, Đurđevo and Šajkaš, Šid and Srem, and, later, to Slavonia and the region around the river Sava. Ever since they first settled in these parts and up to the First World War, the Ruthenians were predominantly farmers. Their craftsmen were organized in a guild, while there were very few priests and teachers. In time, Ruthenians even made progress in their economic, national and cultural life. They succeeded in preserving their identity. They formed their language and raised it to the level that they could use it to print books.

Both Ruthenian and Slavic linguists are indebted to Havrijil Kosteljnič: as the codifier of the Ruthenian language of the Ruthenias in Serbia / Vojvodina – he wrote the first grammar of the Ruthenian language (Костельник, 1923) – and as the creator of the Ruthenian linguistic terminology he approached such linguistic geni as Karadžić, Štur or Puškin in the Slavic world. Havrijil Kosteljnič also wrote the first book in Ruthenian – the poetic wreath *From My Village* in 1904.

At the end of the First World War, the Austro-Hungarian Empire collapsed. All branches of the Ruthenian people had, until the year 1918, lived and developed within the framework of a single state, the Habsburg Monarchy. Now for the first time several branches of the Ruthenian people were somehow cut off. Ruthenians in Bačka had to

find their own way. In 1919, the Yugoslav Ruthenian ethnic community decided to elevate its colloquial language to the level of a literary language. In that same year, the first cultural-educational organization was formed and a resolution was adopted to use the language in the education, cultural life and the press. This decision was based on the fact that books of religious and literary character had already been published in this language (Medješi, 1993: 146). They felt that the founding of the Ruthenian Popular Educational Society, the so-called Prosvita, was the first step in which Ruthenians manifested their striving for an independent national cultural life.

Within Serbia (or the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians, or, later the Kingdom of Yugoslavia), Ruthenians were permitted to form national cultural institutions by virtue of the collective rights of all national minorities, which was not the case in their homeland. So, the first printing house was founded in 1936. The Ruthenian Home (Ruska Matka) Society was established for all Ruthenians in Yugoslavia in 1945. In the same year, the first high school in the Ruthenian language was established in Ruski Krstur. Society for the Ruthenian Language and Literature was established in 1970.

After the Second World War the Autonomous Province of Vojvodina enjoyed only the small level of autonomy within Serbia, but gained extensive rights of self-rule under the 1974 constitution, which defined Vojvodina as one of the subjects of the Yugoslav federation. Five of the Vojvodina's peoples were given the status of official nationalities – Serbs, Hungarians, Romanians, Slovaks, and Ruthenians. The Ruthenian language became one of the five official languages of the Autonomous Province of Vojvodina. With liberal funding from the Yugoslav government, press (Ruske slovo), elementary and secondary school system, and radio and television programming came into being. A series of school grammars, a codification of grammatical norms (1977), and a terminological dictionary (1972) were prepared by Mikola Kočiš. In order to enhance further knowledge and use of the Bačka-Srem, or Vojvodinian variant of Ruthenian (Фейса, 2004), in 1973 – a professorship, and by 1981 – a Department of Ruthenian Language and Literature was established at the University of Novi Sad. The creative potential of Ruthenians had resulted in doubtlessly notable results in culture and education. The readers for elementary and secondary schools in Ruthenian (printed after 1984) prove that the Ruthenians in Yugoslavia are neither an exotic culture nor cultural outskirts. In fact, by their educational and academic maturity, they are in the very centre of European trends and achievements. Aleksander Duličenko from Estonia described Ruthenian as a sociologically complete distinct Slavic micro-

language (Дуличенко, 2009: 12). The latest Grammar of the Ruthenian Language was published by Julijan Ramač (Памач, 2002).

It is hard to understand how such a small population managed to preserve its language, religion, schools, customs – in short, its national being for 260 years. Journalist Miron Žiroš gives 14 factors which, according to him, contributed towards the final outcome – the existence of a small population of conscious Ruthenians, the establishment of their national language, the maturity of the Ruthenian literature, journalism, folklore, and drama. These are: 1) the existence of the two Ruthenian centers – Krstur and Kucura; 2) the firm recognition of belonging to the Ruthenians of the Transcarpathian region; 3) the strong inclination to "stick together" among foreigners; 4) the Greek-Catholic Church and the preservation of the national identity; 5) the Ruthenian school (Ruthenian is taught in Krstur, Kucura and Djurdjevo. All subjects in these primary schools are in Ruthenian. Apart from the three schools, there are 12 more that provide instructions to their pupils in the Ruthenian language in addition to all the rest of subjects instructed in Serbian); 6) the constant contacts with the Hornjica (the Carpathian homeland, the Upper Lands of Austria-Hungary); 7) receipt of books and a printing press from Hornjica; 8) the education of the Ruthenian intelligentsia; 9) the preservation of traditions and national customs (for example Church holidays – Christmas, Easter, Kirbaj), the Ruthenian wedding and the public life; 10) the foundation of the Ruthenian Popular Educational Society; 11) the new restoration, post-war development from 1945 to 1990; 12) the role of the Society for the Ruthenian Language and Literature; 13) the Cultural Festival Red Rose; 14) the Stage Memorial of Petro Riznič Djadja and the Ruthenian Amateur Theatre Djadja (Жи-пош, 1998: 463).

Bearing all above mentioned in mind, we would like to draw a parallel to the factor-assumption analysis made by Miron Žiroš at the beginning of the nineties of the 20th century. At the end of the first decade of the 21st century, the analysis should be expanded with several factors which, by all means, contribute towards the final outcome – the existence of a small population of conscious Ruthenians. So, the 15th factor is: the foundation of the National Council of Rusyn National Minority (2002); the 16th factor is: the foundation of a professional Ruthenian theatre (Ruthenian National Theatre Petro Riznič Djadja) (2004); the 17th factor is: the establishment of the Institute for Culture of the Vojvodinian Ruthenians (2008) together with formation of the National Museum, the National Gallery and the National Archive; the 18th factor is: the establishment of the Apostolic Exarchate for Greek-Catholics in Serbia and Montenegro (2004).

As the 19th factor we see the existence of both Ruthenian High School in Ruski Krstur, and the Department of the Ruthenian Studies in Novi Sad. And it is not only the existence of these two educational institutions that is to be mentioned. They have developed their curriculums in the direction that there are some new subjects to be elected. As far as the Department of the Ruthenian Studies is concerned, apart from the Ruthenian Phonetics, Morphology, Syntax, Historical Grammar, Ruthenian Literature, Ruthenian History and Ruthenian folklore, new courses are: Carpatho-Rusyn Language and English-Ruthenian Contrastive Grammar (professor Mihajlo Fejsa's courses), and Ruthenian Children Poetry, Novel and Drama (professor Julijan Tamaš's courses). The professors work in special circumstances and they should both describe their subjects of research and teach them at university level. Several capital works have been published: Ruthenian literature: History and Status, Havrijil Kostel'nik Between Doctrine and Nature, Ruski Krstur – Chronicle and History (Julijan Tamaš), Economic and Public Life of the Ruthenians in South Hungary (1745-1848), School in Ruski Krstur (Janko Ramač), Ruthenian Lexicon, SerboCroatian-Ruthenian Phrasal Dictionary, Havrijil Kostel'nik's Lexicon Dictionary, Serbian-Ruthenian Dictionary, Prepositional Constructions in the Ruthenian Literary Language, Ruthenian Language Grammar (Julijan Ramač), The English Elements in the Ruthenian Language, Kucura in the Past and in the Present, Tense and Aspect in Ruthenian and English, Rusini / Rusnaci / Ruthenians (1745-2005) I, Functioning of the Vø Construction/Form in Expressing Temporal-Aspectual Relations in the Havrijil Kostel'nik's Stories, translations: Hamlet by W. Shakespeare, Alice in Wonderland by L. Carroll, People From Nowhere by P. R. Magocsi into Ruthenian, The Ruthenians in Serbia by the National Council of the Rusyn National Minority into English, editorship: Orthographical Dictionary of the Ruthenian Language and two journals, Erato Above Kucura and Kucura Corncob (Mihajlo Fejsa) (Фejca, 2010: 39). The Department is specific for a relatively small number of students because of small Ruthenian population in Vojvodina / Serbia (less than 15,000). Forty four students have graduated from the Department so far.

The 20th factor is the existence of not only one but several Ruthenian publishers and new Ruthenian journals today. The Newspaper Publishing Institution Ruske slovo from Novi Sad is no longer the only existing publisher. The NPI Ruske slovo publishes the weekly newspaper Ruske slovo / Ruthenian Word, the children's monthly magazine Zahradka / Garden, the literary, cultural and art journal Švetlosć / Light, the cultural-political journal for youth MAK, the annual almanac and several books yearly. As publishers also appear: Institute for Publishing Textbooks

in Belgrade – Department in Novi Sad (published around 1,000 titles by now), Greek-Catholic Church (publishes monthly *Dzvoni / Bells*), Society for the Ruthenian Language, Literature and Culture from Novi Sad (publishes yearly *Studia Ruthenica*), Ruthenian Home from Ruski Krstur (publishes quarterly *Rusnak / Ruthenian*) and Cultural Educational Society DOC- Kucura from Kucura (publishes yearly *Erato nad Kucurom / Kocurom / Erato Above Kucura* and yearly *Kocurska čutka / Kucura Corncob*).

The 21st factor is that several new cultural manifestations are organized and even new cultural-artistic or cultural-educational organizations (for ex. Home - Society of the Ruthenians of Novi Sad in Novi Sad, Nongovernment Organization Ruthenian Forum GEA in Novi Sad, Nongovernment Organization of Young Ruthenians Pact Ruthenorum in Ruski Krstur, Youth Forum in Novi Sad, Cultural Educational Society DOC- Kucura in Kucura, Ethno Club Brought Out of Oblivion in Kucura) are formed. Let us mention only a few manifestations organized at the beginning of the 3rd millennium: Festival Vodova Fest in Ruski Krstur, Festival of Monodrama and Duodrama in Novi Sad, Fine Arts Colony Meetings at Boodnarov's in Gospodjinci, International Festival of Humour and Satire Kucura Corncob in Kucura, Festival of Authentic Singing Not to Forget in Đurđevo, Festival of Folk Orchestras Melodies of the Ruthenian Court in Šid and several others (Jakim, 2009: 34-48).

The 22nd factor is, according to us, the existence of radio and TV broadcast. Radio Novi Sad annually broadcasts about 1,500 hours of radio programming in Ruthenian. Every week there are 4 hours of talk- and music-format Ruthenian programming, complemented by several special programs in the course of each year, such as coverage of important cultural events and church services on important holidays. Radio-Diffusive Institution of Vojvodina broadcasts about 143 hours of Ruthenian-language TV programming annually. There is a ten-minute news broadcast in Ruthenian five times per week, and on Sunday there is a 60-minute magazine show. There are also several other special programs aired throughout the year. Within the Public Service – the Radio Diffusive Institution of Vojvodina, the Ruthenian Editorial Board exists more than six decades (since 1948) in the Novi Sad Radio and more than three decades in the Novi Sad Television (since 1975) (*Ibid.*: 62-66).

The 23rd fact is represented by the revolutionary changes in Central and Eastern Europe that brought the rebirth of cultural identity for Carpatho-Rusyns. Mutual awareness and closer contacts between Vojvodina Rusyns and their brethren in the Carpathian homeland – a process initiated in 1989 – can in the future assist all Carpatho-

Ruthenians in their ongoing struggle to survive as a national minority. Today the Ruthenians of the Republic of Serbia / the Autonomous Province of Vojvodina are recognized officially as a distinct national minority with their own literary language. The Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic have acknowledged Rusyns as a distinct minority as well. The Ruthenians of Serbia are no longer alone. They have many opportunities for joint projects of different kinds. For example, a book containing Ruthenian poetry of all Ruthenian enclaves *Rusinski / Ruski pisnji* (1997), edited by Natalija Dudaš; a bilingual English-Ruthenian manual *Let's Speak English and Rusyn / Bešedujme po ruski i po anglijski* by Paul Robert Magocsi and Mihajlo Fejsa (1998); *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*, edited by Paul Robert Magocsi and Ivan Pop, was published in English (Magocsi, 2002); Paul Robert Magocsi edited *Rusinskyj jazyk* (Magocsi, 2004). After 1989, Carpatho-Ruthenians have obviously risen like Phoenix out of ashes, and we may conclude that the Ruthenian question has not been solved in the Stalin way.

The 24th factor that ensures the existence of Ruthenians in Europe is the international factor. The Ruthenians are recognized in all countries in the world, but in Ukraine. As far as the Republic of Serbia is concerned it has adopted international standards concerning national minorities rights. The two most important international documents of the Council of Europe signed by our country are the European Charter for Regional or Minority Languages (signed by the State Union of Serbia and Montenegro in 2005) and the Framework Convention for the Protection of National Minorities (signed by the Federal Republic of Yugoslavia in 2001). The essence of these documents has been incorporated in the 2006 Constitution of the Republic of Serbia.

Our local national organizations – Ruthenian Home, Society for the Ruthenian Language, Literature and Culture, and Cultural Educational Society DOC - Kucura – are expected to create many more projects of national importance. The National Council of the Rusyn National Minority, as the founder of *NPI Ruske slovo*, is expected to have more influence on the content of *Ruske slovo* and the Institution's publishing programme, as well as on the curriculum of primary, secondary and faculty education. The National Council of the Rusyn National Minority, the Institute for Culture of the Vojvodinian Ruthenians, the Ruthenian Home, the Society for the Ruthenian Language, Literature and Culture, and the Cultural Educational Society DOC - Kucura should join their efforts in order to preserve and improve the existence and life of the Ruthenians in Vojvodina / Serbia.

Everything that has been produced or created among Vojvodina Ruthenians / Rusyns so far is a product of the 24 factors discussed in

the paper. The factors, i.e. their roles interweave and complement one another in order to achieve the ultimate goal – the conscious Ruthenian / Rusyn, the one who cherishes his tradition and the culture of the people he descends from. The ethnocultural development among Rusyns living in Serbia / Vojvodina was interrupted during the mid-1990s war in former Yugoslavia, but it has gradually been renewed. Some aspects have even been improved.

*The paper is a product of projects No 187002 and No 187017, funded by the Ministry of Science of the Republic of Serbia.

COMMENT

Дуличенко А.Д. (1995), Jugoslavo Ruthenica I, Роботи з рускей филології. Нови Сад: Руске слово.

Дуличенко А.Д. (2009), Jugoslavo Ruthenica II, Роботи з рускей филології и исторії, Нови Сад: Филозофски факултет, Руске слово.

Фейса М. (2004), Социолінгвистични аспект руского языка: Войводина у: Русинський язык, Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 373-383.

Фейса М. (2007), гл. ред., Русини / Руснаци / Ruthenians (1745-2005) I, Нови Сад: Филозофски факултет, Одсек за русинистику, ИК Прометеј, КПД ДОК, Куцура.

Фейса М. (2008), Руски язык у урядовой сфери у: Русинський язык меджі двома конгресами, Пряшів: Світовий конгрес Русинів, Інститут русинського языка і культури

Фейса М. (2010), Нова Србија и њена русинска мањина / Нова Сербия и њей руска меншина / The New Serbia and Its Ruthenian Minority, Нови Сад: ИК Прометеј, КПД ДОК.

Gavrilović S. (1977), Rusini u Bačkoj i Sremu od sredine XVIII do sredine XIX veka, Godišnjak Društva istoričara Vojvodine, Novi Sad: Društvo istoričara Vojvodine.

Хорњак М. (2006), Бачко-сремски Русини у: Фейса Михајло уред. Русини / Руснаци / Ruthenians (1745-2005) I, Нови Сад: ИК Прометеј, Филозофски факултет, Одсек за русинистику, КПД ДОК, 25.

Jakim T. red. (2009), The Ruthenians in Serbia, Ruski Krstur: National Council of the Rusyn National Minority, Institute for Culture of the Vojvodinian Ruthenians, NPI Ruske slovo.

Костельник Г. (1923), Граматика бачваньско-рускей бешеди, Руски Керестур: Руске Народне Просвитне Дружтво.

Лабош Ф. (1979), История Русиных Бачкей, Сриму и Славонии 1745-1918, Вуковар: Союз Русиных и Украинцев.

Magocsi P. R., Pop I. eds (2002), Encyclopedia of Rusyn History and Culture, Toronto – Buffalo – London: University of Toronto Press.

Magocsi P.R. red. (2004), Русинський язык, Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej.

Medješi L. (1993), The Problem of Cultural Borders in the History of Ethnic Groups: The Yugoslav Rusyns in: Magocsi Paul R. ed., The Persistence of regional Cultures: Rusyns and Ukrainians In Their Carpathian Homeland and Abroad, New York: Carpatho-Rusyn Research Center.

Рамач Ю. (2002), Граматика руского языка, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.

Стоянац Н., Пилянович, П. Тамаш, Ю., Сабо, С. ред. (1996), Руснаци / Русини 1745-1995, Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства, Филозофски факултет, Катедра за русински језик и књижевност

Жирош М. (1998), Бачванско-сримски Руснаци дома и у Швеце 1745-1991, II, Нови Сад: Грекокатоличка парохија св. Павла и Петра.

References

Duličenko A.D. (1995), Jugoslavo Ruthenica I, Roboti z ruskej filologiji, Novi Sad: Ruske slovo.

Duličenko A.D. (2009), Jugoslavo Ruthenica II, Roboti z ruskej filologiji i istoriji, Novi Sad: Filozofski fakultet, Ruske slovo.

Fejsa M. (2004), Sociolingvistični aspekt ruskoho jazyka: Vojvodina, u: Rusin'skyj jazyk, Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 373-383.

Fejsa M. (2007), ed., Rusini / Rusnaci / Ruthenians (1745-2005) I, Novi Sad: Filozofski fakultet, Odsek za rusinistiku, IK Prometej, KPD DOK, Kucura.

Fejsa M. (2008), Ruski jazik u urjadovej sferi, u: Rusin'skyj jazyk medži dvoma kongresami, Prjašiv: Svitovy kongres Rusiniv, Inštitut rusin'skogo jazyka i kultury.

Fejsa M. (2010), Nova Srbija i njena rusinska manjina / Nova Srbija i jej ruska menšina / The New Serbia and Its Ruthenian Minority, Novi Sad: IK Prometej, KPD DOK.

Gavrilović S. (1977), Rusini u Bačkoj i Sremu od sredine XVIII do sredine XIX veka, Godišnjak Društva istoričara Vojvodine, Novi Sad: Društvo istoričara Vojvodine.

Hornjak M. (2006), Bačko-sremski Rusini u: Fejsa Mihajlo ed. Rusini / Rusnaci / Ruthenians (1745-2005) I, Novi Sad: IK Prometej, Filozofski fakultet, Odsek za rusinistiku, KPD DOK, 25.

Jakim T. ed. (2009), The Ruthenians in Serbia, Ruski Krstur: National Council of the Rusyn National Minority, Institute for Culture of the Vojvodinian Ruthenians - NPI Ruske slovo.

Kostel'nik G. (1923), Gramatika bačvan'sko-ruskej bešedi, Ruski Kerestur: Ruske Narodne Prosvitne Društvo.

Laboš F. (1979), Istorija Rusinoh Bačkej, Srimu i Slavoniji 1745-1918, Vukovar: Sojuz Rusinoh i Ukrajincih.

Magocsi P.R., Pop I. (2002), eds, Encyclopedia of Rusyn History and Culture, Toronto - Buffalo - London: University of Toronto Press.

Magocsi P.R. ed. (2004), Rusin'skyj jazyk, Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut

Filologii Polskiej.

Medješi L. (1993), The Problem of Cultural Borders in the History of Ethnic Groups: The Yugoslav Rusyns in: Magocsi Paul R. ed., The Persistence of regional Cultures: Rusyns and Ukrainians In Their Carpathian Homeland and Abroad, New York: Carpatho-Rusyn Research Center.

Ramač Ju. (2002), Gramatika ruskoho jazika, Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.

Stojanac N., Pijanović, P. Tamaš, Ju., Sabo, S eds. (1996), Rusnaci / Rusini 1745-1995, Novi Sad: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, Filozofski fakultet, Katedra za rusinski jezik i književnost.

Žiroš M. (1998), Bačvansko-srimski Rusnaci doma i u švece 1745-1991, II, Novi Sad: Hrekokatolička parohija sv. Pavla i Petra.

Фейса Михайло - доктор лингвистических наук, профессор кафедры русинского языка и литературы философского факультета университета Нового Сада (Сербия).

Fejsa Mikhajlo - Doctor of linguistics, professor of the Department of Rusin Studies and literature of the Faculty of Philosophy of the University of Novy Sad (Serbia).

e-mail: fejsam@eunet.yu

Сайт «Русины Молдавии» <http://www.rusyn.md>

Русины Молдавии

ОБЩЕСТВЕННАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

На сайте размещены монография «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии» (pdf), все номера журнала «Русин» (pdf), а также монографии и статьи по истории и культуре русинов Молдавии.

УДК 811.161.2'313.2

DOI: 10.17223/18572685/36/11

СЛАВЯНСКИЕ ТОПОНИМЫ БУКОВИНЫ

Г.К. Кожолянюк

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича
Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2

e-mail: g_kogolianko@ukr.net

Scopus Author ID: 55359016200

Авторское резюме

В статье рассматриваются славянские названия в топонимике рек и населенных пунктов Буковины. Исследован вопрос названия «Буковина» и его упоминания в грамотах XIV-XVII вв. Собственно название края закрепилось как административная единица в австро-венгерский период (с 1774 г.).

Славянское население в крае известно по многочисленным источникам задолго до нашей эры. Археологами выявлены следы более 200 славянских населенных пунктов.

Исследованы названия буковинских рек, в которых можно видеть этнические корни их происхождения. Славянские названия рек Буковины встречаются в народных песнях.

Указывается связь названий рек и речушек с растительностью на берегах этих водных артерий. Славянские топонимы связаны с окружающим животным миром, поведением рек, шумовым эффектом, собственными именами и пр. Встречаются названия речек, повторяющиеся в названиях пород камня или глины по пути их течения.

Названия рек Буковины, показывая сложные этнические взаимосвязи населения края в средние века, наложения одного языка на другой, являются свидетельством древности и постоянства славянского населения. Большинство рек и населенных пунктов Прутского, Днестровского и Серетского бассейнов имеют в своей основе славянское происхождение, что указывает на давнее проживание славянского населения в крае.

Ключевые слова: славяне, топонимика, реки, поселения, княжество, население.

Slavic toponyms of Bukovina

G.K. Kojolianko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University
2 Kotsjubynskyi Str., Chernivtsi, 58012, Ukraine

e-mail: g_kogolianko@ukr.net

Abstract

In the article the Slavic names are examined in toponyms of the rivers and settlements of Bukovina. A question concerning the name «Bukovina» and his mention are investigational in the deeds of XIV - XVII. Actually the name of edge «Bukovina» gained a foothold as administrative unit in Austro-Hungarian period (with 1774).

The Slavic population in an edge is known on numerous sources long before A.D. Archaeologists are educe tracks more than 200 Slavic settlements.

The names of the Bukovina rivers in that it is possible to see the ethnic roots of their origin are investigational.

The Slavic names of the rivers of Bukovina meet in folk songs.

Connection of the name of the rivers and small rivers is specified with a prevailing vegetation on the banks of these waterways. The Slavic names of the rivers and settlements are related to the surrounding animal by the world, behavior of the rivers, noise effect, proper names, etc. plenty of the rivers on Bukovina shows the forms and value for a population.

There are the names of the small rivers, repetitive in the names breeds of stone or clay on the way of their flow.

Names of the rivers of Bukovina, showing ethnic wheels within wheels of population of edge in Middle ages, stratifications of one language on other, show by itself the certificate of large antiquity and constancy of the Slavic population in the Bukovina edge. Most rivers and settlements of Prut, Dniester and Seret of pools have the Slavic origin in the basis, that specifies on the old residence of the Slavic population in an edge.

Keywords: Slavs, toponyms, rivers, settlements, principality, population.

В вопросе формирования этнокультурных общностей на территории Буковины есть несколько обоснованных теорий. В частности, одна из них указывает, что центр индоевропейской (арийской) культуры как прародины славянства - это Подунавье. Здесь уже за несколько тысячелетий до трипольцев существовало государство Аратта, границы его достигали Дуная и Карпат на западе, а на востоке – Днестра.

В письменных источниках отмечается, что одним из древних народов, живших на севере от Дуная, были геты. Еще до появления скифов они занимали земли от Днестра к Дону¹.

Собственно гетское племя, проживавшее ближе к Днестру, называли киммерийцами или таргитами. Уже в то время киммерийцы совершали походы в Малую Азию и празднично отмечали на Буковине день плодов земли и земледельческого труда – Купалу².

Перекресток путей в Буковинском крае привлекал захватчиков.

Известно, что в середине I тыс. до н.э. на территории Буковины существовали археологические культуры славянской принадлежности. Рядом с кочевыми народами, приходившими и покидавшими край, проживало коренное население. Зарубинецкая и черняховская

археологические культуры принадлежали славянским племенам венеков (венетов)³.

Данные о славянах на территории Западной Украины встречаем в работе историка Иордана «О происхождении готов» (550 г.). Он пишет: «Венеты делятся на три части: венетов, антов и склавинов; все они теперь за грехи наши свирепствуют против нас...»⁴.

Проживание славян на Буковине доказано многочисленными археологическими находками в бассейне Днестра и Прута (исследования вели археологи А. Черныш, Б. Тимошук, а в последнее время - С. Пивоваров, Л. Михайлина, И. Возный).

Славянское население Буковины в VII в. принадлежало к дулебскому союзу племен тиверцев. Славянских поселений периода V-IV вв. на территории только северной части Буковины насчитывается более двух сотен⁵.

В IX в. территория Буковины с проживавшим там славянским населением была частью Киевской Руси. В союзе древнерусских княжеств она находилась до середины XIV в. Время вхождения края в Галицко-Волынское княжество отмечено укреплением феодальных отношений.

В 1359 г. на арену политической борьбы в Европе вышло Молдавское княжество, выступившее против Венгрии. Оно присоединило Буковину.

Об этническом составе населения Буковины говорят результаты археологических исследований и письменные источники. В то время (XI-XIII в.) на территории края преобладали древнерусские поселения и городища⁶.

Только в XIV в. в находках были представлены романские элементы. Часть современных молдавских поселений на Буковине возникла в XIV-XV вв.

Большинство из них было основано на месте славянских поселений, прекративших свое существование во время монголо-татарских завоеваний.

Молдавский летописец Мирон Костин писал, что в Черновицком, Хотинском и частично Ясском и Сучавском уездах в XIV-XVI вв. «проживали русские»⁷.

Молдавско-валашская колонизация во времена вхождения Буковины в состав Молдавии (XIV-XVIII вв.) привела к значительному росту в крае романского этнического элемента. В середине XVII в. славянское население проживало не только в северной части Буковины, но и в некоторых ее южных местностях, в частности в Сучавском уезде⁸.

Исторические земли Буковины не совпадают с современными административными границами Черновицкой области Украины. Часть

края (южная) вошла после Второй мировой войны в состав Румынии. В то же время территория Черновицкой области включает Хотинский, Кельменецкий, Сокирянский районы, входившие в состав Хотинского уезда Бессарабской губернии с 1812 г.

Грамоты молдавских господарей XIV-XVII вв. употребляют слово «буковина» в значении «буковый лес» или «лес с помесью бука». Так, например, в грамоте 1392 г. воеводы Романа говорится: «...по краю буковины гор, до великой буковины...» (имеется в виду часть земли возле р. Серет), а в грамоте 1414 г. - что власть господаря распространяется «на нижнюю буковину». В конце XIX – начале XX в. австрийско-буковинский историк и этнограф Р. Ф. Кайндль указывал на то, что название «Буковина» упоминается в 1392 г.⁹ Латинский текст польско-венгерского договора 1412 г. упоминает о Буковине рядом со словом «лес» («aylva»).

Во время русско-турецкой войны 60-70-х гг. XVIII в. Буковина называется большим лесом между Днестром и Прутом по линии Хотин-Черновцы. Этот лес указан на карте Г. Боплана в первой половине XVII в.

С момента оккупации края Австро-Венгрией (1774 г.) на австрийских картах встречаем название «Bukowina», «Bois de Bukowina»¹⁰. В XIX в. эту местность также именовали «Буковым лесом»¹¹. Соответственно, по названию леса стали называть и местность. В 70-е гг. XX в. села Хотинского района Черновицкой области, находившиеся на краю Буковинского леса, называли Буковиной (Недобоевцы, Владычна, Широцы, Зарожаны, Малинцы, Клишковцы, Бочковцы, Грозенцы, Коленкивцы).

Известно, что в XV в. название «Буковина» распространилось на правобережье Прута. В «Летописи по Воскресенскому списку», помещенной в «Полном собрании русских летописей» (т. VII), упоминается, что после разгрома в 1497 г. Стефаном Великим войск польского короля Альбрехта (Ольбрехта) упоминается битва возле села Валя Кузмина (битва в Красной Дубраве). В этом сообщении говорится: «И догони его Стефан на Буковине, и поби его»¹². Название «Буковина» от общей лексики распространилось на большую территорию левобережья и правобережья Прута.

В топонимическом значении Буковина стала известна со времен русско-турецкой войны последней четверти XVIII в. и после вхождения края в состав Австро-Венгрии. Часть Хотинского уезда Бессарабии и дальше называлась Буковиной, но с прибавлением «Заграничная часть Буковины» или «Русская Буковина».

Славянское население на Буковине появилось давно. Исследования археологов Б. Тимошука, И. Русановой¹³, а также историка В. Курилы¹⁴ показывают, что край уже в V-VII вв. был заселен славянским насе-

лением. Новейшие исследования историков Ю. Шилова¹⁵, В. Шаяна¹⁶ А. Чайченко¹⁷ и др. указывают, что территория верхнего междуречья Днестра и Прута была заселена славянами задолго до нашей эры.

Хорошо прослеживаются названия буковинских рек, в которых ученые видят этнические корни их происхождения. В частности, в крае протекают три большие реки: Днестр, Прут и Серет. Они были известны в античное время и средние века. О Днестре есть материал у Аммиана Марцелиана (IV в.) и Иордана (VI в.). Прут (Porata) находим в историческом произведении Геродота (V в. до н. э.). В середине X в. названия этих рек встречаются у Константина Багрянородного («Об управлении империей»): Danastris, Brutos, Seratos.

Славянские названия рек Буковины встречаются в народных песнях. Так, речка Черемош свое название получила от древнерусского «черемха» – «черемуха». Прослеживаются славянские параллели: дерево черемшина, дикий чеснок – черемша. Как указывает В. Даль, такая связь возможна. Он приводит пример присказки: «Когда цветет черемуха, тогда улов на лещей»¹⁸. Такие названия распространены в гидронимах других земель восточных славян. К примеру, в бассейне Днепра встречаются такие названия, как Черемошна, Черемушенка, Черемушный¹⁹. Можно найти речку Черемушную и в бассейне Дона²⁰. Прослеживается связь названия рек и речушек с растительностью, преобладающей на берегах этих водных артерий. Встречаются названия Лесковач, Черешнив, Дубрава, Зеленый, Дубовец, Рокитна и др. Со временем изменилась прибрежная растительность, и связь с наименованиями рек исчезла. Например, название речки и населенного пункта Лопушна (Вижницкий район Черновицкой области): она протекает в бассейне реки Серет, и название это образовано от славянского слова «лопух» как вида растительности.

Приток Серета Тисовец (как и название населенного пункта – Тисовцы) получил свое наименование от дерева тис. Известно, что тис растет в районе Карпат и в Прикарпатье²¹. В восточной части Карпат течет речка с названием Тисина, что подтверждает славянское происхождение этого слова.

От славянского слова «мох» (мохъ) происходит название речки Прутского бассейна (протекает вблизи города Черновцы).

Славянское слово «стебло» (сьблo) дало наименование речке Стебник, левого притока Серета. Подобное название реки встречается и в бассейне реки Днестр²².

Ягода брусника или слово «брус» (балка, отесанная колода или точильный камень) стали основой для названий села и речки Брусница. Возле села Станивцы (хутора Долишние Брусенки) берет начало речка. Названия рек, связанные с ягодой брусникой или каменолом-

ней, где когда-то добывали точильный материал, распространены у славян. Находим подобное название и у белорусов – «красная ягода», «краснеть».

Встречается на Буковине и древнеславянское название «красное»: Черлена - река, приток Прута.

Некоторые названия рек носят славянские наименования, берущие начало от названий животных. К примеру, буковинская гидронимика представлена речками Коровия (Коровля) (течет вдоль водораздела Сторожинецкого и Глубокского районов), Раковец, Товарница. Название последней речки (притока Черемоша) берет свое начало от славянского слова «товар» (в древности понималось как «скот») или «предмет торговли». Здесь пересекались торговые пути. Встречаются на Буковине названия Комарничее, Бурсуки, Михидра. Последнее название относится к левому притоку Серета. Оно происходит от слов «мех» и «драть». Кругом лес и охотничьи угодья, поэтому мы можем говорить о важном значении охоты для селившихся вдоль этой реки.

Много на Буковине рек, названия которых описывают их формы и значения (Кривец, Совица, Косованка, Щербинцы, Бережница, Невольница и др.).

Встречаются наименования рек, имеющие в основе характер пород по пути своего протекания (Каменец, Черепанка, Глинница).

Речка Бердо (с. Снячив Сторожинецкого района) получила свое название от славянского слова «бърдо», что означало «гора». Тут же расположена возвышенность Бердо, где в советское время устроили стрельбище. Бердо встречается в междуречье Прута и Днестра как наименование горы.

Славянское название носит и речка Котовец в Серетском бассейне, имеющая два разветвления (Большой и Маленький). Она упоминается в молдавских грамотах XV в.: «Иметь мочи поставити соби млины на Котовця» (грамота 1443 г.)²³ или «чересь потока Котовца» (грамота 1508 г.)²⁴.

Глубина речки также отразилась на ее названии. Встречается на Буковине наименование населенного пункта Глубочок, а также речки Глубочок в предгорной части края. Интересно, что подобные названия (Глубочок) имеют две речки: в Серетском и Прутском бассейне.

Звук, создающийся водой, встречается в названиях буковинских рек: Ревняк, Гукив, Шепит, Шурша, Клокичка. Все это славянские названия рек Прутского бассейна. В частности, имеют три села Буковины, связанные со звуком-шепотом одноименной реки, называются Шепит.

Славянское название имеет и река Сучава – приток Серета. Начинается она в горах Карпатах Черновицкой области, а дальше течет по южной части Буковины, где находится город Сучава, бывшая сто-

лица Молдавского княжества. Название это объясняется славянским корнем «сок» или словом «сочить» – ловить, искать.

Встречаются на Буковине и названия речек, берущие начало от собственных имен. Например, названия ручья в бассейне Днестра – Петровец, речки Серетского бассейна – Думитрица и др.

На Буковине много рек, имеющих славянское название: Былка, Белый Поток, Жадова, Селище, Млиновка, Путилка, Виженка, Солонец, Мигова, Викнына, Викница.

В названии рек отображаются и этнические взаимосвязи населения. Встречаются на Буковине реки со славянскими суффиксами, но с романскими корнями: Поркулин, Рингач, Чудеу, Яловичора, Диноуци и др.

Таким образом, названия края, населенных пунктов и рек Буковины, показывая сложные этнические взаимосвязи населения края в средние века, наложения одного языка на другой, являются свидетельством глубокой древности и постоянства славянского населения в крае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Історія України. К., 1991. С. 5.
2. Партицький О. Старинна історія Галичини. Львів, 1894. Т. 1. С. 260.
3. Иордан. О происхождении и деяниях готы. М., 1960. С. 71.
4. Там же. С. 72.
5. Тимошук Б.О. Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. К., 1976. С. 47.
6. Торжество історичної справедливості. Львів, 1968. С. 67.
7. Costin M. Letopisul Tarii Moldovei de la Aron V. Opere. București, 1959. P. 233.
8. Государственный архив Черновицкой области (ГАЧО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. С. 2–18.
9. Kaindl R.F. Geschichte der Bukowina. 1, Czernowitz, 1903. P. 14.
10. Werenka D. Topographie der Bukowina zur Zeit ihrer Erwerbung durch oesterreich. Czernowitz, 1895; Popescu-Spineni M. Harta Bucovinei din anul 1774. București, 1943.
11. Защук А. Бессарабская область: Материалы военной географии и военной статистики России, собранные офицерами генерального штаба. СПб., 1863. С. 275.
12. Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 259.
13. Тимошук Б. Буковина – земля слов'янська. С. 8–60; Тимошук Б., Русанова И. Кодын – славянское поселение. М., 1984. С. 5–68.
14. Курило В. та ін. Північна Буковина, її минуле і сучасне. Ужгород, 1969. С. 6–53.
15. Шилов Ю. Джерела витоків української етнокультури XIX тис. до н.е. – II тис. н.е. К., 2002. С. 103, 108.
16. Шаян В. Віра предків наших. Гамільтон, 1987. 894 с.

17. Чайченко О. Укра-Арії. Дослідження. К., 2003. С. 181-274.
18. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1955. С. 592.
19. Маштаков П.Л. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913. С. 288.
20. Каталог річок України. К., 1957, № 2425.
21. Berneker E. Slavisches etimologisches Worterferbuch. I. Heidelberg, 1924. S. 733.
22. Каталог річок України. №514.
23. Hurmuzaki E. Documente privitoare la istoria românilor. Vol. I. Part 2. București, 1890. P. 880.
24. Bălan T. Documente Bucovinene. Vol. 1. Cernăuți, 1923. P. 3.

References

1. Istoriya Ukraïni, K., 1991, p. 5 [in Ukrainian].
2. Partits'kiy O. Starinna istoriya Galichini, L'viv, 1894, t. 1, p. 260 [in Ukrainian].
3. Iordan. O proiskhozhdenii i deyaniyakh gotov, M., 1960, p. 71 [in Russian].
4. Ibid., p. 72.
5. Timoshchuk B.O. Slov'yani Pivnichnoi Bukovini V–IX st., K., 1976, p. 47 [in Ukrainian].
6. Torzhestvo istorichnoi spravedlivosti, L'viv, 1968, p. 67 [in Ukrainian].
7. Costin M. Letopisul Tarii Moldovei de la Aron V. Opere. București, 1959, p. 233 [in Romanian].
8. Gosudarstvennyy arkhiv Chernovitskoy oblasti (GACHO), f. 1, op. 1, d. 23, pp. 2–18 [in Moldavian].
9. Kaindl R.F. Geschichte der Bukowina. 1, Czernowitz, 1903, p. 14 [in German].
10. Werenka D. Topographie der Bukowina zur Zeit ihrer Erwerbung durch oesterreich, Czernowitz, 1895 [in German]; Popescu-Spineni M. Harta Bucovinei din anul 1774, București, 1943 [in Romanian].
11. Zashchuk A. Bessarabskaya oblast': Materialy voennoy geografii i voennoy satistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba. SPb., 1863, p. 275 [in Russian].
12. Polnoe sobranie russkikh letopisey, t. VII, Letopis' po Voskresenskomu spisku, Sankt-Peterburg, 1856, p. 259 [in Russian].
13. Timoshchuk B. Bukovina – zemlya slov'yans'ka, pp. 8-60 [in Ukrainian]; Timoshchuk B., Rusanova I. Kodyn – slavyanskoe poselenie, M., 1984, pp. 5-68 [in Russian].
14. Kurilo V. et al. Pivnichna Bukovina, її minule i suchasne, Uzhgorod, 1969, pp. 6-53 [in Ukrainian].
15. Shilov Yu. Dzherela vitokiv ukraïns'koï etnokul'turi XIX tis. do n.e. – II tis. n.e., K., 2002, pp. 103, 108 [in Ukrainian].
16. Shayan V. Vira predkiv nashikh. Gamit'on, 1987, 894 p.
17. Chaychenko O. Ukra-Arii. Doslidzhennya, K., 2003, pp. 181-274 [in Ukrainian].
18. Dal' V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka, t. 4, M., 1955, p. 592 [in Russian].

19. *Mashtakov P.L.* Spisok rek Dneprovskogo basseyna, SPb., 1913, p. 288 [in Russian].
20. Katalog richok Ukraïni, K., 1957, Nr 2425 [in Ukrainian] [in Ukrainian].
21. *Berneker E.* Slavisches etimologisches Worterferbuch, I, Heidelberg, 1924, p. 733.
22. Katalog richok Ukraïni, Nr 514 [in Ukrainian].
23. *Hurmuzaki E.* Documente privitoare la istoria românilor, vol. I, part 2, București, 1890, p. 880 [in Romanian].
24. *Bălan T.* Documente Bucovinene. vol. 1, Cernăuți, 1923, p. 3 [in Romanian].

Кожолянко Георгий Константинович - доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича.

Kojolianko Georgii - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Ethnology, Ancient and Medieval History of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University.

e-mail: g_kozholianko@ukr.net

УДК 94(478)

DOI: 10.17223/18572685/36/12

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВИИ В XIV–XVI вв.: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

К.В. Минкова

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
e-mail: kristina_minkova@mail.ru

Авторское резюме

Торговля на территории Молдавского княжества в XIV–XVI вв. опосредованно затрагивается в трудах многих исследователей. Большинство работ, посвященных этому вопросу, носят описательно-исторический характер и основаны на широком круге источников. К ним относятся прежде всего польские городские и земские акты, русские летописи, воспоминания путешественников.

В данной статье используется комплексный подход и многофакторный анализ политических процессов в исторической перспективе. Последовательно рассматриваются различные аспекты международной торговли на территории Молдавии в XIV–XVI вв.: расположение торговых путей, ключевые города на этих путях и роль каждого из них в международной торговле, группы купцов и их торговые и политические интересы, товары, игравшие первоочередную роль в молдавской международной торговле. Отдельное внимание уделяется причинам расцвета и упадка Молдавского торгового пути.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что торговое процветание Молдавского княжества стало результатом политического проекта господаря Александра Доброго по поддержанию и развитию Молдавского торгового пути, благодаря которому страна превратилась в центр международной транзитной торговли. Этот статус она сохраняла более двух столетий и утратила его лишь с упадком Молдавского торгового пути, произошедшим по ряду объективных геополитических причин.

Ключевые слова: Молдавия, Польша, Османская империя, торговля, купцы, торговые пути, Сучава, Белгород, привилегии.

**International Trade on the Territory of Moldavia
in XIVth–XVIth Centuries: Political Dimension
K.V. Minkova**

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: kristina_minkova@mail.ru

Abstract

Many scholars have touched the issue of international trade on the territory of Moldavian principality in XIVth–XVIth centuries. The majority of works have depictive historical character and are based on a wide range of sources. These sources include Polish Akty grodzkie i ziemskie, Russian chronicles, memoirs and notes of medieval travelers.

The article is based on the complex approach and multiple factor analysis of economic and political processes in historical perspective. The author focuses on different aspects of multilateral trade on the territory of Moldavia in XIVth–XVIth centuries: location of trade routes; key cities and towns on these routes and their role in international trade; merchant diasporas and their trade and political interests; goods and products that played top-priority role in Moldavian international trade. Special attention is given to the roots of growth and decline of the Moldavian trade route.

The conducted research leads to the conclusion that the economic prosperity of Moldavia in the period under investigation was the direct result of the project of maintaining and developing the Moldavian trade route realized by Moldavian hospodar Alexander the Good. It is owing to this project that Moldavia became an important center of international transit trade. This status had been preserved for more than two centuries and was lost with decline of the Moldavian trade route that occurred due to a variety of objective geopolitical factors.

Keywords: Moldavia, Poland, Ottoman Empire, trade, merchants, trade routes, Suceava, Belgorod, privileges.

Молдавское княжество, образовавшееся в 1360-х гг.¹ в результате ослабления мощи Золотой Орды и победы Богдана I над венгерским королем Лайошем I, представляло собой обширную территорию, охватывавшую Молдавию, Бессарабию и Буковину. Географическое расположение княжества, находившегося на историческом торговом пути из Черного моря в Западную Европу, способствовало его быстрому превращению в торговое государство.

Территория средневековой Молдавии фактически представляла собой торговый коридор, по которому с севера и запада Европы на юг и с юга на север и запад перевозилось множество различных товаров – сукно, ткани, зерно, скот, вино, мед, воск, металлические предметы, специи, ковры и др.

Привлекательность торговых путей, проходивших через эту территорию, признавалась правителями разных земель еще задолго до образования Молдавского княжества. Именно она обусловила

политическую борьбу более крупных государств за эти земли на протяжении практически всего II тысячелетия н. э. Однако особенно ярко это проявилось во второй половине XIV–XVI в. В этот период на молдавские земли претендовали Венгерское и Польское королевства, Великое княжество Литовское, Золотая Орда и наследовавшие ей государства, Османская империя. Следует отметить также (хотя этот аспект истории рассматриваемого периода лежит в стороне от настоящего исследования), что молдавские правители умело лавировали между своими потенциальными сюзеренами, выбирая того из них, кто мог обеспечить княжеству политическую и экономическую стабильность. Ярким примером их мудрой политики можно считать переход Молдавии под польскую руку, провозглашенный 26 сентября 1387 г. Петру I во Львове². Признание польского сюзеренитета было гарантией того, что Польша не начнет войну против Молдавии и поможет ей в случае войны с Венгрией. С этого момента последняя не оставляла попыток вернуть себе контроль над молдавскими землями. Хрупкое равновесие между двумя державами было достигнуто в марте 1412 г., когда Сигизмунд и Владислав Ягайло подписали договор в Любове (Спишский залог), по которому Молдавия частично подпадала под сюзеренитет Венгрии – должна была по необходимости предоставлять ей военную помощь, если это не входило в противоречие с ее обязанностями перед Польшей. В случае невыполнения Молдавией вассальных обязанностей она делилась между Польшей и Венгрией по обозначенной в договоре демаркационной линии: к Польше отходили северная и восточная части княжества с городами Яссы и Белгород-Днестровский, а к Венгрии – западная и южная части с городами Берлад и Килия. Таким образом, Польша и Венгрия гарантировали друг другу выход к Черному морю³.

Молдавское княжество второй половины XIV–XV в. было буквально пронизано торговыми путями, главными из которых считаются Молдавский торговый путь и Татарский торговый путь.

Татарский торговый путь, по мнению ряда историков, был известен еще в домонгольскую эпоху⁴. Он широко использовался и в период нашествия. Плано Карпини, побывавший на территории Улуса Джучи в 1246–1247 гг., сообщает о западноевропейских купцах из Генуи, Венеции, Акры, Пизы и других городов, приезжавших «через землю татар» в Киев из Константинополя⁵. Татарский путь соединял немецкие торговые города (позже – Ганзейскую лигу) с Краковом и Львовом, а затем шел через Каменец-Подольский и Могилев на Кафу (и дальше в Трапезунд и Египет) или Тану (и дальше в Астрахань, Персию и Китай)⁶. Этот путь был небезопасным не только

из-за того, что пролегал по землям, на которых периодически бесчинствовали украинские казаки, татары и другой лихой люд, но и по топографическим причинам: отсутствие регулярной переправы через Дунай заставляло купцов каждый раз наводить стихийные, заставлявшие их беспокоиться не только за сохранность товара, но и за собственную жизнь. Так, Амброджо Контарини, который отправился из Венеции в Персию в 1473 г. по Татарскому торговому пути, писал о переправе через Дунай: «Ширина реки более мили; она очень глубока. Татары принялись рубить деревья и связывать их вместе, а сверху клали ветки; поверх всего они положили наши вещи. Затем татары вошли в реку, держась за шею лошадей, а мы привязали их за хвосты веревками, которые были приделаны к этим плотам. Все мы погрузились на них и погнали лошадей по реке, которую с божьей помощью и пересекли невредимыми. Предлагаю будущему читателю представить себе величину опасности; я, по крайней мере, не знаю, что могло быть страшнее этого!»⁷

Во второй половине XIV в. началась постепенная переориентация торговых операций и караванов с Татарского пути на Молдавский.

Молдавский торговый путь был создан частично на остатках старого Берладского торгового пути из Нижнего Подунавья в Галич⁸. Первое его упоминание в городских документах Львова относится к 1356 г.⁹, однако его подлинный расцвет приходится на начало XV в.

Начинаясь в Кракове, этот путь проходил через Львов и далее через Рогатин, Галич, Коломыю, Хотин в столицу Молдавии Сучаву, Яссы и Белгород-Днестровский¹⁰. Там путь раздваивался: один его рукав шел к портам Черного моря, прежде всего в Кафу, и далее в Индию, а другой рукав – в Килию и оттуда по суше в Константинополь¹¹. С точки зрения безопасности этот путь был настолько привлекателен для купцов, что он упоминается в генуэзских источниках конца XIV в. как наиболее безопасный путь к черноморским колониям¹². Кроме того, путь проходил через две приграничные ярмарки – Шипинскую и Снятинскую, расположенные на старом Берладском пути¹³.

С географической точки зрения Средиземноморье и Константинополь соединял более короткий и удобный морской путь, однако подавляющее большинство грузов из Западной Европы, Средиземноморья и балтийских стран шло через венгерские и польские земли по территории Молдавии к черноморским портам, поскольку ситуация вокруг проливов всегда была чрезвычайно нестабильной, а в 1453 г. они были окончательно захвачены Османской империей.

Остановимся на «опорных» городах Молдавского торгового пути: Кракове, Львове, Сучаве, Яссах и Белгороде.

Краков (столица Польши с 20-х гг. XIV в.) представлял собой крупный транзитный пункт, где проходила ежегодная ярмарка. Задолго до интересующего нас периода он был известен далеко за пределами Восточной Европы. Испанский купец еврейского происхождения Ибрагим ибн Якуб писал в 966 г.: «...и приходят сюда [в Прагу] (тратя на дорогу 3 недели) из города Кракова руссы и славяне с товарами»¹⁴. В 1372 г. хан Мухаммад выдал Кракову ярлык, предоставлявший городу льготы в торговле с Ордой¹⁵.

Львов с XIV по XVII в. наряду с Краковом был крупнейшим центром восточноевропейской международной торговли¹⁶. Согласно сохранившимся историческим документам, львовское купеческое сообщество состояло из итальянских, еврейских, армянских, немецких, греческих, польских, молдавских, русинских и татарских купцов. С 1356 г. торговля во Львове регулировалась Магдебургским правом, дарованным городу Казимиром Великим¹⁷. Более важным, однако, представляется штапельное (складочное) право, дарованное городу в 1379 г. польским и венгерским королем Людовиком Анжуйским¹⁸. Штапельное право сделало Львов своеобразным монополистом восточноевропейской торговли, поскольку каждый купец, перевозивший через него свои товары (будь то на запад или на восток), был обязан остановиться в городе на 14 дней, в течение которых он должен был продавать свои товары местным купцам. Лишь после этого он мог двигаться дальше с оставшимися товарами. Если купца уличали в уклонении от выполнения этих правил, его товары конфисковывались, а на пользование городскими складами налагался запрет¹⁹. После 1444 г. Львов получил абсолютное штапельное право, по которому все товары проезжавших мимо купцов должны были быть проданы в этом городе.

Благодаря штапельному праву богатели не только львовские купцы, которые иногда получали возможность покупать заморские товары по цене в несколько раз ниже той, которую бы выручили за них купцы в других местах. Богател и город, поскольку проезжим купцам нужно было где-то останавливаться, кормить себя, сопровождающих и лошадей. Помимо штапельного права, Львов обладал и другими торговыми привилегиями. В частности, валашский господарь Мирча в 1391 г. даровал жителям Львова торговые привилегии²⁰: они были освобождены от уплаты таможенных пошлин в Польше и Молдавии (с приходом к власти в Польше Людовика Анжуйского и переходом Молдавии под польскую руку)²¹. В 1379 г. Львов так же, как и Краков, получил ярлык-привилегию на торговлю с Ордой²². С 1472 г. в нем проходили ярмарки – дважды в год, в январе и в июле²³.

Сучава стала столицей Молдавского княжества в 1388 г. В конце XIV в. она была одним из самых крупных городов княжества²⁴. Ее

расцвет во многом связан с переориентацией передвижения купцов с Татарского пути на Молдавский, проходивший через Сучаву. Кроме того, через нее проходил сухопутный торговый путь в Константинополь через Берлад и Валахию и пути в торговые города Трансильвании – Быстрицу и Брашов²⁵. Как и Львов, Сучава обладала штапельным правом, правда, только на торговлю сукном²⁶. Однако и оно давало городу постоянный крупный доход, поскольку сукно было основным товаром, поступавшим в Молдавию из Львова²⁷.

Развитие Ясс как крупного торгового города стало возможным после вытеснения монголов из Днестровско-Прутского междуречья в 60-е гг. XIV в.²⁸ Уже в конце XIV – начале XV в. Яссы значатся в «Списке городов русских дальних и ближних» как место крупного торгова²⁹. Город был большим таможенным пунктом на Молдавском торговом пути и важнейшим транзитным центром Русского торгового пути из Москвы и Смоленска в Турцию³⁰.

Наряду с Кафой и Килией Белгород-Днестровский (Аккерман, Астрокастро, Маурокастро, Cetatea Albă) был старым городом, важнейшим транзитным центром торговли между Османской империей и Европой и русскими землями. В византийских хрониках упоминание о нем относится к X в., в арабских – к XII в., в итальянских – к XIII в.³¹ На протяжении второй половины XIV в. Белгород не раз переходил из рук в руки: после монголов его завоевывали литовцы и поляки, затем он несколько десятилетий принадлежал Молдавскому княжеству. В 1420 г. его впервые осадили турки, однако взять не смогли. К Османской империи Белгород перешел лишь в 1484 г.³²

По Молдавскому торговому пути перевозили свои товары купцы разных национальностей – от греков до армян и татар. Каждая из этих групп имела в торговле именно через Молдавию свои интересы.

Армянская купеческая диаспора появилась на территории Молдавии в XIV-XV вв., прибыв из крымских городов Кафы и Солдаи, где большие армянские колонии существовали с XIII в. По свидетельству историков, крымские армяне достаточно сильно ассимилировались с местными татарами, поскольку в Молдавии их основным языком был кипчак³³. В Молдавии и Польше армянские купцы пользовались большим авторитетом и расположением правителей. Львовская армянская диаспора была зажиточной, автономной и жила по своим законам и положениям Магдебургского права. О богатстве и политическом авторитете диаспоры свидетельствовал в том числе и проезжавший в 1421 г. через Львов фламандский дипломат Ж. де Ланнуа³⁴. Так, в 1402 г. армяне получили привилегии на торговлю «во всей Руси»³⁵. По-видимому, на протяжении по крайней мере XV в. армяне были крупнейшей купеческой диаспорой в Молдавии

и Галиции. Об этом косвенно свидетельствует упоминание о крупной армянской купеческой диаспоре в венецианских хрониках³⁶. Известно также, что главой любого каравана на пути Белгород-Львов всегда был только армянин³⁷.

Как и везде в Европе, большую роль в транзитной торговле через Молдавию играли *еврейские* купцы. На территории Молдавского княжества проживали как сефарды, перебравшиеся туда с Балканского полуострова, из Крыма и османских земель, так и ашкеназы, прибывшие из Германии и Польши. Еврейские купцы занимались в основном торговлей скотом. Это было чрезвычайно прибыльным делом, так как скот составлял одну из важнейших групп товаров, перевозимых через Молдавию и вывозимых из нее. После 1453 г. еврейские купцы стали первыми привозить турецкие и индийские товары через Молдавский путь во Львов и далее в Европу³⁸.

Впрочем, еврейские купцы участвовали и в политической жизни княжества. Так, крупный ясский торговец Ицхак Беньямин Шор стал логофетом (канцлером) молдавского господаря Штефана Великого. Торговая деятельность еврейских купцов в Молдавском княжестве была настолько успешной, что уже в XVI в. их богатство начало вызывать острую зависть их основных конкурентов – армянских купцов и опасения господарей. В 1579 г. господарь Петру Хромой издал указ об изгнании евреев из Молдавии. Лишь через 50 лет им было вновь разрешено селиться на территории этого государства³⁹.

Первоначально за владение черноморскими портами боролись Венеция и Генуя. Впоследствии они как бы разделили сферы влияния – Венеция господствовала на морском торговом пути в Константинополь, Генуя осуществляла свою торговлю с Востоком сначала по Татарскому, а затем по Молдавскому сухопутному пути. *Генуэзские* купцы всемерно способствовали развитию Молдавского торгового пути, поскольку были заинтересованы в безопасной доставке своих товаров из Италии в черноморские колонии, центром которых в XIV в. была Кафа. Немалое количество генуэзских купцов жило в молдавских торговых городах – прежде всего, во Львове и Белгороде, торгуя преимущественно зерном и рабами⁴⁰. Так, известно, что в XV в. в молдавских городах проживало нескольких крупных генуэзских купеческих семей⁴¹. Более того, генуэзские купцы зачастую занимались не только торговлей, но и брали на откуп таможенные сборы⁴².

Относительно роли *молдавских* купцов в международной торговле нет единого мнения. Изученные нами источники позволяют предположить, что главенствующая роль в торговых операциях на территории Молдавии и в транзитной торговле по молдавским

путям принадлежала в исследуемый нами период итальянским, армянским и еврейским купцам, однако богатые молдавские купцы того времени также упоминаются в источниках⁴³. По молдавско-польскому соглашению 1421 г. молдавские купцы оказывались заложниками в случае невыполнения господарем своих обязательств перед сюзереном⁴⁴.

Мусульманские купцы (сирийцы, татары, турки) появились на львовском рынке после 1454 г., когда Белгород и Килия получили торговые привилегии от Мехмеда II, а Молдавский торговый путь стал основным в торговле между Портой и севером Европы⁴⁵.

Непосредственно о *ганзейских* купцах в Молдавии чрезвычайно сложно найти какие-либо упоминания в российской и зарубежной историографии. Однако в городских хрониках Львова XIV в. сохранилось множество упоминаний о «бюргерах» – немецких купцах, живших и активно торговавших в этом городе. Поскольку XIV в. считается периодом наивысшего могущества и расцвета Ганзейской лиги, в которую входили все крупные торговые города Германии, можно предположить, что речь здесь идет именно о ганзейских купцах⁴⁶. Они занимались транспортировкой восточных товаров из Кафы через Львов в ганзейские земли, а оттуда поставляли на восток западноевропейские товары, в первую очередь сукно.

Польских купцов Молдавский торговый путь интересовал в основном с точки зрения двух крупнейших его транзитных центров – Кракова и Львова, поскольку именно они приносили ощутимый доход как в казну государства, так и купцам-посредникам. Не следует забывать и о том, что исходной точкой Молдавского торгового пути считался польский Краков, а весь путь зачастую называется в историографии «путем из Польши к Черному морю»⁴⁷.

Экономический расцвет Молдавского торгового пути в XV–XVI вв. объясняется, без сомнения, тем, что большая его часть постоянно находилась под рукой одного сюзерена. Это способствовало безопасности перемещения грузов и повышало привлекательность этого пути для купцов.

Процветание Молдавского торгового пути было выгодно не только Польше и Литве. Золотая (Большая) Орда и Османская империя (точнее, ее часть – Крымское ханство) были чрезвычайно заинтересованы в исправном функционировании молдавских торговых путей даже в те отрезки времени, когда они не могли контролировать черноморские порты, поскольку и Орда, и Порта издавна вели активную торговую деятельность. Известно, например, что Чингизиды способствовали установлению прямой торговли Европы с Китаем⁴⁸. В ярлыке польскому королю Ягайло 1393 г. хан Тохтамыш писал, что он хотел

бы «поддерживать с ним дружественные отношения и способствовать взаимной торговле»⁴⁹.

Эта политика сохранялась и позднее, уже в XVI–XVII вв. Например, давая польскому королю гарантии безопасности Молдавии в 1601 г., крымский хан Газы Герай (Гази Гирей) вообще не упоминает о соседней Валахии⁵⁰. То же самое повторилось и в 1604 г. в письме хана польскому королю⁵¹.

Торговые вопросы были частой темой переписки крымских ханов и польских королей. Так, внимания заслуживает разрешение, которое хан Мехмед I Герай неоднократно подтверждает в письмах Сигизмунду I в 1513–1517 гг.: польским, литовским и немецким купцам позволялось добывать соль и свободно передвигаться по его владениям на льготных условиях (снизил для них пошлину с 7 до 3 %). Взамен он просил короля в два раза снизить пошлину для крымских купцов, торговавших в Польше и Литве⁵².

Своим расцветом в начале XV в. Молдавский торговый путь обязан не только благоприятному географическому положению, но и мудрой политике молдавского господаря Александра Доброго. Известный румынский исследователь Н. Йорга утверждал, что развитие международной торговли стало причиной возникновения молдавской государственности⁵³. Представляется, что Молдавский торговый путь был скорее своего рода политико-экономическим проектом, от успеха которого зависело процветание всего государства. В течение первых нескольких лет своего правления Александр Добрый целенаправленно занимался налаживанием Молдавского пути: восстановил дороги, построил мосты или переправы, установил таможни с постоянными пошлинами.

В 1408 и 1409 гг. Александр Добрый пожаловал торговые привилегии львовским, польским, литовским, трансильванским и генуэзским торговцам, что сразу же повысило товарооборот на Молдавском пути⁵⁴. Кроме того, привилегии 1408–1409 гг. ограничили число таможен и несколько снизили пошлины для купцов. По необходимости последние могли воспользоваться военной охраной. Другими путями – в обход таможен – иностранным купцам пользоваться воспрещалось, так что они в обязательном порядке проходили через эти таможни, где платили пошлину с каждого воза товаров⁵⁵. Привилегии 1408–1409 гг. также были частью торговой политики Александра Доброго, обеспечивая стабильный экспорт и импорт товаров во всех направлениях.

Доход молдавского государства от транзитной торговли был чрезвычайно велик. Известно, что в 1388 г., еще до расцвета Молдавского пути, господарь Петр I Мушат дал польскому королю

взаймы 3000 рублей (около 540 кг серебра). О величине этой суммы говорит тот факт, что Польша гасила этот долг в течение нескольких десятилетий⁵⁶. Безусловно, наличие такой финансовой задолженности позволяло молдавским властителям оказывать некоторое политическое давление на польских монархов.

К концу правления Александра Доброго Молдавское княжество превратилось в процветающее торговое государство. Говорили, что он получил в наследство государство из глины, а после себя оставил каменное⁵⁷.

Если в XIV – начале XV в. Молдавия была центром транзитной торговли, то примерно с середины XV в. она начала поставлять на международный рынок собственные товары, в первую очередь – сравнительно дешевый скот, спрос на который в городах Европы, сильно пострадавшей от «чумного» века (1350–1450), сильно возрос, а затем на протяжении, как минимум, полутора веков оставался стабильно высоким⁵⁸.

Потеря княжеством черноморских портов в 1484 г. не снизила роли Молдавского пути в международной торговле. Он сохранял свое значение до начала XVII в., служа для молдавских господарей постоянным источником дохода. Даже после потери портов от 10 % до двух третей доходов Молдавии составляли доходы от торговли – экспорта и транзита скота, а также от таможенных и охранных сборов⁵⁹.

Упадок Молдавского торгового пути обусловили несколько причин. Сама важная из них связана с казацкими войнами и походами конца XVI – начала XVII в., положившими конец главному преимуществу Молдавского пути – его безопасности. Важное значение имело появление новых торговых путей как следствие географических открытий и переориентации из-за изменения политической обстановки. После завоевания Портой Балканского полуострова большое значение получил другой торговый путь, частично пролежавший через Молдавию: Краков-Львов-Черновцы-Дорохой-Галац-Пазарджик-Адрианополь-Константинополь-Бурса⁶⁰. В торговых отношениях Москвы и Османской империи наиболее популярным был Донской путь, проходивший через Азов в Кафу и Константинополь⁶¹.

Среди других причин упадка Молдавского пути – появление новых центров товарообмена, совершенствование технологий промышленного производства, нарушившее сложившуюся в Европе систему международного разделения труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. В российской и зарубежной историографии существуют две даты образования независимого Молдавского государства: 1359 г. – год восстания марамурешского воеводы Богдана I против венгерского короля Людовика Анжуйского и 1365 г. – год признания Венгрией независимости Молдавского княжества. См., напр.: *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 115–116.
2. *Deletant D.* Moldavia between Hungary and Poland, 1347–1412 // *The Slavonic and East European Review*. 1986. Vol. 64. № 2. P. 202–203.
3. *Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Lithuaniae* / Ed. by M. Dogiel. Vol. I. Vilnae, 1758. № IX. P. 46–48.
4. *Rădvan L.* At Europe's Borders: Medieval Towns in the Romanian Principalities. Brill, 2010. P. 328; *Kizilov M.* The Karaites of Galicia: An Ethnoreligious Minority Among the Ashkenazim, the Turks, and the Slavs, 1772–1945. Brill, 2009. P. 39–40.
5. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 82.
6. Подробнее о Молдавском торговом пути см.: *Озуй А.* Молдавский торговый путь: образование, расцвет, упадок (XIV–XVII вв.) // *Русин. Международный исторический журнал* / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2010. № 4 (22). С. 45–61; *Nadel-Golobi E.* Armenians and Jews in Medieval Lvov: Their Role in Oriental Trade, 1400–1600 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1979. Vol. 20. № 3–4. P. 345–388.
7. *Контарини А.* Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. М., 1971. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Kontarini/frame1.htm> (дата обращения: 15.03.2014).
8. *Raffensperger C.* Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World. Harvard, 2012. P. 127.
9. *Charewiczowa L.* Handel średniowiecznego Lwowa. Lwów, 1925. P. 36.
10. *Озуй А.* Молдавский торговый путь. С. 46.
11. *Nadel-Golobi E.* Armenians and Jews in Medieval Lvov. P. 355.
12. *Rudnicki J.* A Page of Polish History. London, 1943. P. 3.
13. *Кордуба М.М.* Молдавсько-польська границя на Покутті до смерті Стефана Великого. Львов, 1906. С. 158–184.
14. *Monumenta Poloniae Historica. Nova Seria.* Т. 1. 1946. P. 49.
15. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2009. URL: <http://profismart.org/web/bookreader-124474-16.php> (дата обращения: 18.03.2014).
16. Известность Львова как центра международной торговли подтверждается тем, что он был наравне с Краковом отмечен на каталонской карте Абрахама Креска 1375 г. как Ciutat de Leo. URL: http://pda.smoliy.ru/antique_maps.php?m=618 (дата обращения: 18.03.2014).
17. *Akty grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej z Archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie.* Vol. 3. Lvov, 1872. № 5.

18. *Ibid.* № 32.
19. *Carter F.W.* Trade and Urban Development in Poland: An Economic Geography of Crakow, From Its Origins to 1795. Cambridge, 2006. P. 97.
20. *Charewiczowa L.* Handel średniowiecznego Lwowa. P. 63–64.
21. *Akty grodzkie i ziemskie.* Vol. 4. Lwow, 1873. № 75.
22. *Хеллер К.* Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани, 1223–1556. Казань, 2001. С. 119.
23. *Nadel-Golobi E.* Armenians and Jews in Medieval Lvov. P. 354.
24. *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев, 1979. С. 49.
25. *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. С. 128–129.
26. *Panaiteescu P.P.* Interpretări românești: studii de istorie economică și socială. București, 1947. P. 83.
27. *Озуй А.* Молдавский торговый путь. С. 51.
28. *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии. С. 54.
29. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. VII. СПб, 1856. С. 240.
30. *Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956. С. 17.
31. *Iorga N.* Studii istorice asupra Chilie și Cetății Albe. București, 1899. P. 26–27; *Рыбаков Б.А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1952. Вып. XLIII. С. 15–16; *Popesku-Spineni M.* România în istoria cartografiei până la 1600. Vol. I. București, 1938. P. 73–77.
32. *Vásáry I.* Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005. P. 164–165; *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии. С. 69.
33. *Nadel-Golobi E.* Armenians and Jews in Medieval Lvov. P. 361.
34. *Ibid.* С. 361; *Lannoy Gh. de.* Œuvres. Louvain, 1878. P. 54.
35. *Nadel-Golobi E.* Armenians and Jews in Medieval Lvov. С. 362.
36. *Daszkiewicz J.* L'epoque de Danylo Romanovyc d'apres une source Karaite // Harvard Ukrainian Studies. 1978. Vol. II. № 3. P. 334–373.
37. *An Economic and Social History of the Ottoman Empire.* Vol. I / Ed. by H. Inalcik, D. Quataert. Cambridge, 1997. P. 286.
38. *Carter F.W.* Trade and Urban Development in Poland. P. 160.
39. *Хамам Д.* Молдавские господа и евреи. URL: <http://www.soroki.com/node/culture/moldovagospodars.html?page=0,3> (дата обращения: 15.03.2014).
40. *Spinei V.* Moldavia in the 11th–14th Centuries. București, 1986. P. 152.
41. *Epstein S.A.* Genoa and the Genoese, 958–1528. University of North Carolina Press, 1996. P. 143.
42. *Подградская Е.М.* Торговые связи Молдавии со Львовом в XVI–XVII веках. Кишинев, 1968. С. 54.
43. *Charewiczowa L.* Handel Lwowa z Moldavja i Multanami v wiekach srednich // Kwartalnic Historyczny. 1925. Vol. XXXVIII. № 1–2. S. 52.
44. *Ibid.*

45. An Economic and Social History of the Ottoman Empire. Vol. I / Ed. by H. Inalcik, D. Quataert. Cambridge, 1997. P. 278.
46. Д. Делетант упоминает о привилегиях, которые правители Львова и Галича даровали тевтонским рыцарям и немецким купцам, не указывая, к сожалению, на источники этих сведений. *Deletant D.* Moldavia between Hungary and Poland. P. 203.
47. См., напр.: *Panaïtescu P.P.* La Route commerciale de Pologne à l Mer Noire au Moyen Âge // *Revista istorică română*. 1993. Vol. III. Fasc. II-III. P. 172–193.
48. *Kolodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th-18th century). Brill, 2011. P. 502.
49. *Ibid.* P. 6.
50. *Ibid.* P. 117.
51. *Ibid.* P. 826.
52. *Acta Tomiciana*. Vol. 6. Poznań, 1857. Pp. 101–103.
53. *Iorga N.* Istoria comerțului cu Orientul. București, 1939. P. 64.
54. *Rădvan L.* At Europe's Borders. P. 439.
55. Огуй А. Молдавский торговый путь. С. 48.
56. Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. С. 132.
57. *Deletant D.* Moldavia between Hungary and Poland. P. 206.
58. Огуй А. Молдавский торговый путь. С. 52.
59. *Ibid.* С. 59.
60. *Nadel-Golobi E.* Armenians and Jews in Medieval Lvov. P. 355.
61. Фехнер М.В. Торговля Русского государства. С. 11–13.

References

1. *Mokhov N.A.* Moldaviya epokhi feodalizma [Moldavia in the feudal epoch], Kishinev, 1964, pp. 115–116 [in Russian].
2. *Deletant D.* Moldavia between Hungary and Poland, 1347–1412, The Slavonic and East European Review, 1986, vol. 64, Nr 2, pp. 202–203 [in English].
3. *Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Lithuaniae*, ed. by M. Dogiel, vol. I, Vilnae, 1758, Nr IX, pp. 46–48 [in Latin].
4. *Rădvan L.* At Europe's Borders: Medieval Towns in the Romanian Principalities, Brill, 2010, p. 328 [in Romanian]; *Kizilov M.* The Karaites of Galicia: An Ethnoreligious Minority Among the Ashkenazim, the Turks, and the Slavs, 1772-1945, Brill, 2009, pp. 39–40 [in English].
5. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Voyages of Plano Carpini and Rubruk to the Eastern Lands], M., 1957, p. 82 [in Russian].
6. *Oguy A.* Moldavskiy torgovyy put': obrazovanie, rastsvet, upadok (XIV–XVII vv.) [Moldavian Trade Route: formation, prosperity, decline (XIV–XVII)] // *Rusin*. International historical magazine, red. S.G. Sulyak, 2010. Nr 4 (22). С. 45–61 [in Russian]; *Nadel-Golobi E.* Armenians and Jews in Medieval Lvov: Their Role in Oriental Trade, 1400–1600 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1979. Vol. 20. № 3–4. P. 345–388 [in English].
7. *Kontarini A.* Puteshestvie v Persiyu // *Barbaro i Kontarini o Rossii* [Voyage to

- Persia // Barbaro and Contarini about Russia], M., 1971 [in Russian]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Kontarini/frame1.htm> (accessed: 15.03.2014).
8. *Raffensperger C.* Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World, Harvard, 2012, p. 127 [in English].
9. *Charewiczowa L.* Handel średniowiecznego Lwowa, Lwów, 1925, p. 36 [in Polish].
10. *Oguy A.* Moldavskiy torgovyy put' [Moldavian Trade Route], p. 46 [in Russian].
11. *Nadel-Golobi E.* Armenians and Jews in Medieval Lvov, p. 355 [in English].
12. *Rudnicki J.* A Page of Polish History, London, 1943, p. 3 [in English].
13. *Korduba M.M.* Moldavs'ko-pol's'ka granitsya na Pokutti do smerti Stefana Velikogo [Moldavian-Polish Border in Pokut'e before the death of Stefan the Great], L'vov, 1906, pp. 158–184 [in Ukrainian].
14. *Monumenta Poloniae Historica, Nova Seria*, t. 1, 1946, p. 49 [in Latin].
15. *Pochekaev R.Yu.* Tsari ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordyy [Tsars of the Golden Horde. Biographies of the Khans and Rulers of the Golden Horde], SPb., 2009 [in Russian]. URL: <http://profismart.org/web/bookreader-124474-16.php> (accessed: 18.03.2014).
16. Izvestnost' L'vova kak tsentra mezhdunarodnoy torgovli podtverzhaetsya tem, chto on byl naravne s Krakovom otmechen na katalonskoy karte Abrakhama Kreska 1375 g. kak Siutat de Leo [in Polish]. URL: http://pda.smoliy.ru/antique_maps.php?m=618 (accessed: 18.03.2014).
17. Akty grodskie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej z Archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie, vol. 3, Lvov, 1872, Nr 5 [in Polish].
18. *Ibid.* Nr 32.
19. *Carter F.W.* Trade and Urban Development in Poland: An Economic Geography of Crakow, From Its Origins to 1795, Cambridge, 2006, p. 97 [in English].
20. *Charewiczowa L.* Handel średniowiecznego Lwowa, pp. 63–64 [in Polish].
21. Akty grodskie i ziemskie, vol. 4, Lwow, 1873, Nr 75.
22. *Kheller K.* Zolotaya Orda i torgovlya s Zapadom, Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordyy). Ot Kalki do Astrakhani, 1223–1556 [The Golden Horde and Trade with the West, Source studies of the history of Ulus Juchi (the Golden Horde). From Kalka to Astrakhan, 1223–1556], Kazan', 2001, p. 119 [in Russian].
23. *Nadel-Golobi E.* Armenians and Jews in Medieval Lvov, p. 354 [in English].
24. *Polevoy L.L.* Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii XIII–XV vv. [Essays on the Historical Geography of Moldavia, XIII–XV centuries], Kishinev, 1979, p. 49 [in Russian].
25. *Mokhov N.A.* Moldaviya epokhi feodalizma [Moldavia in the feudal epoch], p. 128–129 [in Russian].
26. *Panaitescu P.P.* Interpretări românești: studii de istorie economică și socială. București, 1947, p. 83 [in Romanian].
27. *Oguy A.* Moldavskiy torgovyy put' [Moldavian Trade Route], p. 51 [in Russian].
28. *Polevoy L.L.* Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii [Essays on the Historical Geography of Moldavia], p. 54 [in Russian].

29. Letopis' po Voskresenskomu spisku, Polnoe sobranie russkikh letopisey [Voskresenski record of Russian chronicle, Complete set of Russian chronicles], t. VII, SPb., 1856, p. 240 [in Russian].

30. *Fekhner M.V.* Torgovlya Russkogo gosudarstva so stranami Vostoka v XVI v. [Trade of the Russian State with Eastern countries in the 16th century], M., 1956, p. 17 [in Russian].

31. *Iorga N.* Studii istorice asupra Chilie și Cetății Albe, București, 1899, pp. 26–27 [in Romanian]; *Rybakov B.A.* Russkie zemli po karte Idrisi 1154 g., Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury. M., 1952. Vyp. XLIII [Russian Territory on the Idrisi Map of 1154, Short Presentations of the Institute of History of Material Culture], pp. 15–16 [in Russian]; *Popesku-Spineni M.* România în istoria cartografiei până la 1600, vol. I, București, 1938, pp. 73–77 [in Romanian].

32. *Vásáry I.* Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365, Cambridge, 2005, pp. 164–165 [in English]; *Polevoy L.L.* Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii [Essays on the Historical Geography of Moldavia], p. 69 [in Russian].

33. *Nadel-Golobi E.* Armenians and Jews in Medieval Lvov, p. 361 [in English].

34. *Ibid.* S. 361; *Lannoy Gh. de.* Œuvres, Louvain, 1878, p. 54 [in French].

35. *Nadel-Golobi E.* Armenians and Jews in Medieval Lvov, p. 362 [in English].

36. *Daszkiewicz J.* L'époque de Danylo Romanovyc d'après une source Karaite, Harvard Ukrainian Studies, 1978, vol. II, Nr 3, pp. 334–373 [in Polish].

37. An Economic and Social History of the Ottoman Empire, vol. I, ed. by H. Inalcik, D. Quataert, Cambridge, 1997, p. 286 [in English].

38. *Carter F.W.* Trade and Urban Development in Poland, p. 160 [in English].

39. *Khamam D.* Moldavskie gospodari i evrei [Moldavian Hospodars and the Jews] [in Russian]. URL: <http://www.soroki.com/node/culture/moldovagospodars.html?page=0,3> (accessed: 15.03.2014).

40. *Spinei V.* Moldavia in the 11th–14th Centuries, București, 1986, p. 152 [in English].

41. *Epstein S.A.* Genoa and the Genoese, 958–1528, University of North Carolina Press, 1996, p. 143 [in English].

42. *Podgradskaya E.M.* Torgovye svyazi Moldavii so L'vovom v XVI–XVII vekakh [Moldavian Trade Relations with Lvov in XVI–XVIIth centuries], Kishinev, 1968, p. 54 [in Russian].

43. *Charewiczowa L.* Handel Lwowa z Moldavja i Multanami v wiekach srednich, Kwartalnic Historyczuy, 1925, vol. XXXVIII, Nr 1–2, p. 52 [in Polish].

44. *Ibid.*

45. An Economic and Social History of the Ottoman Empire. Vol. I / Ed. by H. Inalcik, D. Quataert, Cambridge, 1997, p. 278 [in English].

46. *Deletant D.* Moldavia between Hungary and Poland, p. 203 [in English].

47. *Panaitescu P.P.* La Route commerciale de Pologne à l Mer Noire au Moyen Âge, Revista istorică română, 1993, vol. III, fasc. II-III, pp. 172–193 [in French].

48. *Kolodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th-18-th century), Brill, 2011, p. 502 [in English].

49. *Ibid.*, p. 6.

50. *Ibid.*, p. 117.

51. *Ibid.*, p. 826.
52. *Acta Tomiciana*, vol. 6, Poznań, 1857, pp. 101–103 [in Latin].
53. *Iorga N.* Istoria comerțului cu Orientul, București, 1939, pp. 64 [in Romanian].
54. *Rădvan L.* At Europe's Borders, p. 439 [in French].
55. *Oguy A.* Moldavskiy torgovyy put' [Moldavian Trade Route], p. 48 [in Russian].
56. *Mokhov N.A.* Moldaviya epokhi feodalizma [Moldavia in the feudal epoch], p. 132 [in Russian].
57. *Deletant D.* Moldavia between Hungary and Poland, p. 206 [in English].
58. *Oguy A.* Moldavskiy torgovyy put' [Moldavian Trade Route], p. 52.
59. *Ibid.*, p. 59.
60. *Nadel-Golobi E.* Armenians and Jews in Medieval Lvov, p. 355 [in English].
61. *Fekhner M.V.* Torgovlya Russkogo gosudarstva [Trade of the Russian State], pp. 11–13 [in Russian].

Минкова Кристина Владимировна – кандидат исторических наук, докторант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Minkova Kristina – Candidate of Historical Sciences, is a post-doc student at the School of International Relations of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

e-mail: kristina_minkova@mail.ru

УДК 394.2(=161.2)"322"
DOI: 10.17223/18572685/36/13

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В МОЛДОВЕ И БУКОВИНЕ

А.Г. Кожолянюк

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича
Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2
e-mail: g_kogolianko@ukr.net
Scopus Author ID: 55849704100

Авторское резюме

В статье рассматривается календарная обрядность украинцев и молдаван на Буковине и в Молдове. Отмечается, что записыванием и популяризацией народных песен, сказок, легенд, пословиц и поговорок занимались молдавские ученые В. Панько, С. Келару, К. Попович, Е. Кожухарь, П. Борончук, В. Куцулима и др.

В молдавских и украинских селах Черновицкой области работали такие этнографы и фольклористы, как Г. Спатару, Н. Бэешу, В. Жунгиету, Г. Ботезату, А. Хинку, Ю. Пилип, А. Мойсей, А. Курочкин и др.

Исследовались новогодние карнавальные представления (хождение с козой, бугаем, медведем, лошадкой) изучались девичьи гадания во время праздников Андрея Калиты и св. Юрия, а также обряды первого выхода с плугом, ритуалы, связанные с началом и концом сбора зерновых и пр.

Исследованиями были охвачены несколько десятков сел с украинским населением (Новоселицкого и Сокирянского районов), со смешанным украинским, молдавским и польским населением (села Верхние Петровцы Storожинецкого района, Колинковцы Хотинского района), а также с романским населением (села Молница Герцаевского района, Купка Глубокского района, Чудей, Ижевцы Storожинецкого района).

Российское географическое общество еще в XIX в. инициировало изучение населения Бессарабии (в том числе и Хотинского уезда) с целью научного обеспечения процесса освоения новых земель, присоединенных к Российской империи. К нему присоединилось также Общество истории и древностей.

В конце XX в. песни и поговорки были записаны в селе Подворное Новоселицкого района Буковины и в селе Медвежья Единецкого района. Известно, что оба села входили в начале XX в. в Хотинский уезд Бессарабии.

Исследован аграрный календарь местного населения и его обрядность. Отмечается, что цикл аграрного календаря состоит из четырех этапов (зимнего, весеннего, летнего и осеннего). Начинается он зимой и включает в себя все те обычаи, которые сложились на протяжении многих веков.

Таким образом, украинскими, русскими и молдавскими этнографами в XIX – начале XXI в. был собран и исследован значительный материал о календарной обрядности населения северной части Молдовы и Буковины.

Ключевые слова: календарь, обряд, праздник, народ, зима, весна, лето, осень.

The Calendar rituals in Moldova and Bukovina

A.G. Kojolianko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University
2 Kotsjubynskyi Str., Chernivtsi, 58012, Ukraine
e-mail: alexkozholianko@gmail.com

Abstract

The Calendar Rituals of the Ukrainians and Moldavians in Bukovina and Moldavia are examined in the article. It is noted that the recording and popularization of folk songs, tales, legends, sayings and proverbs were carried out by the Moldavian scholars V. Panko, S. Kelaru, K. Popovich, E. Kozhukhar, P. Boronchuk, V. Kutsulima and others.

The ethnographers and folklorists G. Spataru, N. Beeshu, V. Zhungietu, G. Botezatu, A. Khinku, Iu. Pilip, A. Moisei, A. Kurochkin and others worked in the Moldavian and Ukrainian villages of the Chernovitsk Region. New Year's carnival play with the goat, ox, bear, and colt were performed. Maiden's fortune-telling during the festivals of Andrew Kalita and St. George and rituals which included the appearance of the plow and rituals which were tied to the beginning and end of harvest, etc. are analyzed. The research area included several villages with a Ukrainian population (Novoselitsa and Sokiriansk Regions), mixed Ukrainian, Polish and Moldavian population (Verkhni Petrovtsy in Storozhynets Region) and Kolinkovtsy in the Khotin Region, and with Romanian population (Molnitsa in Hertsaevsk Region, Kupka in Gluboksk Region and Chudei, Izhevtsy in the Storozhynets Region).

In the 19th C. the Russian Geographical Society initiated the study of the population of Bessarabia, including the Khotin Region with the purpose of the safe-guarding the culture of the newly-acquired lands which were united to the Russian Empire. The Society of History and Antiquity was also involved in the process. At the end of the 20th C. the songs and sayings in the village of Podvornoe in the Novoselitsa Region of Bukovina and in the village of Medvedzia in the Edinets Region of Moldova were recorded. At the beginning of the 20th C. both of these regions were in the Khotin District of Bessarabia.

The agricultural calendar, divided into 4 seasons (winter, spring, summer, fall), of the local population and its rituals was researched. The calendar began with winter and included customs which evolved over many centuries. In such manner Ukrainian, Russian and Moldavian ethnographers in the 19th C. - beginning of the 20th C. collected and researched a significant amount of material about the calendar rituals of the

population of Northern Moldavia and Bukovina.

Keywords: calendar, ritual, festival, folk, winter, spring, summer, fall.

Важное место в духовной культуре занимает календарная обрядность, играющая ведущую роль в мировоззрении и верованиях не только украинского народа, но и других славянских этносов.

Вместе с тем нужно учитывать тот факт, что отдельные структурные элементы календарных праздников постепенно стираются из памяти украинского народа. Имеются в виду не только определенные обряды и обычаи календарных праздников, но и песни, приметы, носителей которых становится все меньше.

В соответствии с четырьмя сезонами года, обусловленными движением Земли и Солнца, у населения Буковины сформировалась система календарной отметки ритмов изменений в природе посредством определенных праздников и сопровождавших их обрядов.

Космические ритмы они перенесли в свою духовную культуру, определив праздники: Великдень – весеннее равноденствие, Ивана Купала – летнее солнцестояние, Световид (Вторая Богородица) – осеннее равноденствие, Рождество – зимнее солнцестояние.

На территории Буковины этнографические наблюдения осуществлял Р.Ф. Кайндль, почти ежегодно проводивший экспедиции в равнинную, предгорную и горную часть края.

Материалы об обычаях и обрядах горцев Буковины были опубликованы в работах «Гуцулы» (1894), «Русины (рутены) Буковины» (в соавторстве с А. Монастырским (1890), «Праздничный календарь руснаков и гуцулов» (1896), «Этнографические очерки из Восточных Карпат» (1898) и др.

Работа Р.Ф. Кайндля «Праздничный календарь руснаков и гуцулов» была напечатана в № 6-7 австрийского журнала «Сообщения Географического общества в Вене» в 1896 г.

Уже во вступительной статье он отметил: «Возможно, в любой другой части прадавних легенд рутенов вообще, руснаков и гуцулов в частности, сохранились такие давние элементы, как в календарных праздниках»¹. Р.Ф. Кайндль охарактеризовал в ней годовой цикл праздников и обрядов жителей Карпат и Прикарпатья.

В отношении слов «рутены» и «руснаки» Р.Ф. Кайндль в работе «Этнографические экспедиции в Восточные Карпаты», опубликованной в отдельном выпуске журнала Австрийского антропологического общества, в 1898 г. указывает, что «руснак» – это название истинно народное, руснаками называют себя гуцулы, бойки, а также, возможно, и лемки².

В работе «Праздничный календарь руснаков и гуцулов» ученый уделил значительное внимание атрибутике зимних календарных

праздников и символике. В частности, известный их атрибут - сноп-Дидух он трактовал как пережиточный элемент верований руснаков, как персонификацию злого зимнего божества, которое сжигают в конце праздников³.

При этом Р.Ф. Кайндль до конца не понимал, что смысл Дидуха гораздо шире. Сожжением святвечернего снопа осуществлялся магический обряд перенесения посредством огня духов предков, концентрировавшихся в снопе на протяжении зимних праздников, в царство духов, то есть на небо. Ученый также не обратил внимание на то, что в древности (до начала XVIII в.) сноп-Дидух играл роль рождественской елки: его вносили в дом и устанавливали в углу в канун Святой вечера.

Много внимания придавал Р.Ф. Кайндль рождественско-новогодним переодеваниям. Приводит он примеры переодевания в «деда», «бабу», «козу», «девушку-Маланку» и др. Истоки ритуальных игр «Маланки» во время новогодних праздников исследователь видел в дохристианских верованиях руснаков, в их мифологии.

Кайндль стремился объяснить и обряды вокруг святвечерней еды – кутьи. По мнению ученого, они были связаны с гаданием на будущий урожай и с любовной магией. Последний аспект магических действий встречается в этнографических работах впервые, поскольку большинство предшествовавших и многие последующие ученые обращали внимание только на хозяйственно-магическое значение кутьи как обрядовой пищи, приносящей урожай на поле, прирост пасеки, скота и пр.

По этому поводу известный этнограф А. Курочкин писал: «Отзвук глубокой архаики прослеживается в исследуемом труде, хотя основные ее факты принадлежат к последним десятилетиям XIX в. В центре внимания этнографа-краеведа не догматическое христианство и не церковная история праздников, а проблема фольклорной религиозности, так называемое бытовое двоеверие. Он стремился объективно отобразить сложные процессы контаминации дохристианских обычаев и традиций..., фиксируя в первую очередь живые реликты языческого мировоззрения и ритуалистики»⁴.

В работе «Гуцулы: их жизнь, обычаи и народные предания» Р.Ф. Кайндль, оценивая духовный мир гуцулов конца XIX в., в частности отметил: «Правда, что среди гуцулов сохранилось еще очень большое число языческих обычаев, а собственно – поганских праздников»⁵.

Он также делает вывод, что большинство современных ему обычаев, распространенных в то время, «было когда-то связано с праздниками равноденствия и солнцестояния»⁶.

О праздновании дня Нового года он писал: «День святого Василия (днє на сьв. Василя) празднуется в один день с праздником Нового года по ст. ст. Но для гуцулов 1-е января не является началом нового года, ибо их церковный год начинается с сентября, а их «сельский» год – с мая. Поэтому гуцулы изредка называют 1-е января Новым годом, преимущественно этот год носит название святого»⁷.

Вопросы обрядовых гаданий и заклинаний во время календарных праздников исследовал Р.Ф. Кайндль в работе «Погодные ворожения у рутенов и гуцулов» (1894). Он отмечал, например, что «в новогодний вечер выставляют кусочки лука по количеству двенадцати месяцев и рядом с ними кладут соль. Так угадывают, в каком месяце будет дождь»⁸.

Офицер Генерального штаба, член Российского географического общества А. Зашук (1828-1905) был в 1859 г. в командировке в Кишиневе. Он записывал от местных жителей информацию этнографического характера: народные приметы, верования, предания и пр.⁹

Результатом его исследовательской работы стали «Материалы для географии и статистики России» (1862 г.), где автор обратил внимание на процесс взаимовлияния культур молдаван и русинов. В этом труде он описал праздничную пищу молдаван в зимние карнавальные дни, обычаи и обряды, приуроченные ко дням святых Юрия, Андрея, Фоки, предания о русалках и пр.¹⁰

Взаимовлияние культур молдаван и русинов Хотинского уезда нашло отражение в работе «Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии» (1916)¹¹.

Факты для этого труда были собраны российским демографом В. Бутовичем в 1907 г. при помощи местных учителей народных школ и отчасти духовенства. Рядом с обычным количеством статистических данных в сборнике приводится анализ влияния традиционной культуры молдаван на русинов Хотинского уезда.

Календарные обычаи и обряды стали объектом изучения в работах А. Матеевича: «Очерк молдавских религиозно-бытовых традиций» (1912 г.), «Молдавские праздники от Великодня до Пятидесятницы» (1913 г.)¹², «Новый год у молдаван» (1915 г.)¹³ и др. В них автор называет годовые праздники, народное деление календарного года и суток, обычаи и обряды, приуроченные к «русальным» четвергам, дню св. Юрия и др.¹⁴

Вопросы исследования календарной обрядности украинцев и молдаван стояли в центре внимания этнографической экспедиции кишиневских этнологов и фольклористов в северную часть Буковины. В частности, исследовались новогодние действия Маланки, путешествие с козой, бугаем, медведем, лошадкой, девичьи гадания

на Андрея Калиту, празднование св. Юрия, первый выход с плугом, ритуалы сбора злаковых культур и пр.

В селах Черновицкой области работали такие этнографы и фольклористы, как Г. Спатару, Н. Бэешу, В. Жунгиету, Г. Ботезату, А. Хинку, Ю. Пилип, А. Мойсей, А. Курочкин и др. Собранный в экспедициях этнофольклорный материал сейчас хранится в Центральном научном архиве Академии наук Республики Молдова (в фонде №19) под названием «Материалы научных экспедиций, проведенных в период 1946-1985 гг. на территории Молдавской и Украинской ССР»¹⁵.

Это полевые исследования почти 30 сел, среди которых – села с украинским (Новоселицкого и Сокирянского районов), смешанным украинским, молдавским и польским (села Верхние Петровцы Сторожинецкого района, Колинкивцы Хотинского района) и романским населением (села Молница Герцаевского района, Купка Глубокского района, Чудей, Ижевцы Сторожинецкого района).

Материал о календарной обрядности украинцев и молдаван хранится также в Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург)¹⁶. Это описание новогодней «Маланки» и вещевой материал (одежда деда и бабы, маланочное освещение-полумесец) из села Магалы, что в Нижнем буковинском Припрутье.

Они составляют часть коллекции этнографического материала Ф. Вовка, которую ему удалось собрать по поручению Этнографического отдела Русского музея императора Александра III во время экспедиции на Буковину в 1904 г. В фондах музея хранится фотографический материал о праздновании зимних календарных праздников в буковинском селе Клишковцы. Он был получен Российским этнографическим музеем от Государственного института проектирования сельского и колхозного строительства УССР в Киеве в 1947 г.

Следует отметить, что Российское географическое общество инициировало изучение населения Бессарабии (в том числе и Хотинского уезда) с целью научного обеспечения процесса освоения новых земель, присоединенных к Российской империи. К этому процессу присоединилось также Одесское общество истории и древностей.

В Черновицком областном краеведческом музее хранятся одежда и маски народных новогодних обрядовых представлений «Вертепа-Иродов», «Маланки» (фонд «Ткани»). В фондах этого музея есть крупная партия новогодне-рождественской праздничной атрибутики (подсвечники-троицы, используемые во время Святой вечера, макитры – посуда для перетирания мака для приготовления основной рождественской пищи – куты, миски для еды и др.), а также экспедиционные описи календарных праздников¹⁷.

В Черновицком областном музее народной архитектуры и быта (ЧОМНАБ) хранятся предметы как внутреннего обихода (свечники,

миски, рюмки и др.), так и одежды участников новогодне-рождественско-крещенских обрядов (костюмы деда, бабы, цыгана, цыганки, ангелов, царя Ирода, пастуха, кнуты-гарапники, ритуальные мако-гоны-булавы и пр.)¹⁸.

Особую ценность представляют отчеты этнографических разведок, проведенных научными сотрудниками музея во время календарных праздников в 80-90-х гг. XX в. в селах Веренчанка Заставнивского района, Подворье Новоселицкого района, в городе Вашковцы Вижницкого района Черновицкой области.

Сбором материалов о календарной обрядности украинцев и молдаван занимался В.Д. Панько. Уроженец села Дану Глодянского района Молдовы, сотрудник газеты «Лунка Прутулуй», он собрал более 200 украинских народных песен, записанных в родном селе, и многие сотни фольклорных произведений сел Стурзовка, Петруня, Новые Лимбены, Новые Фундуры и др.

Член Национального союза писателей Украины С.Ф. Келар занимался сбором и популяризацией народных песен, сказок, легенд, пословиц и поговорок, которые имеют непосредственное отношение к календарной обрядности украинцев Молдовы.

Следует отметить и исследования К.Ф. Поповича, который написал очерк о календарных обрядах жителей сел севера Молдовы – Стурзовки, Петруни, Дану, Кеменкуц и др.¹⁹ При этом исследователь отмечает, что речь их довольно своеобразна и немного отлична от речи украинцев Северной Молдовы. Для подтверждения своих выводов К.Ф. Попович приводит слова Е. Кожухарь из статьи «Языковые особенности фольклора села Стурзовка»²⁰: «Более века изоляция от материнской культуры и языка и его диалектов, активное контактирование с русским языком нашло отражение в местном говоре и в то же время стало фактором своеобразного языкового консерватизма, который проявляется в сохранении древних, архаичных для современного литературного украинского языка элементов».

Далее автор обращается к аграрному народному календарю и его обрядности. Отмечается, что его цикл состоит из четырех этапов (зимнего, весеннего, летнего и осеннего). Начинается аграрный календарь зимой и включает все те обычаи и песни, которые сложились на протяжении многих веков.

Указано, что в Молдове украинские аграрные обычаи переплетались с молдавскими. Они взаимно обогатили друг друга. Для примера взят молдавский новогодний обряд «Плугушорул» и соответствующая ему украинская песня «Плужок». Речь идет о хождении с плугом и «быком». Этот обычай отражает древние традиции, связанные с магическим ритуалом, имитирующим настоящий процесс сельскохозяйственного цикла – посева и орошения ржи и пшеницы. Тексты

записаны в различных вариантах, представляющих определенный регион (города Сороки и Хотин).

Песни и присказки записаны в селе Подворное Новоселицкого района Буковины и в селе Медвежья Единецкого района Молдовы. Известно, что оба они входили в начале XX в. в Хотинский уезд Бессарабии.

С «бугаем» ходили как в украинских селах северной части Бессарабии, так и в молдавских селах Северной Молдовы.

«Хождение с быком» имело место в календарной обрядности обоих этносов. Вместе со всеми сегментами этот обряд указывает на то, что он берет свое начало еще с древних времен.

Наблюдается описанная в сказочной форме идеализация крестьян. Стремление к богатой жизни, хотя и в мечтах, порождало определенные гиперболизированные картины. Подобное мы встречаем в щедривках и колядках обоих народов.

Наиболее древними колядками следует считать те, в которых прослеживается культ солнца и огня. Правда, исследователь сравнивает его с культом греков (Зевса) и римлян (Юпитера), как это отмечалось в научной литературе XX в. Современная украинская наука все более склонна видеть свои корни в культе солнца и огня, а греки и римляне только переняли его у славян.

В исследовании календарной обрядности Буковины и Молдовы использован материал из села Данкауцы, что на Сокирянщине (собрал его священник В. Завойчинский), и села Стурзовка (П. Борончук, В. Куцулима)²¹.

Сравнивая буковинские и молдавские колядки, исследователь указывает, что упомянутые материалы В. Куцулимы свидетельствуют, что украинские колядки стурзовчан больше связаны с религиозными верованиями, в то время как молдавские в большинстве своем - аграрно-светские.

Отдельный раздел посвятил К.Ф. Попович украинским народным песням Северной Молдовы. В разделе «Календарно-обрядная поэзия» представлены колядки «Добрий вечір вам, пане господар», «На тій горі золотії», «Йа у неділю усі дзвони дзвонили», щедривки «Як в ліску, в ліску, на жовтім піску», маланочные песни «Маланка», «Вставай, Маланко, бо заспала», «Помагай Біг, газда», «Йа в петрівочку й маленька ночка», «Пане Господарю, вставай рано», «Ой на воді, на Йордані» и др., записанные в селах Дану, Николаевка, Петруня. Материал о календарной обрядности «Из истории бессарабских украинцев» вошел также в V том «Очерков украинского фольклора и художественной литературы Молдовы», изданных в 2008 году в Кишиневе²².

В условиях глобализации, распространения «массовой культуры», трансформации народного календаря особенно актуально сохранение традиционной календарной обрядности, поскольку именно обычаи и обряды являются свидетелями прошлого.

Календарные праздники населения Буковины имеют дохристианскую основу. Сквозь призму традиционных календарных праздников прослеживаются почитание предков, воспитание уважения и любви к родственникам, соседям и вообще ко всем людям, особое внимание к основным и вспомогательным хозяйственным занятиям – земледелию, скотоводству, пчеловодству, религиозно-ритуальной символике солнца, огня, воды. Календарные праздники сопровождались песнями, пожеланиями, угощениями, народно-театральными сценками и развлечениями.

Обязательными составляющими календарной обрядности украинцев и молдаван на Буковине были почитание предков, ритуальные обходы, развлечения, песни и пр. Она отобразила основные стремления человека – желание обеспечить богатый урожай и плодovitость скота, отвести зло, предвидеть будущее и позитивно влиять на него.

Праздники и обряды были теми рычагами, которыми удовлетворялись духовные и эстетические потребности, в них проявлялись верования людей, их чувства.

Таким образом, русскими, молдавскими и украинскими этнографами собран и исследован значительный материал о календарной обрядности населения северной части Молдовы и Буковины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kaindl R.F.* Der Festkalender der Rusnaken und Huzulen // Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien. 1896. Heft VI-VII. S. 124-148.
2. *Kaindl R.F.* Ethnographische Streifzüge in der Ostkarpaten. Beiträge zur Hausbauauforschung in Oesterreich. Separatdruck aus Band XXVIII der Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft. Wien, 1898. S. 241.
3. *Kaindl R.F.* Der Festkalender der Rusnaken und Huzulen. S. 123.
4. *Курочкін О.* Дохристиянська основа святкового календаря українців Карпатського регіону за матеріалами Р.Ф. Кайндля // Р.Ф. Кайндль і українська історична наука. Ч. 1. Чернівці – Вишніця: Черемош, 2004. С. 127.
5. *Kaindl R.F.* Die Huzulen. Wien, 1894. S. 97.
6. *Ibid.*
7. *Ibid.* S. 107.
8. *Kaindl R.F.* Wetterzauberei bei den Ruthenen und Huzulen. Czernowitz, 1894. S. 23.
9. *Лукьянець О.С.* Русские исследователи и молдавская этнографическая наука в XIX – начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 17.

10. *Защук А.* Бессарабская область: материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1862. С. 450, 462-463, 484-494.

11. *Бутович В.* Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев: Типография Х.Ю. Бурштейна, 1916. 59 с.

12. *Матеевич А.* Молдавские празднования от Пасхи до Пятидесятницы // Кишиневские епархиальные ведомости, 1913. № 16-17. С. 779-818; № 18. С. 854-869; № 20. С. 938-955.

13. *Матеевич А.* Новый год у молдован // Кишиневские епархиальные ведомости, 1915. № 47. С. 1325-1346.

14. *Матеевич А.* Очерк молдавских религиозно-бытовых традиций // Кишиневские епархиальные ведомости, 1912. № 12-13. С. 336-347; № 22-23. С. 746-756.

15. Центральный научный архив Академии наук Молдовы (ЦНА АНМ). Ф. 19. Матералы научных экспедиций, проведенных в период 1946-1985 гг. на территории Молдавской и Украинской ССР. Д. 81-86, 99-106, 238-240, 248-274, 356.

16. Российский этнографический музей. Ф. Вовк. Коллекция № 1121; фототека № 6545.

17. Черновицкий областной краеведческий музей (ЧКМ). 32834 – III – 20789, 16462 – III – 11765, 12099 – III – 4515, 14700 – III – 11270, 12991 – III – 9293, 43118 – III – 28191, 40518 – III – 26257.

18. Черновицкий областной музей народной архитектуры (ЧОМНАП). Фонд НФ: 01-03-08, 01-03-10, 01-03-55.

19. *Попович К.* Із історії бессарабських українців. Віночок українських фольклорних заспівів Північної Молдови; *Constantin Popovici. Scrieri alese* (In 15 volume). Vol. V. Chişinău, 2008. С. 89-190.

20. Співає Стурзовка. Збірка українського та молдавського фольклору с. Стурзовка Глодяньського району Молдови. Кишинів, 1995. С. 25.

21. Нариси українського фольклору та художньої літератури Молдови. Кишинів, 2007. С. 24-25.

22. *Constantin Popovici. Scrieri alese* (In 15 vol.). Vol. V. Chişinău, 2008. 592 с.

References

1. *Kaindl R.F.* Der Festkalender der Rusnaken und Huzulen, Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien, 1896, heft VI-VII, pp. 124-148 [in German].

2. *Kaindl R.F.* Ethnographische Streifzuge in der Ostkarpaten. Beitrage zur Hausauforschung in Oesterreich. Separatdruck aus Band XXVIII der Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft, Wien, 1898, p. 241 [in German].

3. *Kaindl R.F.* Der Festkalender der Rusnaken und Huzulen, p. 123 [in German].

4. *Kurochkin O.* Dokhristiyans'ka osnova svyatkovogo kalendarya ukraïntsiv Karpats'kogo regionu za materialami R.F. Kayndlya, R.F. Kayndl' i ukraïns'ka istorichna nauka, ch. 1, Chernivtsi–Vizhnitsya: Cheremosh, 2004, p. 127 [in Ukrainian].

5. *Kaindl R.F.* Die Huzulen, Wien, 1894, p. 97 [in German].

6. *Ibid.*
7. *Ibid.*, p. 107.
8. *Kaindl R.F.* Wetterzauberei bei den Ruthenen und Huzulen, Czernowitz, 1894, p. 23 [in German].
9. *Luk'yanets O.S.* Russkie issledovateli i moldavskaya etnograficheskaya nauka v XIX – nachale XX v., Kishinev: Shtiintsa, 1986, p. 17 [in Russian].
10. *Zashchuk A.* Bessarabskaya oblast': materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami General'nogo shtaba, SPb., 1862, pp. 450, 462-463, 484-494 [in Russian].
11. *Butovich V.* Materialy dlya etnograficheskoy karty Bessarabskoy gubernii. Kiev: Tipografiya Kh.Yu. Burshteyna, 1916. 59 p. [in Russian].
12. *Mateevich A.* Moldavskie prazdnovaniya ot Paskhi do Pyatidesyatnitsy, Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti, 1913, Nr 16-17, pp. 779-818; Nr 18, pp. 854-869; Nr 20, pp. 938-955 [in Russian].
13. *Mateevich A.* Novyy god u moldovan, Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti, 1915, Nr 47, pp. 1325-1346 [in Russian].
14. *Mateevich A.* Ocherk moldavskikh religiozno-bytovykh traditsiy // Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti, 1912, Nr 12-13, pp. 336-347; Nr 22-23, pp. 746-756 [in Russian].
15. Tsentral'nyy nauchnyy arkhiv Akademii nauk Moldovy (TsNA ANM). F. 19. Materialy nauchnykh ekspeditsiy, provedennykh v period 1946-1985 rr. na teritorii Moldavskoy i Ukrainskoy SSR. D. 81-86, 99-106, 238-240, 248-274, 356 [in Russian].
16. Rossiyskiy Etnograficheskiy Muзей. F. Vovk. Kolektsiya Nr 1121; fototeka Nr 6545 [in Russian].
17. Chernovitskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey (ChKM), 32834 – III – 20789, 16462 – III – 11765, 12099 – III – 4515, 14700 – III – 11270, 12991 – III – 9293, 43118 – III – 28191, 40518 – III – 26257 [in Ukrainian].
18. Chernovitskiy oblastnoy muzey narodnoy arkhitektury (ChOMNAP), fond NF: 01-03-08, 01-03-10, 01-03-55 [in Ukrainian].
19. *Popovich K.* Iz istorii bessarabs'kikh ukrains'kikh fol'klornikh zaspiviv Pivnichnoï Moldovi. Constantin Popovici. Scieri alese (In 15 volume), vol. V, Chişinău, 2008, pp. 89-190 [in Russian].
20. *Spivae Sturzovka.* Zbirka ukrains'kogo ta moldavs'kogo fol'kloru s. Sturzovka Glodyans'kogo rayonu Moldovi, Kishiniv, 1995, p. 25 [in Ukrainian].
21. *Narisi ukrains'kogo fol'kloru ta khudozhn'oï literaturi Moldovi*, Kishiniv, 2007, pp. 24-25 [in Ukrainian].
22. Constantin Popovici. Scieri alese (In 15 vol.), vol. V, Chişinău, 2008, 592 p. [in Russian].

Кожолянко Александр Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича.

Kojolianko Alexander - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Ethnology, Ancient and Medieval History of Fedkovych National University of Chernivtsi.

e-mail: alexkozholianko@gmail.com

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/18572685/36/14

КРЕПОСТЬ ХОТИН – ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ ВЛАСТИ В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ ШТЕФАНА ВЕЛИКОГО

П.А. Бойкоe-mail: jurnalrusyn@rambler.ru

Scopus Author ID: 55359163200

Авторское резюме

Взятие крепости Хотин – это торжество дипломатии государя и его сторонников. Крепость была приданным невесты Штефана Великого - киевской княжны Евдокии. Вступление молдавского гарнизона в Хотин и свадьба Штефана датируются 1463 г. После смерти княгини Евдокии (9 июля 1466 г.) состоялись двусторонние молдавско-польские переговоры. Хотя тема дискуссии нам не известна, но по составу делегаций можно предположить, что речь шла о возврате приданного, т. е. крепости Хотин. Достаточно напомнить, что в составе польской делегации был наместник Подолии и комендант крепостей Покутин, а в молдавской - Влайку Пыркэлаб, блестящий дипломат того времени. Молдавские дипломаты убедили польскую сторону, что о возврате приданного не может быть и речи, поскольку дочь княгини Евдокии Елена являлась ее законной наследницей.

Ключевые слова: Молдавия, Хотин, Польша, Штефан III Великий, Валахия, Венгрия.

The Khotin fortress - the basis of the consolidation of power in the beginning of the rule of Stefan the Great

P.A. Boikoe-mail: jurnalrusyn@rambler.ru

Abstract

The taking of the Khotin Fortress was a triumph of diplomacy for the ruler and his supporters. The fortress was the dowry of the Kievan Princess Evdokiia, the wife of Stefan the Great. The entry of the Moldavian garrison into Khotin and the marriage of Stefan

occured in 1463. After the demise of Princess Evdokiia on July 9, 1466 Moldavian-Polish bilateral talks took place. Although the theme of the discussion is unknown to us, by the composition of the delegation it can be assumed that the talks were about the return of the dowry, that is the Fortress of Khotin. It is enough to remember that the governor of Podolia and commander of the fortress Pokutin was in the Polish delegation while in the Moldavian delegation was the brilliant diplomat of the time Vlaiku Pyrkelab. The Moldavian diplomats convinced the Polish side that with regard to the return of the dowry there can be no discussion in as much as Elena, the daughter of Princess Evdokiia, was its lawful heir.

Keywords: Moldavia, Khotin, Poland, Stefan the Great, Wallachia, Hungary.

Для Молдавского княжества XV в. был неоднозначным. В первой трети века страна развивалась в условиях политической стабильности благодаря господарю Александру Доброму (1399–1432), сумевшему сплотить вокруг себя большинство бояр. Однако не всех. Такова была закономерность формировавшихся феодальных отношений в странах Восточной Европы, где наряду с усилением боярства наметилась тенденция укрепления господарской власти. Александру Доброму удавалось сохранять спокойствие в стране еще и потому, что он сумел добиться ограничения влияния Константинопольской патриархии, назначавшей митрополитом Молдавии сторонника византийской политики. По примеру Болгарии, Валахии, Москвы и Киева в 1401 г. было достигнуто примирение Молдавской церкви с патриархом, утвердившим митрополитом Иосифа – ставленника господаря. Это примирение было важной политической победой Александра Доброго как внутри страны, так и на международной арене. Это, пожалуй, единственно ценное, что оставил господарь своим потомкам.

Усилением власти господаря были недовольны крупные бояре. Они ждали подходящего случая, чтобы вернуть себе утраченные позиции. И такое время наступило после смерти Александра Доброго. В стране началась вооруженная борьба между отдельными группами бояр. Каждая из них выдвигала на престол своего претендента, а чтобы обеспечить себе победу, искала поддержку за пределами Молдавии. Феодальные междоусобицы подрывали стабильность господарской власти и негативно повлияли на внутреннее положение в стране.

Сложившаяся ситуация объясняется несовершенством системы наследования престола, что было характерно для многих средневековых государств. Александр Добрый оставил многочисленных наследников - как законнорожденных, так и внебрачных. А поскольку все считавшие себя «господарской косточкой» имели право пре-

тендовать на престол, наступила опасность исчезновения Молдавского княжества в результате раздела его земель между соседними государствами: Османской империей, Венгрией, Польшей. Дележка уже была начата. Польский король получил крепость Хотин, король Венгрии – Килию. Эти чрезвычайно тяжелые условия, как полагали истинные патриоты страны, требовали радикальных мер для сохранения Молдавского княжества.

Феодалные распри и частые нашествия извне ввергли население в нищету и уныние. Большинство проявляло недовольство. Все ожидали изменения сложившегося положения. В такой обстановке Молдавия вступила во вторую половину XV в., положившую конец анархии.

Перемены наступили весной 1457 г. Сын Богдана II, убитого своим братом Петром Ароном, Штефан¹, во главе 6-тысячного войска, собранного в Валахии, вторгся в Молдавию. Петр Арон был разбит в двух битвах на Сирете и бежал в Польшу.

После его бегства на поле Дирептате при всеобщем ликовании народа митрополит Феоктист возвел молодого² победителя на престол Молдавии. С этого момента власть господаря, избранного всенародно, стала законной.

Петр Арон и его многочисленные сторонники укрылись в лучшей северной крепости Хотин, куда по просьбе беглецов вошел польский гарнизон. Они надеялись, что при поддержке поляков начнут войну за возвращение Петру Арону престола, как уже неоднократно делали в предшествовавшие годы господа, утратившие трон.

Штефан III Великий пришел к власти в разоренной стране, окруженной сильными противниками. Все ожидали, что новый господарь продолжит сводить счеты со своими недругами, как это делали его 15 предшественников с 1432 по 1457 г. Он удовлетворился изгнанием убийцы своего отца, но не отказался от мести, однако не распространив ее на других лиц, причастных к убийству.

Штефан Великий оказался талантливым государственным деятелем. В своей внутренней и внешней политике он сосредоточился на создании надежной социальной опоры. Расправляясь с оппозиционными группировками, прибегая к компромиссу с крупным боярством, он в то же время привлекал к управлению страной среднее боярство. Господаря поддерживали города и церковь, заинтересованные в сильной центральной власти.

Меры, которые предпринял Штефан, закрепившись на престоле, показали его дальновидность. Господари, приходившие к власти, обычно начинали мстить за старые обиды – казнили сторонников своего соперника, конфисковывали их имущество. Помня об

этом, приближенные лишившегося престола господаря стремились скрыться за границей и там дожидаться подходящего момента, чтобы вернуться с оружием и восстановить утраченные позиции. Штефан Великий, придя к власти, избрал иной путь.

Он посылал специальных агентов к боярам, бежавшим с Петром Ароном, которые уговаривали их возвратиться, обещая им вернуть должности, имущество и никогда не вспоминать измену.

Известно, что Штефан приложил много стараний, чтобы уговорить логофета боярина Михаила (Миху), видного деятеля того времени. В письме от 13 сентября 1457 г. он обещал: «Не вспоминать никогда, вовеки, сколько жить будем, о делах прошлых, помилую тебя и будем иметь в почете, а села, твою отчину, все тебе возвращу»³.

Бояре один за другим стали переходить на сторону господаря.

Обращение к боярам вовсе не означало слабости его позиций, а свидетельствовало о его благоразумии. Время показало, что с переходом основной массы бояр на сторону Штефана Великого дело Петра Арона пришло к окончательному краху.

Другой мерой, предпринятой господарем, было укрепление центральных государственных институтов: господарского совета, местной администрации, войска и всей системы обороны. Так, Штефан сократил численность господарского совета с 30 до 16 человек, исключив тех, кто не занимал государственной должности, и заменил их проявившими себя в делах с лучшей стороны, независимо от знатности рода. Постепенно превратил совет из законодательного в консультативный орган. Исполнительные функции были переданы двору. Это были меры по выходу из-под боярской опеки.

Свободное крестьянство было ограждено от произвола бояр и превращено в основу военной силы государства.

Фундаментом обороноспособности страны господарь считал войско и крепости. Постепенно он сформировал традиционное для страны «малое войско» из 10–15 тыс. дружинников. Его составляли войско господаря, отдельные боярские отряды и наемники. Главная роль отводилась господарской «гвардии». Следом было сформировано «большое войско страны» (ополчение). В него входило до 30 тыс. человек, в частности и крестьяне с собственным оружием. Кавалерия и лучники не уступали лучшим военным частям того времени.

Горожане обязаны были создавать городское ополчение или содержать отряды наемников. Важным звеном в военной организации страны были крепости, поскольку они определяли исход сражений и войн. Они, как правило, строились по периметру границ страны. На Днестре стояли крепости Хотин, Тигина, Чубэрчиу, Белая Крепость, на севере – Сучава, у Карпат – Нямц и Тыргул Тротушулуй, а на реке

Сирет – Роман. Господарь оснастил их стены артиллерией.

Во главе крепостей были посажены пыркалабы из числа особо доверенных Штефану бояр. Он наделил их не только военной, но и административной властью за пределами крепостей. Основной задачей усиления обороноспособности страны господарь считал отвоевывание молдавских крепостей, занятых Польшей и Венгрией.

Во-первых, в сложившейся ситуации на севере страны, при нормальных отношениях с Валахией и Венгрией, молодой правитель хорошо осознал, что нельзя позволить себе игнорировать интересы Польши на Восточно-Карпатском пространстве. Во-вторых, наученный последствиями феодальных войн, Штефан Великий, чтобы укрепить свое правление, должен был пресечь всякое предательство, к которому привыкли бояре после смерти Александра Доброго, а также помешать возвращению своего предшественника, сбежавшего в Польшу. Учитывая то обстоятельство, что последняя с головой ушла в войну с Тевтонским орденом, господарь не спешил обещать подчинение своей страны краковским королям. Он поставил цель вернуть крепость Хотин.

Крепость Хотин⁴, где обосновался Арон, была важным центром экономической жизни в Карпато-Днестровском регионе. Она имела и стратегическое значение для Молдавского княжества. От того, кто будет владеть крепостью, зависела судьба государства. Положение Петра Арона и его сторонников зависело от позиции Польши, которая негласно обозначила свою помощь, введя свой гарнизон в Хотин, тем самым взяв под защиту беглеца. Арону казалось, что ситуация складывается благоприятно. Но это только казалось. Штефан Великий предпринял блокаду Хотина и развернул недружественные акции в его окрестностях - молниеносные рейды, нападения на торговцев и крестьян, направлявшихся на ярмарку. Работы ярмарки была расстроена. Торговцы, крестьяне и ремесленники несли убытки. Приостановилась экономическая и деловая жизнь в целом регионе.

Совершая акты возмездия, люди Штефана Великого установили контакты с элитой Галича, Волыни, Киева. Они вели активные переговоры для достижения поставленной цели – выдворения Петра Арона на безопасное для Штефана пространство.

Штефан добился первой уступки. Петру Арону было определено место проживания в городе Смотвиц, расположенном далеко от границ Молдавии. Но это не могло удовлетворить Штефана III, и он продолжал карательные акции.

Король Польши Каземир IV, будучи занятым северной войной с тевтонцами, не мог направить войска против Штефана Великого.

В разрешении конфликта важную роль сыграли дипломатические действия. Стороны пришли к выводу, что поводом для их примирения может стать женитьба господаря Молдавии на киевской княгине Евдокии, сестре князя Семииона Олельковича. Доводы галицко-волынской и киевской знати убедили короля пойти на примирение с Молдавией.

2 марта 1462 г. Стефан Великий вручил польским посланникам, прибывшим в столицу княжества, документ, в котором заверял короля в своей верности. Он сообщил Казимиру IV, что хочет, подобно своему отцу, быть его вассалом, но настаивает, чтобы Петр Арон, нашедший пристанище в Польше, не получал убежища и поддержки. Он признал польский сюзеренитет и пообещал Казимиру не только оказать необходимую военную помощь, но и вернуть отторгнутые ранее от его страны территории. Польша признала Стефана III господарем Молдавии. Согласно феодальной практике, документ был утвержден государственным советом во главе с митрополитом Феоктистом.

А «в лето 6970 (1463 г.) июля принят Стефан воевода себе господ-жа княгиня Еудокія от Киева, сестра Семеона царе»⁵.

Женитьба сблизила господаря с северным соседом и значительно ускорила разрешение проблемы, заключавшейся в том, быть ли Молдавии суверенным, сильным государством или вернуться на путь боярских междоусобиц.

Казимиру IV гордость и независимость характера Стефана были не по душе. Он настаивал, чтобы тот лично принес клятву вассала. Место присяги король назначил во Львове, но господарь Молдавии не явился, сославшись на нависшую угрозу нападения со стороны турок, мунтян и татар. Казимир назначил новую встречу на 15 августа в Каменице. Стефана интуиция не подводила, к тому же от Яна Длугоша дошли известия о намерении короля арестовать господ-ря и на его место посадить другого. Стефан Великий помнил, что, начиная с Петра I Мушата (с 1387 г.), молдавские правители регулярно подтверждали свой вассалитет. Однако Польша не соблюдала истинные обязанности сюзерена, часто прибегая к недружественным акциям - вплоть до захвата молдавских территорий. Естественно, Стефан не явился и в Каменицу⁶.

В создавшихся условиях, потеряв надежду на помощь польского короля, Петр Арон с поредевшей свитой перебрался в Трансильванию под покровительство венгерского короля Матая Корвина, который открыто требовал признания его сюзеренитета над молдавским господарем. Это значило, что король намеревался военной силой восстановить на престоле Молдавии Петра Арона.

Эти обстоятельства изменили внешнюю политику Штефана Великого. Молдавия сворачивала с пути тесного сотрудничества с Валахией и Венгрией. Это проявилось в 1462 г., когда Штефан предпринял попытку взять крепость Килию.

Отметим, что в период феодальных войн в Молдавии (1432–1457 гг.) Килия была отдана Венгрии, уступившей ее Валахии, где расположился валашско-венгерский гарнизон. Для Молдавии эта крепость была портом с выходом на Дунай, центром рыболовства, важным стратегическим объектом.

Однако попытка овладеть крепостью потерпела неудачу. Под стенами Килии господарь был ранен в ногу. Эту рану врачи не сумели залечить до самой его смерти. Операция стала поводом к реорганизации войска, выявлению способных и мужественных людей для государственной и военной службы.

Эта недружественная акция против венгров в равной мере была и акцией против Валахии и ее господаря Влада Цепеша, который помог Штефану III занять престол Молдавии. Одни историки считают ее серьезной ошибкой Штефана, которая ослабила позиции Цепеша в момент тяжелых битв против турок. Другие оправдывают молдавского господаря стремлением предотвратить захват крепости турками⁷.

Посчитав себя готовым к открытой конфронтации с Венгрией, в начале 1465 г. Штефан Великий вновь атаковал Килию и захватил ее. Это был очень удачный маневр. Крепость находилась на одном из островов на Дунае. Прикрытием послужила свадьба у одного из пыркалабов. С помощью горожан Килия была взята.

Вторым недружественным актом по отношению к Венгрии стали набеги молдавского войска в Трансильванию. Они сопровождались грабежами. Молдаване не скрывали, что до тех пор, пока Петр Арон не будет пойман, подобные акции не прекратятся. К тому же Штефан поддержал секуев, которые из-за непосильных налогов стремились отделиться от Венгрии.

Терпение Матея Корвина иссякло. Для того чтобы восстановить Петра Арона на престоле Молдавии, подчинить ее с политической точки зрения, вернуть крепость Килию, он вынужден был предпринять в декабре 1467 г. экспедицию к востоку от Карат. С 40-тысячной армией король перешел горы, вступил в пределы Молдавского княжества и направился к Сучаве. Располагая 20-тысячной армией, Штефан Великий избегал открытых сражений. Захватчики по пути превращали села и города в руины, совершая преступления, каких не позволяли себе ни турки, ни татары.

Последним привалом на пути к Сучаве стал город Байя. Венгры расслабились по случаю рождественских праздников. Были вскры-

ты все винные подвалы...

Войска Штефана Великого окружили город, и в ночь с 14 на 15 декабря жестокая схватка закончилась окончательным разгромом венгерской армии. Тяжело раненый Матей Корвин лишь из-за предательства большой группы молдавских бояр избежал пленения. Остатки венгерской армии отступили в Трансильванию, унося на носилках своего короля. Этот случай показал Штефану Великому, что окружавшие его бояре не избавились от психологии смутного времени и уже готовились к приему прежнего господаря Петра Арона, предвидя преимущество венгров.

Штефан безжалостно расправился с предателями. Были обезглавлены 24 боярина, высших сановника, среди которых был и великий ворник Исайя, а около 40 менее знатных бояр было посажено на кол.

Чтобы сорвать планы Венгрии в отношении Молдавского княжества, Штефан Великий установил контакты с королем Чехии Иржи Подебрадом, который был крайне заинтересован в союзе с молдавским господарем перед лицом готовившегося совместного похода Корвина и императора Фридриха III против чехов⁸.

Тем самым господарь дал понять венграм, что он готов к последующему обострению отношений и что не безразличен к судьбе Богемии.

Штефан знал, что Матей Корвин ввязался в войну за корону Богемии, тем самым отложив опасную карательную экспедицию против Молдовы. Чтобы обезопасить себя, он 28 июня 1468 г. в Сучаве перед польскими посланниками еще раз признал себя вассалом Казимира IV. Это означало, что король должен был защищать Молдавию «от турок, от татар, от венгров».

Поскольку Венгрия была занята борьбой за корону Богемии, молдавская армия сумела дважды, в 1468 и 1469 гг., совершить набеги на Трансильванию.

В 1469 г. Штефан Великий захватил Петра Арона. Своего дядю он казнил и таким образом лишился самого опасного претендента на престол. Так кампания по преследованию, на которую было затрачено 12 лет, завершилась. В то же время она способствовала выработке дальнейших мер по укреплению обороноспособности страны.

Однако в 1470 г. многочисленные орды крымских татар проверили на прочность положение Штефана Великого. Перейдя Днестр, они атаковали молдавские города и села, предав их грабежам и огню. В августе 1470 г. у дубравы Липник войска хана были разбиты.

Усилия по овладению крепостью Хотин, приложенные господарем с первых дней правления, не только избавили Штефана от

опасности возвращения в страну убийцы его отца - Петра Арона, но и заложили основы внешней и внутренней политики государства. Именно Хотин и события, которые разворачивались благодаря молодому господарю, стали залогом для выдвижения Молдавии в ряд сильных европейских стран.

Жестокое пресечение любых актов предательства, успехи, достигнутые как по дипломатической линии, так и в сражениях, возвращение государству стратегических крепостей на севере и на юге, строительство Оргеевской крепости на пути татарских набегов, выдвижение проверенных людей на ведущие должности в государстве – это были важные шаги на пути консолидации страны. Была заложена основа для еще более смелых планов - прежде всего, для подготовки к предстоящим битвам против турок, ввязавшихся в длительную войну с Венецией (1463–1479 гг.) и с туркменским ханом Узунм Хасаном.

Овладение Хотинот – это торжество дипломатии господаря и его сторонников. Крепость была приданной невесты Штефана Великого - киевской княжны Евдокии. Подтверждение нашей версии в опубликованных источниках обнаружить не удалось. Однако об этом говорят следующие события: вступление молдавского гарнизона в Хотин и свадьба Штефана произошли в 1463 г. После смерти княгини Евдокии (9 июля 1466 г.) состоялись двусторонние молдавско-польские переговоры. Хотя тема дискуссии нам неизвестна, но по составу делегаций можно предположить, что речь шла о возврате приданного, т. е. крепости Хотин. Достаточно напомнить, что в составе польской делегации был наместник Подолии и комендант крепостей Покутин, а в молдавской – Влайку Пыркэлаб, блестящий дипломат того времени. Молдавские дипломаты убедили польскую сторону, что о возврате приданного не может быть и речи, поскольку дочь княгини Евдокии Елена являлась ее законной наследницей.

Штефан Великий объединил значительную группу верных ему людей, готовых беспрекословно проводить его политику. Эта политика соответствовала интересам Молдавии, ибо господарь подавлял сепаратистские устремления бояр и укреплял центральную власть, что совпадало с чаяниями большинства населения и способствовало росту международного авторитета страны. Когда идет речь об успехах Молдавского княжества в первые 15 лет правления Штефана Великого, то имеются в виду, главным образом, ее внешние успехи в борьбе за независимость. Но если вдуматься в значение событий, которые произошли в первые годы правления этого господаря, то самым важным, бесспорно, нужно признать ослабление роли крупного боярства и создание централизованного государства.

Штефан Великий был прежде всего полководцем - без этого нельзя представить себе крупного государственного деятеля того времени. Но он был также и администратором, и дипломатом. В сложных условиях он действовал мечом, а когда было нужно, умело проводил перестройку государственных институтов, прибегал к дипломатическим переговорам.

Концентрация власти в руках господаря была ко времени, поскольку ситуация начала 70-х гг. становилась все более сложной. Над страной нависла угроза османской агрессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мы обозначаем Штефана III. За пределами Молдавии уже в XVI в. его называли Великим, в Молдавии - Штефаном Старым (чел Бэтрын), молдавский летописец (около 1551 г.) - Добрым (чел Бун). Иногда его именовали Святым (Г. Уреке). Титул «Великий» в Молдавии стали употреблять только с XVIII в., а в 2004 г. он был канонизирован и теперь именуется Штефан Великий и Святой (Ștefan cel Mare și Sfânt).

2. Некоторые историки пытаются обосновать точку зрения, что Штефан вззошел на престол чуть ли не в юношеском возрасте, в 15–16 лет. Видный филолог и историк В. Стати отмечает: «...известный молдавский палеограф, тонкий знаток и издатель молдавских средневековых грамот Александр Никитич всенародно сообщил, что им были открыты рукописи, приписываемые молдавскому исследователю, известному синологу Николаю Милеску-Спафарию. В одной из них, в «Хронографе», содержатся неизвестные прежде страницы из жизни Штефана Великого, дающие сведения о возрасте самого Штефана – 22 года – в году смерти (1451) его отца Богдана II. Остается надеяться, что находка Александра Никитича после всестороннего беспристрастного изучения, окажется уникальным открытием» (*Стати В. Штефан Великий. Кишинев, 2004. С. 101,102*).

3. *Xenopol A.D. Istoria românilor din Dacia Traiană. Ed. a IV-a. București, 1986. P. 252.*

4. Хотин польская летопись упоминает с 1310 г. как крепость, построенную из земли и дерева. Польский летописец Длугош приписывает строительство крепостей Хотин, Каменица, Цецина польскому королю Казимиру Великому (1333–1379 гг.). Однако допускается, что он их реконструировал как уже существовавшие. Не обошел вниманием эту проблему и Н. Йорга, стремившийся в любом историческом событии застолбить румынский приоритет. Не прибегая к историческим источникам, он считал, что вездесущим богатым генуэзцам не было повода в столь диком и пустынном месте, вдали от Черного моря, возводить крепость. В современной молдавской историографии утверждается, что крепость Хотин унаследовала название от города, построенного дакийским королем Котизоном, что подтвержда-

ется археологическими раскопками и первоначальным названием Хотина – Хоцим (дакийское). Известно, что крепость входила в состав Галицко-Волынского княжества, а в XIV –XV вв. – Венгерского королевства, а затем Молдавского княжества.

5. *Стати В. Штефан Великий*. С. 102.

6. *Его же*. История Молдовы. Кишинев, 2003. С. 75; *Grigoraș N. Moldova a lui Ștefan cel Mare*. Chișinău, 1992. P. 240; История румын. Средневековая эпоха. Кишинев – Галац, 1992. С. 113.

7. *Xenopol A.D.* Op. cit. P. 253.

8. *Виноградов В.* Краткая история Румынии. М., 1982. С. 42.

9. *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 147.

10. *Ibid.* С. 175.

11. *Iorga N. Istoria lui Ștefan cel Mare*. Chișinău, 1990. P. 60.

References

1. Advanced comment.

2. *Stati V. Shtefan Velikiy*, Kishinev, 2004, pp. 101, 102 [in Russian].

3. *Xenopol A.D.* Istoria românilor din Dacia Traiană, ed. a IV-a, București, 1986, p. 252 [in Romanian].

4. Advanced comment.

5. *Stati V. Shtefan Velikiy*, p. 102 [in Russian].

6. *Stati V.* Istoriya Moldovy, Kishinev, 2003, p. 75 [in Russian]; *Grigoraș N.* Moldova a lui Ștefan cel Mare, Chișinău, 1992, p. 240 [in Romanian]; Istoriya rumyn. Srednevekovaya epokha. Kishinev – Galats, 1992, p. 113 [in Russian].

7. *Xenopol A.D.* Op. cit, p. 253 [in Romanian].

8. *Vinogradov V.* Kratkaya istoriya Rumynii, M., 1982, p. 42 [in Russian].

9. *Mokhov N.A.* Moldaviya epokhi feodalizma, Kishinev, 1964, p. 147 [in Russian].

10. *Ibid.*, p. 175 [in Russian].

11. *Iorga N.* Istoria lui Ștefan cel Mare, Chișinău, 1990, p. 60 [in Romanian].

Бойко Петр Артемович - кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки и образования Республики Молдова.

Boiko Petr - Candidate of Historical Sciences, honored scientist and educator of the Republic of Moldova.

e-mail: jurnalrusyn@rambler.ru

УДК 94(478)"1711/1821"

DOI: 10.17223/18572685/36/15

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В МОЛДАВСКОМ КНЯЖЕСТВЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ФАНАРИОТОВ

Д.К. Чучко

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича

Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2

e-mail: tschutschko@ukr.net

Scopus Author ID: 56032278800

Авторское резюме

В статье автор рассматривает комплекс вопросов, связанных с особенностями взаимоотношений государства и церкви в Молдавии в эпоху фанариотов. Отдельное внимание уделяется проблеме назначения на высшие иерархические посты греков-фанариотов. Прослеживается ряд вопросов, связанных с развитием церковно-религиозной жизни княжества. В частности, освещен вопрос открытия учебных заведений при православных храмах и монастырях и повышения образовательного уровня молдавского духовенства.

Ключевые слова: Молдавия, фанариоты, государство, православные иерархи, княжество, монастыри.

The relationship of the state and church in the Moldavian principality in the period of board fanariotes

D.K. Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University

2 Kotsjubynskyi Str., Chernivtsi, 58012, Ukraine

e-mail: tschutschko@ukr.net

Abstract

In article the author considers a complex of the questions connected with features of relationship of the state and church in Moldova during an epoch fanariotes. The separate attention is paid to a problem of appointment to the highest hierarchical post

of greeks-fanariotes. The number of questions connected with development of religious life of the principality is traced. In particular, creations of educational institutions at orthodox temples and monasteries.

Keywords: Moldova, fanariotes, state, orthodox hierarches, principality, monasteries.

Взаимоотношения Молдавского государства и православной церкви имеют долгую историю. Церковные иерархи и светские правители стремились к контролю жизни общества. В эпоху правления фанариотов церковно-государственные отношения в Молдавии претерпели определенные изменения. Следует отметить, что различные аспекты взаимоотношений государства и церкви на молдавской земле в этот период нашли определенное освещение как в специальных исследованиях, так и в обобщающих работах. Чаще всего эту проблему затрагивали румынские и молдавские ученые¹. В меньшей степени ее исследовали российские дореволюционные историки². В украинской историографии, за исключением нескольких работ³, какие-либо специальные исследования по этому вопросу отсутствуют.

Надо отметить, что период с 1711 по 1821 г. является важной вехой в истории Молдавской земли. Он оставил глубокий след в развитии как государства, так и церкви. Этот период продолжительностью в более 100 лет представляет собой целую эпоху правления господарей-фанариотов, которые в силу сложившихся военно-политических обстоятельств возводились с начала XVIII в. на молдавский престол по воле Османской Порты⁴. Многие из них вели свое происхождение от греческих аристократических семейств, оставшихся в Константинополе после его захвата турками и компактно проживавших в одном из его предместий – Фенэре или Фанаре. В этом же квартале, в окружении домов аристократических греческих семейств и богатого образованного купечества, размещалась резиденция патриарха Константинопольского. Имея значительное денежное состояние и владея иностранными языками, греки-фанариоты еще с XVII в. стали пользоваться особым доверием султанского двора и занимали важные посты в Османской империи, доступные для немусульман, такие, к примеру, как драгоман (переводчик), который в некотором смысле был министром иностранных дел. Пребывавшим на этой должности выходцам из Фанара удалось сосредоточить в своих руках почти всю внешнюю политику Османского государства. Таким образом, они снискали у султанов славу превосходных дипломатов и лояльных Османской Порте людей. Это в свою очередь не могло не повлиять на определение с выбором нового правителя Молдавской земли в начале XVIII в. Турки, убедившись в ненадежности местных господарей (господарь Д. Кантемир перешел во время русско-турецкой

войны 1711 г. на сторону русского царя Петра), передали управление Молдавией в руки верных султану греков-фанариотов⁵.

Необходимо подчеркнуть, что установление фанариотского правления не было простой заменой одного воеводы другим, как это практиковалось в Молдавии в былые времена, а подразумевало изменение самого политического режима и юридического статуса вассального княжества. Перемены касались основных учреждений, характера правления господаря, господарского Дивана и политико-административной системы в целом. Порта назначала господарей из влиятельных греческих семей - без согласия страны и без соблюдения традиционных избирательных процедур. Первым господарем-фанариотом в 1711 г. был назначен Николай Маврокордат, который уже до того один раз правил Молдавией. Однако объективности ради надо сказать, что эпоха правления фанариотов не состояла из назначения на престол одних лишь греков. Так, семейство Раковицэ было румынским, а его представитель Михай Раковицэ был господарем в Молдавии как до правления Димитрия Кантемира, так и после. Молдавским по происхождению был род Каллимаки (Келмашул), который дал Молдавии нескольких господарей. Семейство Гика происходило из Албании и подарило обоим княжествам нескольких господарей, причем как до эпохи фанариотов, так и во время их господства и даже после ликвидации фанариотского режима. До 1774 г. среди господарей Дунайских княжеств одни лишь Маврокордаты были чистокровными греками. После 1774 г. на молдавский престол султан стал назначать представителей и других греческих семейств - Шуцу, Ипсиланти, Морузи. В своей политике господари-фанариоты опирались на свое окружение из греков, но при этом зависели и от местных бояр, сотрудничавших с властью в обмен на обеспечение своего привилегированного положения.

Следует отметить тот факт, что Порта стала назначать господарей-фанариотов в один из самых сложных периодов истории Молдавского княжества⁶. Происходила эксплуатация богатств Молдавии Османской империей, которая приходила в упадок из-за неспособности эффективно организовать экономику. Кроме того, немаловажным фактором, разорявшим Молдавское княжество, являлась продажа господарских престолов, что, в свою очередь, вынуждало фанариотов восполнять эти затраты за счет введения новых податей⁷.

В этих условиях, казалось бы, должен был произойти упадок в культурной и духовной жизни. Но именно здесь случились сдвиги в лучшую сторону. Новые правители княжества вместе с высшими иерархами православной церкви Молдавии всячески содействовали улучшению духовной жизни жителей страны. Господари-фанариоты строили учебные заведения, православные церкви и монастыри. Толь-

ко в XVIII в. на территории Молдавского княжества были построены 21 монастырь и 102 скита. О росте количества православных святынь и храмов свидетельствует перепись 1810 г., из которой следует, что во всей Молдавии существовало 203 монастыря с 1860 монахами и 2313 церквей, в приходах которых служило около 4692 священников⁸. При этом следует учесть, что в эту перепись не вошли храмы, находившиеся на утраченных в связи с последними несколькими русско-турецкими войнами территориях. Так, перепись 1775 г., проведенная австрийской военной администрацией в бывших северных волостях Молдавской земли (на Буковине), свидетельствует о наличии там 18 больших и 16 малых монастырей, в которых проживали 466 монахов и 88 монахинь.

Дабы многочисленные монастыри и храмы не окормлялись неграмотными священниками или настоятелями, правители Молдавии всячески старались повысить образовательный уровень местного духовенства. В фанариотский период одним из первых уделил особое внимание образованию молдавских клириков господарь-грек Константин Маврокордат. Своим уставом от 1741 г. он предписывал, что все «желающие вступить в духовное звание, обязанные быть на некоторое время в митрополии или в одном из 3-х епископств прежде получения чина дьякона, и там учиться – от ученых лиц, назначенных высшими народными пастырями, – не только предметам, нужным православию, которые необходимо знать каждому христианину, но и предметам, необходимым священническому сану, то есть каким образом нужно окормлять христиан, их духовных сыновей»⁹. Кроме того, немаловажным шагом с его стороны было прописанное в том же уставе положение о создании при православных обителях образовательных заведений: «В митрополии, епископствах и во всех монастырях приказано держать учителей и детей для учения, каждый из них по своим средствам. Митрополит и епископы в своих епархиях по городам и большим селам должны назначать хороших священников, которые учили бы сыновей тамошних жителей молитве вере, то есть 12 членам христианства, содержавшимся в Символе веры, 7 церковным тайнам и предметам, относящимся к Богу, и так как это требует большого труда, то учить их с пониманием предмета, дать им....и учить их письму».

Не забывая и о черном духовенстве (монахах), К. Маврокордат старался регламентировать и их жизнь. В упомянутом уставе 1741 г. во избежание проникновения мирской жизни в монашеский аскетизм воевода предписывал: «...Не жить монахам в других местах, хотя и в своих домах, но все они должны жить в монастырях. Запрещено совсем вступать в монашеское звание без ведома митрополита. Так как монахи оставили свет для моления Богу в монастырях..., они не

могут быть пастухами коров, ульев и овец и тому подобное. Запрещено совсем вступать в монашеское звание без ведома митрополита. Настоятелей без причины не снимать, но оставлять их на всю жизнь, когда же будет какая-либо причина, то тщательно доказывать ее письменно и тогда лишать его достоинств. Настоятели непременно должны избираться монахами того монастыря из среды их, но когда в том монастыре не будет достойного для сего монаха, то настоятель может быть выбран и из другого места. Доходы и расходы каждого монастыря должны в свое время быть подвергнуты рассмотрению монастырского общества, которое, одобряя их, должно и утвердить их подписями всех его членов, ибо все они участвуют в прибыли и пользе монастыря»¹⁰.

Но на этом господаре период просвещения в Молдавии не кончается. В 1749 г. были основаны школы при храмах Св. Николая, Св. Пятницы и Св. Саввы в Яссах, где учились дети простолюдинов¹¹. В 1766 г. воевода Г. Гика издает указ об основании школ в Сучаве, Черновцах, Радовцах, Путне, Кымпулунге Молдавском и Кымпулунге Русском¹².

Из приведенных выше примеров мы видим, что указания ряда исследователей на то, что епископы-греки не заботились об образовании клириков и что при них монашеская жизнь в Молдавии пришла в упадок, а нравственный уровень народа заметно снизился, не имеют под собой реальной почвы. Конечно, создание школ при церквях, монастырях и т. д. способствовало частичной эллинизации духовенства, так как основным языком преподавания являлся именно греческий. Но, как справедливо замечает в своей работе историк Александр Дворкин, было бы ошибкой рассматривать этот процесс лишь как навязывание греческого культурного империализма противившемуся этому местному населению. Скорее всего, в особенности поначалу, это был добровольный выбор местной церкви, стремившейся получить греческую ученость, с одной стороны, а с другой – желание заручиться поддержкой фанариотских денег и влиянием в борьбе против агрессивных латинских миссионеров, постоянно прибывавших в княжество из владений Габсбургов и из Польши¹³.

Что касается языка богослужения, то до середины XVII в. им в Молдавской земле оставался церковнославянский. Затем он стараниями Василе Лупу и последующих молдавских господарей был заменен на румынский. Но уже в XVIII в. в связи с установлением фанариотского режима частым явлением стало использование в богослужении греческого языка.

Кроме того, некоторые исследователи истории Молдавии эпохи фанариотов ставят в вину воеводам-фанариотам содействие в назначении на все высшие иерархические посты в православной церкви

княжества исключительно иностранцев-греков. Насколько это соответствует действительности, попробуем определить, ознакомившись с перечнем лиц, занимавших в ту пору Молдавскую митрополичью кафедру в Яссах. Таковыми были:

1. Гедеон (Ghedeon de Agapia, 1708-1723), при котором возобновилась работа типографии. В 1714 г. был издан Синописис, а через год - «Liturghier» с молитвами на румынском и славянском языках¹⁴;

2. Георгий (Gheorghie de Neamț, 1723-1729/1730);

3. Антоний Черновский-Путняну (Antonie, 1730-1739/1740) – уроженец Черновцов, постриженник монастыря Путна. В 1739 г. ушел с русскими войсками в Россию;

4. Никифор (Nichifor Grecul, 1740-1750) - уроженец Пелопонеса. В миру Николай. Был сакеларием митрополита Нафплиоса (Пелопонес). При нем в Молдавии действовали четыре типографии;

5. Яков Путняну (Iacov, fost la Rădăuți, 1750-1758) – уроженец Рэдэуць, постриженник монастыря Путна. В 1744 г. был избран игуменом Путнянского монастыря, а через два года стал епископом Рэдэуцким. После вступления на митрополичью кафедру в 1751 г. созвал в Яссах собор, на котором принято постановление о недопущении греков к занятию архиерейских кафедр в Молдавии;

7. Гавриил (Gavriil Callimachi, 1758-1786) – в миру Георгий Каллимаки, брат молдавского господаря Иоанна Теодора Каллимаки. Родился, скорее всего, в Кымпулунге Молдавском. Был мирополитом Салоникским;

8. Леон (Leon Gheuca, 1786-1788). Став митрополитом Молдавским, повторил постановление Ясского собора 1751 г. о недопущении греков на святительские кафедры. Происходил из Буковины, был постриженником монастыря Путна. Занимал епископскую кафедру в Романе;

9. Амвросий Серебренников (Amvrosie de Ecaterinoslav, 1788-1792). До того как стал владыкой Молдавским был архиепископом Полтавским. Во время русско-турецкой войны указом императрицы Екатерины II назначен митрополитом Молдавии. В 1790 г., живя в Нямецком монастыре, возвел в сан архимандрита великого старца и настоятеля этой обители Паисия Величковского. Убит 13 ноября 1792 г.;

10. Гавриил II Бэнулеску-Бодони (Gavriil Bănulescu, fost la Acherman, январь-апрель 1792 г.). В 1784 г. был возведен митрополитом Молдавским Гавриилом Каллимаки в сан архимандрита. После свержения с поста митрополита Молдавии (Османская империя и Константинопольский патриарх его так и не признали каноническим молдавским владыкой) Всероссийский Синод в 1792 г. назначил его экзархом Молдавии, Валахии и Бессарабии;

11. Яков Стамати (Iacov Stamati, 1792-1803). Был учеником знаменитого старца Паисия Величковского. После ареста митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони назначен митрополитом Молдавским.

12. Вениамин Костаки (Veniamin Costachi, 1803-1808) за всю историю Молдавского княжества считается одним из самых замечательных архипастырей Молдавской православной церкви. В возрасте 20 лет был назначен игуменом известного монастыря Св. Спиридона. В 22 года, в 1792 г., стал епископом Хушским.

13. Гавриил II Бэнулеску-Бодони (Gavriil Bănulescu) в 1808-1812 гг. во второй раз занимал Молдавскую митрополичью кафедру.

14. Вениамин Костаки (Veniamin Costachi) в 1812-1842 гг. повторно стал митрополитом Молдавским¹⁵.

Среди всех вышеперечисленных митрополитов Молдавских лишь митрополит Никифор был греком по происхождению. Все прочие, кроме россиянина Амвросия Серебренникова, ставленника императрицы Екатерины Великой¹⁶, имели молдавское происхождение.

К историографическим мифам позднейшего времени следует отнести также тезис о том, что для получения возможности назначать своих ставленников на митрополичью кафедру фанариотские правители путем наговоров о неблагонадежности местных молдавских митрополитов и епископов добились права избрания и назначения на святительские кафедры в Молдавии преимущественно греков. Этого никак не могло быть, поскольку еще со времен установления протектората Порты над Молдавским княжеством господами избирали (согласно традиции, сложившийся еще во времена господаря Александра Доброго – основателя Молдавской митрополии в Сучаве) митрополитов страны, а патриарх Константинопольский утверждал предложенных господарем кандидатов на эту должность.

Несмотря на то, что после 1731 г. выборы боярами господаря (которые, впрочем, уже давно стали пустой формальностью) окончательно отменили и султан лично назначал молдавского воеводу, который за это платил бакшиш как самому султану, так и его министрам, помазание господарей-фанариотов на престол (ритуал, который повторял помазание императора ромеев-византийцев) оставалось неизменным. Как и во времена воеводы Димитрия Кантемира, правители Молдавского княжества помазывались на господарство патриархом Константинопольским в Софийском соборе¹⁷. Уплатив дань и выполнив необходимые ритуалы при дворе султана, господарь прибывал в Молдавию, где повторно помазывался на господарство митрополитом Молдавским.

В 1821 г. против османского господства сначала в Валахии, а потом и в Молдавии началась революция, следствием которой стало падение фанариотского правления. В итоге в Молдавии был восстановлен

институт правления местных господарей, что воспринималось как восстановление старых свобод¹⁸.

Таким образом, можно констатировать, что в начале XVIII в. в Молдавском княжестве установился новый политический режим, при котором страной начали править исключительно фанариоты – ставленники султана, связанные с греческим кварталом Константинополя Фанаром. Несмотря на то, что этот период обозначился определенными реформистскими тенденциями в экономической и политической сфере, призванными улучшить налоговую систему для исправной выплаты дани Порте, сдвиги в лучшую сторону стали ощутимыми только в духовной жизни Молдавского княжества. Будучи сторонниками просвещения, фанариотские правители активно создавали учебные заведения при храмах и монастырях. Желая поднять образовательный уровень местного духовенства, в котором виделась духовная опора власти, господари-фанариоты издали множество указов, целью которых были регламентация монашеской жизни и установление правил вступления в духовный сан. Кроме того, по всей Молдавии строилось много православных обителей. О развитии духовной сферы свидетельствовало также увеличение общего количества храмов и монастырей, построенных в разных цинутах княжества, а также числа клириков, которые в них служили.

ЛИТЕРАТУРА

1. Iorga N. Istoria bisericii românești și a vieții religioasă a românilor. Valenii-de-Munte, 1930. Vol. II; *Păcurariu M.* Istoria Bisericii Ortodoxe române. București, 1992. Vol. II; *Vicovan I.* Istoria bisericii ortodoxe Române. Iași, 2002. Vol. II; *Istoria Românilor* / Dr. Paul Cernovodeanu, prof. univ. dr. Nicolae Edroiu (coordonatori). București, 2002. Vol. VI; *История Румынии* / И. Болован, И.-А. Поп (координаторы) и др. М., 2006; *Статуи В.* История Молдовы. Chișinău, 2002.

2. *Арсений, епископъ Псковскій.* Изслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви. СПб., 1904.; *Палаузов С. Н.* Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859.

3. *Буковина: історичний нарис* / За заг. ред. В.М. Ботушанського. Чернівці, 1998; *Чучко М.* Становище північних волостей Молдавії в епоху фанаріотів // *Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології: Збірник наукових праць* / Чернівецький національний університет ім. Юрія Федьковича, кафедра етнології, античної й середньовічної історії. Чернівці, 2005. Т. 1 (19); *Его же* «И взят Бога на помощь»: соціально-релігійний чинник в житті православного населення північних волостей Молдавського воеводства та австрійської Буковини (епоха пізнього середньовіччя та нового часу). Чернівці, 2008; *Его же.* Жизнь и деятельность митрополита Антония (Путняну-Черновского; †1748) в северных волостях земли Молдавской и в провинции Буковина // *Русин. Международный исторический журнал* / Отв.

ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2012. № 3 (29). С. 91-105.

4. *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма (от древнейших времен до начала XIX века). Кишинев, 1964. С. 359.

5. *История Румынии / И. Болован, И.-А. Поп (координаторы) и др.* С. 377.

6. *Єлавіч Б.* Історія Балкан XVIII і XIX ст. К., 2003. Т. 1. С. 133.

7. *Арсеній, єпископ Псковскій.* Изсльдованія и монографіи по історіи Молдавской церкви.

8. *Istoria Românilor / Dr. Paul Cernovodeanu, prof. univ. dr. Nicolae Edroiu (coordonatori).* P. 342.

9. Уставъ Молдавіи 1741 года, изданный Іо Константиномъ Николаемъ Вель Воеводою, Божією милостію Господаремъ земли Молдавской // Записки императорскаго Одесскаго общества історіи и древностей. Одесса, 1877. Т. 10. С. 494-495.

10. *Там же.* С. 495.

11. *Păcurariu M.* Istoria Bisericii Ortodoxe române. București, 1992. Vol. II. P. 345.

12. *Чучко М.* Становище північних волостей Молдавії в епоху фанаріотів. С. 169.

13. *Дворкин А.П.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви: Курс лекций. Нижний Новгород, 2005.

14. *Păcurariu M.* Istoria Bisericii Ortodoxe române. București, 1992. Vol. II. P. 341.

15. *Арсеній, єпископ Псковскій.* Изсльдованія и монографіи по історіи Молдавской церкви. С.57-62; *Iorga N.* Istoria bisericii românești și a vieții religioasă a românilor. Valenii-de-Munte, 1930. Vol. II. P. 326-327; *Vicovan I.* Istoria bisericii ortodoxe Române. Iași, 2002. Vol. II. P. 89-94.

16. *Иринеи, игумен.* Митрополит Гавриил (Бэнулеску-Бодони) и основанная им Кишиневско-Хотинская епархия. С. 18.

17. *Палаузов С.Н.* Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859.

18. *История Румынии / И. Болован, И.-А. Поп (координаторы) и др.* С. 421.

References

1. *Iorga N.* Istoria bisericii românești și a vieții religioasă a românilor, Valenii-de-Munte, 1930, vol. II [in Romanian]; *Păcurariu M.* Istoria Bisericii Ortodoxe române. București, 1992, vol. II [in Romanian]; *Vicovan I.* Istoria bisericii ortodoxe Române, Iași, 2002, vol. II [in Romanian]; *Istoria Românilor*, dr. Paul Cernovodeanu, prof. univ. dr. Nicolae Edroiu (coordinators), București, 2002, vol. VI [in Romanian]; *Istoriya Rumynii*, I. Bolovan, I.-A. Pop (coordinators) et al., M., 2006 [in Russian]; *Stati V.* Istoriya Moldovy, Chișinău, 2002 [in Russian].

2. *Arseniy, episkop.* Pskovskiy Izsldovaniya i monografii po istorii Moldavskoy tserkvi, SPb., 1904 [in Russian]; *Palauzov S.N.* Rumynskie gospodarstva Valakhiya i Moldaviya v istoriko-politicheskom otnoshenii, SPb., 1859 [in Russian]

3. *Bukovina: istorichniy naris / Za zag. red. V.M. Botushans'kogo*, Chernivtsi, 1998 [in Ukrainian]; *Chuchko M.* Stanovishche pivnichnikh volostey Moldavii v epokhu fanariotiv, Pitannya starodavn'oi ta serednovichnoi istorii, arkheologii

y etnologii, Zbirnik naukovikh prats', Chernivets'kiy natsional'niy universitet imeni Yuriya Fed'kovicha, kafedra etnologii, antichnoi y seredn'ovichnoi istorii, Chernivtsi, 2005, t. 1 (19) [in Ukrainian]; *Chuchko M.K.* "I v'zyat Boga na pomoshch'": sotsial'no-religiyiniy chinnik v zhitti pravoslavnogo naselennya pivnichnikh volostey Moldavs'kogo voevodstva ta avstriys'koï Bukovini (epokha pizn'ogo seredn'ovichchya ta novogo chasu), Chernivtsi, 2008 [in Ukrainian]; *Chuchko M.* Zhizn' i deiatelnost' mitropolita Antonia (Putnianu- Chernovskogo; †1748) v severnykh volostiah zemli Moldavskoi I provincii Bukovina, Rusin. International historical magazine, red. S.G. Sulyak, 2012, Nr 3 (29), pp. 91-105 [in Russian].

4. *Mokhov N.A.* Moldaviya epokhi feodalizma (ot drevneyshikh vremen do nachala XIX veka), Kishinev, 1964, p. 359 [in Russian].

5. Istoriya Rumynii, I. Bolovan, I.-A. Pop (coordinators) et al., p. 377 [in Russian].

6. *Elavich B.* Istoriya Balkan XVIII i XIX st., K., 2003, t. 1, p. 133 [in Russian].

7. *Arseniy, episkop.* Pskovskiy Izsl'dovaniya i monografii po istorii Moldavskoy tserkvi [in Russian].

8. Istoria Românilor, dr. Paul Cernovodeanu, prof. univ. dr. Nicolae Edroiu (coordonatori), p. 342 [in Romanian].

9. Ustav Moldavii 1741 goda, izdannyy Io Konstantinom Nikolaem Vel Voevodoyu, Bozhieyu milostiuyu Gospodarem zemli Moldavskoy, Zapiski imperatorskago Odesskago obshchestva istorii i drevnostey, Odessa, 1877, t. 10, pp. 494-495 [in Russian].

10. *Ibid.*, p. 495 [in Russian].

11. *Păcurariu M.* Istoria Bisericii Ortodoxe române, București, 1992, vol. II, p. 345 [in Romanian].

12. *Chuchko M.* Stanovishch e pivnichnikh volostey Moldavii v epokhu fanariotiv, p. 169 [in Ukrainian].

13. *Dvorkin A.P.* Ocherki po istorii Vselenskoy Pravoslavnoy Tserkvi, kurs lektsiy, Nizhniy Novgorod, 2005 [in Russian].

14. *Păcurariu M.* Istoria Bisericii Ortodoxe romane. București, 1992, vol. II, p. 341 [in Romanian].

15. *Arseniy, episkop Pskovskiy.* Izsl'dovaniya i monografii po istorii Moldavskoy tserkvi, pp. 57-62 [in Russian]; *Iorga N.* Istoria bisericii românești și a vieții religioasă a romanilor, Valenii-de-Munte, 1930, vol. II, pp. 326-327 [in Romanian]; *Vicovan I.* Istoria bisericii ortodoxe Romane, Iași, 2002, vol. II, p. 89-94 [in Romanian].

16. *Iriney, Igumen.* Mitropolit Gavriil (Benulesku-Bodoni) i osnovannaya im. Kishinevsko-Khotinskaya eparkhiya, p. 18 [in Russian].

17. *Palauzov S.N.* Rumynskie gosudarstva Valakhiya i Moldaviya v istoriko-politicheskom otnoshenii, SPb., 1859 [in Russian].

18. Istoriya Rumynii, I. Bolovan, I.-A. Pop (coordinators) et al., p. 421 [in Romanian].

Чучко Дмитрий Константинович – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича

Chuchko Dmytro – Graduate Student of the Department of Modern and Contemporary History of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University.

e-mail: chuchko.dmytro@ukr.net

УДК 94(477.87)"1913/1914":271.2:070.48(477.83)

DOI: 10.17223/18572685/36/16

АНТИРУСИНСКИЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС 1913-1914 гг. В МАРАМОРОШ-СИГОТЕ НА СТРАНИЦАХ ЛЬВОВСКИХ ГАЗЕТ «ДЕЛО» И «ДЕЛО И НОВОЕ СЛОВО»

Ю.В. Данилец

Ужгородский национальный университет
Украина, 88000, г. Ужгород, пл. Народная, 3

e-mail: jurijdanilec@rambler.ru

Scopus Author ID: 55089984900

<http://orcid.org/0000-0003-0592-3907>

SPIN-код: 7540-4030

Авторское резюме

В статье представлены материалы по истории Второго Мараморош-Сиготского судебного процесса, которые печатались на страницах львовских газет «Дело» и «Дело и Новое слово». Опубликованные материалы проливают свет на причины преследования русинов, характеризуют акт обвинения, ход следствия, самого суда и его результаты. Журналисты, которые присутствовали на судебном процессе, приводят в своих докладах важные факты, называют имена прокурора, свидетелей, адвокатов и обвиняемых. Становится ясно, что венгерская власть для подготовки материалов этого процесса использовала услуги платных агентов и провокаторов. Для материалов характерна критика православного движения. Газеты считают православие наследием русофильской пропаганды.

Ключевые слова: крестьяне, обвиняемый, православные, пропаганда, суд, свидетель, священник.

Newspapers «Delo» and «Delo and New Slovo» as a source of history trial in Marmarosh-Sigot years 1913-1914

Ju.V. Danilets

Uzhgorod National University
3 Folk square, Uzhgorod, 88000, Ukraine
e-mail: jurijdanilec@rambler.ru

Abstract

The article submitted materials on the history of litigation in Maramarosh-Sigot, which were printed on the pages of newspapers Lvov «Delo» and «Delo and New Slovo». Published materials shed light on the causes of persecution of the Ruthenian characterize the act charged, the investigation, the course of the trial and its results. Journalists who attended the trial, served in their reports to the important facts suggest the names of the prosecutor, witnesses, lawyers and the accused. It becomes clear that the Hungarian authorities to prepare material litigation services used paid agents provocateurs. Materials are characterized by criticism of the Orthodox movement, the newspaper said Orthodoxy heritage Russophile propaganda.

Keywords: peasants, charged, orthodox, propaganda, tribunal, witness, priest.

В 2014 г. исполнилось сто лет с того времени, когда закарпатцев, которые решили вернуться к прадедовской православной вере, судили в Мараморош-Сиготе как государственных преступников. Судебный процесс против 94 крестьян начался 29 декабря 1913 г. и закончился 3 марта 1914 г. Его результатом стало осуждение 32 человек во главе с иеромонахом Алексием (Кабалюком) на разные сроки тюремного заключения. Не будем углубляться в причины этого процесса - об этом мы уже рассказывали на страницах различных научных изданий¹. Судебный процесс в Мараморош-Сиготе стал резонансным событием того времени. О его ходе и последствиях писало немало украинских, российских и зарубежных газет. Конечно, в зависимости от политических предпочтений периодические издания не всегда давали объективную оценку событиям, современниками которых были. Вместе с тем, материалы прессы начала XX ст. являются для нас бесценным источником, позволяющим заполнить неизвестные лакуны истории.

В предлагаемой публикации мы вводим в научный оборот материалы, которые печатались на страницах львовских газет «Дело» и «Дело и Новое слово» в декабре 1913 г. – марте 1914 г. Газета «Дело» была основана в 1880 г. и принадлежала к народовецкому направлению. Ее последний номер вышел в 1939 г. «Новое слово» издавалось в 1912-1914 гг. В декабре 1913 - первых числах февраля 1914 г. эти газеты временно объединились и выходили под названием «Дело и Новое слово»². К печати было подготовлено 13 материалов, которые печатались на страницах газет. Текст переведен на русский язык. Отдельные неточности, допущенные при публикации (а это особенно касается имен), исправлены. На страницах «Русина» на эту тему была опубликована статья С. Суляка³.

Русофильское движение в Северной Венгрии

Под таким заголовком содержит градецкая Tages-post вот такое сообщение из Будапешта о «монстр-процессе» над венгерскими русинами.

Процесс политического характера начнется 29 с. м. Несколько десятков лет заметно среди русинов Северной Венгрии диссидентское движение от гр.-кат. церкви. Сначала удалось пропагандистам только единицы оторвать от гр.-кат. церкви, но в последний год успели они уже склонить крестьян в нескольких местностях к массовому отступничеству. Венгерское правительство изначально не обращало внимания на сию агитацию, но, когда пресса стала о ней писать, взялось давить это движение. Правительство пришло к убеждению, что этой агитации способствует особенно плохое материальное положение русского народа, и поэтому основало в русских окраинах т. н. «Народные правительства», которые должны оказывать помощь населению. Но эти правительства возглавлены чиновниками, которые не знают русского языка, а считали только свои должности за синекуры. Один уважаемый венгерский публицист писал о деятельности этих «народных правительств» страшные вещи. Деньги, которые правительство давало им на пособия для нуждающихся русских крестьян, использовались на шампанское, при гуляниях за счет хлопской нужды. Доходило до того, что давали пить шампанское лошадям венгерской аристократии. А в то время могли агитаторы, которые побывали в России, вести свою русофильскую и православную пропаганду. Лидер этих агитаторов - православный монах Алексей Кабалюк перетянул тысячи русинов в православие, вызвал среди них небывалое воодушевление для «спасительницы России и всемогущего царя». Он причитал, что «батюшка царь» придет в Венгрию и освободит «свой любимый русский народ» от еврейского и венгерского ига.

Эта православная, а точнее российская ирредентистская пропаганда усилилась особенно с началом Балканской войны. Только тогда венгерское правительство решилось на энергичный шаг. Дебреценская прокуратура обвинила 94 русских крестьян в государственной измене, шпионаже и подстрекательстве против венгерского правительства. Процесс против обвиненных русинов, которых преимущественно до сих пор держат в следственной тюрьме, должен был начаться 25 ноября. Но по неизвестным причинам суд отложен, из чего некоторые журналы заключили, что обвиняемые получили амнистию, учитывая вес России. Однако эта мысль оказалась ошибочной. Все же некоторые признаки говорят о том, что во время

процесса, в котором участвуют до 300 свидетелей и 60 защитников, будет остановлено производство против некоторых обвиняемых в связи с тем, что прокуратура должна была прийти к убеждению, что они были только слепым орудием в руках российских агитаторов и, впрочем, не допустили ничего противозаконного.

В связи с этим процессом, который состоится в Марморощком Сиготе – главном гнезде российской пропаганды в Венгрии, приступило венгерское правительство к подготовке работ для решения русского вопроса в Венгрии. Государственный секретарь барон Перени, которого считают хорошим знатоком отношений среди венгерских русинов, согласен с высшим духовенством греко-католической церкви при помощи необходимых реформ в русских частях Венгерского королевства устранить почву для российской православной пропаганды⁴.

№ 2

Жертвы русофильской пропаганды перед судом

Мараморошский Сигот (Венгерское корреспондентское бюро). Сегодня здесь начинается слушание в процессе против Александра Кабальюка и 180 обвиняемых в бунте и подстрекательстве. Главный обвиняемый Кабальюк сбежал.

Из акта обвинения следует указать на такие подробности.

Александр Кабальюк, которого звали также о. Алексеем, имеет 36 лет, греко-католического обряда, не женат. В прошлом был лесным работником. Четыре обвиняемых - Юрий Воробчук, Михаил Палканинец, Иван Бабиниц и Яков Борканюк - в следственной тюрьме, а прочие - на свободе. Кабальюку и 25 обвиняемым предъявлено, что провинились в том, что подстрекали и бунтовали, а именно тем способом, что в согласии с гр. Владимиром Бобринским, главой «Благотворительного общества» и «Союза русского народа» и жителями Черновцов - врачом Романом Геровским, адвокатом Александром Геровским и инженером Юрием Геровским стремились к тому, чтобы территория, где живут русины греко-католики, перешла под российское владение.

С этой целью распространяли на ярмарках и праздниках в Мариэповче, Биксаде, Хусте, Бороняве и иных общинах комитатов Мараморош, Угоча и Берег при материальной поддержке петербургского «Галицко-русского общества» разные листовки и газетки, в которых представляли российскую национальную идею и греко-православную церковь и критиковали греко-католический обряд и его духовенство, венгерский народ и руководство венгерского государства и побуждали ненависть к ним.

Другим обвиненным предъявлено, что сии письма зачитывали на собраниях, объясняли и распространяли среди населения. Акт обвинения приводит разные цитаты из тех писем. Итак, в брошюре «Вера и Церковь» сказано: «Российский царь сердит на нашего императора и заберет всю территорию, на которой теперь живут русины, аж по Тису. Однако нужно, чтобы вы перешли в православие, чтобы тогда, когда получим помощь России, часть Венгрии, в которой живут русины, легко перешла под власть России». В той брошюре высказана обида на греко-католическую религию, и ее называли коррумпированной. Дальше читаем в сей брошюре: «Кто держится греко-католической религии, попадет в ад. Православная религия, главой которой является царь, является наилучшей и единственной, которая ведет к спасению. Если не обратитесь, то российский царь, который скоро придет в край, поставит обращенных по правую, а необращенных по левую руку. Царь прикажет, чтобы те, кто будут по правую, застрелили тех, что будут по левую руку».

В обширном вступлении к акту обвинения сказано, что это движение датируется многими годами. Главным его центром были сельские общины Иза в комитате Мармарош и Великие Лучки в комитате Берег.

Одним из важнейших фактов того движения является союз Александра Геровского с Александром Кабалуком, который был обычным лесным рабочим, стал миссионером и при материальной помощи Геровского поехал в Иерусалим и на гору Афон. Там стал монахом, а затем путешествовал по комитатам Марморощ, Угоча и Берег, развивая большое движение, чтобы обращать греко-католическое население в православие. Возвращения в православие были столь многочисленны, что православные обратились к политической власти и просили разрешения образовать греко-православную церковную общину. И греко-католическое духовенство, и политические власти признали, что свидетельства изменения вероисповедания не отвечали требованиям закона, а старший судья [...] уезда Хуст постановил в одном рескрипте, что эти обращения имеют выразительную цену политического движения и являются документами агитации, которая имеет целью подготавливать властвование России на окраинах Венгрии. После приводит акт обвинения многочисленных свидетелей того, что австрийские горожане братья Геровские, которые являются внуками известного панславистского агитатора Адольфа Добрянского, поддерживали это движение материально. Хожение многочисленных российских монет, копеек и рублей, которые обращенные лесные рабочие дали корчмарю Хаиму Рутнеру в Дульфало и Вильгельму Вайсову в Хусте, свидетельствуют также

о том, что это движение поддерживалось заграничными деньгами. Дальше - утверждение, что холмский епископ Евлогий, житомирский епископ Антоний и монахи с горы Афон обеспечивали обращенных литургическими книгами и другими предметами, необходимыми в богослужении.

Принимали также меры, чтобы посылать гр.-кат. парней и девушек в монастыри в Холме и Яблочине, где должны были их выучить на священников и монахинь, чтобы позже отправить в Венгрию для распространения православия. В летучем листке «Объяснение для православных о старом и новом календаре», который имеет подстрекательное содержание, накладывается обязанность на каждого русина, чтобы отбыл в паломничество в Киев, и дана подробная информация...⁵

№ 3

Жертвы русофильской пропаганды перед судом

Мараморошский Сигет (ТКБ). Вчера началось слушание против венгерских русинов, обвиняемых в государственной измене. Зал был полный еще перед началом слушания. После оглашения акта обвинения приступили к слушанию обвиняемых. Подавляющая часть не понимает по-мадьярски, однако выступает на суде переводчик. Первым выступал обвиняемый Воробчук. Он признает вину и заявляет, что попал под влияние других. С Геровскими познакомился в Черновцах, откуда высылали ему книги для распространения. На замечание председателя, что следователю признался в том, что движение имело политические цели, заявляет, что возражает против сказанного три месяца тому. Когда же ему в конце судья представил роль Геровского, начал задумываться. Отдельные высказывания Геровского, как, например, «Придет время, когда придут сюда русские», прояснили ему ситуацию, и он стал приходить к убеждениям, что строительство православных монастырей имеет цель сделать из русинов орудие в руках России⁶.

№ 4

Жертвы русофильской пропаганды перед судом

Обвиненные прибыли с женщинами и детьми, которые расположились лагерем перед зданием суда. Среди обвиняемых находятся также три женщины, которых обвиняют в распространении русофильских брошюр. Елена Глушманюк явилась на суд с тремя чадами, потому что некому за ними смотреть. Акт обвинения зачитан на мадьярском и русском языке. Президент суда др. Товт вызвал обвиняемых по-венгерски, и они все, за исключением Ми-

гайла, давали показания на родном языке. На скамье подсудимых сидит и монах Александр Кабалюк, который прежде находился в бегах. Пока в зале находятся только 25 человек, прочих трибунал отпустил. Первым, как известно, выступал обвиняемый Воробчук. В 1908 г. он трижды посещал в Черновцах Геровских, у них он однажды встретил четырех ребят из Изы, которых после Геровские послали в монастырь России. На вопрос председателя, обещал ли Геровский ему деньги за распространение брошюр, ответил обвиняемый, что Геровский сказал только: «Россияне будут вам строить церкви. Священный Синод с нами». Обвиняемый получал из Черновцов книги для дальнейшего распространения.

В дальнейшем ходе заседания слушали только Юрия Воробчука. Обвиняемый в свое время дал признательные показания перед следователем, но теперь отозвал свои признания. Председатель обратил его внимание, что если он признает свою вину, то это может ему считаться как смягчающее обстоятельство. Воробчук признал, что настоящими проводниками православной пропаганды были адвокат Геровский и врач Геровский; эта пропаганда имела цель всю венгерскую Русь присоединить к православию. Сначала венгерские русины не симпатизировали этой идее. Братья Геровские ему обещали, что построятся монастырь, где он будет игуменом. Тогда он уже не выступал против этой пропаганды и присоединился к ней. На вопрос председателя, почему он послал большое число молодых ребят в Россию, ответил обвиняемый, что во всех селах православная агитация вызвала довольно большой интерес. Парней отправили в Россию, чтобы они там стали священниками. Председатель на это сказал, что он на следствии говорил, что эти парни должны были позже в заграничной прессе бороться с Венгрией. На это Воробчук не дал ответа.

Дальше говорил обвиняемый, что он действовал, не имея полного понятия. Если бы он был, знал, что совершает наказуемые поступки, то оставил бы все подозрительное или сбежал. Перед следователем он рассказал о политических целях своей работы, но узнал он о них позже, когда сидел в тюрьме. Геровский сказал ему, что когда венгерская Русь не будет греко-католической епархией, то будет присоединена к российской епархии под патриархатом Св. Синода.

Предс.: - Но тогда вы принадлежали бы религиозной верховной власти чужого государства?

Обв.: - Этого я не понимал!

Дальше признавал обвиняемый Воробчук, что продажа религиозных книг приносила ему 50% выгоды, следовательно, давала хороший заработок. На вопрос председателя он признал, что принял на

себя обязанность распространять православные религиозные книги по селам во время церковных праздников вместе с другими обвиняемыми. Признал также, что читал эти издания, а между ними и те, которые содержали молитвы за чужую династию, за чужую армию и за чужое – Российское государство.

Предс.: - Вы не понимали, что распространение таких книг является главной изменой?

Обв.: - В книгах шла речь только об умершем царе, а не о нынешнем. Впрочем, я вычеркнул в книгах упомянутые места.

На запрос прокурора, утверждает судебный переводчик, что в собственном экземпляре Воробчука в одном месте имя царя Николая было исправлено на имя царя Александра. Прокурор утверждает, что в других экземплярах, обнаруженных у Воробчука, нет исправленного текста. На этом допрос Воробчука был окончен. Сегодня будет заслушан обвиняемый Михаил Палканинец.

Мараморошский Сигет (ТКБ). Обвиняемый Палканинец признает обвинение в подстрекательстве. Оставил он греко-католическое вероисповедание, потому что, на его взгляд, в церемонии сего вероисповедания наступила значительная рестрикция, а церемониал православного вероисповедания остался по сей день не тронутым. Признает, что получал от Воробчука и Кабалюка подстрекательские журналы; знал, что в Венгрии есть православный священник, который скрывается. Перейдя в православие, немного распространял издания. Отрицает, что оскорблял греко-католическое вероисповедание и говорил, что северная часть Венгрии перейдет под владение России⁷.

№ 5

Жертвы русофильской пропаганды перед судом

Мараморошский Сигет (Част. тел.). В дальнейшем ходе вчерашнего слушания в Мармарошском Сиготе произошел конфликт Палканинца с Воробчуком. Воробчук сказал ему: «Вы принадлежали к нашему обществу, были нашим посредником и доставляли письма». Затем обсуждал роль Палканинца в деле строения церквей. Палканинец подтвердил это.

На послеобеднем заседании заслушали Бабинца. При слушаниях присутствовали врачи, чтобы оценить его психическое состояние. Обвиняемый на вопросы дает непосредственный ответ.

На этом слушание прервали.

Мармарошский Сигет. (Част. тел.). Глава суда заявил журналистам, что процесс вызвала панславистическая агитация во время войны, которая нашла хорошую почву, особенно в связи с экономическими факторами в Венгрии. Прокурор завел российских журналистов

в тюрьму, чтобы показать, что обвиняемые находятся в здоровых гигиенических условиях. Вообще к российским корреспондентам относятся здесь очень вежливо; дали им хорошие места в зале заседаний и позволили обменяться несколькими словами с обвиняемыми.

Адвокат Кляйн хотел внести в суде представление, чтобы вызвать на суд из России Бобринского и епископа Евлогия, но боялся, что суд отвергнет его представление. Обвиняемый Кабальук просил защитника, чтобы написал гр. Бобринскому письмо, чтобы тот приехал и заявил, что обвиняемые не имели политических целей, а это будто бы помогло обвиняемым⁸.

№ 6

Петербург (Част. тел.). Петербургское телегр. агентство получило от славянских кругов перевод акта обвинения против венгерских русинов в Марморошском процессе. На основании полного акта обвинения, утверждает агентство, выписка из акта, который подало Венгерское телегр. бюро, является недостаточной. Так, напр., в отчете бюро цитируются отрывки якобы из брошюры «Вѣра и Церковь» и других, а между тем в полученном переводе об этом нет даже упоминания. Эти цитаты не выписаны из брошюр, а прокуратура приписывала их обвиняемым, что они высказали их в годах с 1908 до 1912. Лица, которые доставили агентству перевод акта обвинения, заявляют, что нельзя винить обвиняемых за распространение мятежной литературы, ибо «Вѣра и Церковь» и газета «Русская правда» являются легальными австрийскими изданиями и не содержат ничего противозаконного⁹.

№ 7

Жертвы русофильской пропаганды

Мармарошский Сигот (Част. тел.). Обвиняемый 36-летний крестьянин Иван Бабинец создал своими показаниями впечатление психически ненормального человека. Он был уже наказан судом за ношение священнической одежды и продажу церковных книг. Признал, что ему было известно только, что книги приходили из Черновцов. На запрос, чувствует ли он себя виноватым, ответил неопределенно. Он был всегда меланхолично настроен. Сам с радостью занимался религиозными вопросами. В России был шесть раз. На вопрос председателя, где люди живут счастливее - здесь или в России, ответил: «Везде одинаково». С Кабальюком познакомился в России.

Прокурор внес представление, чтобы судебный врач определил душевное состояние обвиняемого, потому что его ответы не имеют смысла.

Судебный врач Гелер заявил, что Бабинец впадает иногда в летаргическое состояние, но здоровье его может улучшиться.

Мармарошский Сигот (Част. тел.). На вчерашнем заседании судебные врачи подтвердили, что обвиняемые Ив. Бабинец, как и Борканиук, не могут быть допрошены, потому что они, как кажется, поражены религиозным умопомешательством. Заслушан дальше солдат пехоты Дмитрий Петровций, который не считает себя виновным. Признал, что Кабалюк собирал в селе деньги и обещал отправить для крестьян литургию, заверял их, что только православная религия может их спасти. Обвиняемый Петровций заявил далее, что Кабалюк был похож на святого.

После зачитано несколько российских молитвенников, в которых есть также молитва за царскую семью. Петровций сказал, что он не знает, что работал для чужого правительства.

Председатель: - В нескольких населенных пунктах говорили вы, что россияне придут в Венгрию; выходит противоречие, когда сейчас говорите, что вы не знали, что царь является чужим господином. Если ни вы и никто другой не обращал никого, то как стало возможным, чтобы население переходило на православие?

Обвиняемый стоит и дальше на своих признаниях.

Будапешт (Част. тел.). Журналы содержат новости, представленные находящимися в Мармарошском Сиготе российскими журналистами, что граф Бобринский, на взаимоотношения которого с обвиняемыми базируется главный акт обвинения, придет в судебный зал в Мармарош-Сигот как свидетель¹⁰.

№ 8

Жертвы русофильской пропаганды

Киев (Част. тел.). Корреспондент «Киевской мысли» сообщает о разговоре с одним из украинских послов о Сигитском процессе. Он указал на то, что обвинение в темных политических умыслах – ерунда. Агитация за православие исходит из националистических кругов России, и ведут ее те же люди, которые обвиняют украинцев в сепаратизме. Во втором сообщении о процессе указано на то, что он является праздником «истинно русского» судопроизводства в Венгрии. Ведь еще недавно Д. Янчевецкий высказал, что «в Австрии есть партия украинская, которая определила себе задачу оторвать Украину от России, чтобы создать самостоятельное государство в рамках Австро-Венгрии». Д. Янчевецкий пишет российский акт обвинения против украинцев, а его только копируют венгерские прокуроры, обвиняя венгерских русинов, будто они хотят оторвать часть Австро-Венгрии для России.

Мараморошский Сигот. (Част. тел.). После слушания обвиняемых – бывшего дьяка из Ясиня Юрия Воробчука, 56-летнего зажиточного уроженца Хуста Михаила Палканинца, имеющего поместье на 50 тысяч крон, 36-летнего крестьянина из с. Мидяница Ивана Бабинца, у которого судебные врачи подозревают *raganoia religiosa*, предстал дня 2 января перед трибуналом пехотинец 65 п. п. Дмитрий Петровций, из которого венгерские депеши сделали «Петровича». Ему предъявляли в акте обвинения, несмотря на другие преступления, специально то, что он по поводу паломничества провел с другими обвиняемыми и свидетелями собрание, на котором заявил, что венгерским русинам нужна российская вера, главой которой является царь. Обвинял также гр.-кат. духовенство, что оно испортило религию, ибо оно не молится, а только заботится о своем кармане и жизни. Обвиняемый не признавал этих преступлений и заявил, что с Кабальюком познакомился пять лет тому по поводу паломничества, к которому приобщился, чтобы спастись от умопомешательства, которое ему, вероятно, грозило после слов отца. Также он был на вечерне в доме Иосифа Филиппа в Билках, потом отслужили вечерню в с. Осой в доме отца Петровция и Андришки. Оттуда пошел Кабальюк с Бабинцем в Ильницу, а напоследок в Медяницу, где также отправлено православное богослужение. К Кабальюку прикипел душой, потому что очень любит молиться, радостно поет набожные песни. По его просьбе ездил и в Ясиня на свадьбу сестры Кабальюка, и в Хуст, где Кабальюк правил богослужения для людей, которые приходили из Изы. По просьбе Кабальюка ездил с покойным уже Малошинским к Геровскому в Черновцы.

На следствии привел обвиняемый усугубляющие обстоятельства политического характера русофильской пропаганды Кабальюка, но сейчас отозвал эти признания, заявляя, что действительно записанное в протоколе он говорил на следствии, но был рассеян. Под конец его слушания зачитал судебный переводчик гр.-кат. свящ. Медведцкий конфискованные у обвиняемого молитвословы с молитвами за царя, царскую семью и российскую армию и его письмо со времени военной службы. В этом письме жалуется на милитаризм, который заставляет его работать в праздник. В письме полно религиозных реминисценций на церковные пения и богослужение в родном крае. В другом конфискованном письме обвиняемых говорится также о горе, которое он должен терпеть на чужбине без церкви; отправитель призывает Святого Духа, чтобы осенил автора письма и продиктовал ему слова, как должен писать своим братьям.

Эти письма произвели на аудиторию большое впечатление, особенно потому, что в то самое время доносилось до арестантов эхо

церковного пения, которое завели Василь Вакаров и Василев, которые также прошли врачебное обследование, потому как быстро становились склонны «за веру жить и умереть», охваченные религиозным полоумием. Видно, так хитро подбирали себе пропагандисты православия людей.

Мараморошский Сигот (Част. тел.). После Петровция слушали обвиняемого - 58-летнего адвокатского помощника, первого интеллигента Илию Пирчака, который, согласно признаниям Воробчука, ездил с Ив. Газием во Львов по делу православных из Лучек. Обвиняемый признает, что это не правда, что он обещал Бучковцам царскую награду.

Он замечает, что только писал социологические статьи для одной будапештской и еще одной лондонской газеты. Получив от петербургского редактора Вишовиневского гонорар в сумме 30 крон, хотел поехать в Россию, но не получил паспорт. Когда выбрался без паспорта, его арестовали в Бродах как шпиона. По получении свободы поехал в Мукачево, где стал работать писарем в адвокатской канцелярии. Лучковцы обращались к нему часто по административным вопросам, и он добывал для них документы, нужные для перехода в православие, за что давали ему картошку и т. д. На другие вопросы отвечает очень проворно и уверенно, убеждает, что с Газием встретился только во Львове и вообще не перетягивал никого в православие, но власти доказывают, что этот русофильский социолог имел связи со Львовом, Москвой, Петербургом и Ясиням (Кереш-мезе), Лучками, Изой и прочими мараморошскими общинами, где проявилась православная пропаганда. Пирчак отрицал также и то, будто бы брал у Бобринского какие-то деньги, а признал только то, что для Прик. Руси перевел статью из «AzEst» о возвращении к православию в Венгрии. В субботу глава суда организовал очную ставку Пирчака с Воробчуком, а тот заявил, что Пирчак и Газий говорили ему, что должны выезжать в Россию за материальной помощью. Деньги должны были идти на распространение православия. Пирчак на это не ответил ни слова.

Мараморошский Сигот. (Част. тел.). В конце предобеденного заседания слушали женщину Елену Глушманюк, которая предстала перед трибуналом с маленьким ребенком на руках. Она не умеет ни читать, ни писать и сидит уже 15 недель под следствием. Виновной не считает себя, ибо не раздавала никогда газеты и книги. Признает, что Кабалюк познакомился с ней семь лет тому назад и давал ей молитвенник и письма с трехраменными крестами, чтобы она раздавала их между подругами. Это делалось все на собраниях, что имели характер богослужений, на которые давали в Ильнице Кабалюку деньги, ибо он обещал, что будет молиться за верующих.

В другой части своих сведений заявила, что Кабалюк хотел ее убедить, чтобы вступила в российский монастырь, и обещал ей красивую одежду и отличное питание, но она не могла решиться на монашескую жизнь, но и другие девушки ее отговаривали от этого. Кабалюк рассказывал ей, что сначала все русины были православные, но униатские священники повернули их в унию, но слов его точно не может вспомнить. Была какое-то время в монастыре в Иерусалиме, а потом в Киеве. Один раз возил ее обвиняемый Воробчук в Черновцы, где у Геровских встретилась с Вакаровым. О том, что говорили о присоединении венгерской Руси к России, обвиняемая не слышала, хотя говорит, что говорили много о России и подчеркивали, что за помощью надо обратиться к российской церкви. Глава суда вызвал обвиняемого Пирчака, и зачитали список конфискованных у него книг и писем. В одном письме безымянный монах с Афона доносит, что на преследование православных христиан в Австрии обратили внимание Англия и Россия. В другом письме спрашивает студ. права Колдра, что говорят венгерские суды и власти о переходе в православие и правит ли Кабалюк службы. В другом письме вспоминает какой-то А.В., что он был у В.Б. Глава суда заявляет, что это будет, бесспорно, гр. Владимир Бобринский. Это застаёт Пирчака врасплох, так что он пробормотал только какие-то непонятные звуки. Наконец, прочитано письмо львовского юриста и сотрудника Прик. Руси, как обстоит дело со священниками и обращенными. Дальше просит Колдра в письме, чтобы ему Пирчак высылал все венгерские журналы, где говорится о переходах в православие. На вопрос председателя, где он познакомился с Колдрой, заявил Пирчак, что он познакомился с ним в львовской тюрьме. Ибо, когда обвиняемый сидел по подозрению в шпионаже, в то же время задержали Колдру по обвинению в государственной измене¹¹.

№ 9

Инициаторы русофильской пропаганды в Венгрии

Мараморошский Сигот. (Част. тел.). Прежний ход суда над жертвами русофильской пропаганды показал крайнюю темноту подавляющей части обвиняемых и чужую руку, которая пропаганду инициировала. Для гр. В. Бобринского сделалось моральной необходимостью предстать на процессе и эвентуально отбросить ложные показания, отягчающие невиновных. И действительно, сообщено, что гр. Бобринский приедет в Венгрию – и то через Реку, потому что на австрийской территории он объявлен в розыск из-за его выступления на Серетском вече. Но гр. Бобринский не имел охоты отвечать за свои поступки в Венгрии и потребовал выдачи визы в Венгрию, так как должен дать показания на Сиготском процессе.

Но венгерский министр судопроизводства Балог не согласился выдать такое письмо и сообщил адвокату Кляйну, что гр. Бобринского арестуют по приезду в Венгрию на основании 9-го параграфа венгерского уголовного кодекса, который наказывает иностранцев за проступки, совершенные за границей против Венгрии. Интересно, гр. Бобринский явится на процесс или будет спокойно читать газеты в Туле о том, как на жертв его пропаганды накладывает руку мадьярская справедливость, вместо того, чтобы помочь им личным выступлением?¹²

№ 10

Обвиняемый Федор Мушкур, фабричный рабочий, не считает себя виновным, но приписываемые ему высказывания о том, что венгерское государство поддерживает униатское духовенство, чтобы оно мадьяризировало венгерских русинов, он считает возможным подтвердить. Обвиняемый Алексей Марушак не признает за собой вины. Он знает, что у Кабалюка имелаась газета «Русская правда». После его слов у Мушкура состоялось религиозное собрание. У Марушака были только церковные книги, напечатанные в Унгваре (Ужгороде). Он не помнит, чтобы Мушкур читал «Русскую правду» на вышеупомянутом собрании или чтобы Кабалюк говорил, что считает унгарские книги плохими и что священны только книги из России. Марушак заявил далее, что Кабалюк говорил на собрании о необходимости для венгерских русинов перейти на православие. Он не слышал, чтобы Кабалюк доказывал, что российский царь по окончании войны с Японией освободит венгерских русинов. В доме Мушкура проходило только собрание, посвященное молитвам.

На очной ставке с Мушкуром Марушак заявил, что на собрании «Русскую правду» не зачитывали. Он также не слышал разговоров о том, что российский царь присоединит территорию венгерских русинов.

Обвиняемая супруга Федора Фицая не признает за собой вины. Она ничего не слышала о православии. Ее дочь очень хотела отбыть паломничество в Иерусалиме, уехала и обратно не вернулась. От какого-то Алексея слышала в Сучаве, что ее дочь в российском монастыре. Обвиняемый Федор Фицай, лесной сторож, заявил: «Когда меня признают виновным, значит, я виноват, однако я не совершал никаких преступлений против государства, цесаря и религии».

Обвиняемый Юра Ухаль не признавал себя виновным. Он был болен и поэтому отбывал паломничество. С Бабинцем и Фицаем был в Черновцах у Алексея Геровского, от которого получил брошюры, направленные против объединения календарей. Геровский говорил,

чтобы венгерские русины не допускали этого объединения, потому что иначе станут папистами. Обвиняемый раздавал брошюры, и часть их передал Кабалюку. Геровский не говорил, что вся страна до Белой Тисы 200 лет назад была российской и такой должна вновь стать.

Переводчик Медведцкий заявил, что в книгах, которые конфискованы у этих обвиняемых, и в двух письмах из Америки Мушкуру говорится о преследовании православных.

В понедельник слушали первого обвиняемого – крестьянина Дмитрия Андришка. Он заявил, что конфискованные у него книги получил от Федора Марушинского, но не читал их, потому что его гр.-кат. настоятель запретил ему их читать. Святые образки и четки купил себе в Сучаве, оттуда привез также освященное масло, которым поливал тело, чтобы избавиться от болей возле сердца. Кабалюка встречал и в Сучаве, и в храме в Повче, получил от него деревянный крест. Кабалюк посетил обвиняемого в родном селе Сойка (Сойко-Фальво) еще 6 лет назад и ночевал у него. Дальше признал, что Ивана Брода и Владислава Вереша вывезли в Россию, чтобы их обучить на православных священников.

В храме раздавал Кабалюк агитационные книги Марушинскому и Петровцию, которые затем раздавали их дальше, а также обвиняемому засунули в сумку. Геровский подстрекательские книги и брошюры или передавал в села с Марушинским и Петровцием, или велел раздавать народу. Высылал своих поверенных для агитации в Сучаву, в храм Св. Ивана. На собраниях по селам читали молитвы и пели псалмы, зачитывали российские газеты. Обвиняя Петровцию и Марушинского, заявляет, что последний говорил раз о каком-то гр. Бобринском, что могучий, как министр, и заступится за православных. Марушинский перешел в православие, потому что поссорился со своим гр.-кат. настоятелем в Сойке. Петровций говорил во время Балканской войны, что за ней придет еще новая большая война, и зачитывал перед церковью российские газеты, пересланные Геровским.

Следующий обвиняемый, крестьянин Дмитрий Попович из Шелесегрес, был уже раз осужден за убийство. Он признал, что еще семь лет тому назад водил паломников в Киев. Он знаком с Кабалюком, который ночевал у него. В дальнейшем допросе признает, что на базаре в Надькомят или храме в Билках и в своем селе раздавал книги, присланные Геровским, против уравнивания календарей.

По требованию главы суда приведены в зал из тюрьмы обвиняемый Иван Стефан Кемень и остающиеся на свободе Василий Корочагин и Федор Фицай. По желанию главы суда зачитал переводчик

о. Медведский письма, указывающие на вину Кеменя, домашние правила и устав православных монахинь в Изе и наказания, положенные за разные непослушания. Так вот, одна монахиня должна была носить воду, вторая – дрова, а третья должна разжигать огонь. Обвиняемый Кемень заявил, что он дом для монахинь снял, но не интересовался тем, что они делали. По конфискованному у него российскому молитвеннику молился, но в молитвах поминал не царя, а только короля Франца-Иосифа.

Обж. Корочагин сознает, что в своем молитвеннике сам зачеркнул молитву за чужого правителя, ибо знает, что в Венгрии нельзя молиться за российского царя.

У обвиняемого Федора Фица конфискован газета «Вера и Церковь» со статьей, в которой ругают гр.-кат. священников. Обвиняемый не может припомнить, кто ему дал эту газету.

Обвиняемый Кирилл Прокоп заявляет, что, может, немного и виноват, тетради с российскими крестами получил от какого-то незнакомца в Сучаве. Признает, что зачитывал людям у храма в Тисакриве брошюры против объединения календарей. «Русскую правду» принимал, зная, что она печатается на территории, которая также во владении венгерского короля. В Изе не раз говорили об отделении от римской церкви. И сам обвиняемый с радостью бы стал православным.

Во вторник заслушали как свидетеля замужнюю женщину Сочкову, мать семерых детей. Она ходила в гр.-кат. храм, однако признает себя православной. Признает то, что жаловалась на распутную жизнь гр.-кат. угро-русского духовенства¹³.

№ 11

Жертвы русофильской пропаганды

Мараморошский Сигот (ТКБ). На вчерашнем суде слушали главного свидетеля Кабальюка, который признал, что вернулся из Америки, чтобы принять участие в процессе. Геровский не говорил ему о политических целях движения. Обвиняемый понял эти цели, только когда вернулся из Америки. Там всем известно, что черновицкая «Русская правда» печатается на деньги «Союза русских людей». Зачитано несколько писем, компрометирующих обвиняемого; в одном из писем один из монахов монастыря на Афонской горе родом из Венгрии, по имени Иван Агоста, уговаривал Кабальюка, чтобы он развивал активную деятельность по возвращению в православие. Кабальюк признал, что священническое одеяние ценой 3000 крон получил в монастыре на Афонской горе; каждый миссионер получает то же. Проведена очная ставка между Воробчуком и Кабальюком;

первый заявляет, что Кабалюк раздавал в Черновцах брошюры с православным крестом. Кабалюк на это потребовал, чтобы Воробчук назвал хоть одного человека, который от него получил брошюру.

Мараморошский Сигот (Част. тел.). На вопрос председателя, за какие деньги жил Ал. Кабалюк шесть лет, ответил он, что получил 200 рублей из монастыря в Яблочине, а 50 – от монахов на Афоне. Деньги из Яблочина передал ему гр. Бобринский. Обвиняемый знал, кто есть Бобринский, потому что ему сказали, что это председатель «Союза русского народа». Те 200 рублей получил еще в качестве кандидата в монахи в Яблочине. Когда жаловался архимандриту, что не имеет денег на путешествие, тогда сказал архимандрит, что Бобринский даст ему деньги – и так случилось. О назначении этих денег мог сказать лишь только, что есть много благочестивых людей, которые с радостью дают на божье дело. Бобринский спрашивал его, из Венгрии ли он, и сказал, что слышал, что на Венгрию также распространяется православная вера. О знакомстве с Геровским Бобринский не вспоминал. Во время поездок по селам венгерских русинов Кабалюка, конечно, удаляли из сел, но он все же крестил тогда 200 человек, 19 обвенчал, около 1500 исповедовал, при этом собрал около 300 крон. Из Ясиня поехал в Россию, оттуда, с пристани Либавы, уехал в Канаду, после - в Нью-Йорк, где задержался у епископа Платона. Тогда сэкономил себе около 500 крон. К возвращению склонило его письмо от брата Юрия, в котором писалось, что дома большие неприятности, вызванные обвиняемым. Несмотря на то, что епископ отговаривал его, возвратился домой дорогой через Брежу и Варшаву¹⁴.

№ 12

Жертвы русофильской пропаганды

Мармарошский Сигот (Част. тел.). В дальнейшем ходе суда зачитано письмо А. Кабалюка, написанное из тюрьмы епископу Евлогию. В этом письме жаловался он на то, что Геровские распространяли в Венгрии антигосударственные книги и брошюры, из-за чего администрация выступила против венгерских русинов.

Во втором письме, посланном гр. Бобринскому, просил его Кабалюк, чтобы он появился на судебном процессе. Среди писем есть также справка гр.-кат. священника из Ясиня, что Кабалюк не составлял заявления о своем выходе из гр.-кат. церкви.

В одном письме Кабалюк называл венгерских чиновников бандитами. Защитник Кляйн просил записать в протоколе, что письмо Кабалюка Бобринскому написал он, и что Кабалюк только перевел его на русский язык. Кляйн просил также констатировать, что письмо афонского монаха Дионисия не имеет ни числа, ни конверта.

Прокурор заявил, что письмо Дионисия – это то самое, которое Воробчук хотел скрыть при помощи подкупа административного органа.

Допрос Кабalyюка закончен.

Дальше слушали обвиняемых – уроженцев Изы.

Первый из них, Николай Сабов, заявил, что главой православного населения Изы является теперь местный жандарм.

Председатель призвал Сабова к порядку.

Сабов рассказывал далее, что в прошлые рождественские праздники был болен, однако жандарм силой поднял его с постели и погнал в гр.-кат. храм.

Все обвиняемые жители Изы признали себя православными.

Василий Лазарь заявил, что он стал православным потому, что его прадед был православным.

Дмитрий Вакаров жаловался на насилие жандармов над православными.

Иван Кемень стал православным из интереса, а также потому, что у православных есть много праздников.

Андрей Кемень жаловался на то, что его избил жандарм.

Петр Симулик стал православным, потому что убедился, что православная вера – лучшая.

Гавриил Вучкан, Михаил Гайду, Андрей Изай, Стефан Лучка, Василий Прокоп и все другие жителей Изы заявили, что они не совершили никаких преступлений против гр.-кат. духовенства и религии. Все они знали Кабalyюка, потому что он освятил их церковь. У них были газеты «Русская правда», и «Вера и Церковь». По поводу Балканской войны не говорили, что придет российский царь и построит для жителей Изы православную церковь. Ни один из обвиняемых не отказывался от принадлежности к православию. Все жаловались на преследование жандармов.

Дмитрий Вакаров жаловался, что жандармы конфисковали у него 650 крон.

Симулинг заявил, что венгерские законы гарантируют всем религиозную свободу.

Продолжение суда – 20 января¹⁵.

№ 13

Приговор в мараморошском суде

Мараморошский Сигот (Ткб.). Сегодня в полдень оглашен приговор против русинов. 32 обвиняемых осуждены за подстрекательство против государства и религии, 23 освобождены. Наивысшее наказание – четыре с половиной года – получил главный обвиняемый

Кабалюк, другим присудили покарання від 6 місяців до двох с половиною років; всіх присудили до грошових штрафів, Кабалюка – до 100 крон штрафу. Також засуджені до сплати грошей за процесом на 100 крон¹⁶.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилець Ю. Причини відродження православного руху на Закарпатті на початку ХХ століття // Персонал. 2006. № 10. С. 30-36; *Его же*. Исторические предпосылки и причины православного движения на Закарпатье в начале ХХ века // Альманах современной науки и образования. № 2. Тамбов: Грамота, 2007. С. 18-20; *Его же*. Второй Мараморош-Сиготский процесс против православных в Закарпатье в 1913-1914 гг. // Исторический ежегодник, 2009: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск, Рипэл, 2009. С. 128-141; *Его же*. Возрождение православия среди русинов Закарпатья в первых годах ХХ века // Русины Карпатской Руси: проблемные вопросы истории и современности. Новочеркасск, 2010. С. 81-101; *Его же*. К истории православного движения в с. Бехерово в Восточной Словакии // Государство, общество, церковь в истории России ХХ века. Материалы XI Международной научной конференции, посвященной Году истории России (Иваново, 15-16 февраля 2012 г.). Иваново: Издательство «Ивановский государственный университет», 2012. Ч. 1. С. 105-110; *Его же*. Зародження та поширення православного руху в Північно-Східній Угорщині на початку ХХ століття // Наукові записки Ужгородського університету. Серія: Історично-релігійні студії. Вип. 1. Ужгород, 2012. С. 34-52; *Его же*. Переслідування русинів за віру в Австро-Угорщині напередодні Першої світової війни (до 100-річчя другого Мараморош-Сиготського процесу 1913-1914 рр.) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2013. № 4. С. 16-31.

2. Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців 1848-1914. Львів, 1926. С. 683.

3. Суляк С. Русинский и украинский вопрос накануне Первой мировой войны // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2009. № 2. С. 96-119.

3. Діло. 1913. 10 грудня. С. 3.

4. Діло і Нове слово. 1913. 29 грудня. С. 1.

5. Діло і Нове слово. 1913. 30 грудня. С. 1.

6. Діло і Нове слово. 1914. 1 січня. С. 1-2.

7. Діло і Нове слово. 1914. 2 січня. С. 2.

8. Діло і Нове слово. 1914. 2 січня. С. 2.

9. Діло і Нове слово. 1914. 3 січня. С. 3.

10. Діло і Нове слово. 1914. 5 січня. С. 2-3.

11. Діло і Нове слово. 1914. 12 січня. С. 1.

12. Діло і Нове слово. 1914. 15 січня. С. 3.

13. Діло і Нове слово. 1914. 17 січня. С. 2.
14. Діло і Нове слово. 1914. 20 січня. С. 2.
15. Діло. 1914. 3 березня. С. 6.

References

1. *Danilets Ju.* Prychyny vidrozhennja pravoslavnogo ruhu na Zakarpatti na pochatku XX stolittja, Personal, 2006, Nr 10, pp. 30-36 [in Ukrainian]; *Idem.* Istoricheskie predposylki i prichiny pravoslavnogo dvizhenija na Zakarpate v nachale XX veka, Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija, № 2, Tambov, Gramota, 2007, pp. 18-20 [in Russian]; *Idem.* Vtoroj Maramorosh-Sigotskij process protiv pravoslavnyh v Zakarpate v 1913-1914 gg., Istoricheskij ezhegodnik. 2009, Sb. nauch. tr., Institut istorii SO RAN, Novosibirsk, Ripjel, 2009, pp. 128-141 [in Russian]; *Idem.* Vozrozhdenie pravoslavija sredi rusinov Zakarpat'ja v pervyh godah XX veka, Rusiny Karpatskoj Rusi: problemne voprosy istorii i sovremennosti, Novochoerkassk, 2010, pp. 81-101 [in Russian]; *Idem.* K istorii pravoslavnogo dvizhenija v s. Behperovo v Vostochnoj Slovakii, Gosudarstvo, obshhestvo, cerkov' v istorii Rossii XX veka, materialy XI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj Godu istorii Rossii (Ivanovo, 15-16 fevralja 2012 g.), Ivanovo, Izdatel'stvo «Ivanovskij gosudarstvennyj universitet», 2012. ch. 1, pp. 105-110 [in Russian]; *Idem.* Zarodzhennja ta poshyrennja pravoslavnogo ruhu v Pivnichno-Shidnij Ugorshhyni na pochatku XX stolittja, Naukovi zapysky Uzhgorods'kogo universytetu, Serija: Istorychno-religijni studii, vypusk 1, Uzhgorod, 2012, pp. 34-52 [in Ukrainian]; *Idem.* Peresliduvannja rusyniv za viru v Avstro-Ugorshhyni naperedodni Pershoi' svitovoi' vijny (do 100-richchja drugogo Maramorosh-Sygots'kogo procesu 1913-1914 rr.), Rusin, International historical magazine, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2013, Nr 4, pp. 16-31 [in Ukrainian].
2. *Levyč'kyj K.* Istorija politychnoi' dumky galyc'kyh ukraïnciv 1848-1914, L'viv, 1926, p. 683 [in Ukrainian].
3. *Sulyak S.* Rusinskij i ukraïnskij vopros nakanune Pervoj mirovoj vojny // Rusin. International historical magazine, red. S.G. Sulyak Kishinev, 2009, Nr 2, pp. 96-119 [in Russian].
3. Dilo, 1913, 10 grudnja, p. 3 [in Ukrainian].
4. Dilo i Nove slovo, 1913, 29 grudnja, p. 1 [in Ukrainian].
5. Dilo i Nove slovo, 1913, 30 grudnja, p. 1 [in Ukrainian].
6. Dilo i Nove slovo, 1914, 1 sichnja, pp. 1-2 [in Ukrainian].
7. Dilo i Nove slovo, 1914, 2 sichnja, p. 2 [in Ukrainian].
8. Dilo i Nove slovo, 1914, 2 sichnja, p. 2 [in Ukrainian].
9. Dilo i Nove slovo, 1914, 3 sichnja, p. 3 [in Ukrainian].
10. Dilo i Nove slovo, 1914, 5 sichnja, pp. 2-3 [in Ukrainian].
11. Dilo i Nove slovo, 1914, 12 sichnja, p. 1 [in Ukrainian].
12. Dilo i Nove slovo, 1914, 14 sichnja, p. 3 [in Ukrainian].
13. Dilo i Nove slovo, 1914, 17 sichnja, p. 2 [in Ukrainian].

14. Dilo i Nove slovo, 1914, 20 sichnja, p. 2 [in Ukrainian].

15. Dilo, 1914, 20 bereznja, p. 6 [in Ukrainian].

Данилец Юрий Васильевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Государственного высшего учебного заведения «Ужгородский национальный университет».

Danilets Yuriy - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Ukraine of State Higher Education Establishment «Uzhhorod National University».

e-mail: jurijdanilec@rambler

УДК 94–054.72(=161.2:498)"1919/1939"
DOI: 10.17223/18572685/36/17

ВТОРАЯ ВОЛНА МЕЖВОЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В РУМЫНИИ (зима-весна 1920 г.)

В.Н. Власенко

Сумский государственный университет
Украина, 40007, Сумская обл., г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2
e-mail: v_m_vlas@ukr.net

Авторское резюме

В статье на основе ранее неизвестных документов Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины, Государственного архива Российской Федерации и Национального архива Чешской Республики рассматривается вопрос формирования украинской политической эмиграции в Румынии в послереволюционный период. Основное внимание уделяется второй волне эмиграции зимой-весной 1920 г. Рассказывается о военно-политической ситуации на юге Украины и в Крыму, приведшей к эвакуации военных и гражданских лиц, об отношении румынских властей к эмигрантам. Рассматриваются также меры Чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Румынии по оказанию помощи эмигрантам. Впервые в современной украинской историографии показаны социальные источники и потоки эмиграции. Делается вывод о том, что эмиграция второй волны была мобильной. Одна часть эмигрантов реэмигрировала в другие страны, другая возвратилась на родину, влившись в части Армии УНР и ВСЮР, третья осталась в Румынии. Эмиграция также пополнялась военнопленными, возвращавшимися на родину через Румынию.

Ключевые слова: украинская эмиграция, Румыния, волна эмиграции, реэмиграция, беженцы, военнопленные, Украинская Народная Республика, Чрезвычайная дипломатическая миссия.

The second wave Ukrainian interwar political emigration to Romania (winter–spring 1920)

V.N. Vlasenko
Sumy State University

2, Rimskogo-Korsakova str., Sumy sity, Sumy region, 40007, Ukraine
e-mail: v_m_vlas@ukr.net

Abstract

The article describes the process of formation of the second wave of the Ukrainian political emigration to Romania during the post-revolution period. The research is based on the materials available at the Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine, the State Archive of the Russian Federation and the National Archives of the Czech Republic. The main topic of the article constitutes the second emigration wave, which took place in winter and spring 1920. The article depicts the politico-military issues in Crimea and the Southern regions of Ukraine that lead to the evacuation of soldiers and civilians. The article also describes the facts proving the attitude of the Romanian authorities towards Ukrainian emigrants. Aside from that the author provides information about the emigration arrangements on behalf of the Extraordinary Diplomatic Mission of the Ukrainian People's Republic in Romania. Moreover, social aspects of the emigration flows are introduced in the text for the second time in modern Ukrainian historiography. The ones re-emigrated to other countries, the others moved back and joined the UPR Army and Armed Forces of South Russia, whilst certain percent of the emigrants stayed in Romania. The emigration was appended with the war prisoners, whose path back home took course over Romania.

Keywords: Ukrainian emigration, Romania, emigration wave, re-emigration, war prisoners, refugee, Ukrainian People's Republic, the Extraordinary Diplomatic Mission of the Ukrainian People's Republic in Romania.

Межвоенная украинская эмиграция как сложное общественно-политическое и социокультурное явление в последние годы привлекает внимание не только ученых, но и широкий круг читателей. Это связано, во-первых, с тем, что она исповедовала альтернативные советской формы правления, во-вторых - с адаптацией к иным обстоятельствам жизни около двухсот тысяч украинцев, которые в результате Первой мировой войны и революционных событий 1917–1921 гг. в России и на Украине вынуждены были покинуть родину. Наибольшее число эмигрантов оказалось в Европе, где образовались основные политические центры и периферийные ячейки эмиграции, выкристаллизовались ее политические течения, действовали политические партии, общественные организации, учебные заведения, научные и культурные институты, выходила украинская пресса.

Однако если украинская эмиграция в Центральной и Западной Европе освещалась более-менее широко, то в юго-восточной части континента, в том числе в Румынии, – недостаточно. Отдельные сведения об украинской эмиграции в этой стране приводятся в монографиях по истории украинской политической эмиграции в Европе¹,

военнопленных и интернированных², эмигрантской прессы³. Однако недостаточно исследованным остается вопрос появления в Румынии украинской политической эмиграции. Заметим, что, в отличие от Болгарии и Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. – Югославия), где в исследуемый период местные власти не выделяли украинцев из общероссийской эмигрантской массы, в Румынии четко различали эмиграцию российскую и украинскую.

В исторической литературе понятие «украинская политическая эмиграция» употребляется в двух смыслах. В широком смысле всю ее в период между двумя мировыми войнами считают политической, поскольку именно политические факторы сыграли главную роль в исходе с Украины. В данной работе мы употребляем это понятие в узком смысле. Речь идет о политически мотивированной, идеологически определившейся, организационно структурированной части эмиграции, которая исповедовала идею восстановления украинской государственности в различных ее формах. Автор статьи уже рассматривал отдельные волны украинской эмиграции в страны Юго-Восточной Европы, в частности в Болгарию⁴ и Румынию (или через Румынию)⁵. Поэтому он ставит перед собой цель показать продолжение процесса формирования межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии, а именно вторую ее волну.

Под волнами мы понимаем повторяемые массовые эмиграционные потоки. В межвоенный период можно выделить несколько меньших волн или этапов эмиграции. Главными критериями их определения являются характер эмиграционных потоков, причины приема эмигрантов странами-реципиентами и деятельность государственных и общественных институтов, которые занимались приемом и размещением беженцев.

Первая волна охватывает период со второй половины 1918 до конца 1919 г., когда на Балканы после поражения войск Антанты в апреле 1919 г. прибыли отдельные представители зажиточных слоев населения, военные и гражданские лица (так называемая «французская» эвакуация Одессы).

Вторая волна пришлась на зиму – весну 1920 г., когда вследствие ряда поражений армии Антона Деникина (1872–1947) из Одессы и Новороссийска были эвакуированы военные и гражданские.

Третья и наиболее массовая волна наблюдалась осенью 1920 г. после эвакуации из Крыма Русской армии генерала Петра Врангеля (1878–1928) и перехода румынской границы отдельными частями армии Украинской Народной Республики (УНР). В 1921–1922 гг. ряды эмигрантов пополнили члены партизанско-повстанческих отрядов и гражданские лица, которые нелегально переходили румынскую границу.

Кроме основных волн эмиграции, в результате которых и сформировалось это сложное социальное явление, можно выделить еще и локальные волны, например стихийный переход советско-румынской границы (через Днестр) нескольких тысяч беженцев во время голодомора 1932-1933 гг. на Украине, а также прибытие в Румынию беженцев из Закарпатья в марте 1939 г.

Характерной чертой первой волны украинской эмиграции была ее мобильность. После недолгого пребывания в Румынии украинцы возвращались домой либо реэмигрировали в страны Центральной и Западной Европы. Вследствие этого в Румынии осталось лишь несколько десятков или чуть больше сотни человек. В этот период увеличился и поток военнопленных, которые через Румынию возвращались на родину. Одна часть из них оказалась на Украине благодаря Чрезвычайной дипломатической миссии (ЧДМ) УНР в Румынии и миссии Украинского общества Красного Креста (УОКК) на Балканах, вторая – в Новороссийске, где влилась в ряды Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), третья осталась в лагерях для военнопленных. Немногочисленные эмигранты первой волны заложили основы межвоенной украинской политической эмиграции в этой балканской стране.

В середине 1919 г. на Украине сложилась сложная военно-политическая ситуация. Общий поход армий УНР и ЗУНР, а также наступление Добровольческой армии генерала Деникина на большевиков привели к отступлению Красной армии. Однако победой воспользовалась Добровольческая армия, которая захватила Киев и контролировала большую часть Украины. В октябре 1919 г. Красная армия начала контрнаступление и стала стремительно продвигаться по территории Украины. Очутившись осенью 1919 г. в так называемом «треугольнике смерти» – между Красной и Добровольческой армиями и Польшей, украинская армия вынуждена была отступать. В ноябре в 1919 г. руководство Украинской Галицкой армии заключило перемирие и союзный договор с Добровольческой армией. Вместе с отступающими армиями УНР, ЗУНР и ВСЮР Украину покидали тысячи гражданских лиц. В конце 1919 г. командование Добровольческой армии начало переговоры с правительствами Болгарии и КСХС относительно приема ими больных, раненых и инвалидов, а в начале 1920 г. – с правительством Румынии относительно транспортировки через ее территорию беженцев. Наконец в январе-феврале 1920 г. Совет Министров Болгарии сначала согласился на прием 3 тыс. человек, а впоследствии – 8 тыс. беженцев⁶, правительство КСХС – 8 тыс. человек⁷.

В конце 1919 – начале 1920 г. Красная армия одержала решающие победы на Украине и юге России. В начале января 1920 г. войска Южного фронта Красной армии захватили Ростов-на-До-

ну. Вследствие этого войска Киевской и Новороссийской областей оказались отрезаны от основных баз и центрального командования ВСЮР. В январе Красная армия захватила Мариуполь, Николаев, Херсон и продвигалась к Одессе. Остатки Добровольческой армии расположились в Крыму. Эвакуация ее частей и гражданских лиц из Одессы началась 25 января (7 февраля) 1920 г. Она происходила двумя путями: водным и сушей.

Первый путь обеспечивали российские (Добровольческой армии), американские, английские, болгарские, французские военные, транспортные корабли и вспомогательные суда, которые перевозили беженцев в Болгарию, КСХС, Турцию, на острова в Средиземном море (Кипр, Лемнос, Мальта, Принцевы острова и др.), а также к английским базам в Египте. В целом эта эвакуация прошла более-менее удачно и без потерь. Планировалось вывезти около 30 тыс. человек, однако из-за нехватки кораблей многим военным и беженцам пришлось избрать сухопутное направление эвакуации через румынскую границу.

Второй путь оказался опаснее. Переговоры генерала Александра Геруа (1870–1944) о приеме Румынией беженцев из-под Одессы ни к чему не привели⁸. Из района Одессы в сторону Румынии отправилась группа военнослужащих и беженцев в количестве 16 тыс. человек⁹. Вблизи Овидиополя она попыталась перейти границу, но путь ей преградили румынские пограничники. Беженцы несколько дней пытались самостоятельно перейти Днестровский лиман. 28 января (10 февраля) в районе Аккермана (Четатя-Албэ, ныне Белгород-Днестровский) румынские пограничники встретили беженцев пулеметным огнем. Перейти на румынскую территорию позволили лишь иностранцам. Группа военных, в состав которой входил и украинский партизанский отряд атамана Струка и беженцев общим числом 12 тыс. человек направилась в Тирасполь в надежде на встречу с частями генерал-лейтенанта Николая Бредова (1873 – после 1945). Однако около местечка Кандель и села Зельц (ныне оба населенных пункта находятся в пределах пгт Лиманское Раздельнянского района Одесской области) путь им перекрыли стрелковая дивизия и кавалерийская бригада Григория Котовского (1881–1925). 2 (15) февраля группа, в составе которой уже было около 6 тыс. лиц, вступила в бой с красноармейцами. Ночью на следующие сутки она попробовала перейти румынскую границу, но была обстреляна местными пограничниками.

Таким образом, из 16 тыс. беженцев, которые в конце января 1920 г. вышли из Одессы, на территории Румынии оказались лишь 1,8 тыс. человек, в основном курсанты Киевского, Одесского и Полоцкого кадетских корпусов¹⁰. В апреле-мае 1920 г. через румын-

ские города Плоешти, Дробета-Турну-Северин, Тимишоара они были переправлены до сербского города Панчево, а также в Болгарию¹¹.

В марте 1920 г. из Новороссийска была осуществлена эвакуация 35 тыс. военнослужащих Добровольческой армии, 10 тыс. казаков и большое количество беженцев, гражданских чиновников и служащих тыловых учреждений¹². Большинство из них отправили в Крым, где формировалась главная база Белого движения во главе с Врангелем. Остальных эвакуировали в Болгарию, КСХС, Турцию, английские лагеря в Египте и на средиземноморские острова.

Наибольшее число беженцев во время второй волны приняла Турция. Зимой – весной 1920 г. в Константинополь было перевезено около 25 тыс. человек, а на средиземноморские острова и в Египет – приблизительно 13 тыс. человек¹³. Среди них были и уроженцы Украины, которых Директория и правительство УНР рассматривали как потенциальный источник пополнения армии Украинской Народной Республики. Министр иностранных дел УНР Андрей Никовский (1885–1942) в письме к председателю ЧДМ УНР в Румынии профессору Константину Мацевичу (1873–1942) от 4 августа 1920 г. сообщал, что на Принцевых островах находится достаточно много военных украинцев – как офицеров, так и солдат. Принимая во внимание необходимость пополнения армии УНР, главный атаман войск УНР Симон Петлюра (1879–1926) приказал принять меры, чтобы упомянутый элемент был как можно скорее переправлен на Украину. Речь шла о возвращении через Румынию¹⁴.

Общее количество тех, кто очутился в Болгарии в конце весны 1920 г., превысило 8 тыс. человек¹⁵. Правительство УНР также рассматривало беженцев и военных, эвакуированных в Болгарию, как источник пополнения армии. Весной 1920 г. в Болгарии побывал полковник Николай Шаповал (1886–1948)¹⁶. По его данным, там находилось 1,5–1,6 тыс. украинцев, в том числе национально сознательных – 450–500 человек, т. е. тех, кто во времена Украинской Центральной Рады, гетмана Павла Скоропадского (1873–1945) и Директории УНР служил в украинских учреждениях и военных частях. Выразили желание вступить в ряды армии УНР генералы Николай Антонович, Владимир де Вейле, Игорь Новицкий, Тимковский, другие высокие военные чины, а также около 1 тыс. болгарских старшин и солдат и даже болгарский генерал от кавалерии Савов¹⁷.

Переписка ЧДМ УНР в Румынии с МИД Украинской Народной Республики летом 1920 г. свидетельствует о том, что украинская сторона совершенно серьезно рассматривала вопрос о привлечении в армию УНР болгарских офицеров. Обсуждался вопрос приема их на территории Румынии с последующей отправкой отдельными группами на Украину¹⁸.

Немало украинских воинов и гражданских лиц обращалось в Посольство Украинской Народной Республики в Болгарии за помощью в деле возвращения на родину. Руководитель посольства Василий Драгомирецкий сообщал председателю ЧДМ УНР в Румынии Мацевичу о том, что в начале апреля в 1920 г. в Варне собралось около 400 украинцев, в том числе офицеры, казаки, бывшие чиновники, врачи, а также женщины и дети. Находясь в сложном положении, они выразили желание вернуться домой: гражданские лица – в родные места, а военные – в армию УНР, в которой раньше служили. Драгомирецкий просил помощи относительно упрощения дела пересечения ими румынской границы¹⁹.

С другой стороны, румынская власть, не желая предоставлять убежище украинским беженцам на территории страны, посылала ЧДМ УНР запросы о согласии правительства Украинской Народной Республики принимать репатриантов. Например, в начале июля 1920 г. Генеральный штаб Румынии сообщил, что в Болгарии вблизи румынской границы находятся несколько сотен человек, которые желают вступить в ряды армии УНР. Среди них генерал Николай Антонович, Мария Антонович, полковник Иосиф Петров, инженер Леонид Прибиловский. Если правительство Украинской Народной Республики согласится, то это будет основанием для оформления виз на въезд в Румынию²⁰.

Военнослужащие украинцы, которые обращались в Посольство УНР в Болгарии, несколько месяцев ожидали отправления в армию, зарабатывая на проживание тяжелым физическим трудом. Однако лишь в мае-июне 1920 г. через Румынию в Польшу выехало несколько сотен человек, остальные же вынуждены были согласиться на возвращение в Крым²¹.

После запрета местной властью в 1919 г. въезда на территорию Румынии поток беженцев и военнослужащих из Украины, Крыма и юга России в первой половине 1920 г. почти прекратился. Абсолютное большинство тех, кто в 1919 г. хотел вернуться на родину, сделали это. Те, кому во время эвакуации из Одессы в январе-феврале в 1920 г. позволили пересечь румынскую границу, вскоре были отправлены в КСХС. По свидетельству русского дипломатического представителя в Румынии Станислава Поклевского-Козелла (1868–1939), в 1920 г. в Бухаресте проживало не больше 100 россиян. В основном это были сотрудники бывших российских миссий и организаций. Лишь в Ботошань (Botoșani), Романе (Roman) и Яссах (Iași) находились небольшие группы бывших русских военнослужащих, которые нашли себе работу или просто там проживали²².

Чрезвычайная дипломатическая миссия УНР в Румынии осуществляла опеку над военнопленными украинцами и беженцами²³.

В течение нескольких месяцев Мацевич вел переговоры с румынским военным командованием, послами Чехословакии и Италии о транспортировке в Румынию бригады Вариводы и 10 тыс. военнопленных из Италии²⁴. На ноте председателя ЧДМ УНР Мацевича румынскому правительству от 11 июня 1920 г. премьер-министр Румынии генерал Александр Авереску наложил такую резолюцию: «Допускается репатриация, возврат оружия и орудий; не может быть допущено формирование вооруженных единиц на нашей территории»²⁵. Речь шла именно о возвращении украинских военнопленных (бригада во главе с полковником Евгением Коновальцем (1891–1938), сформированная из бывших воинов Украинской Галицкой армии) из Чехии и имущества Запорожского корпуса армии УНР. Разрешение на это и было получено от румынских военных²⁶. Избрали кратчайший маршрут: Кошице – Чоп – Батев (Чехия) – Керешмезе (Ясиня, Румыния) – Вороненко – Коломыя – Непоколовцы (Польша) – Черновцы – Новоселица (Румыния)²⁷. Однако это не было реализовано.

В августе 1920 г. снова шла речь о транспортировке железной дорогой 10 тыс. военнопленных украинцев до Рени (Reni) и Галаца (Galați). Оттуда морским путем их должны были отправить в Одессу или другие черноморские порты²⁸. Однако вследствие изменения военно-политической ситуации в Восточной Европе, из-за споров между правительствами УНР и ЗУНР (в эмиграции), между украинскими военными этот план не был осуществлен. Кроме того, задержки в деле репатриации украинцев случались и из-за румынской власти. Так, в июле в 1920 г. около 200 казаков, готовых к отправлению в Украину, было задержано²⁹.

Несмотря на определенные преграды, ЧДМ Украинской Народной Республики в Румынии отправляла на Украину небольшими группами желавших воевать в составе армии УНР. Председатель военной секции ЧДМ Украинской Народной Республики генерал Сергей Дельвиг (1866–1944) докладывал военному министру УНР о том, что вблизи города Крайова (Craiova) на средства украинской стороны содержится лагерь Фокей, где находилось около 600 военнослужащих. Оттуда на Украину уже перевозились отдельные группы. В конце июля 1920 г. из этого лагеря в Могилев-Подольский отправился очередной курень, состоявший из 15 офицеров и 300 казаков. В то же время сообщалось, что румынская власть согласилась на транспортировку из Перемышля через территорию Румынии в Крым 6 тыс. военнослужащих из бригады генерала Бредова³⁰. В середине августа того же года они достигли места назначения.

В августе-сентябре 1920 г. задержек при отправлении военнопленных и беженцев в ту часть Украины, которая контролировалась

польско-украинской властью, не было. После соответствующего разрешения румынских властей ЧДМ УНР ежемесячно организовывала для этого отдельные группы («партии»). Отправлялись на Украину лишь те лица, которые персонально обратились к миссии³¹. Кроме украинского дипломатического представительства в Румынии, помощь военнопленным оказывали и представители Объединения центральных украинских кооперативных союзов (ОЦУКС), которые периодически посещали балканские страны. Так, в январе 1920 г. один из организаторов ОЦУКС Андрей Сербиненко (?–1945) выделил на нужды военнопленных украинцев в Румынии 1,5 тыс. леев³².

Важной стороной деятельности ЧДМ УНР в Румынии была консульская работа. Консульский отдел при миссии открылся в сентябре 1919 г. Интенсивность его труда постоянно увеличивалась. Так, в первом квартале 1920 г. для пребывания в Румынии было выдано 18 паспортов за плату и 19 - без платы, во втором квартале - соответственно 54 и 22, в третьем квартале - 54 и 25 паспортов. Такого вида паспорта выдавались сроком на 6 месяцев. По его завершении человек являлся в отдел для продления срока действия документа. Новый срок - 1 год. Отдел выдавал также паспорт на выезд из Румынии. Срок его действия - 1 год со следующим продлением на такой же период ежегодно. В первом и втором кварталах 1920 г. таких документов консульство не выдавало, а в третьем квартале выдало 275 паспортов за плату и 27 бесплатно. В первом квартале того же года отдел продлил срок действия паспорта 2 лицам за плату, во втором квартале - 16 лицам за плату, в третьем квартале - 15 лицам за плату и 1 лицу - бесплатно³³.

Румынская власть благосклонно относилась к украинским паспортам, беспрепятственно визируя как въезд, так и выезд из страны. На основе паспорта выдавался документ - «билет на право свободного пребывания в стране». Причем срок действия «билета» был таким же, как и у паспорта. Подтверждением благосклонного отношения к украинским паспортам со стороны румынской власти является такой случай. Весной 1920 г. для проведения конных скачек в Бухаресте из Одессы в Румынию перебралась группа владельцев беговых коней вместе с лошадьми и обслуживающим персоналом. Когда они обратились в Бюро контроля иностранцев для получения «билета», то им заявили, что такой документ выдадут лишь при условии замены русского паспорта на украинский, что и было сделано в консульском отделе ЧДМ УНР. Подобные случаи, когда румынская власть предлагала заменить русские паспорта украинскими, были нередки³⁴.

ЧДМ УНР выдавала украинские паспорта не всем желающим. Миссия считала, что паспорт для проживания в Румынии мог полу-

чить лишь тот гражданин, который не должен был исполнять никаких немедленных обязанностей на Украине, и лояльность которого не вызывала сомнения. Украинские граждане, которых ЧДМ считала врагами Украинской Народной Республики, в отдельных случаях могли быть высланы за пределы Румынии с помощью румынских властей³⁵.

Консульский отдел ЧДМ УНР выдавал также визы украинским гражданам на въезд на Украину. В этом деле миссия действовала достаточно осторожно, поскольку побаивалась въезда на территорию страны «вредного для украинского дела элемента». В первом квартале 1920 г. было выдано 10 бесплатных виз, во втором квартале – 7 платных и 15 бесплатных, в третьем квартале – 2 бесплатные визы. Такие визы получали сотрудники посольств и миссий за рубежом, дипломатические курьеры, представители заграничных филиалов экономических и общественных организаций, военнопленные, лица, которые направлялись на Украину для вступления в ряды армии УНР. Однако Мацеевич утверждал, что пограничники Украинской Народной Республики абсолютно не проверяли выезжающих, и бесконтрольный переход границы людьми, не имевшими на то права, не прекращался³⁶. Вероятно, возвращение на Украину казаков и офицеров, которые хотели вступить в ряды армии УНР, осуществлялось вне визового режима. Заметим, что граница между Украинской Народной Республикой и Румынией до августа 1920 г. существовала не всегда, в отдельные периоды вместо нее были польско-румынская и советско-румынская границы.

Консульский отдел ЧДМ УНР выдавал визы иностранцам для въезда на Украину. Это были журналисты заграничных СМИ, иностранные граждане, преимущественно американцы, ехавшие за своими родственниками, а также коммерсанты, которые были известны миссии или осуществляли по ее поручению коммерческие операции, например покупку-продажу украинского сахара для приобретения на вырученные средства оружия и медикаментов для армии УНР. В первом квартале 1920 г. было выдано 5 платных и 6 бесплатных виз, во втором квартале – соответственно 36 и 7, в третьем квартале – 7 платных и 4 бесплатные визы. Кроме того, консульский отдел выдавал украинским гражданам свидетельства (например, для получения виз) и заверял документы (например, об образовании). Однако такие операции были единичными. Общая сумма консульского сбора за разнообразные услуги в первом квартале 1920 г. составляла 278 леев (или 20 гривен), во втором квартале – 1 651,50 леев, в третьем квартале – 7 527,50 леев³⁷.

Таким образом, во время второй волны эмиграции из Украины, Крыма и юга России на Балканах и средиземноморских островах

очутилось от 45 до 55 тыс. человек, в том числе в Румынии – около 2 тыс. человек. Эмиграция второй волны, как и первой, была массовой. В то же время наблюдались разновекторные эмиграционные потоки – миграция внутри страны, реэмиграция, репатриация, реэвакуация военнослужащих Добровольческой армии в Крым, возвращение на родину беженцев и военнопленных – воинов бывших российской и австро-венгерской армий в УНР, УССР, РСФСР, Польшу (Восточная Галиция и Волынь). На Украину возвращались и желавшие воевать в рядах армии УНР. Посильную помощь украинским эмигрантам при этом предоставила Чрезвычайная дипломатическая миссия Украинской Народной Республики в Бухаресте. Те люди, которые остались в Румынии во время первой и второй волн миграции (несколько сотен человек), заложили основу для будущей русской и украинской эмиграции в эту страну. Наиболее массовой стала третья волна, которая в целом завершила процесс формирования украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Трошинський В.П.* Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище. К., 1994; *Наріжний С.* Українська еміграція: Культурна праця української еміграції 1919–1939 (матеріали, зібрані С. Наріжним до частини другої). К., 1999; *Політична історія України. XX століття: у 6 т. Т. 5: Українці за межами УРСР (1918–1940).* К., 2003; *Піскун В.* Політичний вибір української еміграції (20-ті роки XX століття). К., 2006.

2. *Срібняк І.* Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі й Румунії (1921–1924 рр.). К., 1997; *Павленко М.* Українські військовополонені й інтерновані у таборах Польщі, Чехословаччини та Румунії: ставлення влади і умови перебування (1919–1924 рр.). К., 1999; *Срібняк І. В.* Українці на чужині. Полонені та інтерновані вояки-українці в країнах Центральної та Південно-Східної Європи: становище, організація, культурно-просвітницька діяльність (1919–1924 рр.). К., 2000.

3. *Сидоренко Н.М.* Національно-духовне самоствердження: у 3 ч. Ч. 2: Преса інтернованих українці та цивільної еміграції (Чехія, Польща, Румунія, Єгипет, 1919–1924 рр.). К., 2000; *Богуславський О.В.* Преса міжвоєнної політичної еміграції і боротьба за незалежність України: історичний шлях, досвід, дискусії. Запорожжя, 2008; *Колісник Д.В.* Гетьманський рух і преса української політичної еміграції (1920–1930-ті рр.). Дніпропетровськ, 2008.

4. *Власенко В.* Перша хвиля міжвоєнної української політичної еміграції до Болгарії // *Българска украинистика.* София, 2012. Брой 3. С. 172–184.

5. *Власенко В.М.* Локальна хвиля міжвоєнної української політичної еміграції в Південно-Східній Європі // *Історико-краєзнавчі дослідження: тра-*

диції та інновації: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, Суми, 29–30 листопада 2013 р.). Ч. І. Суми: СумДПУ ім. А.С.Макаренка, 2013. С. 75–78; *Власенко В.* Формирование украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период (первая волна) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2014. № 1 (35). С. 105-120.

6. *Спасов Л.* България и южнорусские правительства на Деникин и Врангел // Исторически преглед. София, 1990. Кн.2. С. 9–10; *Кьосева Ц.* България и руската емиграция 20-те – 50-те години на XX в. София, 2002. С. 46–48.

7. *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. С. 109.

8. *Варнек П.* Эвакуация Одессы Добровольческой армией в 1920 году // Флот в Белой борьбе. М., 2002. С. 122.

9. *Штейнман Ф.* Отступление от Одессы (январь 1920 г.) // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 2. С. 97.

10. Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1: Так начиналось изгнание: 1920–1922 гг. Кн. 1: Исход. М., 1998. С. 62.

11. *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. С. 113–114.

12. *Варнек П.* У берегов Кавказа в 1920 году // Флот в Белой борьбе. М., 2002. С. 189.

13. *Јовановић М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы // Русский исход. СПб., 2004. С. 170–171; *Бочарова З.С.* Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. М., 2011. С. 50.

14. Централний державний архів вищих органів влади і управління України (ЦДАВО). Ф. 3696. Оп. 2. Д. 352. Л. 12; *Петлюра С.* Статті. Листи. Документи. К., 1999. Т. 3. С. 228–229.

15. *Кьосева Ц.* България и руската емиграция 20-те – 50-те години на XX в. София, 2002. С. 49.

16. Симон Петлюра та його родина. До 70-річчя його трагічної загибелі: Документи і матеріали. К., 1996. С. 29.

17. ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 352. Л. 3-3 об; Д. 355. Л. 9.

18. ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 352. Л. 9.

19. ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 355. Л. 5-5 об; *Павленко В.* Дипломатична місія Української Народної Республіки (1918-1920 рр.) // Український історичний журнал. К., 1992. № 12. С. 27.

20. ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 352. Л. 10.

21. ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 360. Л. 17об.

22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–5680. Оп. 1. Д. 65. Л. 16-17.

23. ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 11. Л. 34 об.

24. ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 7. Л. 99.

25. ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 308. Л. 122.

26. ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 352. Л. 3.

27. ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 308. Л. 122об.

28. ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 7. Л. 187.

29. ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 352. Л. 11.

30. ЦГАБО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 308. Л. 124.
31. ЦГАБО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 352. Л. 37.
32. Národní archiv České republiky (NAČR). F. «Ukrajinské muzeum v Praze». Kart. 27. Inv. № 595. Arch. 26.
33. ЦГАБО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 562. Л. 25 об. - 29.
34. ЦГАБО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 562. Л. 25 об. - 26.
35. ЦГАБО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 352. Л. 34.
36. ЦГАБО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 562. Л. 26, 26 об. - 29.
37. ЦГАБО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 562. Л. 26 об. - 28.

References

1. *Troshhyns'kyj V.P.* Mizhvojenna ukraińs'ka emigracija v Jevropi jak istorychne i social'no-politychne javyshhe [The Interwar Ukrainian emigration in Europe as the historical and socio-political phenomenon], Kyiv, 1994 [in Ukrainian]; *Narizhnyj S.* Ukraińs'ka emigracija: Kul'turna pracja ukraińs'koi' emigracii' 1919–1939 (materialy, zibrani S. Narizhnym do chastyny drugoi') [The Ukrainian emigration: The cultural work of Ukrainian emigration 1919–1939], Kyiv, 1999 [in Ukrainian]; Politychna istorija Ukraińy. XX stolittja: u 6 t. T. 5: Ukraińci za mezhamy URSR (1918–1940) [A political history of Ukraine: The 20th Century: in 6 volumes, vol. 5: Ukrainians beyond the Borders of the Ukraine (1918–1940)], Kyiv, 2003 [in Ukrainian]; *Piskun V.* Politychnyj vybir ukraińs'koi' emigracii' (20-ti roky XX stolittja) [The Ukrainian emigration's political choice in the 1920's], Kyiv, 2006 [in Ukrainian].
2. *Sribnjak I.* Obezzbrojena, ale neskorena: Internovana Armija UNR u taborah Pol'shhi j Rumunii' (1921–1924 rr.) [Disarmed, but Unconquered: the UPR Army interned in concentration camps in Poland and Romania (1921–1924 years)], Kyiv, 1997 [in Ukrainian]; *Pavlenko M.* Ukraińs'ki vijs'kovopoloneni j internovani u taborah Pol'shhi, Chehoslovachchyny ta Rumunii': stavlennja vlady i umovy perebuvannja (1919–1924 rr.) [The Ukrainian prisoners of war and interned in concentration camps in Poland, Czechoslovakia and Romania: the government's attitude and the conditions of (1919–1924 years.)], Kyiv, 1999 [in Ukrainian]; *Sribnjak I.V.* Ukraińci na chuzhyni. Poloneni ta internovani vojaky-ukraińci v kraĩnah Central'noi' ta Pivdenno-Shidnoi' Jevropy: stanovyshe, organizacija, kul'turno-prosvitnyč'ka dijal'nist' (1919–1924 rr.) [The Ukrainians in exile. Prisoners of war and interned soldiers of Ukrainian-Central and South-Eastern Europe: the situation, the organization of cultural and educational activities (1919–1924 years)], Kyiv, 2000 [in Ukrainian].
3. *Sydorenko N.M.* Nacional'no-duhovne samostverdzhennja, u 3 ch., ch. 2: Presa internovanyh ukraińci ta cyvil'noi' emigracii' (Chehija. Pol'shha, Rumunija, Jegypet, 1919–1924 rr.) [National and spiritual self-affirmation: In Part 3. Part 2: Press and civil internees Ukrainian emigration (Czech, Poland, Romania, Egypt, 1919–1924 years)], Kyiv, 2000 [in Ukrainian]; *Boguslavs'kyj O.V.* Presa mizhvojennoi' politychnoi' emigracii' i borot'ba za nezalezhnist' Ukraińy: istorychnyj shljah, dosvid, dyskusii' [Media interwar political exile and the struggle for the independence of Ukraine: historical path

experiences and discussions], Zaporozhzhja, 2008 [in Ukrainian]; *Kolisnyk D.V.* Get'mans'kyj ruh i presa ukrai'ns'koi' politychnoi' emigracii' (1920–1930-ti rr.) [Hetman movement and press Ukrainian political emigration (1920–1930's)], Dnipropetrovs'k, 2008 [in Ukrainian].

4. *Vlasenko V.* Persha hvylya mizhvojennoi' ukrai'ns'koi' politychnoi' emigracii' do Bolgarii' [The first wave of interwar Ukrainian political emigration to Bulgaria], *Bulgarska ukrainistika*, Sofia, 2012, Broj 3, pp. 172–184 [in Ukrainian].

5. *Vlasenko V.M.* Lokal'na hvylya mizhvojennoi' ukrai'ns'koi' politychnoi' emigracii' v Pivdenno-Shidnij Jevropi [Local wave interwar Ukrainian political emigration in South East Europe], *Istoryko-krajeznavchi doslidzhennja: tradyicii' ta inovacii': materialy mizhnarodnoi' naukovy-praktychnoi' konferencii'*, Sumy, 29–30 lystopada 2013 r.), vol. I, Sumy: SumDPU im. A.S. Makarenka, 2013, pp. 75–78 [in Ukrainian]; *Vlasenko V.* Formirovanie ukrainskoj politicheskoy jemigracii v Rumynii v mezhoennoy period (pervaya volna) [Formation of Ukrainian political emigration in Romania in the interwar period (first wave)], // *Rusin. International historical magazine*, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2014. Nr 1 (35), pp. 105–120 [in Russian].

6. *Spasov L.* Bŭlgarie i yuzhnorusskie pravitelstva na Denikin i Vrangel [Bulgaria and South Russian governments to take on Denikin and Wrangel], *Istoricheski pregled*. Sofia, 1990, kn. 2, pp–10 [in Bulgarian]; *K'oseva Ts.* Bŭlgarie i ruskata emigratsie 20-te – 50-te godini na XX v. [Bulgaria and the Russian emigration 20s – 50s of XX century], Sofia, 2002, pp. 46–48 [in Bulgarian].

7. *Jovanović M.* Doseljavanje ruskih izbeglica u Kraljevinu SHS 1919–1924 [Arrival of Russian refugees in the Kingdom of SHS 1919–1924], Beograd, 1996, p. 109 [in Serbian].

8. *Varnek P.* Evakuatsiya Odessy Dobrovol'cheskoy armiey v 1920 godu [Evacuation of Odessa Volunteer Army in 1920], *Flot v Beloy bor'be*, Moscow, 2002, p. 122 [in Russian].

9. *Shteynman F.* Otsuplenie ot Odessy (yanvar' 1920 g.) [Retreat from Odessa (January 1920)], *Arkhiv russkoy revolyutsii*, Berlin, 1921, t. 2, p. 97 [in Russian].

10. *Russkaya voennaya emigratsiya 20–40-kh godov. Dokumenty i materialy*, t. 1: Tak nachinalos' izgnan'e: 1920–1922 gg., kn. 1: Iskhod [Russian military emigration 20–40-ies, Documents and materials, vol. 1: Beginnings exile: 1920–1922, Book. 1: Exodus], Moscow, 1998, p. 62 [in Russian].

11. *Jovanović M.* Doseljavanje ruskih izbeglica u Kraljevinu SHS 1919–1924 [Arrival of Russian refugees in the Kingdom of SHS 1919–1924], Beograd, 1996, pp. 113–114 [in Serbian].

12. *Varnek P.U.* beregov Kavkaza v 1920 godu [Along the coast of the Caucasus in 1920], *Flot v Beloy bor'be*, Moscow, 2002, p. 189 [in Russian].

13. *Yovanovich M.* Obzor pereseleniya russkikh bezhentssev na Balkany [Overview of Russian resettlement of refugees in the Balkans], *Russkiy iskhod*. SPb., 2004, pp. 170–171 [in Russian]; *Bocharova Z.S.* Rossiyskoe zarubezh'e 1920–1930-kh gg. kak fenomen otechestvennoy istorii [Russian abroad 1920–1930-ies. as a phenomenon of national history], Moscow, 2011, pp. 50 [in Russian].

14. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv vysshikh organov vlasti i upravleniya Ukrainy [Central State Archive of the higher governing bodies of Ukraine] (TsGAVO), f. 3696, op. 2, d. 352, p. 12; *Petljura S. Statti. Lysty. Dokumenty* [Articles. Letters. Documents], Kyiv, 1999, t. 3, pp. 228–229 [in Ukrainian].

15. *Koseva Ts. Bŭlgarie i ruskata emigratsie 20-te – 50-te godini na XX v.* [Bulgaria and the Russian emigration 20s – 50s of XX century], Sofia, 2002, p. 49 [in Bulgarian].

16. Symon Petljura ta jogo rodyna. Do 70-richchja jogo tragicnoi' zagybeli: Dokumenty i materialy [Petljura Simon and his family. By the 70th anniversary of his tragic death: Documents and Materials], Kyiv, 1996, p. 29 [in Ukrainian].

17. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 352, pp. 3–3 rev., d. 355, l. 9.

18. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 352, l. 9.

19. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 355, l. 5–5 ob; Pavlenko V. *Dyplomatychna misija Ukrai'ns'koi' Narodnoi' Respubliky (1918–1920 rr.)* [Diplomatic missions of the Ukrainian People's Republic (1918–1920)], *Ukrai'ns'kyj istorychnyj zhurnal*, Kyiv, 1992, Nr 12, p. 27 [in Ukrainian].

20. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 352, p. 10.

21. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 360, p. 17 rev.

22. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation], f. R–5680, op. 1, d. 65, pp. 16–17.

23. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 11, p. 34 rev.

24. TsGAVO, f. 3696, op. 1, d. 7, p. 99.

25. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 308, p. 122.

26. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 352, p. 3.

27. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 308, p. 122 rev.

28. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 7, p. 187.

29. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 352, p. 11.

30. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 308, p. 124.

31. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 352, p. 37.

32. Národní archiv České republiky [National Archives of the Czech Republic] (NAČR), f. «Ukrajinské muzeum v Praze». Kart. 27. Inv. Nr 595. Arch. 26.

33. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 562, pp. 25 rev.–29.

34. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 562, pp. 25 rev.–26.

35. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 352, p. 34.

36. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 562, pp. 26, 26 rev.–29.

37. TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 562, pp. 26 rev.–28.

Власенко Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории юридического факультета Сумского государственного университета.

Valery Vlasenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History of the Law Faculty of Sumy State University.

e-mail: v_m_vlas@ukr.net

УДК 94(478)"1924/1927"

DOI: 10.17223/18572685/36/18

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДЕЛЕ СТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОЛДАВСКОЙ АССР (1924-1927 гг.)

В.В. Иченко

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
3300, Молдова, Приднестровье, 3300 г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107
e-mail: historia83@mail.ru

Авторское резюме

Статья посвящена роли общественных организаций в деле становления народного образования в первые годы существования Молдавской автономии. В частности уделяется внимание таким организациям, как Комитет советской молодежи, Комитет незаможных селян, профсоюзы и женские союзы, оказывавшим влияние на политику в сфере образования и просвещения населения различных этносов МАССР. В работе приводятся специфика и итоги деятельности общественных структур по формированию образовательного поля в республике.

Ключевые слова: комсомольцы, профсоюзы, Комитет незаможных селян, женские отделы, народное образование, молдаване, неграмотность, Молдавская автономия, ликбез, школы.

Role of the social organizations in the formation of public education of the Moldavian ASSR (1924-1927)

V.V. Ichenko

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25 str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
e-mail: historia83@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the role of social organizations in the establishment of public education in the early years of the existence of the Moldavian autonomy. In

particular, is paid attention to such organizations as the Committee of Soviet Youth, Committee of independent villagers, trade unions and women's unions, influencing policy of education and enlightenment of different ethnic groups in Moldavian autonomy (MASSR). The paper presents specific and results of activity of social structures in forming of «educational field» in the Republic.

Keywords: Komsomol members, trade unions, the committee of independent villagers, women's departments, public education, Moldavians, illiteracy, Moldavian autonomy, literacy campaign, schools.

Вопрос о становлении народного образования и культурного строительства в Молдавской автономии является одним из наиболее часто затрагиваемых в историографии республики. В первую очередь стоит выделить работы таких авторов, как Д. И. Антонюк, З. М. Иванова, Т. А. Крачун, Г. В. Синица, Ф. С. Омельчук и др.¹ Однако специальных работ, освещающих роль общественных организаций в деле формирования образовательного поля в МАССР, фактически нет. В связи с этим в статье речь пойдет о том, какая роль принадлежала общественным структурам в культурно-просветительских процессах на начальном этапе становления первой приднестровской государственности.

Фундамент формирования социалистического образования начал закладываться еще в начале 20-х гг., после окончания гражданской войны. Представление о том, с чем пришлось бороться пришедшим к власти новым силам, дают материалы Всероссийской переписи населения, прошедшей в августе 1920 г. Так, в Тираспольском и Балтском уездах число грамотных составляло 29 и 23,7 % соответственно. При этом около 70 % населения вообще было неграмотным². Поэтому с 1921 г. проводилась активная работа по ликвидации неграмотности в левобережных районах Молдавии. В конце 1921 г. в Тираспольском уезде функционировало 40 школ ликбеза (9 - в городах и 31 - в селах), а в Балтском уезде, по данным уездного отдела народного образования за 1924 г., работало 255 школ грамоты (26 - в городах и 229 - в селах). В них обучались 5 170 человек и преподавали 85 учителей (без совместительства)³.

Несмотря на некоторый рост грамотности населения, основная его часть оставалась неграмотной. Необходима была организация, ставившая своей целью борьбу за обучение непросвещенных народных масс. Таковая появилась 2 сентября 1923 г., когда было создано Всероссийское добровольное общество ликвидации неграмотности «Долой неграмотность» (ОДН). По примеру ОДН на Украине было образовано общество «Геть неписьменність» во главе с председателем Всеукраинского ЦИК Г.И. Петровским. В Одесской губернии была создана ячейка «Общества содействия ликвидации безграмотности»⁴.

На заседании Тираспольского райисполкома 21 декабря 1923 г. было решено учредить районное общество содействия ликбезу. Его возглавил председатель райисполкома В.И. Коломиец, а в состав вошли секретарь райпарткома В.К. Свинционик, председатель районного комитета незаможных селян (КНС) П.М. Варламов, уполномоченный профсекретариата и представителей местной кооперации и месткома. В декабре были также созданы районные отделения ОДН в Григориопольском, Дубоссарском, Слободзейском и других районах Одесского округа⁵.

Одним из важных вопросов в деле обучения населения стало повышение педагогической квалификации учителей. Для реализации этих планов 8-14 февраля 1924 г. состоялась Балтская окружная конференция по ликбезу, которая рекомендовала 35 учителей, прослушавших курсы, назначить заведующими районными школами, инструкторами ликбеза - 11 человек, в качестве учителей - 16, а остальных 8 человек направить в школы стажерами на срок от одного до трех месяцев⁶.

В то же время процесс обучения расширялся. Так, в Одесском округе предполагалось открыть 219 школ ликбеза, в которых должны были обучаться 6 670 неграмотных, но этому мешал ряд трудностей - в первую очередь финансового порядка. За счет местного бюджета содержалось только 17 районных школ ликбеза (т. е. по одной на район), финансирование остальных распределялось между ячейками содействия ликбезу, кассами взаимной помощи (КВП) и другими общественными организациями. Учителя в них трудились в основном бесплатно, только отдельные работники ликбеза получали небольшую плату за свой труд⁷.

Борьба с неграмотностью народных масс была нелегкой. Не хватало учебных пособий. Не везде точно учитывалось число неграмотных. Их обучение не всегда велось с учетом особенностей возрастных групп. Рабочие и крестьяне, занятые днем на работе, могли учиться только по вечерам, но часто не хватало керосина для освещения помещений и приходилось заниматься при тусклом свете самодельных коптилок. Учебный год в сети ликбеза в селах начинался поздно, с окончанием сельскохозяйственных работ, а прекращался с их началом, т. е. ликпункты работали только в зимний период. Нередко бывало так, что умение немного читать и писать без применения в повседневной жизни утрачивалось, и приходилось все начинать сначала⁸.

В школы ликбеза ученики поступали в разное время года и посещали их не всегда регулярно. Некоторые не желали учиться из-за предрассудков и относились к обучению как к тяжелой повинности. Часть неграмотных поддавалась агитации врагов Советской власти. Представители общественности вели разъяснительную работу о

жизненной необходимости знаний, а иногда прибегали и к принуждению. В отдельных селах левобережной Молдавии на собраниях принимались даже специальные решения, в которых устанавливались различные наказания по отношению к уклонявшимся от занятий. Общее собрание членов КНС села Ташлык Григориопольского района 11 декабря 1923 г., заслушав вопрос о посещаемости школы ликбеза и найдя ее неудовлетворительной, постановило: «Членов КНС, не посетивших школу ликбеза до 3-х раз по неуважительным причинам в воскресенье и в праздничные дни, исключать из организации КНС и записывать их на черную доску»⁹.

Приведенный документ показывает, что наиболее сложно дело ликвидации неграмотности протекало в сельской местности, поэтому там роль общественных организаций была более важной. Принимались самые разнообразные формы и методы разъяснительной работы. К примеру, в утвержденном плане работы Тираспольского районного комитета незаможных селян на январь-март 1924 г. наряду с лекциями и собраниями рекомендовалось «устройство политсудов над членами КНС, не посещающими как школы ликбеза, так и кружки коллективной читки». А объединенное собрание членов КНС союза Всеработземлеса и батраков села Малаешты от 20 января 1924 г., заслушав доклад учительницы по ликбезу Фокиры, признало работу ликбеза «слабой ввиду непосещений некоторыми членами КНС школы ликбеза» и решило «27 января устроить над ними политсуд». А в отчете районного КНС на 20 апреля отмечалось: «Школы ликбеза функционировали хорошо, всех неграмотных членов КНС в районе 158 человек, посещают школы ликбеза 120 человек, а 38, хотя и прикреплены, но не посещают таковых, над последними периодически производятся политсуды»¹⁰.

Напрашивается вывод, что на селе боролись с проблемой неграмотности и радикальными мерами, такими, как политические суды, а в некоторых селах наказывали и денежными штрафами.

Новый этап в деле формирования системы народного образования связан с созданием в октябре 1924 г. Молдавской АССР. Тогда появились структуры, контролировавшие эти процессы, в частности Отдел народного просвещения. В его состав вошли представители общественных организаций (женских отделов, профсоюзов, детского движения, КНС). С принятием Конституции МАССР в 1925 г. был создан Народный комиссариат просвещения. Одним из главных направлений его деятельности стала ликвидация неграмотности, для чего в 1926 г. было основано Молдавское оргбюро Всесоюзного общества «Долой неграмотность»¹¹.

В эти процессы активно включались представители женского движения. Так, например, Балтская окружная чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности объявила ударной работу среди делегатов женотдела города и села. Члены комиссии обязывались обучить всех неграмотных делегатов женотдела, а на местах они отвечали за учет неграмотных и малограмотных делегатов, направляя их в ликпункты. Кроме того, в их задачу входило выдвижение грамотных делегатов на специальные краткосрочные курсы подготовки учителей для школ¹².

В сферу интересов женских организаций входили и другие вопросы, что подтверждается архивными материалами. Так, в протоколе заседания одной из коллегий женотдела, состоявшегося 6 декабря 1924 г., говорилось, что работает 279 трудовых школ, а в каждом районе была выделена одна показательная школа. Тем не менее трудности были: так, на одного учителя приходилось 50 учащихся. Каждый район был снабжен учебными пособиями примерно на 50-70 %, а топливом - только на 45-60 %. Состав учителей по социальному положению был следующим: из рабочей среды - 14 %, из служащих - 6 %, из дворян - 4,5 %, из крестьян - 68,5 %, из духовенства - 7 %. Сеть детских домов охватывала 1 045 человек, технический и педагогический персонал составлял всего 99 человек. Это приводило к тому, что воспитатель часто работал более 8 часов¹³.

Одним из проблемных моментов является национальный аспект образовательной политики. Подтверждением этого являются документы I Всемолдавского съезда работниц и селянок, состоявшегося 29 - 30 декабря 1925 г., на котором присутствовали представители партийных органов, профсоюзов и комсомола. В свете вышеназванной проблемы интерес представляет выступление председателя ЦИК МАССР Г. И. Старого, заявившего: «Главные три национальности АМССР - это молдаване, украинцы и русские. Зачем мы организовали Молдавскую республику при таком населении? А затем, что молдаване - более отсталая национальность и ей легче развивать культуру на родном языке»¹⁴. Его мнение поддержала одна из делегатов съезда - Вашук, сказавшая: «Самой темной и отсталой женщиной в настоящей момент является молдованка, на воспитание которой необходимо обратить самое серьезное внимание»¹⁵. Кстати, интересным представляется и состав этого съезда с позиции образованности. Из 108 делегатов грамотными были только 5, остальные - или малограмотны, или вообще неграмотны¹⁶.

Особо следует остановиться на участии в деле становления системы образования и культурного строительства комсомольских организаций Молдавской АССР. Они уделяли большое внимание политико-воспитательной и культурно-просветительной работе. Все ячейки

создавали политкружки, налаживали чтение лекций и докладов, вели работу по ликвидации неграмотности. Центрами этой работы стали клубы, избы-читальни, красные уголки. В городе Балта был открыт Дворец рабочей молодежи, в Тирасполе и Рыбнице – рабочие клубы. Комсомольские организации заботились об их успешной деятельности, о привлечении к ней рабоче-крестьянской трудящейся молодежи. Так, комсомольское собрание села Терновки 16 января 1924 г. обсудило вопрос о работе среди батрацкой молодежи и приняло решение: «Уделить особое внимание вовлечению подростка-батрака в культурно-просветительную работу нашей ячейки»¹⁷. Подобные настроения были характерны для многих населенных пунктов МАССР.

Много внимания уделялось обмирщению образования и культуры с позиции антирелигиозности. При сельбудах и избах-читальнях стали работать антирелигиозные кружки и кружки мироведения. В дни религиозных праздников проводились антирелигиозные вечера, на которых читались лекции, доклады, ставились спектакли, вывешивались красочные плакаты. Застрельщиком и организатором таких мероприятий был комсомол. Так, во время антипасхальных вечеров 1924 г. цикл лекций читался по определенной схеме: зарождение жизни на земле, возникновение религиозных предрассудков, возникновение религии и ее формы, причины возникновения праздника Пасхи, ее формы и мученики веры. После лекции ставили революционную пьесу или проводили агитационный суд¹⁸.

Это приносило свои плоды, так как все больше верующих, преимущественно молодежь, отходили от «опеки» церкви. Ярким примером может служить следующий факт: на х. Гертоп того же района по решению схода строили новую школу из материала разобранного дома, предназначавшегося для священника. Свидетельством преодоления религиозных настроений служит и то, что крестьяне живо интересовались авиацией и охотно жертвовали средства на воздушный флот¹⁹.

Инициативы и деятельность общественных организаций по антирелигиозному обучению населения поддерживали власти автономии. Так, 9 января 1925 г. на заседании Бюро секретариата Молдавского областного комитета (далее областком) КП(б)У было принято решение о создании Центра антирелигиозного кружка. Занятия в нем должны были проводить не чаще двух раз в неделю, а работу решено было начать с 13-14 января 1925 г.²⁰ В апреле того же года на заседании антирелигиозной комиссии Молдавского областкома КП(б)У была озвучена роль комсомола в процессах формирования атеистического образования. «Кружки мироведения организовывать при С. Б. (сельских будынках. – В.И.) и х.-читальнях(хатах-читальнях. – В.И.) – никаких обособленных комсомольских ячеек не должно быть. Считать

недопустимым хулиганские выходки в проводимой антирелигиозной пропаганде, как-то: вырывание крестьян, насильное требование рясы для проведения комсомольских праздников»²¹.

Еще одна особенность деятельности общественных институтов в рассматриваемый период – это военное обучение населения, что было естественно в условиях, когда Бессарабия оказалась аннексированной Румынией, а Днестр стал пограничной рекой. В этом деле важную роль играла деятельность профсоюзов Молдавской автономии. В протоколе I культурной конференции профсоюзов Молдавии от 3 апреля 1927 г. отмечаются следующие показатели работы политпросвета организации по военизации населения:

1. Рыбницкий район – 7 военных уголков (124 чел.);
2. Дубоссарский – 3 военных уголка (95 чел.);
3. Тираспольский – 8 военных уголков, 7 военных кружков (165 чел.). Выписывается журнал «Красноармеец»;
4. Крутянский – 4 уголка и 6 кружков;
5. Балтский – 11 военных кружков (216 чел.);
6. Бирзульский – 7 военных уголков (300 чел.);
7. Слободзейский – 3 военных кружка (86 чел.);
8. Ананьев – 12 уголков, 3 кружка (200 чел.);
9. Каменка – 4 уголка, 4 кружка (147 чел.);
10. Алексеевский – 12 уголков, 3 кружка (147 чел.);
11. Григориопольский – 3 уголка, 1 кружок (40 чел.).

В общем по республике было 36 военных уголков, 48 военных и 37 стрелковых кружков, которые охватывали 1933 чел.²²

Исходя из приведенного выше документа, следует сделать вывод, что краеугольным камнем работы профсоюзов в области политического просвещения стала «военизация населения» посредством соответствующих знаний. В принципе, такой политики придерживались и другие организации, например КНС, члены которых охотно жертвовали средства на развитие воздушного флота, о чем говорилось выше.

Период начального этапа формирования народного образования и культурного строительства был в основном завершен к 1926-1927 гг., после чего были подведены первые итоги, показавшие динамику образовательных процессов в республике: «Так, на 15 ноября 1927 г. в МАССР действовало 265 политическо-просветительных учреждений (сельбудов - 70, хат-читален - 136, красных уголков - 41, клубов - 18). Общий охват крестьян - до 200 000 чел. На протяжении учебного года было прочтено 2027 лекций. Из этих 200 тыс. чел.: КНС – 17 %, середняки – 22 %, батраки – 4 %, остальные - 57 % (неорганизованная беднота и прочие)»²³. В области искусства работало «45 драмкружков с общим охватом 1 223 человека; 7 театров; радиоуста-

новоков насчитывалось в городе и селе 68. Всего школ ликбезов – 216 (9 027 чел.). Выпущено 6 273 чел (допризывников – 607, ЛКСМ – 155, членов профсоюзов – 114, батраков – 358, КНС - 1 728)»²⁴.

Несмотря на столь хорошие показатели за короткий срок, наблюдались некоторые срывы, провалы, перегибы и т. д. Подтверждением могут служить результаты проверки партийной комиссией (состав – Богопольская, Мусафир, Шефталович, Борисовская) школ социального воспитания и Профбюро Молдавии за 1927 г. Они проверили 13 школ, в результате чего было высказано два основных замечания:

- индивидуализм, мещанство, обывательщина наблюдались в школах и проникали в комсомол и «пионерщину» (например, проявление религиозности «в праздники Андрея и Пасхи» в школах Дубоссар, Балты и Тирасполя); кроме того, «устраивались вечеринки со взносами от 1 до 2 руб.: гадание, флирт, вино и др. напитки, поцелуи, музыка и др., номера мещанского пошиба»²⁵.

- наблюдались антисемитизм и шовинизм (например, «почему все евреи лезут в лучшие места и живут лучше русских, почему товар дается только евреям?» (Балта и Тирасполь); «Бей жидов, спасай Россию» (Рыбница, Дубоссары, Песчанка); «надругательство, доходит до драки» (Рыбница, Дубоссары, Кошница, Тирасполь, Балта)»²⁶.

Следовательно, процессы формирования и становления народного образования были достаточно сложными и по исполнению, и по вкладу партийных органов, общественных организаций, личного примера. Тем не менее добиться значительных успехов удалось, что отражено в данных Всесоюзной школьной переписи 15 декабря 1927 г.: в республике работали 263 школы ликбеза, из них 192 открылись после 1924 г. Всего функционировали 68 молдавских, 141 украинская, 24 русские, 4 молдавско-русские, 7 немецких, 13 еврейских, 2 польские, 2 болгарские школы²⁷.

Кроме того, 37,5 % школ открылось после Октябрьской революции. Из 52 новых школ 40 было построено в 1926-1927 гг., в основном в сельской местности, а количество учителей достигло 1 223 чел.²⁸

Озвученная динамика роста грамотного населения в Молдавской АССР на начальном этапе ее формирования во многом была отмечена усилиями партийных и общественных структур, в первую очередь комсомола, женских, профсоюзных и крестьянских организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонюк Д.И. Динамика культурного строительства в Советской Молдавии. Кишинев, 1984; Иванова З.М. Культурное строительство в левобере-

режной Молдавии в первые годы Советской власти (конец 1917 г. – октябрь 1924 г.). Кишинев, 1984; *Ее же*. Борьба за ликвидацию неграмотности в левобережной Молдавии (1920-1924 гг.) // Культурное строительство в Советской Молдавии. Кишинев, 1974; *Крачун Т.А.* Очерки истории развития школы и педагогической мысли в Молдавии. Кишинев, 1969; *Омельчук Ф.С.* Развитие социалистической культуры в Молдавской АССР. Кишинев, 1950; *Андрус О. Г.* Очерки по истории школ Бессарабии в первой половине XX в. Кишинев, 1952; Строительство социалистической культуры в Молдавии 1917-1960 гг. Кишинев, 1987; Культурное строительство в Советской Молдавии. Кишинев, 1974.

2. Строительство социалистической культуры в Молдавии 1917-1960 гг. Кишинев, 1987. С. 17.

3. *Иванова З.М.* Культурное строительство в левобережной Молдавии в первые годы Советской власти (конец 1917 г. – октябрь 1924 г.). Кишинев, 1984. С. 38-39.

4. *Там же*. С. 42.

5. *Там же*. С. 42-43.

6. *Там же*. С. 46.

7. *Иванова З.М.* Борьба за ликвидацию неграмотности в левобережной Молдавии (1920-1924 гг.) // Культурное строительство в Советской Молдавии. Кишинев, 1974. С. 73.

8. Строительство социалистической культуры... С. 20-21.

9. *Иванова З.М.* Культурное строительство в левобережной Молдавии... С. 38-39.

10. *Там же*. С. 50.

11. Строительство социалистической культуры... С. 47.

12. *Иванова З.М.* Борьба за ликвидацию неграмотности... С. 76.

13. Архив общественно-политических организаций Республики Молдова (далее АОПОРМ). Ф. 49. Оп. 1. Д. 51. Л. 5.

14. *Там же*. Л. 14.

15. *Там же*. Л. 22.

16. *Там же*. Л. 31-32.

17. Очерки истории комсомола Молдавии. Кишинев, 1980. С. 59.

18. *Иванова З.М.* Культурное строительство в левобережной Молдавии... С. 175.

19. *Там же*. С. 176.

20. АОПОРМ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 337. Л. 5.

21. *Там же*. Л. 6.

22. АОПОРМ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1063. Л. 8-9.

23. АОПОРМ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1082. Л. 34.

24. *Там же*. Л. 34-35.

25. *Там же*. Л. 57.

26. *Там же*. Л. 58.

27. Строительство социалистической культуры... С. 52.

28. История Приднестровской Молдавской республики. Т. 2. Ч. 2. Тирасполь, 2001. С. 170.

References

1. *Antonyuk D.I.* Dinamika kul'turnogo stroitel'stva v Sovetskoj Moldavii [The dynamics of cultural building in Soviet Moldavia], Kishinev, 1984; *Ivanova Z.M.* Kul'turnoe stroitel'stvo v levoberezhnoy Moldavii v pervye gody Sovetskoj vlasti (konets 1917 g. – oktyabr' 1924 g.) [Cultural building on the Left Bank of Moldova in the first years of Soviet power (end of 1917 – October 1924)], Kishinev, 1984 [in Russian]; *Ivanova Z.M.* Bor'ba za likvidatsiyu negramotnosti v levoberezhnoy Moldavii (1920-1924 gg.) [Fight for the literacy campaign in the left-bank Moldova (1920-1924)], Kul'turnoe stroitel'stvo v Sovetskoj Moldavii. Kishinev, 1974 [in Russian]; *Krachun T.A.* Ocherki istorii razvitiya shkoly i pedagogicheskoy mysli v Moldavii [Essays on the history of development of the school and pedagogical thought in Moldavia], Kishinev, 1969 [in Russian]; *Omel'chuk F.S.* Razvitie sotsialisticheskoy kul'tury v Moldavskoy ASSR [Development of socialist culture in the Moldavian ASSR], Kishinev, 1950 [in Russian]; *Andrus O.G.* Ocherki po istorii shkol Bessarabii v pervoy polovine XX v. [Essays on the history of Bessarabia schools in the first half of the XX century], Kishinev, 1952 [in Russian]; Stroitel'stvo sotsialisticheskoy kul'tury v Moldavii 1917-1960 gg. [Building of socialist culture in Moldova in 1917-1960], Kishinev, 1987 [in Russian]; Kul'turnoe stroitel'stvo v Sovetskoj Moldavii [Cultural building in Soviet Moldavia], Kishinev, 1974 [in Russian].
2. Stroitel'stvo sotsialisticheskoy kul'tury v Moldavii 1917-1960 gg. [Building of socialist culture in Moldova in 1917-1960], Kishinev, 1987, p. 17.
3. *Ivanova Z.M.* Kul'turnoe stroitel'stvo v levoberezhnoy Moldavii v pervye gody Sovetskoj vlasti (konets 1917 – oktyabr' 1924 gg.) [Cultural building on the Left Bank of Moldova in the first years of Soviet power (end of 1917 – October 1924)], Kishinev, 1984, pp. 38-39 [in Russian].
4. *Ibid.*, p. 42 [in Russian].
5. *Ibid.*, pp. 42-43 [in Russian].
6. *Ibid.*, p. 46 [in Russian].
7. *Ivanova Z.M.* Bor'ba za likvidatsiyu negramotnosti v levoberezhnoy Moldavii (1920-1924 gg.) [Fight for the literacy campaign in the left-bank Moldova (1920-1924)], Kul'turnoe stroitel'stvo v Sovetskoj Moldavii, Kishinev, 1974, p. 73 [in Russian].
8. Stroitel'stvo sotsialisticheskoy kul'tury... [Building of socialist culture ...], pp. 20-21 [in Russian].
9. *Ivanova Z.M.* Kul'turnoe stroitel'stvo v levoberezhnoy Moldavii... [Cultural building on the Left Bank of Moldova ...], pp. 38-39 [in Russian].
10. *Ibid.*, p. 50 [in Russian].
11. Stroitel'stvo sotsialisticheskoy kul'tury... [Building of socialist culture...], p. 47 [in Russian].
12. *Ivanova Z.M.* Bor'ba za likvidatsiyu [Fight for the literacy campaign...], p. 76 [in Russian].
13. Arkhiv obshchestvenno-politicheskikh organizatsiy Respubliki Moldova (dalee AOPORM) [Archive of socio-political organizations of the Republic

Moldova (hereinafter ASPORM), f. 49, op. 1, d. 51, p. 5 [in Russian].

14. *Ibid.*, p. 14 [in Russian].

15. *Ibid.*, p. 22 [in Russian].

16. *Ibid.*, pp. 31-32 [in Russian] [in Russian].

17. Ocherki istorii komsomola Moldavii [Essays on history Moldavian Komsomol], Kishinev, 1980, p. 59 [in Russian].

18. *Ivanova Z.M.* Kul'turnoe stroitel'stvo v levoberezhnoy Moldavii... [Cultural building on the Left Bank of Moldova...], p. 175 [in Russian].

19. *Ibid.*, p. 176 [in Russian].

20. ASPORM., f. 49, op. 1, d. 337, p. 5 [in Russian].

21. *Ibid.*, p. 6.

22. ASPORM, f. 49, op. 1, d. 1063, pp. 8-9 [in Russian].

23. ASPORM, f. 49, op. 1, d. 1082, p. 34 [in Russian].

24. *Ibid.*, pp. 34-35 [in Russian].

25. *Ibid.*, p. 57 [in Russian].

26. *Ibid.*, p. 58 [in Russian].

27. Stroitel'stvo sotsialisticheskoy kul'tury... [Building of socialist culture...], p. 52 [in Russian].

28. Istoriya Pridnestrovskoy Moldavskoy respubliki [History of Transdniesterian Moldavian Republic], t. 2, ch. 2, Tiraspol', 2001, p. 170 [in Russian].

Иченко Виталий Владимирович - старший преподаватель кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Ichenko Vitaliy - Senior Lecturer of the Faculty of Domestic History of the Institute of History and State Managment of the Taras Shevchenko State University of Transnistria.

e-mail: historia83@mail.ru

УДК 81'272

DOI: 10.17223/18572685/36/19

РУСИНСКИЙ И СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫКИ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ХОРВАТИИ

Д.А. Катунин

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
e-mail: katunin@mail.tsu.ru

Авторское резюме

Анализируется статус русинского и словацкого языков в законах Республики Хорватия государственного, регионального и муниципального уровней с момента провозглашения независимости этого государства от Югославии до наших дней: в Конституции, законах о языке и национальных меньшинствах, международных договорах, статутах тех областей и муниципалитетов, где компактно проживает основная часть представителей русинской и словацкой диаспор. Отдельно рассматриваются законы непризнанной Республики Сербская Краина, регулировавшие употребление языков и алфавитов на ее территории в период существования этого самопровозглашенного государства. Приводятся статистические данные результатов переписей населения Хорватии 1991, 2001 и 2011 гг. по абсолютной и относительной численности русинов и словаков, а также численности тех, кто указал русинский и словацкий языки в качестве родных. Делаются выводы о неравномерности и непоследовательности фиксации языковых прав русинов и словаков Хорватии в законах государственного и муниципального уровней.

Ключевые слова: русины, словаки, русинский язык, словацкий язык, официальный язык, Хорватия, Сербская Краина.

The Ruthenian and Slovak languages in the current laws of Croatia

D.A. Katunin

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
e-mail: katunin@mail.tsu.ru

Abstract

The status of the Ruthenian and Slovak languages is analyzed in the laws of the Republic of Croatia at the state, regional and municipal levels from the time the state declared its independence of Yugoslavia to the present day. The Constitution, laws on the language and on national minorities, international treaties, statutes of regions and municipalities densely populated by the representatives of the Ruthenian and Slovak diasporas are studied. Laws of the unrecognized Republic of Serbian Krajina regulating the use of languages and alphabets in its territory while the self-proclaimed state existed are considered separately. The statistical data from the population census in Croatia of 1991, 2001 and 2011 are given on the absolute and relative numbers of Ruthenians and Slovaks, as well as of those who indicated Ruthenian and Slovak as their mother tongues. Conclusions about the unevenness and inconsistency in fixing the linguistic rights of Ruthenians and Slovaks in Croatia laws at the state and municipal levels are made.

Keywords: Ruthenians, Slovaks, Ruthenian language, Slovak language, official language, Croatia, Serbian Krajina.

Русины и словаки в Хорватии

Целью исследования является определение статуса словацкого и русинского языков в современной юридической практике Республики Хорватия. Рассмотрение языковых прав хорватских русинов и словаков в одной статье обусловлено общностью судеб этих диаспор: обе группы указанных народов обладают исторической, культурной и языковой близостью; кроме того, их продвижение с севера на юг Венгерского королевства (в том числе и на территорию современной Хорватии) происходило в одно время и во многом по одинаковым причинам – из-за отсутствия достаточного числа земельных наделов в Карпатах и их наличия на Среднем Дунае после изгнания оттуда турок.

И словаки, и русины начали переселяться на Паннонскую равнину из северо-восточной части Венгерского королевства, входившего тогда в состав Австрийской империи, в середине XVIII в. Первоначально они обосновались в Бачке, историко-географической области, расположенной между реками Дунай и Тиса, а в XIX в. русинские и словацкие села появились и на правом берегу Дуная – в Среме / Сриеме (междуречье Савы и Дуная), а словацкие – и ещё западнее, в Славонии (междуречье Савы и Дравы); словаки также проживают и в Сербском Банате – области на восточном берегу Тисы. В настоящее время большая часть Бачки входит в состав Воеводины (автономного края Сербии), Славония – в состав Хорватии, а Срем поделён на восточную и западную части между Сербией и Хорватией. Всего в странах бывшей Югославии проживает около 60 000 чел., идентифицирующих себя как словаки, в основном в Сербии – 52 750 чел. (из

них в Воеводине – 50 321), и около 20 000 чел. – как русины, также в основном в Сербии – 14 246 чел. (в Воеводине – 13 928)¹.

В Хорватии словаки и русины гораздо малочисленнее: по данным переписи 2011 г., их насчитывается соответственно 4 753 (0,11 % всех жителей страны) и 1 936 чел. (0,05 %). Кроме того, как показывает сопоставление результатов трёх последних переписей населения, их количество имеет тенденцию к снижению (особенно это заметно при указании словацкого и русинского языков в качестве родных), что обусловлено как ассимиляционными процессами, так и эмиграцией.

Таблица 1. Данные переписей населения Хорватии в абсолютном и процентном выражении по национальной принадлежности.

Год переписи	Словаки	Русины
2011	4 753 0,11 %	1 936 0,05 %
2001	4 712 0,11 %	2 337 0,05 %
1991	5 606 0,12 %	3 253 0,07 %

Таблица 2. Данные переписей населения Хорватии в абсолютном и процентном выражении по родному языку².

Год переписи	Словацкий язык	Русинский язык
2011	3 792 0,09 %	1 472 0,03 %
2001	3 993 0,09 %	1 828 0,04 %
1991	5 265 0,11 %	2 845 0,06 %

Русинский и словацкий языки в государственных законах Хорватии

Несмотря на то, что доля словаков составляет одну десятую процента населения Хорватии, а русинов – еще меньше, они официально признаны национальными меньшинствами, чьи права (в том числе языковые) признаются и охраняются государством.

Так, согласно вводной части Конституции, Хорватия провозглашается не только национальным государством хорватского народа, но и государством автохтонных национальных меньшинств, среди которых указываются словаки и русины (*здесь и далее выделение полужирным шрифтом наше. –Д.К.*):

<...> Republika Hrvatska ustanovljuje se kao nacionalna država hrvatskog naroda i država pripadnika autohtonih nacionalnih manjina: Srba, Čeha, Slovaka, Talijana, Mađžara, Židova, Nijemaca, Austrijanaca, **Rusina** i drugih, koji su njezini državljani, kojima se jamči ravnopravnost s građanima hrvatske narodnosti i ostvarivanje nacionalnih prava u skladu s demokratskim normama OUN i zemalja slobodnog svijeta³.

Следует отметить, что русины и украинцы были включены в основной закон Хорватии благодаря поправкам 1997 г.⁴ В первоначальной версии Конституции 1990 г. эти меньшинства не указывались:

<...> Republika Hrvatska ustanovljuje se kao nacionalna država hrvatskoga naroda i država pripadnika inih naroda i manjina, koji su njezini državljani: Srba, Muslimana, **Slovenaca**, Čeha, Slovaka, Talijana, Mađžara, Židova i drugih, kojima se jamči ravnopravnost s građanima hrvatske narodnosti i ostvarivanje nacionalnih prava u skladu s demokratskim normama OUN i zemalja slobodnog svijeta⁵.

Таким образом, Хорватия является единственным государством мира, в Конституции которого содержится упоминание о русинском народе. Также Основной закон этой страны гарантирует представителям всех нацменьшинств свободное использование своих языков и алфавитов:

Čl. 15. <...> Pripadnicima svih nacionalnih manjina jamči se sloboda izražavanja nacionalne pripadnosti, **slobodno služenje svojim jezikom i pismom** i kulturna autonomija⁶.

Здесь следует отметить важность и принципиальность указания не только языков, но и графических систем в законодательстве всех четырех стран сербско-хорватского языкового континуума – Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории. До распада Социалистической Федеративной Республики Югославия в Конституциях вышеуказанных республик в качестве официально использовавшегося языка указывался сербско-хорватский или – в Хорватии – хорватско-сербский, между которыми имелись различия на всех уровнях языковой системы (фонетической, лексической, словообразовательной и синтаксической), но которые были взаимопонимаемы и большинством лингвистов признавались диалектами одного языка. Размежевания между бывшими югославскими республиками привело к желанию иметь свои собственные языки, и в настоящее время в законодательствах этих государств указываются в качестве официальных сербский, хорватский, боснийский / бошняцкий и черногорский. Поскольку формальная разница между сербским и хорватским вариантами сербско-хорватского (хорватско-сербского) языка выражалась не в последнюю очередь на уровне графики, то особую роль приобретают формулировки об официально установленном алфавите («письме»), в том числе и в Хорватии.

В 1997 г. она ратифицировала Европейскую хартию о меньшинственных и региональных языках Совета Европы и взяла на себя обязательства по защите и развитию семи таких языков, в том числе словацкого и русинского:

Čl. 5. <...> Na temelju članka 3. stavka 1., Republika Hrvatska će odredbe Dijela III Europske povelje o regionalnim ili manjinskim

jezicima primjenjivati u odnosu na talijanski, srpski, mađarski, češki, **slovački, rusinski** i ukrajinski **jezik**⁷.

Кроме того, в Хорватии был принят ряд законов, регулирующих права национальных меньшинств на использование своих языков. Первым из них является Конституционный закон о правах и свободах человека и о правах этнических и национальных сообществ и меньшинств в Республике Хорватия 1992 г., который гарантирует свободу употребления языков и алфавитов национальных меньшинств в частной и публичной сферах, а также позволяет единицам местного самоуправления наделять официальным статусом такие языки и алфавиты в случае, если национальное меньшинство составляет большинство населения какого-либо муниципалитета:

Čl. 7. Pripadnici svih etničkih i nacionalnih zajednica ili manjina u Republici Hrvatskoj mogu **slobodno upotrebljavati, u privatnom i javnom životu, svoj jezik i pismo**.

U općinama u kojima pripadnici etničke i nacionalne zajednice ili manjine čine većinu u ukupnom broju stanovnika **u službenoj uporabi će biti uz hrvatski jezik i latinično pismo i jezik i pismo te etničke i nacionalne zajednice ili manjine**.

Čl. 8. Jedinice lokalne samouprave mogu utvrditi **službenu uporabu dvaju ili više jezika i pisama** vodeći računa o broju pripadnika i interesima etničkih i nacionalnih zajednica ili manjina⁸.

Максимально подробно рассматриваемый вопрос регулируется специальным Законом об употреблении языка и алфавита национальных меньшинств в Республике Хорватия 2000 г., где прописываются в том числе и условия получения официального статуса миноритарными языками, а также сфера их функционирования. Достаточными условиями указываются преобладание представителей национальных меньшинств в населении муниципалитета, наличие соответствующих обязательств в международных договорах, подписанных Хорватией, фиксация на момент принятия закона официального статуса языков в основных законах (статутах) общины, города или области (жупании):

Čl. 4. Ravnopravna **službena uporaba jezika i pisma nacionalnih manjina** ostvaruje se u skladu s odredbama Ustavnog zakona o ljudskim pravima i slobodama i o pravima etničkih i nacionalnih zajednica ili manjina u Republici Hrvatskoj, Okvirne konvencije za zaštitu nacionalnih manjina Vijeća Europe i ovoga Zakona pod sljedećim uvjetima:

1. kada pripadnici pojedine nacionalne manjine na području općine ili grada čine većinu stanovnika, u skladu s Ustavnim zakonom o ljudskim pravima i slobodama i o pravima etničkih i nacionalnih zajednica ili manjina u Republici Hrvatskoj, Okvirnom konvencijom za zaštitu nacionalnih manjina Vijeća Europe i ovim Zakonom,

2. kada je predviđena međunarodnim ugovorima kojih je Republika Hrvatska stranka,

3. kada su to statutom propisale općine i gradovi, u skladu s Ustavnim zakonom o ljudskim pravima i slobodama i o pravima etničkih i nacionalnih zajednica ili manjina u Republici Hrvatskoj, Okvirnom konvencijom za zaštitu nacionalnih manjina Vijeća Europe i ovim Zakonom,

4. kada to, u odnosu na rad svojih tijela, u samoupravnom djelokrugu, statutom propiše županija na čijem je području u pojedinim općinama i gradovima u ravnopravnoj službenoj uporabi jezik i pismo nacionalne manjine.

Za ostvarivanje ravnopravne **službene uporabe jezika i pisma nacionalne manjine** na temelju stavka 1. točke 1. ovoga članka mjerodavni su podaci popisa stanovnika koji je neposredno prethodio uređivanju ovih pitanja statutom općine ili grada⁹.

В принятом в 2002 г. Конституционном законе о правах национальных меньшинств подтверждаются положения вышеприведенного закона относительно официального использования языков и алфавитов представителями этнических меньшинств и уточняется, что такое право гарантируется в тех единицах местного самоуправления, где национальное меньшинство составляет не менее трети от всего населения муниципалитета:

Čl. 12. (1) Ravnopravna **službena uporaba jezika i pisma** kojim se služe pripadnici nacionalne manjine ostvaruje se na području jedinice lokalne samouprave kada pripadnici pojedine nacionalne manjine čine najmanje trećinu stanovnika takve jedinice.

(2) Ravnopravna **službena uporaba jezika i pisma** kojim se služe pripadnici nacionalne manjine ostvaruje se i kada je to predviđeno međunarodnim ugovorima koji, sukladno Ustavu Republike Hrvatske, čine dio unutarnjeg pravnog poretka Republike Hrvatske i kada je to propisano statutom jedinice lokalne samouprave ili statutom jedinice područne (regionalne) samouprave u skladu s odredbama posebnog zakona o uporabi jezika i pisma nacionalnih manjina u Republici Hrvatskoj.

(3) Ostali uvjeti i način **službene uporabe jezika i pisma** kojim se služe pripadnici nacionalne manjine u predstavničkim i izvršnim tijelima i u postupku pred upravnim tijelima jedinica lokalne samouprave i jedinica područne (regionalne) samouprave; u postupku pred tijelima državne uprave prvog stupnja, u postupku pred sudbenim tijelima prvog stupnja; u postupcima koje vode Državno odvjetništvo i javni bilježnici, te pravne osobe koje imaju javne ovlasti, uređuju se posebnim zakonom o uporabi jezika i pisma nacionalnih manjina¹⁰.

Следует заметить, что такой ценз (не менее одной трети от числа всех жителей) является самым высоким среди всех государств бывшей Югославии, где введены подобные положения. Так, в Македонии необходимый минимум для наделения официальным статусом языков и алфавитов национальных меньшинств на территории муниципалитета составляет 20 %¹¹, в Сербии и Черногории – 15 %¹², а в самопровозглашенной Республике Косово – 5 %¹³.

Русинский и словацкий языки в региональном и муниципальном законодательстве Хорватии

В настоящее время Хорватия подразделяется на 20 жупаний (областей) и приравненный к ним по статусу город Загреб (столица государства). Жупании в свою очередь делятся на муниципалитеты – города и общины. Основными законами всех названных единиц являются статуты (аналог устава в российском законодательстве), где могут содержаться и положения, регулирующие использование языков и алфавитов на территории административных образований.

Большинство хорватских русинов проживает в самом восточном регионе Хорватии – Вуковарско-Сриемской жупании, статуты которой, принятые в 1993, 1994, 2001, 2006 и 2009 гг., не содержали положений о языках. Но уже в редакции статута 2010 г. появилась статья, в которой гарантируются права представителей неконкретизированных нацменьшинств на использование своих языков и алфавитов (данный текст без изменений сохранен и в актуальной редакции 2013 г.):

Čl. 52. Županija na svom području osigurava, podupire i štiti ostvarivanje **prava nacionalnih manjina u Republici Hrvatskoj na izražavanje svoje kulture i uporabu svoga jezika i pisma**, odgoj i obrazovanje i ostvarivanje drugih prava zajamčenih Ustavom i Ustavnim zakonom o pravima nacionalnih manjina¹⁴.

Всего по переписи 2011 г. в Вуковарско-Сриемской жупании было зафиксировано 1 150 русинов (0,64 % всего населения области), проживающих преимущественно в трех муниципалитетах: общинах Богдановци – 418 (21,33 %) и Томпоевци – 258 (16,49 %) и городе Вуковар – 336 (1,21 %). Можно указать на некоторое снижение численности русинов в регионе по сравнению с данными переписи 2001 г., где было отмечено соответственно 1 796 (0,88 %), 550 (23,25 %), 366 (18,31 %) и 567 (1,79 %) представителей русинской национальности.

Вышеприведенные статистические данные показывают, что ни в одном из муниципалитетов русины не составляют одной трети населения, необходимой для введения русинского языка и алфавита в сферу официального использования. Однако, несмотря на это, в основных законах двух общин – Богдановци и Томпоевци – содержатся (или содержались) упоминания о русинском языке. Так, в первом статуте

муниципалитета Богдановци 1994 г. указывалось, что сербы, русины и украинцы имеют право на официальное использование своих языков:

Čl. 30. <...> Pripadnici etničkih i nacionalnih zajednica ili manjina **Srbi, Rusini, Ukrajinci** i ostali imaju pravo na službenu uporabu svog jezika na području cjele općine ili naselja odnosno djela naselja u postupku pred tijelima lokalne samouprave, sukladno propisima koji uređuju **službenu uporabu jezika i pisma** pripadnika etničkih i nacionalnih zajednica ili manjina¹⁵.

Следует отметить, что в указанный период (1994 г.) власти Хорватии не контролировали территорию этой только что образованной общины, поскольку ее населенные пункты находились в составе самопровозглашенной Республики Сербская Краина (подробнее см. ниже). Соответственно, данный документ выполнял сугубо декларативную (или даже декоративную) функцию и был призван подтвердить территориальную целостность Хорватии и ее юридического пространства.

В статуте же этого муниципалитета 2001 г. (когда РСК уже была ликвидирована, и ее территории интегрированы в состав Хорватии) упоминается только русинский язык, причем без наделения его каким-либо официальным статусом, заявляется только право на его использование и лишь в одном населенном пункте – селе Петровци:

Čl. 28. <...> Rusini ostvaruju **pravo na uporabu rusinskog jezika** u naselju Petrovci¹⁶.

С незначительными изменениями это положение сохранилось и во всех последующих редакциях статута общины Богдановци 2003, 2005, 2006, 2009 и 2013 гг.¹⁷

В основном законе общины Томпоевци 1994 г. (чья территория в это время также входила в состав РСК) отсутствовали упоминания о языке¹⁸, но в статуте 2001 г. за русинами и венграми закреплялось право на использование своих языков в селах Миклушевци и Чаковци соответственно:

Čl. 29. <...> **Pripadnici rusinske nacionalne manjine ostvaruju pravo na uporabu rusinskog jezika** u naselju Mikluševci, gdje čine većinu stanovništva.

Pripadnici mađarske nacionalne manjine ostvaruju pravo na uporabu mađarskog jezika u naselju Čakovci, gdje čine većinu stanovništva u skladu sa Ustavnim zakonom o pravu nacionalnih manjina¹⁹.

В двух последующих редакциях этого документа 2005 и 2006 гг.²⁰ вышеприведенные положения оставались без изменений, однако в редакциях 2009 и 2013 гг.²¹ исчезло упоминание как о русинском, так и венгерском языке.

Значительная часть хорватских словаков также проживает в Вуковарско-Сриемской жупании – 1 185 (0,66 %) чел., преимущественно

в городе Илок – 935 (13,82 %); по данным переписи 2001 г. – 1 338 (0,65 %) и 1 044 (12,50 %) соответственно. Во всех редакциях статута Илока (1994, 1999, 2001, 2009 и 2013 гг.) упоминания о языках отсутствуют.

Однако большинство словаков в Хорватии населяют расположенную к северу от Вуковарско-Сриемской жупании Осиецко-Бараньскую, где их насчитывалось в 2011 г. 2 293 (0,75 %), а в 2001 г. – 2 155 (0,65 %) чел.

В статуте этой жупании 1995 г. областные власти обязывались помогать этническим сообществам и меньшинствам (опять же не указанным поименно) в использовании своих языков и алфавитов:

Čl. 9. Županija na svom području potiče i pomaže ostvarivanje **prava etničkih i nacionalnih zajednica ili manjina** u Republici Hrvatskoj na izražavanje svoje kulture i **uporabu svoga jezika i pisma** i drugih prava zagarantiranih Ustavom i zakonom²².

В 2003 г. эта статья претерпела незначительные изменения (от имени властей жупании говорилось об обеспечении, поддержке и защите прав национальных меньшинств) и в настоящее время сформулирована следующим образом:

Županija na svom području osigurava, podupire i štiti ostvarivanje **prava nacionalnih manjina** u Republici Hrvatskoj na izražavanje svoje kulture i **uporabu svoga jezika i pisma**, odgoj i obrazovanje i drugih prava zajamčenih Ustavom i zakonom²³.

Словаки в Осиецко-Бараньской жупании проживают преимущественно в трёх муниципалитетах: городах Нашице – 1 078 (6,64 %), Осиек – 261 (0,24 %) и общине Пунитовци – 666 (36,94 %). По предыдущей переписи 2001 г. соответственно – 964 (5,57 %), 246 (0,21 %), 658 (35,57 %). Как видно из приведенных статистических данных, только в Пунитовцах словаки составляют необходимое число жителей – более трети, что необходимо для объявления их языка официальным. Однако в статуте этой общины²⁴ положений о языках и алфавитов нет. Правительство Хорватии в отчетах об исполнении своего законодательства относительно языковых прав национальных меньшинств объясняет этот факт отсутствием интереса со стороны словацкого меньшинства в решении данного вопроса. Так, в отчете 2006 г. говорится, что в работе совета муниципалитета не ощущается потребности в строгом выполнении закона об использовании языка:

U dosadašnjem radu Općinskog vijeća Općine Punitovci ne osjeća se potreba za striktnim primjenjivanjem Zakona o uporabi jezika i pisma²⁵.

В отчетах 2008 и 2010 гг. – что представители словацкого национального меньшинства не проявляют интереса к равноправному официальному использованию своих языка и алфавита:

Pripadnici slovačke nacionalne manjine nisu pokazivali interes za ravnopravnu službenu uporabu slovačkog jezika i pisma²⁶.

Ostvarivanje prava na ravnopravnu službenu uporabu jezika i pisma slovačke nacionalne manjine nije posebno propisano. U praksi, pripadnici slovačke nacionalne manjine ne iskazuju interes za ostvarivanje prava na uporabu manjinskog jezika i pisma²⁷.

Языковое законодательство самопровозглашенной Республики Сербская Краина

Как уже говорилось, русины (и частично словаки) проживают преимущественно на крайнем востоке государства - на территории Западного Срема, который полностью был интегрирован в правовое поле Хорватии только в 1998 г., поскольку в 1991–1995 гг. входил в состав самопровозглашённых сербских образований: сначала Сербской области Славония, Бараня и Западный Срем, а с 1992 г. – Республики Сербская Краина (РСК). После ликвидации в 1995 г. основной части непризнанной республики и силового присоединения ее к Хорватии Западный Срем до 1998 г. находился под международным управлением UNTAES – Временной администрации Организации Объединенных Наций для Восточной Славонии, Барани и Западного Срема.

Соответственно, рассмотрение заявленной темы представляется неполным без анализа языкового законодательства указанных самопровозглашенных автономий и государства. Их формирование в 1991–1992 гг. на территориях с преобладанием сербского населения явилось реакцией на одностороннее провозглашение Хорватией независимости от Югославии, что и выразилось в стремлении отделить новообразованные сербские области уже от Хорватии (в настоящей статье рассматриваются только те законы РСК, которые распространялись на территорию компактного проживания русинов и словаков; подробнее о языковом законодательстве РСК см.²⁸).

РСК образовалась путём слияния трёх самопровозглашённых сербских автономных областей (САО), расположенных на границе с Боснией и Сербией: Краины, Западной Славонии, Славонии, Барани и Западного Срема – и состояло из двух разделённых территорией Хорватии регионов; столицей республики был объявлен г. Книн.

Названные автономные области приняли в 1991 г. Конституционные законы, согласно которым объявляли о своём выходе из состава Хорватии и присоединении к Югославии. В этих документах содержались разделы и об официальном использовании языков. Так, в Конституционном законе самопровозглашённой Сербской области Славония, Бараня и Западный Срем указывалось, что в официальном употреблении находятся сербский язык и кириллический алфавит, а в местах проживания национальных меньшинств – и языки и алфавиты этих меньшинств:

Чл. 6. У Српској Области је у службеној употреби **српски језик и ћирилично писмо**.

На подручјима Српске Области, где живе други народи и националне мањине, у употреби су истовремено и **њихови језици и писма** на начин утврђен Законом²⁹.

Более подробно регламентиралось использование языков в законе этой области 1991 г. «Об официальном употреблении языков», где в том числе уточнялось терминологическое сочетание «официальное употребление языка и алфавита», а именно их использование в работе государственных и муниципальных органов власти, учреждений, предприятий и других организаций. В ст. 6 оговаривалось право любого человека общаться в органах власти на своем языке, если речь идет о решениях, касающихся его прав и обязанностей:

Чл. 1. У Српској Области Славонија, Барања и Западни Срем у службеној је употреби **српски језик и ћирилично писмо**.

Чл. 6. Свако има право да у поступку пред органом, односно организацијом која у вршењу јавних овлашћења решава о његовом праву и дужности употребљава **свој језик** и да се у том поступку упознаје са чињеницама **на свом језику**³⁰.

После обједињенија самопровозглашених САО в РСК в конце 1991 г. была принята её Конституция, в которой в числе прочего объявлялись официальный язык – сербский и алфавит – кириллический. Кроме того, уточнялось, что если в каком-либо муниципалитете проживает не меньше 8 % представителей другой национальности, то их язык и алфавит также являются официальными:

Чл. 7. У Републици Српској Крајини у службеној је употреби **српски језик и ћирилично писмо**, а **латинично писмо је у службеној употреби** на начин утврђен законом.

Уколико је у некој од општина у Републици Српској Крајини не мање од 8 % становника припадника другог народа у службеној употреби је језик и писмо тог народа³¹.

В трех составивших самопровозглашенную республику областях в качестве основных законов были приняты статуты, где не содержалось положений об официальных языках, в том числе и в статуте Сербской области Славонии, Барани и Западного Срема³².

В 1992 г. в РСК был принят Закон об официальном использовании языка и алфавита, где так же, как и в ее Конституции, на всей территории самопровозглашенного государства в качестве официальных утверждались сербский язык и кириллический алфавит, а в случае, если в общинах число представителей другой национальности составляет не менее 8 % от всего населения муниципалитета, то официальными, наряду с сербским, являются язык и алфавит такого народа.

Чл. 1. У Републици Српској Крајини **у службеној је употреби српски језик и ћирилично писмо, а латинично писмо је у службеној употреби на начин утврђен законом.**

Уколико је у некој од општина у Републици Српској Крајини мање од 8 % становника припадника другог народа **у службеној употреби је језик и писмо** тог народа³³.

Следует отметить, что ни к словакам, ни к русинам, проживавшим на территории РСК, положения вышеприведенных законов не могли быть применены, поскольку ни в одном из муниципалитетов они не составляли 8 %. Так, больше всего словаков и русинов в РСК проживало на территории общины Вуковар, население которой, согласно переписи 1991 г., насчитывало 84 189 чел., из них 2 284 русина (2,71 %) и 1 383 словака (1,64 %).

Как уже было сказано, все законы РСК утратили свою силу после включения ее территории в состав Хорватии в 1995–1998 гг.

Заклучение

Таким образом, представляется возможным сделать выводы о неравномерности, непоследовательности и даже некоторой декларативности отражения языковых прав словаков и русинов в современном хорватском законодательстве.

С одной стороны, несмотря на малочисленность словаков и русинов в Хорватии, их права на сохранение и развитие своей языковой и культурной идентичности закреплены в законодательстве Хорватии. В первую очередь это касается Конституции государства, где они перечислены в ряду автохтонных национальных меньшинств, наряду с хорватами составляющих Республику Хорватию. Там же закреплены гарантии свободного использования языков и алфавитов всех национальных меньшинств. Кроме того, языковые права словаков и русинов (а также еще пяти народов) максимально подробно зафиксированы в Законе о ратификации Европейской хартии о миноритарных и региональных языках.

С другой стороны, в законодательстве областей и муниципалитетов, где компактно проживают словацкое и русинское меньшинства, указанные права практически не находят своего отражения. Так, в статутах обеих восточных жупаний содержатся только общие положения о свободном использовании своих языков и алфавитов представителями неназванных национальных меньшинств. На муниципальном же уровне в настоящее время закреплены аналогичные права русинов только в одном населенном пункте общины Богдановци. Подобные положения, содержавшиеся ранее в статуте общины Томпоевци, были вычеркнуты. В статуте общины Пунитовци, где словаки составляют более трети жителей, вообще отсутствуют какие-либо упоминания о

словацком языке, что хорватскими властями объясняется нежеланием самих словаков придавать официальный статус своему языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попис становништва, домаћинстава и станова 2011. у Републици Србији. Београд. Републички завод за статистику. 2013.
2. Statistička izvješća. 2012. № 1469. Popis stanovništva, kućanstava i stanova
3. Ustav Republike Hrvatske (pročišćeni tekst) // Narodne novine. 2001. № 41.
4. Ustavni zakon o izmjenama i dopunama Ustava Republike Hrvatske // Narodne novine. 1997. № 135.
5. Ustav Republike Hrvatske // Narodne novine. 1990. № 56.
6. Ustav Republike Hrvatske (pročišćeni tekst) // Narodne novine. 2001. № 41.
7. Zakon o potvrđivanju Europske povelje o regionalnim ili manjinskim jezicima // Narodne novine – Međunarodni ugovori. 1997. № 18.
8. Ustavni zakon o ljudskim pravima i slobodama i o pravima etničkih i nacionalnih zajednica ili manjina u Republici Hrvatskoj // Narodne novine. 1992. № 34.
9. Zakon o uporabi jezika i pisma nacionalnih manjina u Republici Hrvatskoj // Narodne novine. 2000. № 51.
10. Ustavni zakon o pravima nacionalnih manjina // Narodne novine. 2002. № 155.
11. Закон за употреба на јазик што го зборуваат најмалку 20 % од граѓаните во Република Македонија и во единиците на локалната самоуправа // Службен весник на Република Македонија. 2008. № 101.
12. Закон о заштити права и слобода националних мањина // Службени лист Савезне Републике Југославије. 2002. № 11.
13. Zakon o upotrebi jezika // Službeni list Privremenih institucija samouprave na Kosovu. 2006. № 10.
14. Statut Vukovarsko-srijemske županije // Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije. 2010. № 19.
15. Statut Općine Bogdanovci // Službeni vjesnik Županije Vukovarsko-srijemske. 1994. № 4.
16. Statut Općine Bogdanovci // Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije. 2001. № 12.
17. Statutarna odluka Općine Bogdanovci // Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije. 2003. № 4; Statut Općine Bogdanovci // Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije. 2005. № 10; Statut Općine Bogdanovci // Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije. 2006. № 1; Statut Općine Bogdanovci // Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije. 2009. № 11; Statut Općine Bogdanovci // Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije. 2013. № 5.
18. Statut Općine Tompojevci // Službeni vjesnik Županije Vukovarsko-srijemske. 1994. № 5.

19. Statut Općine Tompojevci // Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije. 2001. № 12.
20. Statut Općine Tompojevci // Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije. 2005. № 15; Statut Općine Tompojevci // Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije. 2006. № 1.
21. Statut Općine Tompojevci // Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije. 2009. № 11; Statut Općine Tompojevci // Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije. 2013. № 5.
22. Statut Županije Osječko-Baranjske // Županijski glasnik. Službeno glasilo Županije Osječko-Baranjske. 1995. № 2.
23. Odluka o izmjenama Statuta Osječko-Baranjske županije // Županijski glasnik. Službeno glasilo Osječko-Baranjske županije. 2003. № 9.
24. Statut Općine Punitovci // Službeni glasnik Općine Punitovci. 2009. № 2.
25. Treće izvješće Republike Hrvatske o primjeni Europske povelje o regionalnim ili manjinskim jezicima. Zagreb, 2006.
26. Izvješće o provođenju ustavnog zakona o pravima nacionalnih manjina i o utrošku sredstava osiguranih u državnom proračunu republike hrvatske za 2008. godinu za potrebe nacionalnih manjina. Zagreb, 2008.
27. Izvješće o provođenju ustavnog zakona o pravima nacionalnih manjina i o utrošku sredstava osiguranih u državnom proračunu republike hrvatske za 2010. godinu za potrebe nacionalnih manjina. Zagreb, 2010.
28. Катунин Д.А. Современное языковое законодательство Хорватии: становление и тенденции. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2 (10). С. 18–44.
29. Уставни закон Српске Области Славонија, Барања и Западни Срем // Службени гласник Српске Области Славонија, Барања и Западни Срем. 1991. № 1.
30. Закон о службеној употреби језика и писма // Службени гласник Српске Области Славонија, Барања и Западни Срем. 1991. № 1.
31. Устав Републике Српске Крајине // Службени гласник Републике Српске Крајине. 1992. № 1.
32. Статут Српске Области Славоније, Барање и Западног Срема // Службени гласник Републике Српске Крајине. 1992. № 10.
33. Закон о службеној употреби језика и писма // Службени гласник Републике Српске Крајине. 1992. № 3.

References

1. Popis stanovništva, domaćinstava i stanova 2011. u Republici Srbiji [2011 Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of Serbia]. Belgrade, Statistical Office of the Republic of Serbia, 2013.
2. Statistical Reports, 2012, Nr 1 469.
3. Ustav Republike Hrvatske (pročišćeni tekst), Narodne novine, 2001, no. 41.
4. Ustavni zakon o izmjenama i dopunama Ustava Republike Hrvatske, Narodne novine, 1997, Nr 135.

5. Ustav Republike Hrvatske, Narodne novine, 1990, Nr 56.
6. Ustav Republike Hrvatske (pročišćeni tekst), Narodne novine, 2001, Nr 41.
7. Zakon o potvrđivanju Europske povelje o regionalnim ili manjinskim jezicima, Narodne novine – Međunarodne ugovori, 1997, Nr 18.
8. Ustavni zakon o ljudskim pravima i slobodama i o pravima etničkih i nacionalnih zajednica ili manjina u Republici Hrvatskoj, Narodne novine, 1992, Nr 34.
9. Zakon o uporabi jezika i pisma nacionalnih manjina u Republici Hrvatskoj, Narodne novine, 2000, Nr 51.
10. Ustavni zakon o pravima nacionalnih manjina, Narodne novine, 2002. Nr 155.
11. Zakon za upotreba na jazyk što go zboruvaat najmalku 20 % od graganite vo Republika Makedonija i vo edinicite na lokalnata samouprava, Služben vesnik na Republika Makedonija, 2008, Nr 101.
12. Zakon o zaštiti prava i sloboda nacionalnih manjina, Službeni list Savezne Republike Jugoslavije, 2002, Nr 11.
13. Zakon o upotrebi jezika [Law on the Use Languages], Službeni list Privremenih institucija samouprave na Kosovu – Official Gazette of the Provisional Institutions of Self Government in Kosovo, 2006, Nr 10.
14. Statut Vukovarsko-srijemske županije, Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije, 2010, Nr 19.
15. Statut Općine Bogdanovci, Službeni vjesnik Županije Vukovarsko-srijemske, 1994, Nr 4.
16. Statut Općine Bogdanovci, Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije, 2001, Nr 12.
17. Statutarna odluka Općine Bogdanovci, Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije, 2003, Nr 4; Statut Općine Bogdanovci, Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije, 2005, Nr 10; Statut Općine Bogdanovci, Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije, 2006, Nr 1; Statut Općine Bogdanovci, Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije, 2009, Nr 11; Statut Općine Bogdanovci, Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije, 2013, Nr 5.
18. Statut Općine Tompojevci, Službeni vjesnik Županije Vukovarsko-srijemske, 1994. Nr 5.
19. Statut Općine Tompojevci, Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije, 2001, Nr 12.
20. Statut Općine Tompojevci, Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije, 2005, Nr 15; Statut Općine Tompojevci, Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije, 2006, Nr 1.
21. Statut Općine Tompojevci, Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije, 2009, No 11; Statut Općine Tompojevci, Službeni vjesnik Vukovarsko-srijemske županije, 2013, Nr 5.
22. Statut Županije Osječko-Baranjske, Županijski glasnik. Službeno glasilo Županije Osječko-Baranjske, 1995, Nr 2.
23. Odluka o izmjenama Statuta Osječko-Baranjske županije, Županijski glasnik. Službeno glasilo Osječko-Baranjske županije, 2003, Nr 9.
24. Statut Općine Punitovci, Službeni glasnik Općine Punitovci, 2009, Nr 2.

25. Treće izvješće Republike Hrvatske o primjeni Europske povelje o regionalnim ili manjinskim jezicima. Zagreb, 2006.

26. Izvješće o provođenju ustavnog zakona o pravima nacionalnih manjina i o utrošku sredstava osiguranih u državnom proračunu republike hrvatske za 2008. godinu za potrebe nacionalnih manjina. Zagreb, 2008.

27. Izvješće o provođenju ustavnog zakona o pravima nacionalnih manjina i o utrošku sredstava osiguranih u državnom proračunu republike hrvatske za 2010. godinu za potrebe nacionalnih manjina. Zagreb, 2010.

28. *Katunin D.A.* Modern language legislation of Croatia: development and tendencies. Article 1, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya, Tomsk State University Journal of Philology, 2010, Nr 2 (10), pp. 18–44. (In Russian).

29. Ustavni zakon Srpske Oblasti Slavonija, Baranja i Zapadni Srem, Službeni glasnik Srpske Oblasti Slavonija, Baranja i Zapadni Srem, 1991, Nr 1.

30. Zakon o službenoj upotrebi jezika i pisma, Službeni glasnik Srpske Oblasti Slavonija, Baranja i Zapadni Srem, 1991, No 1.

31. Ustav Republike Srpske Kpajine, Službeni glasnik Republike Srpske Kpajine, 1992, Nr 1.

32. Statut Srpske Oblasti Slavonije, Baranje i Zapadnog Srema, Službeni glasnik Republike Srpske Kpajine, 1992, Nr 10.

33. Zakon o službenoj upotrebi jezika i pisma, Službeni glasnik Republike Srpske Kpajine, 1992, Nr 3.

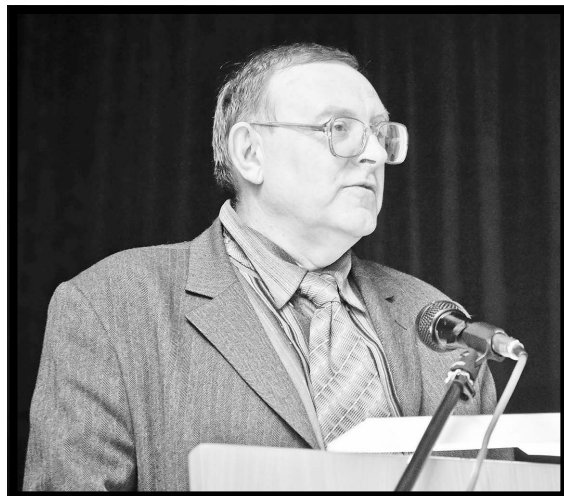
Катунин Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры общего, славянорусского языкознания и классической филологии филологического факультета Томский государственный университет.

Katunin Dmitry - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the General, Slavonic-Russian Linguistics and Classical Philology Department, Tomsk State University.

e-mail: katunin@mail.tsu.ru

†Александр Дмитриевич Огуй

6 мая 2014 г. на 58-м году жизни после тяжелой и продолжительной болезни скончался украинский языковед, буковинский краевед, заведующий кафедрой иностранных языков для гуманитарных факультетов Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича доктор

филологических наук профессор **Александр Дмитриевич Огуй**.

А.Д. Огуй родился 21 декабря 1956 г. на хуторе Думанецкий, вблизи села Снячив Сторожинецкого района Черновицкой области. После окончания Сторожинецкой средней школы № 1 учился на факультете иностранных языков в Черновицком государственном университете (1974-1979), где получил специальность «Филолог. Преподаватель немецкого языка и литературы». С 1979 г. работал в Черновицком национальном университете на кафедре немецкого языка (впоследствии германского, сравнительного и общего языкознания). Прошел переквалификацию по специальностям «Военный переводчик» при Институте военных переводчиков в Москве (1984) и «Преподаватель английского языка и литературы» (1989-1991).

В 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Историко - семасиологическое исследование прилагательных со значением "смелый, храбрый"» под руководством профессора В.В. Левицкого в специализированном ученом совете при Одесском государственном университете им И.И. Мечникова. В 1995-1997 гг. изучал историю и экономику в Боннском университете (ФРГ).

В 2000 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Системно - количественные аспекты полисемии в немецком языке

(синхрония, диахрония и панхрония» (консультант - профессор В.В. Левицкий) в специализированном ученом совете при Киевском национальном университете им. Т.Г. Шевченко.

С марта 2001 г. - заведующий кафедрой английского языка. В 2004-2006 гг. - завкафедрой германских языков. С 2006 г. - заведующий кафедрой иностранных языков для гуманитарных факультетов.

Был гостевым профессором Боннского университета им. Фридриха Вильгельма (ФРГ, в 1996-1997 гг.), профессором Одесского политехнического университета (2002 г.), Прикарпатского и Хмельницкого гуманитарно - педагогического университетов.

В сферу научных интересов ученого входили лингвистика (историческая и синхронический лексикология, «языковые законы», история языка, историческая терминология), переводоведение, литературоведение (биографически-описательный метод, педагогика (история педагогики Украины), психология (нейролингвистика, психология творчества), методология (постмодернизм, холистический подход, аппроксимативные методы семасиологических исследований), история (экономическая история), нумизматика.

Читал лекции по теоретическим курсам «Введение в языкознание», «Романо-германская филология», «История немецкого и английского языков», «Лексикология», «Теория иностранного языка», «Теория и практика перевода», «Методы лингвистических исследований», «История лингвистических учений», в том числе в Вене и Клагенфурте (Австрия), Бонне и Майнце (ФРГ), Ораде (Румыния), Смольнике (Словакия). Член международных научных и преподавательских организаций SLE (с 1993 г.), TESOL (2002 г.), Академии наук Высшей школы Украины (2008 г.). Лауреат областной литературной премии И.М. Бажанского, отличник образования Украины (2005 г.). Награжден знаком МОН Украины «За научные достижения» (2007).

Александр Дмитриевич Огуй - автор около 650 публикаций в научных изданиях, в том числе 38 книг.

Он много лет сотрудничал с международным историческим журналом «Русин», в котором публиковал статьи по истории и нумизматике Буковины.

Вечная память!

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных Scopus и РИНЦ в журнале с № 3 вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи на русском, украинском и русинском языках, соответствующие тематике издания согласно его рубрикам, а также материалы проводимых под эгидой журнала научных мероприятий.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение материалов, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается их доведением до необходимого научно-методического уровня.

Плата за публикацию в международном историческом журнале «Русин» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается и рецензирование статей.

Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в наукометрических базах данных Scopus и РИНЦ и т. д.

Авторы статей, принятых к публикации, высылают в адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных Scopus и РИНЦ и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании.

Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; статьи, не соответствующие тематике журнала; материалы, не несущие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого

содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

I. Порядок сдачи материала

Статья оформляется в соответствии с **требованиями к оформлению материалов** (см. ниже) и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: *journalrusyn@rambler.ru*

Файлы должны быть названы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov Statya, IvanovBlank).

Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. В одном выпуске журнала автор не может опубликовать более одной статьи.

Материал не должен превышать 1 п. л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения – 0,5 п. л., рецензии – 0,2 п. л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию (за исключением статей докторов наук, членов редколлегии журнала, а также оригинальных статей).

Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией.

Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

II. Требования к оформлению материалов

Редколлегия журнала «Русин» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл типа .doc или .docx). Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана.

РУКОПИСИ, НАПРАВЛЯЕМЫЕ В ЖУРНАЛ, ДОЛЖНЫ СОДЕРЖАТЬ СЛЕДУЮЩИЕ РАЗДЕЛЫ:

Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК)

Для самостоятельного определения индексов УДК можно воспользоваться интернет-ресурсами, например: <http://forum.udcc>.

ru; <http://teacode.com/online/udc>; <http://www.naukapro.ru/metod.htm>; <http://scs.viniti.ru/udc/Default.aspx>; http://library.gpntb.ru/cgi/irbis64r/cgiirbis_64.exe?C21COM=F&I21DBN=UDC&S21FMT=udc&S21All=%3C.%3EU=%3C.%3E&P21DBN=RSK&Z21ID=

Расшифровку формул УДК можно посмотреть на сайте: <http://scs.viniti.ru/udc>

Блок 1 - название статьи (строчными буквами); автор(ы); адресные данные автора(ов) (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора); авторское резюме и ключевые слова на русском языке.

Блок 2 - транслитерация и перевод на английский язык соответствующих данных блока 1 в той же последовательности: название статьи – на английском языке; авторы – на латинице (транслитерация); название организации, адрес организации, авторское резюме, ключевые слова – на английском языке.

Блок 3 - полный текст статьи на языке оригинала, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала.

Блок 4 – примечания.

Блок 5 - список литературы (название - «Литература»).

Блок 6 - список литературы в романском алфавите (название – «References»); библиографические ссылки этого раздела оформляются в соответствии с описанными далее правилами.

Блок 7 - краткие сведения об авторе(ах) на русском и английском языках с указанием электронного адреса.

Резюме, ключевые слова

Объем резюме - от 100 до 250 слов.

Резюме на английском языке может отличаться от русского аналога, но должно быть максимально подробным: авторское резюме (Abstract) призвано выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к тексту статьи получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

Оформление статьи

Параметры страницы:

Поля обычные:

верхнее – 2 см;

нижнее – 2 см;

левое – 3 см;
правое – 1,5 см;
переплет – 0 см.

Формат текста

выравнивание - по левому краю;
первая строка – отступ 1,25 см;
межстрочный интервал – одинарный;
шрифт - Times New Roman;
размер – 14;
без автоматических переносов.

Сокращения

При первом упоминании лица обязательно указываются И.О. И.О. отделяются пробелом от фамилии.

Годы при указании определенного периода указываются только в цифрах, а не в числительных: **20-е гг.**, а не двадцатые годы.

Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: **1920 г., 1920–1922 гг.**

Не век или века, а **в.** или **вв.** (римскими цифрами): **IX в.**

Писать только полностью: **так как, так называемые.**

Из сокращений допускаются: **т. д., т. п., др., т. е., см.**

% ставится значком, а не словом, если связан с цифрой и отделяется от цифры пробелом: **3 %**.

Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом:

4 700 000, 1 560.

000 могут быть заменены соответствующими сокращенными словами: **тыс., млн, млрд.**

Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: **долл., фр., руб., ф. ст., марка.**

Кавычки – только «», если закавыченное слово начинает цитату или примыкает к концу цитаты, употребляются прямые двойные кавычки: «**"раз", два, три, "четыре"**».

Буква **ё** ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова, во всех остальных случаях – только **е**.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. п.) выполняются в черно-белой гамме, должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpg (разрешением не менее 300 dpi).

Примечания помещаются после основного текста статьи, до списка использованной литературы. Они должны иметь сквозную нумерацию (1, 2, 3 и т. д.). Если в примечаниях присутствуют ссылки на

используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесен с нумерацией источников в основном тексте статьи.

Список использованной литературы завершает статью и предваряется словом «Литература». Список литературы указывается в алфавитном порядке, без нумерации. Он должен содержать только цитированные в статье работы. Ссылки на литературу следует давать с помощью не номерных, а скобочных сносок – посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, отделяя номер страницы двоеточием (Суляк 2005: 54). Если дается ссылка на сборник статей, вместо фамилии автора можно указывать либо фамилию ответственного редактора (или составителя) сборника, либо одно или два слова из названия сборника. Если дается ссылка на материал, автор или составитель которого не известен (газетная заметка и т. д.), так же указывается одно или два слова из начала заголовка материала (Руснаки Бессарабии 2007). Названия, удобные для сокращения, могут сокращаться, например «Акты археографической комиссии» – ААК (ААК 1962: 55–56). При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора (Стати, Суляк 2014: 66). При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» (Иванов и др. 2007); на зарубежные издания – «et al.» (Smith et al. 2004). При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания (Суляк 2008b). В выходных данных книг рекомендуется указывать не только город и год, но и издательство.

Образцы оформления

Для монографий: Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2005. 280 с.

Для статей: Стати В.Н., Суляк С.Г. (если авторов больше трех, то после трех фамилий пишут «и др.») Русины в молдавской историографии // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор Суляк С.Г. 2014. № 1 (35). С. 64–81.

Для диссертаций: Суляк С.Г. Русины Молдавии: основные этапы этнической истории: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. М., 2006. 206 с.

Для авторефератов диссертаций: Суляк С.Г. Русины Молдавии: основные этапы этнической истории: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 34 с.

Для архивных источников (с указанием названия дела и года):
НАРМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7661. Списки населенных пунктов Бессарабской области по уездам 1863-1864 гг.

Транслитерация. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» выбираем **BGN**). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы.

Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (Ф.И.О. авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях – транслитерировано, место издания - переведено.

Пример транслитерации:

Суляк С.Г. Этнодемографические процессы в Бессарабии в XIX - начале XX в. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор Суляк С.Г. 2012. № 1 (27). С. 6-26.

Sulyak S.G. Etnodemograficheskie protsessy v Bessarabii v XIX - nachale XX v. [Ethno-Demographic processes in Bessarabia in the XIX - beginning of the XX ages], Rusin, International historical journal, 2012, Nr 1 (27), pp. 6-26 [in Russian].

(Подробнее о подготовке материалов и транслитерации см: <http://elsevierscience.ru/science-education/add-to-scopus>, в т. ч. и рекомендации О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам»).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2014, № 2 (36)

Кишинев

Республиканская общественная ассоциация «Русь», 2014.

- 320 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»

MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,

ул. М. Когэлничану, 24/1.

Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.

E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал «Русин»»:

<http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 20.08.2014. Формат 60х90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 900 экз.

Заказ 182.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:

г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доводкой статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2014 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

ПО НЕРОВНЫМ ДОРОГАМ ГАЛИЦИИ...

По неровным дорогам Галиции,
Поднимая июльскую пыль,
Эскадроны идут вереницею,
Приминая дорожный ковыль.

Прощай, Россия-мать!
Уходим завтра в бой.
Идем мы защищать
Твои границы и покой!

Раскаленные жерла, фонтаны огня,
В наступленье идет эскадрон.
По траншеям, позициям, вражьи тылам
Раздается наш сабельный звон.

1914-1915 гг.

Песня времен Первой мировой войны на мотив марша «Прощание славянки». Это один из первых текстов на мелодию марша. Знаменитый марш «Прощание славянки» был написан в 1912 г. русским военным музыкантом Василием Ивановичем Агапкиным (1884-1964) во время Первой Балканской войны. Марш приобрел огромную популярность в годы Первой мировой.

